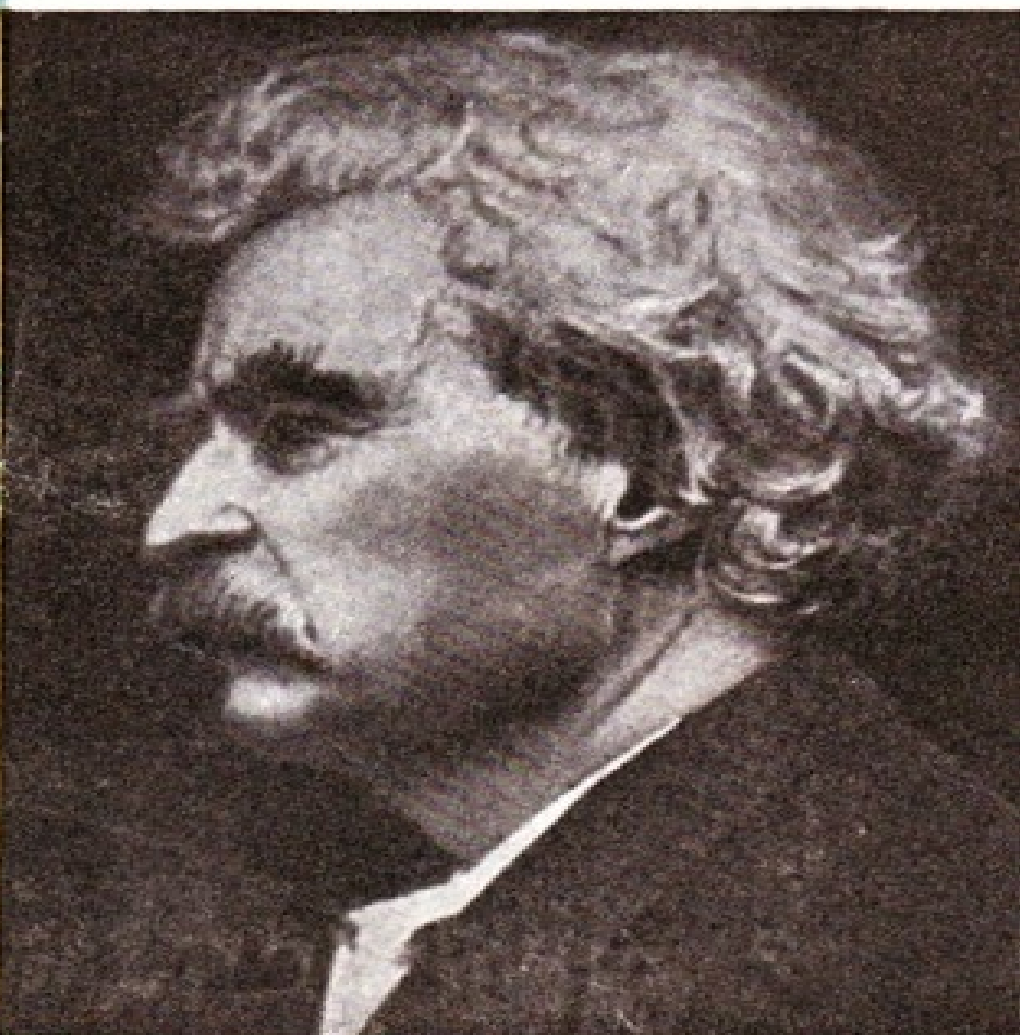

МАРК ТВЕН

М. Мендельсон

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

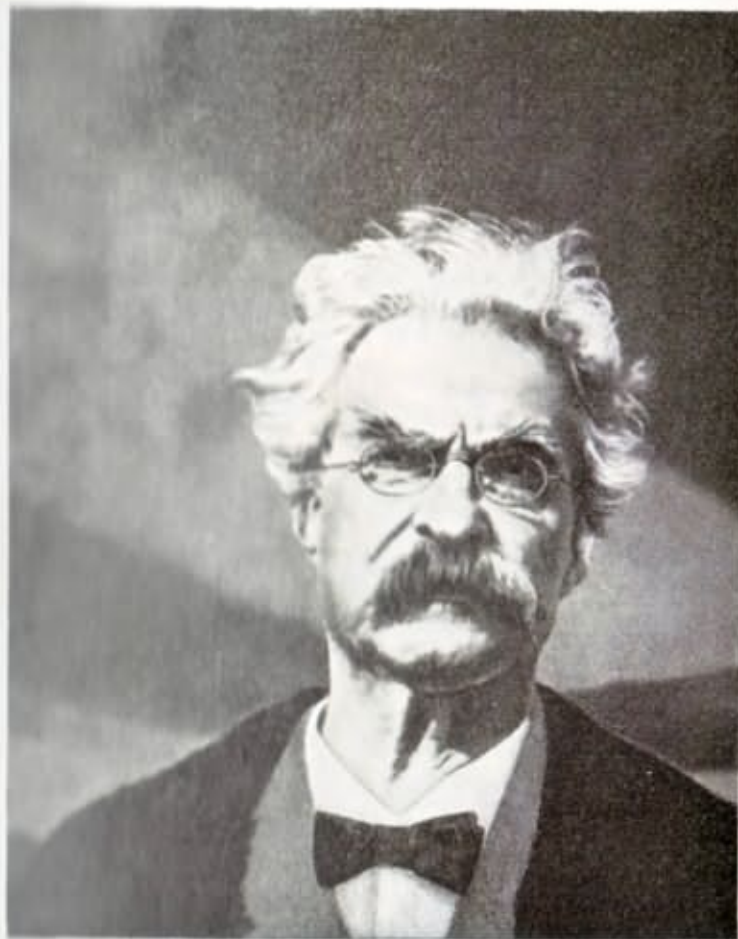
Annotation

В настоящем издании представлена биография Марка Твена — прозаика, публициста, классика мировой литературы.

- [Морис Мендельсон](#)
 -
 - [1](#)
 - [Детство писателя и «Приключения Тома Сойера»](#)
 - [Джон Клеменс и его жена](#)
 - [Миллионы и миллионы акров...](#)
 - [От Кентукки до Миссури](#)
 - [Сэм Клеменс из штата Миссури](#)
 - [Стол, одежда, но ни гроша деньгами](#)
 - [«Полулошадь, полуаллигатор»](#)
 - [«Университеты» Марка Твена](#)
 - [Как уберечь собак от бешенства в августе?](#)
 - [Высокая лоцманская рубка](#)
 - [«Меня никогда не тянуло к литературе...»](#)
 - [На дальнем западе](#)
 - [«Дикий юморист» из Невады](#)
 - [2](#)
 - [Рождение «Скачущей лягушки»](#)
 - [Победа!](#)
 - [Поездка на «Квакер-Сити»](#)
 - [«Ужасное мошенническое предприятие...»](#)
 - [Верхом на лягушке](#)
 - [Ливи и Элмайра](#)
 - [«Настоящая» жизнь](#)
 - [«Деньги — вот бог»](#)
 - [3](#)
 - [«Ничего не потеряно, кроме чести»](#)
 - [Два позабытых произведения](#)
 - [«Позолоченный век»](#)
 - [«Почему вы меня не поздравляете?»](#)
 - [«Безработные требуют работы, а не милостыни»](#)
 - [Лоцман рабства не знал](#)

- [«Приключения Тома Сойера»](#)
- [«Но я не признаю, что это была ошибка!»](#)
- [Пешком по Европе](#)
- [«Всего только двенадцать лет после отмены рабства...»](#)
- [«Принц и нищий»](#)
- [На подступах к «Приключениям Гекльберри Финна»](#)
- [Опущенные главы](#)
- [4](#)
 - [Неспешное созревание](#)
 - [«Приключения Гекльберри Финна»](#)
 - [«Письмо ангела» Эндрю Лэнгдону](#)
 - [«Предохранительный клапан... Перестал действовать»](#)
 - [Тайна одной речи](#)
 - [Янки из Коннектикута](#)
 - [Среди чужих](#)
 - [Английский лорд в Америке](#)
 - [Собака не укусит...](#)
 - [О людях высокого самопожертвования](#)
 - [Снова Том и Гек](#)
 - [Душа, свободная от эгоизма](#)
 - [По экватору](#)
- [5](#)
 - [В новейшем, капиталистическом, наемном рабстве...](#)
 - [Зловредные человечки в военной форме](#)
 - [Америка «запятнала флаг»](#)
 - [Мощное оружие — смех](#)
 - [«Я — антиимпериалист»](#)
 - [Гнев нарастает...](#)
 - [«Грандиозная международная процессия»](#)
 - [Жестокость и цинизм — «дух нашего времени»](#)
 - [«умный и острый блеск серых глаз...»](#)
 - [Линкольн американской литературы](#)
 - [Как писать автобиографию...](#)
 - [Жажда захватов сделала свое черное дело](#)
 - [Требовалось огромное мужество...](#)
 - [«Мои симпатии... На стороне русской революции»](#)
 - [Путешествие в рай](#)
 - [Письма сатаны](#)
 - [Пятнадцать тысяч страниц...](#)

- [Красавец старик](#)
 - [Сила гнева...](#)
 - [=](#)
 - [Основные даты жизни и творчества Марка Твена \(Сэмюэла Клеменса\)](#)
 - [Основная литература о Марке Твене](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

S. Clemens
Mark Twain

Морис Мендельсон

Марк Твен

Произошло это в конце 1963 года.

В весьма скромном американском журнале появилась небольшая статья о Сэмюеле Клеменсе, больше известном как Марк Твен. Она привлекла внимание не очень-то многих соотечественников писателя.

Между тем одно известие, содержащееся в этой статье, можно назвать событием в культурной жизни США.

Журнал называется «Хадсон ревью». И в статье, опубликованной в нем, было сказано мимоходом, что Клара Клеменс-Самосуд, дочь Марка Твена, решила снять запрет с неизданных произведений своего отца.

Этот запрет находился в силе много десятилетий. Твен умер в 1910 году, и с тех пор его рукописями распоряжалась Клара Клеменс. На протяжении половины века она с явной неохотой расширяла круг доступных народу творений ее отца.

Сообщение о снятии запрета вселяет надежду, что близки сроки, когда наконец-то творчество классика американской литературы станет достоянием читателей во всей полноте. До самых глубин раскроется сокровищница твеновской мысли, твеновского искусства.

Обещание, таящееся в статье, напечатанной в «Хадсон ревью», пока еще не осуществилось. Нет никаких сведений о подготовке полного собрания сочинений Марка Твена. И сегодня иные его произведения известны нам лишь по названиям или в извлечениях. Стальные двери, за которыми хранятся неопубликованные труды писателя, еще не распахнуты настежь.

А все же за последние несколько лет объем напечатанной «твенианы» существенно увеличился. На рубеже 50-х и 60-х годов нашего столетия то там, то здесь появлялись публикации вовсе неизвестных раньше или позабытых рассказов, памфлетов, статей Твена. Недавно были впервые обнародованы такие ценнейшие произведения, как «Рыцари труда» — новая династия» и «Письма с Земли». Стали известны новые разделы «Автобиографии» Твена, а также фрагменты из его памфлета «Грандиозная международная процессия» и из книги «Взгляд на историю, или Общий очерк истории». Воспроизведены памфлет «Открытое письмо commodору Вандерbiltу» и кое-какие другие сочинения, затерявшиеся в комплектах

журналов чуть ли не столетней давности.

Все это позволяет расширить и углубить наши представления о творчестве Твена, о мощи его гневных обличений империализма, религии, буржуазной морали. Раскрываются и новые страницы биографии великого юмориста и сатирика.

Уже давно известно, что в конце жизни Твен был вынужден многое писать как бы только для самого себя, что иные свои книги он создавал без всякой надежды познакомить с ними читателей, что он исписывал сотни и сотни страниц для того только, чтоб затем положить свои рукописи в сейф, специально предназначенный для «запретных» сочинений.

Теперь выясняется, что даже в молодые годы Твен в большей мере, чем мы это знали раньше, был вынужден скрывать от читателей свои мысли и чувства. Не раз бывало и так, что, отведя душу в газете или в каком-нибудь журнале, сатирик был вынужден при подготовке к печати очередных томов своих произведений «забывать» о написанном. Уже в нашем веке Твен занес на бумагу горькие слова: «...Я... смогу писать свободно, откровенно и без внутренних преград... если буду уверен, что никто чужой не увидит того, что я написал, до той поры, пока я не лягу в могилу, бесчувственный и равнодушный». Писатель имел немало поводов сказать все это и задолго до прихода XX столетия.

Новейшие публикации неизвестных ранее произведений замечательного американского реалиста позволяют еще яснее представить себе его трагедию. Он считал своим гражданским долгом говорить миллионам людей правду о жизни, но очень часто был лишен возможности это делать. Некоторые из заветнейших своих мыслей о боге, о собственнической Америке, о будущем рабочего класса Твен вынужден был поверять только горстке избранных друзей да бумаге, заведомо обреченной на молчание.

Факты, ставшие известными в самое последнее время, проливают новый свет и на жизнь Марка Твена в кругу семьи. Да, мы знали, что религиозная жена мешала автору «Путешествия капитана Стормфилда в рай» открыто выражать свое презрение к религии. Для нас не было секретом, что обстановка, царившая в семье Сэмюела Клеменса, нередко заставляла его смягчать суждения о боге при подготовке своих книг к печати, надолго откладывать публикацию антирелигиозных сочинений, а иные и вовсе не издавать.

Но сегодня мы можем, пожалуй, несколько лучше понять, чем в прошлом, как глубоки были расхождения во взглядах на религию (и не только на религию) между Твеном и самыми близкими ему людьми.

Во второй половине июня 1906 года Марк Твен написал пять новых глав своей «Автобиографии», в которых с полной откровенностью выразил свое мнение о библии и о боге. Библия, сказал он, раскрывает характер бога «с полной и беспощадной точностью». Бог похож на человека, «если только можно представить себе человека, столь насыщенного и перенасыщенного дурными побуждениями, — ведь это намного превышает человеческие возможности». Главы эти завершаются словами: «В глубине души мы готовы без секунды промедления назвать безмозглым дураком любого человека, который... думает, что он думает, что он чем-то обязан богу, будто он должен благодарить бога, почитать его и преклоняться перед ним».

Вполне очевидно, что все это мог сказать только убежденный атеист. И единственному члену семьи, пережившему Твена, — Кларе Клеменс — резко выраженные антирелигиозные воззрения писателя были совсем не по душе. Столь чужд и даже враждебен был этой женщине — поклоннице так называемой Христианской науки — склад мыслей ее отца-безбожника, что на протяжении многих десятилетий она снова и снова подтверждала свое категорическое запрещение печатать упомянутые пять глав «Автобиографии».

Когда минуло полвека после написания «крамольных» глав и один американский редактор в очередной раз обратился к владелице рукописей Твена с просьбой разрешить их издание, она ответила отказом, мотивируя его тем, как пишет редактор, что-де «опубликование этих глав принесло бы пользу и удовольствие антирелигиозному Советскому Союзу». Лишь после того как редактор выдвинул лукавый аргумент, что «именно запрещение печатать эти главы» доставит русским «удовольствие», страницы «Автобиографии», которые вышли из-под пера Твена еще в начале столетия, были напечатаны. Произошло это только в 1963 году (главы были воспроизведены в «Хадсон ревью»).

Марк Твен любил свою жену и детей нежнейшей любовью. И сам писатель и его современники сказали очень много хорошего и об Оливии Клеменс и о дочерях Твена — рано умерших Сузи и Джин, а также о Кларе. Но все же нельзя закрывать глаза на то, что нескончаемая борьба Твена против господствующих в буржуазном мире предрассудков и ложных представлений о жизни зачастую не находила поддержки в кругу его близких.

Смелая мысль Твена упорно пробивает себе путь к свету. Ибо нельзя заглушить голос разума. Ибо свободное, правдивое, умное, живое слово

бессмертно.

В этой книге рассказывается о том, как складывалась на протяжении почти трех четвертей столетия (1835–1910) сложная и трудная жизнь большого американского писателя, в котором и в наши дни мы ощущаем своего современника.

Юмор Твена и сегодня сохраняет свою свежесть, а его сатира — способность жалить тех, кто это заслужил.

Биография создателя книг о Томе Сойере, Геке Финне, негре Джиме, Янки и многих других замечательных героях интересна не только потому, что Твен — гигант мировой литературы. Ведь этого писателя никак не назовешь человеком, который все свои годы провел взаперти, в четырех стенах кабинета.

В одном письме Твена неизвестному корреспонденту говорится:

«...Когда я пытаюсь изображать жизнь, я ограничиваюсь теми ее областями, с которыми знаком. Но я ограничился только жизнью *мальчика* на Миссисипи потому, что она таит для меня особое очарование, а не потому, что я не знаю жизни взрослых. В начале войны (речь идет о Гражданской войне в США. — М. М.) я две недели пробыл *солдатом*, и все это время за мной охотились, как за крысой. Знаком ли я с жизнью солдата?..

Да кроме того, я несколько недель ворочал серебряную руду на обогатительной фабрике и познал все последние достижения культуры в этой области...

А кроме того, я был золотоискателем и могу отличить богатую породу от бедной, просто попробовав ее на язык. А кроме того, я был рудокопом на серебряных рудниках и умею отбивать породу, отгребать ее, бурить скважины и закладывать в них динамит...

А кроме того, я четыре года был репортером и видел закулисную сторону многих событий...

А кроме того, я несколько лет служил лоцманом на Миссисипи и был близко знаком со всеми разновидностями речников — племени своеобразного и ни на какие другие не похожего.

А кроме того, я несколько лет был бродячим печатником и переезжал из одного города в другой...

А кроме того, я много лет читал публичные лекции и произносил речи на всевозможных банкетах...

А кроме того, я много лет следил за разработкой дорогого моему сердцу изобретения, истратил на него целое состояние, так и не сумев довести его до конца...

А кроме того, я издатель...

А кроме того, я вот уже двадцать лет — писатель, и пятьдесят пять лет — осел.

Ну так вот: поскольку самым ценным капиталом, культурой и эрудицией, необходимым для писания романов, является личный опыт, я, следовательно, неплохо экипирован для этого ремесла».

Письмо Твена, отрывки из которого приведены выше, относятся к 1891 году. Писатель прожил еще без малого двадцать лет. А за эти годы ему довелось испытать очень многое. Если бы Твен надумал в конце своих дней пополнить письмо, отправленное в начале 90-х годов, новыми фактами, то он имел бы право написать также следующее:

А кроме того, я был богатым человеком и банкротом.

А кроме того, последние годы моей жизни были посвящены яростной борьбе против американского империализма.

А кроме того, я продолжал сражаться с религиозными суевериями, с богом и со всеми теми, кто творит зло, прикрываясь именем божьим...

Да, жизнь американского писателя была насыщена множеством событий, необычайно богата контрастами!

Хотя Марка Твена нет среди живых уже очень много лет, мы все время узнаем о нем что-нибудь неизвестное, даже неожиданное. Уже по этой причине снова и снова возникает необходимость дополнить, переработать посвященную ему книгу.

Детство писателя и «Приключения Тома Сойера»

Начнем этот разговор о Марке Твене с того, с чего обычно начинают жизнеописания. Сэмюел Клеменс родился 30 ноября 1835 года в деревушке Флорида штата Миссури. Ребенок был еще совсем мал, когда его родители переехали в поселок, расположенный на реке Миссисипи. Там, в Ганнибале, и прошло детство будущего писателя.

Детство Марка Твена...

Перед нами возникает в ослепительном сиянии летнего дня широчайшая и полноводная Миссисипи. Над ее величественной гладью дремлет крохотное поселение. Кругом безмолвие лесов, все пронизано покоем.

Детство Марка Твена...

Эти слова у многих читателей вызовут представление о благословляемом солнцем мирном городишке, о веселой жизни непоседливых мальчуганов.

Кажется, мы видим, как маленький Сэмюел Клеменс и его товарищи белят забор, наслаждаясь своим трудом. Вот начинается драка с незнакомым мальчиком. Дети, конечно, ищут клад. Легкой, подпрыгивающей походкой движется мальчуган, изображающий речное судно. «Подойдя ближе, он убавил скорость, стал посреди улицы и принялся не торопясь заворачивать, осторожно, с надлежащею важностью, потому что представлял собою «Большую Миссури», сидящую в воде на девять футов. Он был и пароход, и капитан, и сигнальный колокол в одно и то же время, так что ему приходилось воображать, будто он стоит на своем собственном мостике, отдает себе команду и сам же выполняет ее».

А теперь мы видим зеленый островок, где царит весенняя природа и нет никого из взрослых. Помните, мальчики съели яичницу из черепаших яиц, найденных в песке, а затем стали носиться взад и вперед по отмели. Они гонялись друг за другом, «сбрасывая с себя на бегу одежду, а потом голые мчались далеко-далеко, к мелководу, продолжая бесноваться и там. Сильное течение порою сбивало их с ног, но от этого им становилось еще веселее».

Ни для кого не секрет, конечно, что эти строки почерпнуты из книги Твена о Томе Сойере. Но разве, изображая приключения Тома и его друзей, автор не описывал свое собственное детство?! В десятках книг и сотнях статей рассказывается о том, кого из своих родных или близких знакомых

писатель воплотил в образах Сиды, тети Полли, Гека, индейца Джо. Окруженный спутниками детских лет Твена, Том Сойер превращается во «второе я» самого писателя.

Да, детство Твена, как и детство Тома Сойера, прошло на берегах одной из величайших рек мира. В жизни будущего писателя были и безмятежные дни на островке, который лежит неподалеку от Ганнибала, и озорная радость купания в Миссисипи потихоньку от взрослых, и недовольство унылой школой, где учитель так охотно пользуется розгой, и захватывающие приключения, и счастье близости к девственной природе. Что и говорить, в безудержной энергии Тома, в его тяготении к раздолью и свободе, в буйном воображении мальчика и в его стихийном демократизме, в неутолимой жажде увлекательной, полнокровной жизни и вере в амулеты, в его детских устремлениях и невзгодах сказались различные черты характера самого Сэмюэла Клеменса.

Возле Ганнибала, как и около Санкт-Петербурга, в котором разворачивается действие «Приключений Тома Сойера», находились таинственные пещеры, в которых можно было заблудиться, как заблудились Том и Бекки. А прототип Кардифской горы, которую, как сказано в книге о Томе Сойере, видно было отовсюду и которая весной сплошь зарастала зеленью, назывался в Ганнибале холмом Холлидея.

О поэзии твеновского детства, о лесах, окружавших Ганнибал, о величии и прелести гигантской Миссисипи, реки — друга и утешителя, источника сказаний реки-кормилицы, реки, заполнявшей чуть ли не весь горизонт мальчишеского сознания, никто не скажет лучше автора «Приключений Тома Сойера».

Но Санкт-Петербург и Ганнибал — это все-таки не одно и то же. В конечном счете образ тети Полли не очень-то уж много нам говорит о жизни и характере родителей Твена. Образ самого Тома Сойера далеко не во всем автобиографичен.

Марк Твен писал о своем детстве не только в «Приключениях Тома Сойера». Мало найдется художников слова, которые с таким постоянством, как Твен, снова и снова возвращались к ранним годам своей жизни. О детстве писателя можно узнать немало интересного из «Приключений Гекльберри Финна», «Позолоченного века», «Тома Сойера-сыщика» и «Тома Сойера за границей», «Простофили Вильсона», «Автобиографии» и даже из книги об авторстве шекспировских пьес. Из рассказов и повестей Твена: «Деревенские жители, 1840—43», «Гек Финн и Том Сойер среди индейцев», «Таинственный незнакомец в Ганнибале» — мы тоже, по-видимому, могли бы почерпнуть груды ценных сведений о жизни Сэмюэла

Клеменса в его детские годы, а заодно и об Америке 40-х годов прошлого века, если бы только эти произведения были... опубликованы. В настоящее время они известны в отрывках.

Впрочем, о Твене-ребенке, о его родителях и о стране, в которой он родился и вырос, говорят не одни лишь сочинения писателя. В распоряжении исследователя есть, разумеется, и иной, обширный, хотя (как чувствует, пожалуй, каждый биограф) далеко еще не достаточный материал: воспоминания современников, исторические документы.

Все это помогает увидеть Сэма Клеменса и окружавших его людей такими, какими они были на самом деле.

Джон Клеменс и его жена

В семье отца Твена — захолустного юриста и лавочника Джона Маршалла Клеменса никто, разумеется, не проводил больших изысканий в области генеалогии. Родословная писателя изучена слабо, о далеких его предках известно мало достоверного. Но вокруг некоторых из них создались любопытные и характерные легенды. Ярый республиканец, Твен любил рассказывать, например, что среди людей, которые вынесли смертный приговор королю Карлу I во время английской революции XVII века, был некий Клеменс. В своей «Автобиографии» писатель с гордостью заметил, что этот его предок «сделал все, что мог, чтобы сократить список коронованных бездельников своего времени».

И отец и мать Твена — выходцы из южных штатов. Среди их дедов и прадедов были плантаторы средней руки, люди с аристократическими претензиями. Но чете Клеменсов по большей части приходилось жить так, как жили в Америке обыкновенные фермеры, ремесленники или лавочники.

Джон Клеменс и его жена были очень разные люди. И их шестой ребенок, Сэм, унаследовал от своего отца и своей матери некоторые противоречивые черты. Несходство начал, которыми Твен был обязан Джону Клеменсу и Джейн Клеменс, порою было для него источником страданий, но вместе с тем оно, пожалуй, обогащало его душу, помогало ему глубже осознавать многообразие и сложность жизни.

По свидетельству всех, кто ее знал в молодости, рыжеволосая Джейн Лемптон была одной из первых красавиц штата Кентукки. Остроумная, быстрая, яркая, она сохраняла свою необыкновенную жизнерадостность до глубокой старости. В начале прошлого века среди молодежи в Кентукки существовал обычай: в течение целой недели, с рождества до Нового года, ездить верхом с фермы на ферму в поисках развлечений. Юноши и девушки приедут в какой-нибудь дом, устроят танцы на всю ночь, «поспят немного, позавтракают и отправятся на другую ферму, где будут танцевать весь день». Как рассказывал со слов очевидцев старший брат Твена, юная Джейн Лемптон не уступала никому ни в выносливости, ни в умении радоваться жизни.

Об изяществе, душевной свежести и веселом характере матери Твена говорили самые разные люди. Упоминал об этом и ее известный сын.

Правнук Джейн Клеменс рассказывает такой эпизод. Уже на старости

лет она случайно услышала в поезде спор двух незнакомых мужчин на тему о том, где родился Марк Твен: во Флориде или в Ганнибале. Джейн Клеменс сообщила, что писатель появился на свет во Флориде. Но один из спорщиков стал настаивать на том, что это неверно и что Твен родился в Ганнибале. Тогда Джейн Клеменс сказала: «Я его мать Мне полагается знать, где он родился. Я была при этом».

От своей матери, «навсегда сохранившей сердце девочки», Сэмюел Клеменс воспринял многое. В определенной мере ей он был обязан светлым взглядом на мир, присущим ему чувством юмора, влечением к радости и веселью.

Письма, которые посылал Твен матери и в юности и в зрелом возрасте, изобиловали каламбурами, комическими мистификациями, остроумными замечаниями. Сын Джейн Клеменс был убежден, что она оценит их должным образом.

Мать писателя была отзывчивой женщиной. Он часто рассказывал о любви матери к людям и животным. «У нее было хрупкое маленькое тело, но большое сердце — такое большое, что и чужое горе и чужие радости находили в нем и отклик и приют», — говорится в воспоминаниях Твена. Воспитанная в рабовладельческих понятиях, продолжает писатель, мать «едва ли сознавала, что рабство есть неприкрытая, чудовищная и непростительная узурпация человеческих прав». Но инстинктивная человечность заставляла ее облегчать судьбы обиженных и угнетенных людей. В этом она проявляла порою истинное мужество.

Джейн Клеменс была также талантливой рассказчицей. По всей вероятности, именно ее имел в виду Твен, когда писал в очерках «Хелфайр Хочкис» (эти очерки до сих пор не опубликованы полностью, из них известно лишь несколько десятков строк): «Я знаю теперь, что она обладала необыкновенным даром речи; никто из людей, которых я когда-либо встречал, не мог с ней сравниться. Тогда (то есть в детстве. — М. М.) я этого не понимал. Полагаю, что вообще никто во всей нашей деревне не имел ни малейшего представления о том, что она чудо из чудес; никто даже не догадывался, что она чем-либо выделяется из круга обыкновенных людей. Потребовалось двадцать лет, в течение которых мне довелось познакомиться со многими прекрасными рассказчиками, прежде чем я начал понимать, что никто из них не идет ни в какое сравнение в отношении способности красноречиво и волнующе говорить с этой безыскусственной и неученой рассказчицей из западной деревушки, с этой незаметной маленькой женщиной, обладавшей прекрасной душой, большим сердцем и волшебным языком».

Твен унаследовал от своей матери привычку говорить очень медленно, растягивая слова, с ленивым и равнодушным видом. Эта манера речи сама по себе вызывала смех. Когда же этот простоватый на первый взгляд человек неожиданно высказывал остроумные мысли, они казались особенно удивительными и забавными.

Джон Маршалл Клеменс был человеком другого склада — суровым и несколько педантичным. Его брак с безудержно веселой и даже легкомысленной Джейн Лемптон нельзя было назвать счастливым. Среди автобиографических записей Твена есть следующие строки: «В детстве я видел, что мои отец и мать... всегда были внимательны друг к другу, но в их отношениях не было ничего более теплого; отсутствовали какие либо внешние и заметные проявления любви. Это не удивляло меня, ибо во всем облике моего отца и в его речи чувствовалось достоинство, манеры у него были суровые... Мать же моя по природе была человеком сердечным. Мне казалось естественным, что ее душевная теплота не находит выхода в той атмосфере, которая создавалась вокруг отца».

Здесь дана, пожалуй, несколько односторонняя картина семейной жизни Клеменсов. И это не случайно. Скажем прямо — мальчик Сэм плохо понимал своего отца и не питал к нему особенно нежных чувств. Джон Клеменс умер, когда его сыну было всего одиннадцать лет. Но, даже став писателем, Сэмюел Клеменс порою не без предвзятости говорил о своем отце.

Неприступная внешность Джона Клеменса скрывала подлинную трагедию. Нелегкой была прежде всего его семейная жизнь. В глубокой старости Джейн Клеменс призналась детям, что вышла замуж за Джона Клеменса, не любя его, вышла, чтоб досадить человеку, которого любила по-настоящему. Это был студент-медик. Восьмидесятилетняя старуха рассказывала Твену (а он воспроизвел ее воспоминания в письме к другу): «Я его любила всем сердцем и знала, что он тоже влюблен в меня, хотя мы никогда об этом не говорили». Но потом произошло недоразумение. Студент уехал, «а я, — продолжала Джейн Клеменс, — чтобы положить конец пересудам и показать ему, что мне все равно, взяла и вышла с досады замуж».

Жизнь с женщиной, которая его не любила, порождала в гордом и самолюбивом Джоне Клеменсе горькие чувства.

Дочь Памела высказывала сомнение в истинности того, о чем рассказала ее мать, — на старости лет Джейн Лемптон действительно порою начинала предаваться фантазиям. Но как бы там ни было, отец и мать Твена были столь несхожи характерами, что взаимного понимания в

семье не было.

О том, что отец его выглядел безрадостным, вечно сердитым человеком, Твен писал не раз. В неопубликованной повести «Гек Финн и Том Сойер среди индейцев» есть сцена, из которой видно, как удивило Гека непривычное для него ласковое, нежное отношение друг к другу членов повстречавшейся где-то семьи переселенцев. Надо полагать, что Твен исходил здесь из печального личного опыта — ему, как и Геку, внешнее проявление любви в семейном кругу казалось чем-то чуть ли не постыдным.

А все-таки есть основания усомниться: действительно ли Джону Клеменсу так уж чужды были сердечность и душевное тепло? В «Деревенских жителях, 1840—43» рассказывается о том, что перед смертью отец попрощался только с Памелой. Твен пишет: «Поняв, что умирает, он избрал дочь из всех, кто в этой комнате стоял на коленях и плакал, и жестом подозвал к себе. Затем он обнял дочь за шею, поцеловал ее (впервые, без сомнения) и промолвил: «Дайте мне умереть...» Примечательно, что Памела рассказывала своей дочери (а последняя поведала об этом одному из биографов Твена), что ее отец вовсе не был холоден, как его обычно изображают. Перед старшей дочерью, по-видимому, раскрывались все же какие-то тайники сердца этого замученного жизнью человека.

Трагическое в жизни Джона Клеменса, вне всяких сомнений, связано и с тем, что он был неудачником, неудачником почти во всем, что делал. Судьба не раз зло над ним подшучивала. Между тем его сын Сэм (как ни странно, может быть, прозвучат эти слова) в детстве и ранней молодости инстинктивно отстранялся от всего, что было связано с неудачами. Он многократно и с неприкрытым раздражением отчитывал своего старшего брата Ориона, доброго и честного человека, который не сумел ничего добиться в жизни и в известной мере пошел по стопам своего отца. Как бы бросая вызов судьбе, Ориону, а также и памяти отца, Сэмюел Клеменс настойчиво, даже кичливо, воспевал дух энергии.

Да, на некоторых этапах своего жизненного пути Твен, сам того, конечно, не осознавая, с явным холодком вспоминал отца как раз потому, что Джон Маршалл Клеменс так и не осуществил ни одного из задуманных им мероприятий, что беды преследовали его всю жизнь с каким-то удивительным упорством, что он оставил семью в нищете.

Позднее, однако, в сознание писателя начала проникать мысль, что но всем этом были повинны общие условия существования рядового человека на его родине. Он стал понимать, что в жизни отца было нечто весьма

типичное, что тысячи, а то и миллионы людей в Америке знают подобные же невзгоды, живут столь же трудно и грустно терпят крушение за крушением и с тоской взирают на действительность. Судьба Джона Клеменса помогла его сыну лучше осознать, что происходит в родной стране. Не случайно некоторые черты отца и даже факты его биографии возникают в различных книгах Твена.

Джон Маршалл Клеменс родился в самом конце XVIII века. Он рано познал горе. Дед писателя, по имени которого он был назван Сэмюелом, погиб, когда Джон был мальчиком. По патриархальному обычаю Сэмюел Клеменс помогал строить дом одному из своих соседей, когда вдруг свалилось бревно и задавило его насмерть. Бабушка Твена осталась с пятью детьми.

Как ни сильны еще были в начале XIX века патриархальные нравы в западных районах Америки, буржуазные порядки все настойчивее давали себя чувствовать и в новых краях. С юных лет Джон Клеменс вынужден был работать по найму на заводе. Когда вдова Клеменс вторично вышла замуж, ее муж Саймон Хенкок завел расчетную книгу на детей супруги от первого брака. Сохранился документ под названием: «Претензии Саймона Хенкока к Маршаллу Клеменсу, управляющему делами покойного Сэмюела Клеменса». Первая запись в этом документе гласит: «Содержание Маршалла Клеменса за три года, по двадцать дол. в год, — 60 долларов».

Невеселое детство, тяжелая работа, плохо сказавшаяся на здоровье мальчика, уже тогда придали его серьезному характеру оттенок угрюмости.

Клеменсу было лишь немногим больше двадцати лет, когда он получил права адвоката. Высокий ростом, с гордой осанкой, требовательный к себе и другим, сдержанный, несмотря на вспыльчивость, он обладал недостатками и достоинствами иных, не чуждых культуре людей юго-западных штатов. Типичный южанин, отец Твена считал рабовладельческие устои чем-то неоспоримым.

Однако ему были близки кое-какие элементы философии Просвещения, воспринятые через статьи, речи и памфлеты передовых деятелей периода американской войны за независимость. Джон Клеменс был искренним республиканцем, обожествлял разум и презирал религиозные догмы.

Сэмюел Клеменс в определенной мере обязан отцу характерными для него верой в разум и отрицательным отношением к церкви.

Бракосочетание Джона Клеменса и Джейн Лемптон состоялось в мае 1823 года. Твен утверждает, что свою семейную жизнь его родители начали в небольшом городке Лексингтоне штата Кентукки. Они владели тогда

участком земли и шестью неграми-рабами. По другим данным, молодые поселились в городишке Колумбия того же штата. Будь то Лексингтон или Колумбия, важно одно: Клеменсы в этом городке долго не задержались. На протяжении всех двадцати четырех лет совместной жизни супругов они то и дело переезжали из одного поселка в другой. А их имущественное положение все ухудшалось.

Миллионы и миллионы акров...

Дед Твена перекочевал из районов Атлантического побережья в Западную Виргинию. Его вдова с детьми очутилась в Кентукки, а сын, все углубляясь в просторы западных областей страны, в конце концов пересек реку Миссисипи. Внуку Сэмюэла Клеменса, тоже Сэмюэлу, довелось — уже в середине века — добраться до Невады на Дальнем Западе и, наконец, до Калифорнии. Так Клеменсы проделали большой путь от Атлантического океана до Тихого.

Напомним, что, когда в 1776 году представители тринадцати американских колоний приняли написанную Джефферсоном Декларацию независимости и постановили отделиться от Англии, территория новой заокеанской страны представляла собою лишь довольно узкую ленту, протянувшуюся вдоль Атлантического побережья североамериканского континента. На севере и юге страны уже в основном наметились современные границы Соединенных Штатов Америки. Но к западу от территории тринадцати колоний, ставших «свободными и независимыми государствами» (штатами), еще лежали огромные земельные пространства, хозяевами которых фактически были вольные индейцы, хотя на картах земля эта значилась принадлежащей разным европейским государствам.

Основными колонизаторами северной части американского континента были англичане. Они создали первые постоянные поселения за океаном через сто с лишним лет после открытия Америки (1492). Французы раньше проникли в глубь страны и, объявив своим достоянием бассейны крупнейших рек — Св. Лаврентия и Миссисипи, сделали хозяевами львиной доли североамериканского континента.

Незадолго до американской войны за независимость англичанам удалось нанести французам поражение, и к английской короне перешла вся земля до самой Миссисипи. Впрочем, специальным королевским указом территория от Аллеганских гор до Миссисипи была закрыта для поселенцев.

Положение изменилось радикальнейшим образом в результате войны за независимость. Английское правительство было вынуждено отдать тринадцать отделившимся штатам все западные земли — до самой реки Миссисипи. В 1803 году Соединенные Штаты приобрели у Наполеона Луизиану — огромную территорию, прилегающую к Миссисипи с запада. Пятнадцать лет спустя американцы захватили Флориду. В 1835 году они

прибрали к рукам мексиканскую провинцию Техас. Прошло еще десять лет с небольшим, и захватническая война против слабой соседней страны — Мексики — дала Соединенным Штатам новый гигантский кусок земли, включавший Калифорнию.

Маленькая страна превратилась в огромную державу. Угрозы, обман, откровенный разбой — все было пущено в ход, чтобы добиться расширения территории США. К этой цели стремились, не только южные рабовладельцы, мечтавшие о новых, еще более обширных плантациях, но также и многие буржуазные деятели Севера.

По мере расширения фонда неосвоенных земель на западе страны неизбежно вставал вопрос, кому же достанутся эти «свободные» земли.

История американской республики на протяжении долгого времени в значительной мере была историей борьбы широчайших народных масс за землю. Разные формы принимала эта борьба, и разные участвовали в ней силы. Демократическим элементам приходилось снова и снова вступать в ожесточенные схватки с южными плантаторами-рабовладельцами. Их противниками нередко были также помещики, банкиры и фабриканты, властвовавшие в северных штатах.

Ленин назвал войну за независимость Америки «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн...

Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку...»^[1]. Десятки тысяч фермеров, ремесленников, охотников, матросов, составлявших основной костяк американской армии, которая вела многолетнюю и изнурительную войну против англичан, хотели не только независимости и уничтожения колониального режима. Многим из них казалось, что, освободившись от владычества Англии, американцы сумеют построить хорошую жизнь на принципах всеобщего равенства, что они добьются всеобщего благоденствия. А для этого-де нужно только обеспечить всех желающих земель. Что ж, в западных областях США неспаханной земли столько, что ее хватит для многих миллионов фермеров.

Однако иллюзорные надежды на превращение нового государства в идеальную республику свободных, зажиточных и счастливых фермеров вскоре оказались разбитыми. После создания Соединенных Штатов там развернулась земельная спекуляция еще невиданных в истории масштабов. Как и всюду, самые лакомые куски доставались богатым людям. В мутной воде ловили рыбку всякие прохвосты, мошенники, авантюристы. Миллионы акров прекрасной пахотной земли оседали в руках крупных южных и северных землевладельцев, беззастенчивых политиканов и ловких предпринимателей. Безденежным же людям приходилось худо. Лучшие земли продавались недешево. Да и пробираться на запад было мучительно трудно.

От Кентукки до Миссури

Штат Кентукки, где начинали свою совместную жизнь молодожены Джон и Джейн Клеменсы, ко времени их женитьбы уже существовал несколько десятков лет. Отец Твена вскоре пришел к выводу, что возможности, которые мог ему предоставить этот «старый» штат, полностью исчерпаны. И Клеменсы перекочевали в более новый штат — Теннесси. Но городишко Гейнсборо штата Теннесси тоже не оправдал надежд — ведь он уже несколько лет являлся центром графства, а значит, лучшие земли, а также лучшие должности уже были распределены. Ну что ж, решил Джон Клеменс, надо снова отправляться в путь!

Предприимчивый юрист вместе с семьей переехал в деревушку Джеймстаун, которую только собирались сделать центром создающегося нового графства — Фентресс. Теперь уже все должно было пойти на лад.

Клеменса избрали на пост в суде. Он построил роскошный, по тамошним понятиям, дом, не какую-нибудь хижину, и объявил, что готов к приему клиентов. И тогда же, на рубеже 20-х и 30-х годов, ему удалось купить тот грандиозный кусок земли, на который Клеменсы столько лет возлагали почти все свои надежды. Рассказывая о «земле из Теннесси», Твен обычно называл цифру в семьдесят тысяч акров (около тридцати тысяч гектаров).

И все-таки два года спустя Джон Клеменс почувствовал, что и в Джеймстауне дела идут плохо: клиентов было маловато, а земля не приносила никакого дохода. Юрист с огорчением вынужден был завести мелочную торговлю. Но фермеры предпочитали оплачивать покупки не деньгами, а натурой — салом, медом, воском. Эти товары надо было кому-то продать, чтоб рассчитаться с оптовыми поставщиками. А кто их купит в таком захолустье?! Главная беда заключалась в том, что городок рос весьма медленно. Джон Клеменс строил планы превращения Джеймстауна в настоящий город, но они ни к чему не приводили. По-прежнему в лавке было мало покупателей, а цены на землю никак не росли.

Джеймстаун пришлось покинуть. Отец Твена приобрел хороший кусок земли около поселка под длинным названием Три Притока Реки Вульф, построил там скромный бревенчатый дом и снова убедился, что семью содержать не на что.

Несколько месяцев спустя Клеменсы переехали в Пелл-Мелл — там главе семьи предоставили должность почтмейстера, а кроме того, он завел

лавку.

Но Пелл-Мелл был всего лишь убогой деревушкой. В этом глухом и унылом поселении, где даже самые предприимчивые люди скоро опускали руки, Клеменсы прожили несколько безрадостных лет. Здоровье Джона Клеменса ухудшалось — он страдал головными болями, — а имущество его таяло.

Беспросветная нищета обитателей Пелл-Мелла красноречиво говорила о том, как трудно в Америке завоевать достаток, обеспечить будущее своих детей даже владельцу участка земли. Повседневный тяжелый труд не приносил избавления от нужды.

И тем, кто еще сохранил здоровье, не был вконец задавлен заботами о хлебе насущном, обладал кое-какими средствами, тем, кто был смел и склонен к приключениям, начинало казаться, что спасения надо искать в еще более далеких краях — там, на западе страны.

Может быть, по ту сторону Миссисипи ждет удача. Может быть, там удастся захватить плодородный участок где-нибудь неподалеку от реки. Или под верхним слоем почвы откроются ценные породы...

На Запад!

Этот клич звучал неотразимым призывом для тысяч американцев в «старых», восточных штатах и для иммигрантов, прибывавших из-за океана. Молодые люди, люди средних лет, а порою и старики покидали родные места и ехали на Запад искать счастье. Целые семьи пускались в трудный путь — туда, где, казалось, переселенцев ждет сытая жизнь. Вокруг западных областей создавались легенды, наивные, вселяющие ложные надежды. Там, на Западе, каждый волен строить жизнь, как хочет, там все земли плодородны, там переселенцы сами устанавливают справедливые законы. Такие вести приходили в города и деревушки восточного побережья, где лучшие куски уже были захвачены, где так трудно было заработать лишний доллар, где людям были хорошо знакомы ужасы безработицы. Не удивительно, что клич «на Запад!» опустошал целые поселки.

На лошадях и на волах, в закрытых от дождей и палящего солнца фургонах, которые на много месяцев превращались в дома на колесах, переселенцы ехали в Огайо и Миссури. Агенты по продаже земли подливали масла в огонь. Не жалея красок, они расписывали богатства Иллинойса или Индианы. Порою зарождалось сомнение: а не обманщики ли эти сладкогласные агенты? Кое-кто говорил, что и на Западе лучшие земли принадлежат богачам. Носились слухи, что одураченным людям приходится браться за оружие, чтобы отвоевать для себя хоть маленький

клочок земли.

Люди не знают, где правда, а где ложь. Они верят и не верят. Но уж очень скверно живется в восточных штатах. И уж очень соблазнительно то, что рассказывают о западных землях.

Среди тех, кто оставил все позади, чтоб отправиться на Запад, были и ближайшие родственники Клеменса — отец Джейн Клеменс, ее дядя и зять — Джон Куорлз. Еще в начале 30-х годов они добрались до новейшего штата Миссури, расположенного к западу от реки Миссисипи. И от Джона Куорлза, открывшего лавку в деревушке Флорида, Джон Клеменс получил приглашение последовать его примеру.

Терять было нечего. В 1835 году отец Твена пустился в путешествие. Это была самая длительная и самая рискованная из всех поездок, которые он когда-либо предпринимал. Джон Клеменс теперь окончательно порывал со «старыми», восточными областями Америки. Он вливался в армию грубоватых, бесшабашных переселенцев. Он ехал в края, где еще бродили индейцы и цивилизация делала только первые шаги.

Марк Твен не раз пытался нарисовать картину отъезда его родителей из Пелл-Мелла штата Теннесси во Флориду штата Миссури. Известные нам факты, а также сцены, порожденные воображением писателя (его самого тогда еще не было на свете), позволяют представить, как все это происходило.

Все жители Пелл-Мелла собрались на проводы Клеменсов. Главу семьи почтительно называют «сквайром», как крупного землевладельца. И Клеменс принимает это как должное — ведь в графстве Фентресс ему принадлежит больше сотни квадратных миль земли!

Но Клеменс не станет говорить об этом соседям. Он знает цену Пелл-Меллу с его убогими хижинами и опустившимися людьми. Этим пелл-меллским фермерам, навсегда застрявшим в глухой дыре, измученным работой и болезнями, потерявшим надежду на будущее, не понять, какие богатства несет в своих недрах земля, принадлежащая Клеменсу. Она содержит не только железную руду и уголь — вероятно, в ней есть и серебро. Что бы ни случилось с ним самим, дети его обеспечены.

Наконец все готово, кортеж трогается с места. В повозке сам Джон Маршалл Клеменс, его жена, дочери Памела и Маргарет, а также малыш, сын Бенджамин. Рядом с повозкой верхом негритянка Дженни и старший сын Орион — ему уже десять лет.

Из Пелл-Мелла Клеменс взял с собой домашний скarb, повозку, несколько лошадей, единственную рабыню и купчую на землю в графстве Фентресс. Когда там найдут руду и уголь, земля будет стоить по двадцать,

пятьдесят, по сто долларов за акр. Впрочем, пока никто не дал бы и цента за акр этой земли — она находилась в далеких, глухих местах, была малопродуктивна и не очень-то привлекала земледельцев.

Доехав до Луисвилла, Клеменсы пересели на пароход и направились в Сент-Луис — крупнейший центр всей территории за Миссисипи. Оттуда — еще дальше, снова в повозке и верхом.

За Миссисипи переселенцы попали в дикие, пустынные места. Буйная, богатая растительность, земля, которой почти не коснулся плуг фермера. Ехали лесом. Затем дорога шла через прерию. Редко-редко встречались сбитые на скорую руку строения, недавно заложенные плантации.

Миссури, самый далекий западный штат США, еще был очень слабо заселен. Что ж, здесь, именно здесь Джон Маршалл Клеменс проявит свои способности, займет место, соответствующее его знаниям!

Когда переселенцы добрались, наконец, до поселка Флорида в штате Миссури, их радушно встретил веселый Джон Куорлз. Он сразу же предложил Джону Клеменсу стать его компаньоном по лавке — в ней торгуют сыром и ситцем, гвоздями и виски, шляпами и сахаром.

Не о судьбе провинциального лавочника мечтал отец Твена, когда изучал юриспруденцию. Но во Флориде, как и в Пелл-Мелле, спрос на ученых людей был невелик. В поселке всего сотни три жителей. Предложение Куорлза было принято с благодарностью.

Семья Клеменсов устроилась в небольшом деревянном домике, который имел, пожалуй, довольно унылый вид, особенно в осеннюю непогоду. В этом доме 30 ноября 1835 года измученная путешествиями и заботами Джейн Клеменс преждевременно родила еще одного ребенка — сына. В честь деда он получил библейское имя Сэмюел и еще одно — Ленгхорн.

Сэм был слаб и тщедушен. С трудом перенес он суровую зиму. На старости лет, со свойственной ей готовностью пошутить, Джейн Клеменс на вопрос сына, не беспокоилась ли она, что он умрет младенцем, лукаво ответила: «Нет, я боялась, что ты выживешь».

В ту пору, когда дети еще были маленькими, матери Сэма не всегда удавалось сохранять чувство юмора. Вечные переезды, трудности жизни в глухих деревушках, заботы о детях доводили ее до изнурения. Года через два после Сэма появился на свет еще один сын — Генри — и потребовал львиной доли внимания. Дети часто болели, и мать пичкала их лекарствами. В ходу была народная медицина, широко применялись знахарские средства и лекарства, которые продавали жуликоватые коробейники. Детей лечили касторкой, каломелем, ревенем. Часто пускали

кровь. В годы детства Твена газетка, издававшаяся в поселке, где он проживал, сообщила как-то, что только один из двух американцев доживает до двадцати одного года. В семье Клеменса тоже было много детских смертей. От каких-то болезней умерли сестра Маргарет и брат Бенджамин.

Сэм рос нервным ребенком. Но, к счастью, у дяди Куорлза была ферма неподалеку от Флориды. Там был чудесный воздух; к тому же детей превосходно кормили («жареные цыплята, поросята, дикие и домашние индейки, утки и гуси, свежая оленина, белки, кролики, фазаны, куропатки, перепела; сухарики, горячая драчена, горячие гречневика, горячие булочки, горячие маисовые лепешки; вареные початки молодой кукурузы, бобы, фасоль, томаты, горох...» — так начинается длинный перечень блюд, которыми, вспоминал Твен, угощали на ферме дяди Куорлза). Болезненный мальчуган стал превращаться в крепыша.

Отец проводил большую часть времени в лавке. Помимо торговли, он пытался вести кое-какие юридические дела, но все это приносило мало дохода.

Прошло немного времени, и Джон Клеменс, разойдясь с Куорлзом, открыл собственную торговлю. Но и собственная торговля не поправила дела. Отец Твена увлекся идеей изобретения «вечного двигателя». Все его усилия, естественно, ни к чему не привели. Тогда он решил сделать еще одну попытку добиться расцвета городка, в котором жил.

Флорида стоит на речушке Соленой, менее чем в сотне километров от мощнейшей водной артерии — Миссисипи. Беда только в том, что Соленая не судоходна. В начале 1837 года законодательные органы штата Миссури назначили Клеменса руководителем группы из шестнадцати человек, коей разрешено было собирать средства для создания Навигационной компании реки Соленой. Но у тех, кто верил в перспективы речушки, денег не было, а богатые люди опасались вкладывать средства в столь ненадежное предприятие.

Возник также проект строительства железной дороги от Флориды до другого поселка под пышным названием Париж. Но и это дело не было осуществлено. И по сей день Флорида лежит в стороне от железных дорог, а выражение «плавать по Соленой» стало означать «терпеть неудачу».

Куорлз с его навыками плантатора вовсе отказался от малоприбыльной лавки, купил рабов и стал выращивать пшеницу да разводить скот. А Клеменс снова решил переменить место жительства.

Вскоре вся семья очутилась в местечке Ганнибал. Уж этому-то селению, уверенно говорил Джон Клеменс, суждено блестящее будущее. Ганнибал стоит не на каком-нибудь жалком притоке, а на самой

Миссисипи. В ноябре 1839 года будущий писатель впервые увидел столь полюбившуюся ему реку.

Миссисипи — основная транспортная артерия для огромной части страны. Река берет начало у самых границ Канады. Приток Огайо протекает по богатейшим районам так называемого Среднего Запада, а приток Миссури глубоко проникает на северо-запад.

До появления пароходов сельскохозяйственные продукты со всей долины реки сплавлялись вниз по течению на больших баржах. Вверх по течению суда приходилось тянуть бечевой. Дорога в оба конца занимала порою весну, лето и осень. Пароходное движение вызвало подъем сельского хозяйства на всем протяжении Миссисипи. Многочисленные пароходные линии нуждались в лоцманах, капитанах, матросах. Река была источником существования для тысяч и тысяч людей.

Ганнибал лежит примерно в двухстах километрах к северу от Сент-Луиса. Там останавливаются пароходы всех линий, обслуживающие верхнюю часть реки.

Ганнибал отнюдь не был таким патриархальным, сонным и милым городком, каким изображен Санкт-Петербург в «Приключениях Тома Сойера». На улицах городка то и дело появлялись телеги с грузом для прибывающих пароходов.

Ко времени переезда Клеменсов в Ганнибал там насчитывалось около тысячи жителей, и они трудились на бойне, фабрике виски, мельнице, кожевенном заводе, табачной фабрике, лесопилках, на пароходной пристани, в кузнечных мастерских, а также в лавках и постоянных дворах, расположенных на Главной или Второй улице. Вскоре население городка удвоилось, а к тому времени, когда Сэм Клеменс начал превращаться в юношу, утроилось.

В годы детства Твена по незамощенным улицам Ганнибала гнали свиней на бойни, и запах гниющих отходов отравлял воздух. В 40-х годах прошлого века Ганнибал то и дело охватывали эпидемии. Источником миазмов были не только бойни, но и речушка Бэр-Крик, в которой так любили купаться местные мальчуганы.

Летом на улицах Ганнибала пыль поднималась столбом. Весной и осенью городок был покрыт непролазной грязью. Местная газетка как-то писала, что лужи на площади рядом с Главной улицей достигли почти «трехфутовой глубины».

Даже Миссисипи с ее пароходами, баржами и плотами не помогла Клеменсу добиться желаемого. Его неудачи начались с того, что делец Айра Стаут, которому он продал свою собственность во Флориде и у которого

приобрел несколько строений в Ганнибале, основательно надул его. Чтобы раздобыть товара для новой лавки, пришлось залезть в долги.

Строя свои планы превращения пустующих земель в богатейшие житницы, ручейков — в судоходные реки, а жалких деревушек — в обширные города, Джон Маршалл Клеменс заранее обрекал себя на поражение, ибо в «деловом» мире, где царил обман, где ловкие мошенники грабили всех, кто попадался на глаза, он пытался действовать честно, проявлял прямоту, охотно верил людям и чуждался темных дел.

По всей очевидности, Айра Стаут был повинен и в других бесчестных операциях, жертвой которых явился доверчивый юрист. Во всяком случае, писатель неоднократно поминал Стаута недобрым словом. Один за другим участки и домишки, принадлежавшие Клеменсам в Ганнибале, переходили в руки других людей. Есть предположение, что Джон Клеменс особенно сильно пострадал из-за того, что человек, за которого он поручился (возможно, это был тот же Айра Стаут), объявил себя банкротом и вся тяжесть его обязательств пала на поручителя. Пришлось распродавать даже мебель и домашнюю посуду.

Сохранившиеся письма отца Твена показывают, как много бед претерпел этот сухой и расчетливый на вид человек вследствие неоправданного доверия к дурным людям и неумения быть жестким с ними. Даже Твен, сугубо требовательный к своему отцу, узнав о его поведении в одном случае, заметил: «Разве он не добр и не мягкосердечен?!»

Постоянная тревога о хлебе насущном мучила Джона Клеменса всю жизнь. Человек неглупый и образованный, он упорно искал возможности применить на деле свои знания, но почти не находил. Отец Твена рад был рядовой судебной должности, не брезговал и мелочной торговлей — по некоторым данным, случалось ему заниматься ремеслами, — но все-таки концы с концами свести он не мог.

В одном из писем жене Джон Клеменс откровенно поделился с ней гнетущей тревогой насчет того, «чем же заняться ближайшей весной». Трагизм его положения недвусмысленно выражен в следующих словах: «Я хочу... какого-нибудь постоянного и активного занятия, это во-первых; а во-вторых, я хочу, — продолжает он с горькой иронией, — чтобы мой труд оплачивался, если это возможно». Орион Клеменс рассказывает, как однажды его отец вернулся домой после безрезультатной поездки по делам. Когда жена упрекнула его, он сказал «с выражением безнадежности на лице»: «Но я же не в состоянии стать землекопом».

Чтобы помочь семье как-нибудь прокормиться, Джейн Клеменс еще

при жизни мужа открыла маленький пансион. Дочь Памела давала уроки музыки. Орион рано начал работать и был отправлен в Сент-Луис.

Одно время Джон Клеменс служил мировым судьей. Он восседал, по свидетельству местной газеты, за ящиком от мануфактуры, преобразованным в стол, и строго следил за порядком. Это был, пишет газета, «несгибаемый человек, обладавший замечательным здравым смыслом».

Но ни судейская должность, ни другие посты, которые отец Твена порою занимал в Ганнибале, не могли обеспечить семью необходимым. И Джон Клеменс строил всякие планы продажи «земли из Теннесси», упорно занимался самообразованием (незадолго до смерти он начал, например, посещать лекции по грамматике, которые читал приезжий «профессор»), разрабатывал проекты создания шоссе, а также железной дороги между Ганнибалом и поселениями на реке Миссури, выдвигал идею превращения поселка в университетский городок...

Все эти проекты оставались на бумаге.

Последние годы жизни Клеменса были отравлены тяжбой с одним из самых отвратительных обитателей Ганнибала — негроторговцем Уильямом Бибом. Он проявлял коварство и жестокость во всех своих делах. Джону Клеменсу никак не удавалось взыскать с него старый долг, но сам Биб, перекупив у кого-то вексель Клеменса, потребовал, чтобы шериф продал все имущество его недруга в оплату долга. Это было в конце 1846 года, и на исполнительном листе имеется многозначительная надпись шерифа о том, что в пределах подведомственного ему графства не обнаружено никакого имущества, принадлежащего Клеменсу, которое можно было бы продать с молотка.

Примерно тогда же Джон Клеменс был выдвинут кандидатом на почетную и сравнительно выгодную должность в судейском аппарате графства. Выборы должны были состояться в августе 1847 года. Судя по газетным сообщениям, кандидатура Клеменса получила широкую поддержку, и его избрание считалось обеспеченным. Но в марте 1847 года, возвращаясь с очередного судебного заседания, где, по-видимому, слушалось его дело с Бибом, отец Твена простудился и две недели спустя умер.

Так до конца своих дней Джон Маршалл Клеменс оставался неудачником. А победителями были люди, подобные Бибу.

Отец Твена оставил семью совершенно необеспеченной. «Земля из Теннесси» ничего не принесла не только Джону Клеменсу, но и его потомству. Все попытки Ориона хоть что-нибудь выручить за десятки

тысяч акров не приводили ни к чему. В конце концов Клеменсы стали видеть в этой земле какую-то злую силу, мешавшую трезво, без ложных надежд глядеть на жизнь.

Сэм Клеменс из штата Миссури

К десяти-одиннадцати годам Сэм стал здоровым ребенком, сорванцом, которому нипочем было переплыть Миссисипи, удрать из школы на холм Холлидея, сыграть шутку с учителем, отдубасить какого-нибудь одноклассника.

Прелесть богатой и мягкой природы, едва-едва тронутой рукой человека, проникала в душу мальчика с самых ранних его лет. Великолепна была река с холмистым берегом у Ганнибала и уходящими вдаль просторами на иллинойской стороне. Навсегда запомнил Твен и радости жизни на ферме дяди Куорлза, где мальчишкой проводил чуть ли не каждое лето.

На ферме рукой было подать до леса, а в лесу водились тетерева, фазаны, дикие индейки и утки. Дети, и, конечно, Сэм в том числе, принимали участие в ночной охоте на енотов и опоссумов. Но детей привлекала не только охота. Их радовало ощущение, что вокруг так много самых различных живых существ, что они движутся, подают голос. На ферме были коровы, лошади, куры, собаки, кошки. Ужи, выползавшие греться на дорогу, и летучие мыши вызывали у мальчуганов восторг. Ужей подкладывали в рабочую корзинку тети Патси — жены Куорлза. А что могло быть забавней, чем выражение лица матери Сэма, когда она соглашалась засунуть руку в карман сына и нащупывала там (о ужас!) летучую мышь!

Любовь к животным всегда была одной из характернейших черт Твена. В одном из отброшенных вариантов его книги «Таинственный незнакомец» есть такие слова: «Животные не оставляли его в покое — настолько он им нравился; и он испытывал такое же чувство по отношению к ним». Твен говорит здесь о своем герое, но его слова могут быть отнесены и к нему самому. В годы детства Твена кошки в их доме водились десятками. А как любил он прислушиваться к стуку дятлов и к пению птиц («лес звенел от птичьего пенья», — писал он позже)!

Восстанавливая в памяти события юных лет, Твен в старости создавал вдохновенные поэтические картины. Под его пером возникали целые рапсодии во славу родных лесов и прерий. В манере Твена даже появлялось что-то напоминающее Уитмена, величайшего поэта американской земли. Он писал: «Я могу вызвать в памяти торжественный сумрак и таинственность лесной чащи, легкое благоухание лесных цветов, блеск

омытых дождем листьев, дробь падающих дождевых капель, когда ветер качает деревья, далекое постукивание дятлов и глухое токование диких фазанов, мельканье потревоженных зверьков в густой траве, — все это я могу вызвать в памяти, и оно оживает, словно наяву, и так же радостно. Я могу вызвать в памяти широкие луга, их безлюдье и покой; большого ястреба, неподвижно парящего в небе с широко распростертыми крыльями, и синеву небосвода, просвечивающую сквозь концы крыльев. Как сейчас вижу пурпурные дубы в осеннем наряде, позолоченные орешники, клены сумахи, пылающие румяными огнями, и слышу шуршание опавшей листвы, по которой мы бродили. Вижу синие гроздья дикого винограда, висящие среди листвы молодых деревьев, помню их вкус и запах. Я знаю, какова на вид дикая ежевика и какова она на вкус; помню вкус лесных орехов и финиковой сливы; помню, как по моей голове барабанили дождем простые и грецкие орехи, когда вместе со свиньями мы собирали их морозным утром и они сыпались на землю, сбитые ветром».

На ферме был и ручей, где дети купались все лето, несмотря на запрет, несмотря на угрозы наказания.

Но ничто, конечно, не могло сравниться с купанием в Миссисипи. Умение плавать далось Сэму Клеменсу недешево. Много раз он тонул. В письме к другу детских лет Твен вспоминал, как однажды в штормовую погоду он стоял на речном перевозе и, когда его шапку унесло ветром, спрыгнул за борт и проплыл чуть ли не несколько километров, прежде чем настиг ее.

Много удовольствия доставляла детям рыбная ловля. Прекрасным уголком был остров Глескока, где можно было искать в песке черепаший яйца, из которых получалась превосходная яичница, плавать голышом (власти запрещали это в черте города) и просто греться на солнце в длинные летние дни.

Импульсивный, озорной, жадно любивший жизнь, Сэм Клеменс умел извлекать удовольствие и из многого другого, что его окружало. Пещера, находившаяся неподалеку от Ганнибала, была примечательным местом. Рассказывали, что когда-то там прятались разбойники. В пещере можно было заблудиться и умереть с голоду; какой-то индеец спасся от голодной смерти только потому, что стал поедать летучих мышей. Врач из города Сент-Луиса, по фамилии Макдоуэлл, установил в этой пещере наполненный спиртом медный сосуд и перевез туда труп четырнадцатилетней девочки (возможно, своей собственной дочери). Да, там было страшно. Но мальчишек эта пещера, которую стали называть пещерой Макдоуэлла, влекла неудержимо. В своей «Автобиографии» Твен

рассказывает, что однажды он заблудился там вместе с какой-то девочкой.

Среди друзей Сэма было немало таких же бесшабашно-веселых искателей приключений, как и он сам. Вилл Боуэн, ровесник будущего писателя, не уступал ему в проказах, даже если они грозили серьезными последствиями. Сэм с Виллом однажды спустили с холма Холлидея огромный камень. Катясь вниз, он разбил вдребезги мастерскую медника и только чудом никого не искалечил. В зрелые годы Твен и Боуэн любили вспоминать, как они играли в Робин Гуда, дрались игрушечными мечами и воровали фрукты в чужих садах.

Близким другом Сэма был и Джон Бриггз. Вспоминал Твен также Норвала Брэйди, которого прозвал Гуллом по имени героя «Путешествий Гулливера». Имеете с Виллом, Джоном и Гуллом он играл в разбойники, наводнял номера местной гостиницы кошками — к крайнему неудовольствию жильцов, — совершал нападения на недругов, удил рыбу, дрался, посещал представления заезжих актеров.

Бриггз, Боуэн и Брэйди были больше по духу Сэмюэлу Клеменсу, нежели его собственный младший брат Генри, добрый и послушный.

Это он, Генри, разоблачил хитрость Сэма, который, несмотря на запрещение, отправился купаться, вспорол наглухо зашитый матерью ворот рубашки, но, увы, по рассеянности зашил его снова нитками не того цвета. Это из-за него, Генри, шалун был подвергнут основательной трепке. Сэм не удержался как-то от соблазна бросить из окна третьего этажа огромную корку арбуза прямо на голову брата. А тот запустил в него бульжником.

Был в Ганнибале бедняк из бедняков — Том Бланкеншип. Сэм Клеменс и его товарищи охотно дружили с Томом, хотя родители поглядывали на это косо.

Что и говорить, создавая «Приключения Тома Сойера», Твен опирался на очень многое из того, что видел и переживал в детстве сам. В книге возникают даже имена, с которыми он сжился с ранних лет. Имя главного героя романа, вероятно, взято у Тома Бланкеншипа. Гек Финн заимствовал свою фамилию у одного из «городских пьяниц» Ганнибала — Джима Финна. Пещера Макдоуэлла получила в повести созвучное название пещеры Макдугала. Попутно заметим, что подлинное имя и фамилия маленькой подруги детства Сэмюэла Клеменса, названной в повести Бекки Тэтчер, перенесены в роман «Позолоченный век», главную героиню которого зовут Лорой Хокинс.

И все же в повести «Приключения Тома Сойера» нашли отражение лишь отдельные, главным образом более светлые, стороны детства писателя.

Еще в юные годы Сэм Клеменс не мог не ощутить, что на свете есть также немало тоскливого, мрачного.

Вспомним, что в Ганнибале существовало рабство. В годы юности Твена на каждого седьмого жителя городка приходился один невольник. Пусть, как подчеркивают все биографы, рабство не принимало в Ганнибале столь страшные формы, как в более южных штатах, где негры работали на хлопковых плантациях. Но рабство оставалось рабством.

Ганнибальскому негроторговцу Бибу была продана последняя оставшаяся у Клеменсов рабыня — негритянская девушка Дженни. И он отправил ее на южную плантацию. В своих «Деревенских жителях, 1840—43» Твен рассказывает, что много лет спустя кто-то (возможно, он сам) встретил Дженни на пароходе, где она работала горничной, — негритянка плакала и горько жаловалась на свою судьбу».

Родной штат Сэмюела Клеменса соединял в себе особенности американского Запада и американского Юга. Отдаленный от «старых» южных штатов, Миссури все же отразил в своем укладе влияние плантаторских порядков.

В Ганнибале почти все относились к рабству, как к явлению естественному и неизбежному. Невольничество было признано законом; церковь и общепринятая мораль внушали почтение к рабовладельцу. Но то обстоятельство, что обильная плодами земля, на которой родился Сэм, все-таки была землею рабства, не могло не оставить свой след в его душе.

Твен писал в «Автобиографии»: «В школьные годы я не знал отвращения к рабству. Я не подозревал, что в нем есть что-нибудь дурное. Никто не нападал на него при мне; местные газеты не высказывались против рабства; с кафедры местной церкви нам проповедовали, что бог его одобряет, что оно священно...» Писатель рассказал о том, как в детстве он рассердился однажды на взятого родителями в услужение мальчика-раба, негритенка Сэнди. Этот Сэнди надоедал ему своим пением. И мать, тоже считавшая рабовладичество чем-то естественным, но чуткая душой, сказала: «Если он поет, бедняжка, то это значит, что он забылся... Он никогда больше не увидит свою мать; если он в состоянии петь, я должна не останавливать его, а радоваться».

Неподалеку от ганнибальской пристани часто лежали негры в ожидании парохода, который должен был повезти их «вниз по реке», на хлопковые плантации Юга. У них были, вспоминал Твен в своей «Автобиографии», «чрезвычайно печальные лица». В десятилетнем возрасте он был свидетелем того, как белый надсмотрщик за какую-то пустячную провинность ударил раба куском железа по голове. Он вскоре

умер...

С неграми связаны были трагические и постыдные воспоминания, о которых даже в записях Твена последних лет его жизни, где приподнята завеса над многими безрадостными фактами прошлого, говорится очень мало. Так, писатель мимоходом упоминает негритянского мальчика, который принял на себя вину за какое-то совершенное Джоном Бриггзом «позорное» деяние и в результате был продан «вниз по реке».

Однажды Сэм видел, как шестеро мужчин привели беглого негра. Жутко было слышать стоны избиваемого до смерти человека.

Даже детям нетрудно было понять, что в жизни негра есть много мучительного. В любую минуту его могли ударить, искалечить. И негр-мулат, будь он хоть совсем белым по цвету кожи, полностью принадлежал своему хозяину. Тот мог делать с ним, что хотел.

Загробное царство «доброго черного бога» нередко представлялось неграм царством отдохновения и счастья.

Тяготы повседневной жизни рабов, их страх перед будущим, неуверенность в том, что принесет завтрашний день, — все это помогало плодить суеверия. Впрочем, среди белых тоже было распространено великое множество предрассудков и нелепейших верований.

Детям Клеменсов и Куорлзов, да и всем товарищам Сэма мир казался наполненным привидениями, таинственными звуками, колдовством, смертельными опасностями. Крик совы, вой собаки — все имело свой страшный смысл. Ночью, верили дети, появляются таинственные существа без рук, без ног, без головы. В темноте всегда можно было ожидать, что кто-то схватит тебя за горло — может быть, это кровожадный «вампир». Глаза зверей, казалось мальчуганам, горят ночью особым, неестественным светом. Души покойников бродят по миру и иногда вселяются в других людей. Колдуны могут лишить человека сна и даже жизни. Если ночью мышь грызет вашу одежду — значит вы обречены на смерть. Для того чтобы защитить себя от всех этих ужасов, нужно пользоваться талисманами, нашептываниями, особыми знаками. Существовала целая «наука» для борьбы со страхом неизвестности, с колдунами, вампирами, привидениями. Дети не сомневались в магических свойствах заячьих лапок, соли, перца, кладбищенской земли, костей мертвецов.

Что удивительного в том, что Сэм и его друзья верили, будто седая негритянка, жившая на ферме Куорлза, достигла почтенного возраста в тысячу лет и беседовала с самим Моисеем, а круглая плешь на ее голове была вызвана испугом при потоплении египетского фараона. Старуха, по

всеобщему убеждению, умела «изгонять бесов».

Жизнь была не сладка, конечно, не только для негров, но и для большинства белых, особенно для тех, кого презрительно называли «белой дрянью». В маленьком Ганнибале не было крупных богачей, там отсутствовали те чудовищные контрасты между нищетой и роскошью для немногих, которые мучили Твена в конце его жизни. Но «демократия», коей гордились многие обитатели западных штатов, была буржуазной демократией, и с каждым годом социальное неравенство не уменьшалось, а возрастало. Когда некий врач представил властям Ганнибала счет за лечение одной бедной семьи, «отцы города» решительно отказались его оплатить. Нищая семья, в которой на всех взрослых и детей имелось лишь одно одеяло, была описана в начале 50-х годов в газетке, которую редактировал брат Твена — Орион Клеменс. Нищенствовали и Бланкеншипсы. В заметках Твена, которые не вошли в собрание его сочинений, есть такие строки «Бланкеншипсы. Родители — нищие, пьяницы. Девушек обвиняют в проституции — не доказано. Том — добрый молодой язычник. Бенс — рыбак. Дети не посещали ни школу, ни церковь». Проживали Бланкеншипсы рядом с Клеменсами, в доме, похожем на заброшенный амбар.

В Ганнибале любили рассказывать разные истории о речных пиратах, хозяйничавших в тех местах: например, о Морреле. Их время прошло. Но такие дельцы, как Стаут и Биб, обирали людей не менее энергично, чем Моррел. Порою они тоже лишали жизни своих жертв, не прибегая, однако, к ножу и пистолету. Был случай, когда местный богач воспользовался и пистолетом. Он застрелил неугодного ему человека, и это не повлекло за собой никакого наказания. Обстоятельства гибели «дяди Сэма» — старика Смарра, запомнились Твену на всю жизнь. Смарт, как показал один свидетель во время допроса (его вел судья Клеменс), «был не менее честным человеком, чем любой другой житель штата». Ни для кого он не представлял опасности, но открыто выражал свое отрицательное мнение о местных богачах сомнительной репутации. Он обвинял в мошенничестве Айру Стаута и другого состоятельного дельца — Уильяма Оусли, который, как иногда заявлял Смарт под влиянием винных паров, обобрал двух его друзей.

Решив отомстить, Оусли вооружился пистолетом и, встретив Смартта на улице, дважды выстрелил в него с четырех шагов. Твен рассказывает, что на грудь умирающего положили старинную библию, которая, не давая ему дышать, увеличила его мучения и ускорила агонию. Сэму было тогда девять лет. Как и все обитатели Ганнибала, он долго жил воспоминаниями

об этом убийстве. Иногда по ночам ему казалось, что он задыхается под давящей тяжестью огромной книги.

Оусли был привлечен к суду лишь год спустя. Богатство и связи помогли ему избежать тюремного заключения. Суд оправдал преступника, и друзья привезли его из соседнего городишка, где происходил процесс, с восторженными криками. Твен рассказывает в своих «Деревенских жителях, 1840—43», что общественное мнение заставило Оусли вскоре покинуть Ганнибал. Однако имеются данные, что и семь лет спустя он преспокойно продолжал вести там свои торговые дела.

Это не единственный случай убийства в Ганнибале за годы детства и юности Твена. Через городок с его сравнительно крупным речным портом тысячи переселенцев направлялись дальше на запад, к Тихому океану, а это создавало обстановку ажиотажа, нервозности.

Переселенцы на Дальний Запад стали особенно часто появляться в Ганнибале к концу 40-х годов, после захвата американцами — в результате войны с Мексикой — новых огромных территорий в западных областях континента и открытия знаменитых калифорнийских золотых россыпей. Надо сказать, что Ганнибал не только служил важным перевалочным пунктом на пути в Калифорнию, но и сам поставлял немалое количество переселенцев в районы Дальнего Запада. В апреле 1849 года местные газеты писали, что улицы Ганнибала переполнены повозками, в которых переселенцы надеются добраться до Калифорнии. Среди людей, отправившихся тогда на Запад, было около восьмидесяти обитателей городка. Уехали местный врач, аптекарь, муж учительницы, редактор газеты. В начале 50-х годов численность населения графства Марион, в которое входит и городок Ганнибал, уменьшилась на несколько сот человек — и все за счет эмиграции в Калифорнию.

В Ганнибале росла преступность. Сэму Клеменсу неоднократно приходилось видеть, как жажда наживы и спиртные напитки, которыми переселенцы глушили страх перед неизвестностью, превращали иных из них в диких зверей. Чуть ли не с каждым пароходом — а ежедневно у ганнибальской пристани останавливалось с полдюжины речных судов — в городок прибывали шулера, воры, мошенники, искавшие простаков с деньгами в местных «кофейных домах».

В Ганнибале были молодые люди, разгуливавшие с пистолетами в руках и охотно пускавшие их в ход. Сэм видел, например, как один из братьев Гайдов уперся коленом в грудь своего деда, а другой пытался его пристрелить. Но пистолет дал осечку. Однажды после целого дня, проведенного за городом, мальчик забрался в контору отца, служившего

тогда по судебному ведомству, и при лунном свете различил на полу очертания человеческой фигуры — это был убитый с глубокой раной на груди. Его принесли с улицы.

Сэму было уже четырнадцать лет, когда ему довелось стать свидетелем нападения некоего Линдли, «незнакомца из Иллинойса» (так значилось в опубликованной вскоре газетной заметке, возможно вышедшей из-под пера будущего писателя), а также друзей «незнакомца» на дом, где проживала старуха с молодой дочерью. Защищая свою дочь, старуха взяла ружье и уложила Линдли на месте. Примерно тогда же он видел, как «молодой переселенец в Калифорнию» был зарезан своим пьяным товарищем.

Воды Миссисипи частенько выносили на берег трупы неизвестных людей. Капитаны речных пароходов редко останавливали свои суда, когда кто-либо оказывался за бортом. Нельзя сказать, что человеческая жизнь на Миссисипи ценилась дорого.

То безрадостное и отвратительное, что характерно было для жизни взрослых обитателей Ганнибала, находило отклик и в мирке детей. Ни в одной из опубликованных книг Твена о Томе и Геке не найти детского образа, в котором было бы что-либо общее с сыном негроторговца Биба. Но Генри Биб реально существовал в Ганнибале. Он был сыном зажиточного человека и всюду хвастал своим нарядным костюмом, а также санками, привезенными из самого Сент-Луиса. Но, конечно, не только по этой причине писатель в письмах к другу детства Боуэну и в повести «Таинственный незнакомец в Ганнибале» (еще не увидевшей свет) дает волю своей ненависти к Генри Бибу. У этого малолетнего негодяя была дома маленькая бойня, и он свеживал там щенков и котят.

Все это откладывалось в сознании Сэма, мучило его. Ему снились убитые люди и растерзанные животные.

Вообще детство Тома было омрачено ночными кошмарами. Отчасти они были порождены и тем религиозным воспитанием, которое он получил.

Джейн Клеменс не разделяла скептического отношения своего мужа к религии. Ее сыну Сэму не было и восьми лет, когда его мать стала пресвитерианкой. Ласковая, добрая, она тем не менее уверовала в жестокого и мстительного бога. Она внушала эту веру и своим детям, даже такому неисправимому озорнику, как Сэм. В семье часто говорили о муках ада, которые ожидают, грешников после смерти.

Все, что происходило вокруг Сэма, все ужасы жизни в маленьком городке, казалось, имели божественное происхождение. Их придумывало провидение специально для того, чтобы наставить мальчика к лучшей

жизни. По ночам ребенок испытывал страх смерти, ощущал над собой существо, у которого нужно вымаливать прощение за всякие «грехи».

Воспоминания об одном случае долго мучили Сэмюела Клеменса.

Пьяный бродяга как-то попросил у него спичек, чтоб закурить трубку. Юноша (Сэму было уже семнадцать лет) дал бродяге коробок. Случилось так, что пьяницу арестовали и посадили в маленькую местную тюрьму. Он поджег солому, на которой лежал, и сгорел вместе с тюрьмой. По сути дела, Сэм ни в чем не был виноват. Но чувствительная совесть, растравленная поучениями пресвитерианцев, долго не давала ему покоя. Сэму становилось не по себе уже при приближении ночи.

Ганнибал не был идиллическим городком. И детство Твена не было идиллией.

Но все же Твен в зрелые годы говорил о поре своего детства с очень теплым чувством не потому только, что детство всегда кажется счастливым временем, а окружавшая писателя действительность уже мало его радовала. В Ганнибале в канун Гражданской войны и в самом деле было что-то привлекательное.

Вспоминая далекое прошлое на склоне лет, когда Америка вступила в эпоху империализма, Твен обоснованно отмечал, что в середине прошлого века в поселениях на Западе еще были заметны кое-какие патриархальные черты. С радостью рассказывал писатель о простоте нравов, царивших до возникновения «золотой лихорадки».

«В годы моей юности, — писал он, — я не помню в наших краях ничего похожего на... обожествление денег или богачей». В наивных стихах и песнях, которые пользовались тогда популярностью среди молодежи, речь, шла, во всяком случае, не о деньгах. Разбойники и пираты, говорит Твен, «бродили по колени в крови», но совершали свои подвиги, чтобы «помочь беззащитным, а не ради денег». Герои «женились по любви, а не для того, чтобы добиться денег и положения»,

В годы юности Твена ему довелось видеть немало добрых и сильных характером людей. Узнал он также о подлинных, а не выдуманных подвигах во имя помощи «беззащитным».

Однажды во время рыбной ловли старший брат Тома Бланкеншипа Бенсон (или попросту Бенс) обнаружил беглого негра. Закон обязывал его сообщить властям о своем открытии. Защитнику беглого невольника грозило всеобщее осуждение, а поимка негра доставила бы ему почести. Наконец, за чернокожего была назначена денежная награда. У Бенса, представителя семьи, члены которой, на взгляд «приличных» людей, являлись воплощением порока, было более чем достаточно оснований

выдать беглеца. И все же он этого не сделал. Бенс помог негру спрятаться в болоте, носил ему пищу. Но беглого раба выследили, за ним устроили погоню. Спасаясь от преследователей, негр утонул.

Сэм Клеменс знал об этом факте не только с чужих слов. Как-то раз, когда он и его приятели купались, из воды поднялась по пояс фигура утопленника. Тело, по-видимому, находилось под запутавшимися в зарослях бревнами — их много несет течение Миссисипи — и затем всплыло на поверхность. Мальчики в ужасе убежали.

О том, что все это не легенда, свидетельствует заметка, помещенная в ганнибальской газете «Джорнал» от 19 августа 1847 года. В ней говорится, что обнаруженное тело «соответствует описанию беглого негра, помещенному в листовках...».

Были в городке и сознательные аболиционисты, которые шли на смерть во имя своих убеждений. В одном из своих произведений Твен рассказывает о казни аболициониста Гарди, который помог негру бежать из рабства. Когда полицейский попытался задержать беглого раба, Гарди уложил представителя закона на месте.

Фермеры собрались на казнь со всей округи. Иные из них видели во всем этом только развлечение; они ели пироги да пили крепкий сидр. Но расправа над Гарди заставила многих задуматься. Аболиционистские настроения в Ганнибале не сошли на нет. Напротив, в борьбу с рабством вступили и другие жители городка. Некоторые местные ремесленники и рабочие: кузнец, печатник, пекарь и другие — создали тайное общество противников рабства. Кузнеца тоже повесили. Он умер со словами: «Смерть тиранам!» Общество аболиционистов продолжало существовать. Врагом рабства сделался и родной брат Твена — Орион.

Хотя у Сэма Клеменса и его ближайших товарищей мысль о помощи беглому рабу могла, пожалуй, вызвать только ужас (ведь негр был ценным имуществом, и, значит, тот, кто помогает негру скрыться, попросту «вор»), все же мальчики, знавшие о поступке Бенса, не выдали его. Смутное ощущение, что в основе рабства лежит какая-то несправедливость, уже тогда шевелилось в сердце насмешника Сэма.

С самых ранних лет ему были близки негритянские ребяташки — верные товарищи по охоте, купанию и разным проказам. На ферме дяди Куорлза были и взрослые негры, к которым нельзя было не испытывать чувства живой привязанности.

Рабы жили там, по замечанию Твена, в трех или четырех маленьких и убогих хижинах, которые назывались «негритянским участком». И Сэма всегда тянуло туда, ибо на «негритянском участке» его ждали искренняя

дружба и веселые приключения.

Добрый другом детей был негр дядя Дэн, превосходный рассказчик и советчик в беде. «Помню, — говорится в «Автобиографии», — кухню дяди Дэна, какой она была в счастливые вечера моего детства; как сейчас вижу черную и белую детвору, сгрудившуюся поближе к очагу, игру огня на их лицах, тени, пляшущие по стенам, светлые по сравнению с пещерным мраком в глубине комнаты; слышу, как дядя Дэн рассказывает бессмертные сказки...»

Еще в детстве Сэмюел Клеменс полюбил негритянские песни, которые с огромным волнением слушал и сам напевал всю жизнь. Одна из его дочерей заметила как-то, что в исполнении ее отца негритянские песни звучали, как вопль души.

Сколько нежности в описании негритянки — тети Филис, героини еще не опубликованного рассказа Твена, бесспорно основанного на воспоминаниях детских лет! У тети Филис осанка гренадера. «Но, будучи чернокожей, она добродушна до мозга костей. Это прирожденная привилегия и прерогатива ее чудесной расы. Она полна веселья, неистребимого веселья и живости; как радостно быть рядом с ней! Ее смех, этот светлый смех, этот вдохновляющий и бодрящий смех, всегда готов сорваться с уст; и вот он звенит, точно колокольчик, смех, исходящий прямо из сердца...»

Стол, одежда, но ни гроша деньгами

После смерти Джона Маршалла Клеменса семья вынуждена была жить на то малое, что удавалось получить Памеле за уроки музыки. Кое-что присылал Орион, работавший наборщиком в Сент-Луисе.

Твен рассказывает: «...После смерти отца меня сразу взяли из школы и отдали в обучение к мистеру Аменту, редактору и владельцу ганнибальской газеты «Курьер»...»

Есть данные, что мальчик ходил в школу лет до четырнадцати, правда, нерегулярно, совмещая учебу с работой.

Сэм Клеменс успел познакомиться со многими школами Ганнибала. Все это были частные заведения, где под руководством одного или двух учителей дети получали самые элементарные познания.

В восьмилетнем возрасте Сэм учился в школе, которую содержал некий ирландец, по фамилии Кросс, что значит «злой». Ученик Клеменс сочинил двустишие:

Кросс по фамилии и злой по натуре,
Ирландец Кросс — прыг из своей шкуры.

Приятель Сэма Джон Бриггз решился написать по двустишию на доске, за что был жестоко наказан. Автора стихов не обнаружили.

В школе Кросса царил бессмысленная зубрежка. Сохранились наброски рассказа Твена, где описана именно такая школа. Герои рассказа: шалун Том Сойер, его прилежный брат Сид и Бекки Тэтчер.

Лучше всего запомнилась Твену школа Досона, который требовал, чтобы дети подражали поведению его собственного сына. Но этот примерный мальчик отнюдь не пользовался симпатией учеников. В неопубликованном произведении Марка Твена есть комическая картинка школьной жизни. Ученики «шепчутся, дерутся, колотят друг друга, ловят мух, хихикают». Когда приходит учитель, все замолкают. Но вот он командует: «Беритесь за уроки», — а сам отправляется в свою комнатку. Снова «мальчики и девочки дерутся, щиплют друг друга, колют булавами — один мальчик сел прямо на булаву, вскрикнул «ох!», дал в ухо своему соседу. Перебрасываются комочками жеваной бумаги, стреляют из духовых ружей и т. д. Ловят мух. Некоторые из учеников получше вполголоса учат

уроки».

В школе Досона, как и у Кросса, ученики должны были механически зазубривать правила грамматики и вообще иметь дело с учебным материалом, смысл которого им был не доступен. Не удивительно, что дети предпочитали во время уроков обмениваться ножиками, птичьими яйцами, рыболовными крючками. Однажды Досон застал Сэма Клеменса и его приятеля Вилла Боуэна за увлекательным занятием: разделив чертой грифельную доску, они пытались булавками перегнуть вошь на половину соперника. Досон не оценил прелестей этой игры и выпорол обоих ее участников.

Скучная зубрежка, бесконечное унылое морализирование учителей и их готовность пользоваться розгой по любому поводу — все это не вызывало любви к школе. И все же Сэм Клеменс научился хотя бы грамотно писать. Он даже стал школьным чемпионом по диктанту.

Джозеф Амент, издававший газету «Миссурийский курьер», куда отдали в ученики маленького Сэма Клеменса, был ловкий делец и рьяный сторонник демократической партии, а эта партия уже успела превратиться в главную защитницу рабовладельческого уклада.

В своей «Автобиографии» Твен чаще всего рассказывает о годах детства с ласковой улыбкой, со светлым юмором. Но когда речь заходит об Амента, юмор то и дело пропадает. Типографский ученик Клеменс работал у Амента на обычных условиях — за «стол, одежду, но ни гроша деньгами». Одежду Амент давал старую, со своего плеча, совершенно неподходящую по размеру, кормили же учеников «очень однообразно, а главное — скудно».

С недобрим чувством вспоминал Твен и родственницу Амента, весьма скупую женщину. Враждебность к типографу и его родственнице откровенно звучит в ехидных заметках Сэмюэла Клеменса, помещенных им в ганнибальских газетах вскоре после ухода из «Курьера». Она чувствуется и в рассказах, написанных им гораздо позднее и оставшихся неопубликованными.

Один из хранителей твеновских рукописей сообщил, что в этих рассказах возникает образ мрачной последовательницы учения Кальвина, худой женщины «с длинным и острым носом и тонкими, бесцветными губами». Там же Твен изображает даму, «вкусившую уксусу», обладавшую «злым языком» и характером «дьявола». Возможно, злая родственница Амента послужила прототипом обеих героинь.

Амент не позаботился даже о кровати для своего ученика — Сэму приходилось спать на полу в типографии. Голод заставлял мальчика таскать

овощи из погреба, несмотря на бдительность Аментов.

Ребенок тосковал по матери, по родному дому, мечтал поесть досыта. Племянница Твена не столь давно рассказала одному из биографов писателя — со слов своей матери Памелы, — что «дядя Сэм чувствовал себя очень одиноким в типографии, куда его отдали». Однажды, вернувшись домой поздно ночью, Клеменсы обнаружили, что он удрал от Амента. Мальчик спал на полу. Видимо, сказалась привычка, приобретенная в доме типографа.

Мир взрослых людей, в который всматривался своими серо-голубыми глазами мальчик Сэм, выглядел не очень-то радостно.

И все-таки природная жизнерадостность и энергия, бившая через край, не позволяли Сэму Клеменсу впадать в уныние. Он сохранял бодрый взгляд на мир, веселился как только мог и с восторгом глядел на беззаботных, всегда готовых к шутке людей — таких, как его друг — юный типографский рабочий.

Закончив свой урок в типографии, Сэм спешил купаться или погулять с приятельницами. Он любил танцевать. В Ганнибале часто устраивали танцы. Танцевали в школах, в пустых сараях, на свежем воздухе — был бы только скрипач.

Нет сомнений, в жизни юных ганнибальцев были свои радости.

В начале 50-х годов Орион Клеменс по совету матери решил сделаться издателем газеты.

К этому времени в Ганнибале, население которого едва достигало трех тысяч человек, уже было несколько газеток, главным образом еженедельных. Это были, как правило, небольшие листки, плохо напечатанные на скверной бумаге (местами типографская краска почти не была видна, кое-где она ложилась так густо, что текст становился неразборчивым). Зачастую всю работу по выпуску газеты делал один человек.

Денег, нужных для издания даже такой маленькой газеты, у Ориона не было, но редактор одного из еженедельных листков, выходивших в Ганнибале, так страстно хотел поскорее отправиться за золотом в Калифорнию, что готов был продать свою типографию по дешевке.

Вначале предполагалось, что Сэм не станет работать у брата; мальчик нетерпеливо ждал окончания срока своего ученичества, чтобы заставить скупого Амента раскошелиться на жалованье. Спустя несколько месяцев, однако, Сэм (подобно младшему брату Генри) оказался рабочим в типографии Ориона. Несмотря на все обещания главы этого семейного предприятия, жалованья он не получал.

Основные черты своеобразного характера Ориона Клеменса к этому времени уже выявились с достаточной определенностью. Это был человек необычайной душевной чистоты, искренности, благородства, честности и вместе с тем человек неорганизованный, рассеянный, легко поддававшийся влияниям. Орион Клеменс был чудаком. Казалось, он заимствовал некоторые особенности своего душевного склада у тех чудаков, которых в таком изобилии рисовала английская литература. Было в нем что-то и от Адамса, одного из героев «Джозефа Эндрюза» Филдинга, и от гольдсмитовского Примроза и от добрых чудаков Диккенса. В мире, где шла жестокая борьба за существование, старший брат Твена чувствовал себя неуютно. В американских условиях бескорыстные люди с открытой душой не могли рассчитывать на «счастливый конец». Орион Клеменс был прирожденным неудачником.

Марк Твен любил своего брата, с глубоким вниманием приглядывался к нему и позднее дал совет Ориону последовать примеру Руссо и написать откровеннейшую историю своей жизни, своих мечтаний и неудач. Вместе с тем он, особенно в молодости, воспринимал донкихотские чудачества Ориона с раздражением, порою даже издевался над ним. Биографы Твена, как правило, пишут об Орионе с насмешкой. Между тем он был единственным человеком в семье Клеменсов, который еще до Гражданской войны сознательно, хотя и не всегда последовательно выступал против рабства. Он всю жизнь мечтал — пусть с наивностью малообразованного провинциала — об исправлении нравов в Америке, энергично ратовал против католической церкви, не раз следовал «еретическим» учениям в протестантизме, поддерживал демократические начинания самого различного характера.

В своей газете Орион публиковал анекдоты и отрывки из романов — то дешевых, сентиментальных романов, то диккенсовских, — печатал сообщения из местной жизни, политические известия. Как и другие редакторы, он развлекал читателей и снабжал их кое-какой информацией. Но такой человек, как Орион Клеменс, не мог удовлетвориться этим — он считал своим долгом бороться за прогресс. В его газете ощущалась симпатия к фермерам и ремесленникам, искренняя приверженность принципам буржуазной демократии.

Дела Ориона Клеменса шли не блестяще: уж очень небогаты были подписчики. Они предпочитали рассчитываться с редактором не деньгами, а дровами или капустой. Не всегда Ориону удавалось вовремя оплачивать проценты богатому фермеру, у которого он взял денег взаймы для приобретения типографии. Редактор много раз менял название газеты, то

повышал, то понижал подписную плату. Решил было выпускать свой листок раза три в неделю, но вскоре же увидел, что это ему не под силу. Рассылал письма к известным писателям с просьбой сотрудничать. Ничего не помогало! На жалкие доходы, которые приносила газета, семья Клеменсов существовать не могла.

И все же юный наборщик Сэм деловито выполнял свои обязанности в типографии брата, гордясь своей грамотностью, умением набирать текст почти без ошибок.

Пожалуй, Твен начал печататься еще в бытность учеником Амента. Особых талантов для этого не требовалось. Редакторы газет постоянно испытывали нехватку материала. Они охотно пользовались ножницами — перепечатывали понравившиеся сообщения или рассказы из других газет. Стоило кому-либо из соседей преподнести в дар редактору кусок свадебного пирога или горстку клубники, и известие об этом появлялось на страницах газеты. Орион Клеменс печатал даже классные сочинения ганнибалльских школьников. Если грозила опасность, что в номере все же останется незаполненное место, то появлялись на свет божий старые, давно использованные объявления, и редактор затыкал ими пустоты в полосе.

Что удивительного в том, что Амент готов был предоставить место в «Миссурийском курьере» и своему ученику. Юный Клеменс, вероятно, опубликовал там кое-какие заметки на местные темы. Ни на какой гонорар он, конечно, рассчитывать не мог.

В газете Ориона Сэм печатался, видимо, еще чаще, чем у Амента. Есть основания думать, что именно он был автором опубликованного в 1851 году сообщения о пожаре, который произошел по соседству с типографией «Уэстерн юньюн» (так в то время назывался листок Ориона Клеменса). В заметке было сказано, когда и где произошел пожар, а затем автор в насмешливых тонах описал поведение одного из типографских учеников. Узнав о пожаре, он, видите ли, решил сделать «благородное дело»: схватил метлу и грязное полотенце и убежал с ними, чтобы спасти их от огня. «Он вернулся через час, почти бездыханный... думая, что обессмертил себя...», а за это время пожар уже успели потушить.

Получилась маленькая юмореска.

Сэмюел Клеменс писал и настоящие репортерские отчеты. Он грешил также по части сентиментальных стихов. Любопытно, впрочем, что самые ранние из сохранившихся произведений писателя, напечатанных в газетах или журналах, носили юмористический характер. Такова была заметка о пожаре. Таков был и рассказ «Франт пугает скваттера». Он появился год спустя в журнале «Саквояж», выходившем в далеком Бостоне.

Рассказ этот подписан инициалами С. Л. К., действие его происходит в Ганнибале, и принадлежность рассказа Сэмюелу Клеменсу не вызывает сомнений.

На всех фотографиях тех лет Сэм выглядит серьезным. Но юмор бил из него ключом. Он не мог жить без шутки, всегда готов был смеяться и радовался, если удавалось вызвать улыбку у других. Его сердило отсутствие чувства юмора у Ориона. Мать была тем более близка Сэму, что она-то знала толк в шутке.

В те годы юноша инстинктивно стремился поменьше останавливаться мыслью на суровой правде жизни, воплощенной в трагической судьбе его собственного отца. Это, разумеется, не значит, что он закрывал глаза на происходившее вокруг него, что он не видел, как трудно, мучительно трудно, живется и неграм и большинству белых людей в родном Ганнибале. Автобиографические заметки Твена — а их несколько томов — говорят о том, что и светлые и мрачные впечатления детских и юношеских лет оставили глубочайший след в его сознании. Сердце, жаждавшее смеха, было особенно чувствительно к боли, страданиям, злу. И, может быть, как раз потому, что жизнь рано раскрыла перед ним свои темные стороны, будущий писатель с таким вызовом утверждал тогда свою веру в счастливое будущее, так тянулся к смеху.

«Полулошадь, полуаллигатор»

В «Деревенских жителях, 1840—43» Твен вспоминает, что в дни его юности жители Ганнибала читали книги Вальтера Скотта, Купера, Байрона, Диккенса. Впрочем, не меньшей популярностью пользовались тогда модные «подарочные» альманахи, где печатались религиозно-сентиментальные стишки и совершенно неправдоподобные рассказы.

Сэмюел Клеменс не любил Купера и Скотта; он проявлял мало интереса к английской поэзии.

В школьные годы, или во всяком случае вскоре после завершения учебы у Досона, он познакомился с «Дон Кихотом» Сервантеса, а также с некоторыми книгами Свифта, Гольдсмита и Диккенса (отрывки из «Холодного дома» даже появлялись в газете Ориона Клеменса).

Свифтовская сатира была близка Твену на протяжении почти всей жизни. Он ценил только те произведения Гольдсмита, в которых ощущались сатирические тенденции. Сентиментально-идиллические мотивы в творчестве английского писателя вызывали у него раздражение. Очень сложным было отношение Твена к Диккенсу: он ценил произведения великого английского реалиста, безусловно, многому научился у него и вместе с тем находил диккенсовский юмор недостаточно острым.

Мальчика Сэма Клеменса больше всего, пожалуй, влекли произведения особого склада. Это не были книги классиков. Они не издавались в роскошных переплетах. Их не рекомендовали учителя и не расхваливали критики.

Речь идет о простонародной юмористике.

На пристани, в ожидании парохода, у дверей лавок на Главной улице, где люди часто собирались, чтобы отдохнуть и перекинуться словом, в семейном кругу, когда заканчивался рабочий день, ганнибальцы передавали из уст в уста рассказы, рожденные фантазией народа.

Еще в незапамятные времена индейцы в Америке создали великолепные сказания о героических делах своего народа. О трагической судьбе невольников повествует фольклор многострадальных американских негров. В сказках и песнях они отдали должное лучшим, самым отважным своим братьям, посмеявшимся бросить вызов истязателям.

Героическая тема получила развитие и в народном творчестве белых американцев. Известно немало легенд, в которых воспеты подвиги борцов за свободу, защитников слабых и угнетенных, победителей природы,

полубогов, переделывающих облик земли.

В образах великана Поля Беньяна или, например, негра-силача Джона Генри безыменные рассказчики воплотили свободолюбие народа, веру в его силы, жажду общественно полезного труда.

Дух Беньяна живет в некоторых произведениях великого американского поэта Уолта Уитмена, а от Джона Генри тянутся нити к новой поэзии американских негров.

О Поле Беньяне рассказывают, что он по своему желанию создавал реки и пустыни. Захочет Беньян — и выроет целый залив, захочет — перенесет гору на новое место, где ему нужен наблюдательный пункт. Он могуч, как природа Запада. В сказаниях о Беньяне встречается и комический элемент. Но прежде всего Беньян воплощает дерзость людей, мужественно проникавших в глухие уголки, где пришельцев встречали страшные метели и песчаные бури.

В американской народной поэзии героическое начало, пожалуй, было ведущим. Но о фольклорной прозе этого сказать нельзя.

Народ Америки создал гораздо больше рассказов, проникнутых юмором и даже издевкой, нежели легенд, воспевающих героические деяния. Псевдогероика занимает не менее, а, пожалуй, более видное место в американском фольклоре, чем подлинная героика.

В большинстве стран Европы народное творчество возникло в седой древности. В новых, заокеанских, краях фольклор (во всяком случае, фольклор белых обитателей страны) получил развитие в условиях буржуазного уклада. В Америке, где так силен был дух индивидуализма, народ чаще всего создавал насмешливые рассказы о себялюбцах и жуликах, о фальшивых героях, хвастающих подвигами, на которые они на самом деле не способны.

Впрочем, нельзя сказать, что американский юмористический фольклор всегда носит характер сознательного обличения. Кое-что даже в отрицательных персонажах комических рассказов нравилось как повествователям, так и их слушателям. Уж очень хорошо у этих пройдох был подвешен язык, уж очень хитро эти ловкачи обводили вокруг пальца деревенских жителей!

Еще в детстве и юности от матери, дядя Куорлза, товарищей по школе, друзей — типографских учеников, а то и просто от первых встречных, попавшихся на улице, негров и переселенцев, Сэмюел Клеменс воспринял много комических рассказов. Это были повествования об изворотливых проходимцах, речных матросах — мастерах кулачного боя, провинциальных политиках, которые не полезут в карман за словом, а

также и о «простаках», которые не уступят по уму самым важным персонам. Вероятно, от Куорлза Твен впервые услышал историю о том, как двое провинциалов поспорили, чья лягушка прыгнет выше, и как один из спорщиков здорово надул другого.

На Миссисипи были в ходу рассказы о матросе и бурлаке Майке Финке. Он порою совершал жестокие поступки, дурно обращался с женой, но многие находили нечто привлекательное в его лихом характере.

Чего только не рассказывали о нем!..

Вообще в западных областях страны любили придумывать такое, что заставляло «изнеженных франтов» из восточных штатов просто открывать рты от удивления. Рассказчики соревновались в умении сочинять как можно более невероятные, поистине сногшибательные, даже абсурдные истории. Преувеличения следовали одно за другим бесконечной чередой.

Финка, как и Беньяна, порой изображали существом сверхчеловеческих масштабов. Но в Финке-«великане» было нечто смешное. Ведь этот матрос — человек весьма невысокого морального уровня, он нагл и хвастлив. Нереальность его претензий на героизм бросается в глаза. В описании и Финка и близких ему людей ощущались весьма заметные насмешливые интонации. Про дочь Финка рассказывали, например, что она умеет одновременно и свистеть, и кричать, и есть — такой уж у нее большой рот.

Однако самым известным персонажем американского комического фольклора к середине века стал Крокет. Рассказы о нем получили наибольшее распространение в западных областях страны, и в том числе в штате Миссури.

Расцвет «крокетианы», как и всего американского комического фольклора, приходится как раз на те годы, когда мальчик Сэмюел Клеменс из городка Ганнибала начал вглядываться в жизнь.

Дейвид, или Дейв, Крокет был, можно сказать, близким соседом Марка Твена: он вышел из глухих уголков западного Теннесси. Человек, носивший такое имя, действительно существовал. Еще в 20-х годах прошлого века Дейвид Крокет получил довольно широкую известность как член законодательной палаты в Вашингтоне и шутник-эксцентрик.

Вначале Крокет поддерживал Эндрью Джексона, в котором сотни тысяч американских фермеров видели борца против попыток банкиров и фабрикантов захватить власть в стране. За это Крокет подвергся насмешкам в антиджексоновской печати. Позднее он стал выступать против Джексона и испытал немало неприятностей от газет джексоновского толка.

В сотрудничестве с журналистом Чилтоном Крокет сочинил

«Автобиографию», с ее помощью он рассчитывал вновь завоевать утраченное им доверие рядовых американцев. В «Автобиографии» Крокет немало небылиц, откровенного вранья.

Необузданным хвастовством Крокет нередко пользовался для того, чтобы свести на нет явные преимущества политических противников. У его соперника очаровательная улыбка. Что поделать... Он, Крокет, конечно, уродлив, и улыбка у него ужасающая. Но стоит ему ухмыльнуться, глядя на какого-нибудь зверька в лесу, и тот падает как подкошенный. Однажды — это было в сумерках — Крокет увидел зверька на дереве и начал улыбаться в обычной своей манере. На зверька это почему-то не действовало. Тогда Крокет засмеялся ужасающим смехом. Зверек как ни в чем не бывало продолжал торчать на дереве. Оказалось, что Крокет принял за зверька какой-то сучок. Когда он присмотрелся поближе, то увидел, что с сучка этого слезла кора. Сучок был совсем гол — такой силой обладала улыбка Крокета.

Много комически нелепого писали о Крокете еще при его жизни разные газеты — дружественные и недружественные. В 1832 году была напечатана, например, насмешливая заметка следующего содержания: «Президент уполномочил Дейвида Крокета из Теннесси взобраться на Аллеганские горы, поймать комету, когда она приблизится к земле, и оторвать у нее хвост, чтобы она не спалила весь мир».

В середине 30-х годов Крокет умер. Один за другим стали появляться «крокетовские альманахи», в которых рассказывались еще более нелепые и смешные истории об этом «герое». Вместе с тем образ Крокета стал достоянием народа — комическими сказаниями о нем охотно обменивались матросы на баржах, охотники во время привала или просто соседи по ферме.

Облик Крокета, такой, каким он сложился в сознании миллионов американцев, ясно вырисовывается уже из ответа на простой вопрос: «А кто ты такой?» Крокет отвечает, что он «полулошадь, полуаллигатор», может «перескочить через реку Огайо» и ездит «верхом на молнии».

В «Альманахе Дейва Крокета», изданном вскоре после смерти «полковника», как его иногда называли, приводится речь, будто бы произнесенная Крокетом перед коллегами по палате представителей. Есть в этой речи сатирический элемент. «Конгресс бесплатно предоставляет своим членам лимонад, а расходы проводит по графе «канцелярские принадлежности»! — восклицает Крокет. — Я предлагаю, чтобы нам выдавали виски, и пусть это называется «топливом».

Прежде чем выступить со своим насмешливым предложением, Крокет

представляется членам конгресса в обычном комически хвастливом тоне. У него, Крокета, самая бешеная лошадь, самая красивая сестра, самая уродливая собака и самое верное ружье во всей округе. «Мой отец может поколотить любого человека в Кентукки, а я могу поколотить моего отца. Я могу переговорить любого человека в палате представителей, даже если он начнет за два часа до меня». Крокет бежит быстрее, ныряет глубже и выходит из воды более сухим, нежели любой другой парень по эту сторону «большого болота» (то есть Атлантического океана).

Образ Крокета приобретал все более гигантские, порою даже космические масштабы; хвастовство этого «героя» теряло последнюю видимость связи с реальностью. Крокету приписывали утверждение, что он может высечь огонь из руки, поднять пароход на плечо, осушить Миссисипи до дна, чтоб утолить жажду. Он пьет царскую водку, то есть смесь кислот, и в состоянии проглотить целого человека, не поперхнувшись, если только у него не торчат уши, а «голова смазана маслом».

Не легко выяснить, сам ли Крокет, деревенские ли врали или профессиональные юмористы из Нэшвиля штата Теннесси, где издавалось особенно много «крокетовских альманахов», ответственны за те или иные элементы «крокетианы». Во всяком случае, «крокетовский» юмор — это «дикий юмор», как выражаются американцы. В основе его — комические гиперболы, нелепица, возведенная в принцип, гротеск, не знающий границ.

Изредка в историях о Крокете звучит что-то напоминающее Поля Беньяна. «Крокетиана» не была чужда поэзии.

Однажды в очень холодную зиму Земля примерзла к оси, а Солнце застряло между двумя кусками льда. Все в природе застыло. Но Крокет не дал Земле и Солнцу погибнуть. Он сразу же взялся за дело и освободил Землю из плена. Она крякнула и снова начала двигаться. «Солнце тоже отправилось в путь во всей своей красе, — рассказывает Крокет, — приветствуя меня таким вихрем благодарности, что я чихнул. Ну что ж, прикурил я свою трубку от верхушки Солнца, вскинул медведя на плечо и отправился домой. А по дороге показывал людям, как выглядит свеженький дневной свет — ведь в кармане у меня был кусочек зари».

В западных областях страны изощренное хвастовство культивировалось самым широким образом. Хвастливыми выкриками иные пытались прикрыть страх перед противником, перед жизнью. Трусы стремились заменить словесным поединком подлинную схватку. Порою хвастовство носило осознанно шутливый характер. А шутка помогала людям мужественно встречать беду, подбадривала их в трудные минуты.

На Миссисипи порою разыгрывались целые состязания в хвастовстве. Один матрос скажет:

— Я человек, я лошадь, я целая упряжка, я могу уложить кого угодно во всем Кентукки, клянусь богом!

Другой:

— Я полулошадь, полуаллигатор, могу уложить любого человека по всей Миссисипи!

Позднее сам Марк Твен запечатлел в «Жизни на Миссисипи» образный язык матросов с Миссисипи, которые, хвастая воображаемой силой, пускают в ход самые фантастические гиперболы и, подобно Крокету, выходят (в своем воображении) на космические просторы, где и совершают свои «подвиги».

Один из матросов кричит: «Я почесываю голову молнией и убаюкиваю себя громом!.. Я накладываю ладонь на солнце — и на земле наступает ночь; я откусываю ломти луны и ускоряю смену времен года; только встряхнусь — и горы рассыпаются. Созерцайте меня через кусок кожи — не пробуйте взглянуть простым глазом!»

В годы, когда в печати появлялись первые пробы пера Сэмюэла Клеменса, развивался не только американский комический фольклор. Как раз тогда в Америке стали завоевывать известность многие профессиональные литераторы, выступавшие с юмористическими произведениями, в которых ощущалось нечто специфически американское.

Разумеется, юмора было немало в Америке и до твеновских времен. Насмешкой пропитаны народные легенды и частушки, комические поэмы и памфлеты эпохи борьбы американцев за независимость. Оружием сатиры боролся с английскими колонизаторами революционный поэт и публицист Филипп Френо. Этим оружием пользовался он (а также другой революционный поэт — Барло) и в схватке с реакционерами внутри страны после возникновения Соединенных Штатов.

Первый крупный американский новеллист Вашингтон Ирвинг был мастером шутки, изящного, хотя, пожалуй, и не очень глубокого юмора. Есть элементы комического в произведениях Натаниэла Готорна. Даже в мрачном творчестве Эдгара По встречаются прожилки юмора.

И все-таки до 40-х годов XIX века американская литература была не очень-то богата оригинальным, сочным, подлинно национальным юмором.

В десятилетия, непосредственно предшествовавшие Гражданской войне Севера и Юга (это был период резкого усиления народной борьбы за землю и против рабства), юмористическая литература в США ракетой взвилась ввысь.

Подъем ее был связан в немалой степени именно с развитием демократических настроений в стране, с усилением интереса к жизни обыкновенных, ничем как будто не примечательных обитателей Америки.

В 30-х и 40-х годах прошлого века в Нью-Йорке, Бостоне и некоторых других городах возникли юмористические журналы, издававшиеся довольно большими тиражами. Издатели начали наводнять всю страну сборниками смешных рассказов и «комическими альманахами». Юмор завладел и газетой. Все больше места на газетных полосах занимали шутки, анекдоты, фельетоны, юмористические рассказы.

Что и говорить, в подобной юмористике было много примитивного, грубого. По убеждению «солидных» граждан и, в частности, критиков, юмористические журналы и книжки издавались главным образом для полуграмотных провинциалов, деревенских невежд. Пестрые обложки и рисунки сомнительного качества, серая бумага и скверная печать не вызывали к этой литературе доверия. Однако в таких анекдотах, комических скетчах и рассказах так или иначе сказывалась правда жизни.

Юмористы изображали повседневную жизнь рядовых фермеров и ремесленников, охотно рисовали болтливых кумушек и отупевших от одиночества хуторян, сорванцов мальчишек и стариков с их забавными причудами.

В пародиях, комических скетчах, рассказах и газетных фельетонах то и дело проявляло себя сатирическое начало. Писатели высмеивали жадных богачей, бесчестных политиканов, жуликов, зазнаек, лицемеров, людей с претензиями на аристократизм и т. д.

С произведениями Гупера, Лонгстрита, Смита, Дерби, Галибортона, Шиллабера, Уичер, а также многих других юмористов Сэмюел Клеменс ознакомился по «комическим альманахам», юмористическим журналам, таким, как «Дух времени» или «Саквояж», и по газетам.

Как и каждый редактор, Орион Клеменс получал много разных изданий в обмен на свою газету. И в изданиях, приходящих в Ганнибал из разных мест, наборщик Клеменс прежде всего, пожалуй, вылавливал анекдоты, юмористические письма и сценки. Они были обычно написаны ломаным, исковерканным языком, который сам по себе вызывал смех или, во всяком случае, должен был его вызывать.

Стоя у наборной кассы, Сэмюел Клеменс, вероятно, не раз трудился над «докиментами» (так именно они и назывались) «майора Джека Донинга», простодушного и вместе с тем хитрого фермера, и уморительными рассказами янки Сэма Слика.

Донинг говорит о высокопоставленных лицах из Вашингтона, точно о

своих деревенских приятелях. Создатель этого образа Сиба Смит высмеивает законодателей сомнительной честности, лицемерных политиканов. Коробейник Слик, рожденный фантазией юмориста Галибортона, ходит из деревушки в деревушку, из дома в дом, подмечает, как живут люди, как они ссорятся и дружат, он знает их слабости и недостатки.

Писательница Уичер нарисовала образ вдовы Бедот, обитательницы американского захолустья, живущей мелкими интересами своей округи. Многим похожа на нее миссис Партингтон — создание Шиллабера. А в этой кумушке, которая испытывает немало огорчений от шалуна Айка, есть кое-что общее с тетей Полли, известной всем по повести Твена «Приключения Тома Сойера».

В творчестве «западных» писателей было еще больше выдумки, юмористической фантастики, нежели в рассказах Шиллабера и других юмористов из восточных штатов США. В значительной мере это был юмор старателей, лесорубов или матросов, всегда готовых поиздеваться над зазнайками с «востока», которые кичатся своими манерами, своей цивилизованностью, но ничего не стоят по сравнению с «настоящими мужчинами» и верят всяким небылицам.

Много комического было и в театральных представлениях, которые довелось видеть Сэму Клеменсу в юности. Время от времени в Ганнибале появлялись бродячие актеры, привозившие классический репертуар. Но юному наборщику Сэму лучше всего запомнились представления, которые давали в городке белые актеры, игравшие негров. Это были комические представления. Такой «негритянский» театр появился в США незадолго до рождения Твена и быстро приобрел большую популярность. Актеры, у которых лица были выкрашены в черное, пародировали ссорящихся негров, высмеивали современные моды, пели, обменивались шутками. В своем стремлении смешить зрителя они не знали удержу. Это была самая откровенная клоунада. Твен вспоминает: «Тогда носили высокие воротнички, и актер выходил в воротничке, закрывавшем чуть ли не всю голову...» Писатель приводит образец комического диалога, пользовавшегося успехом у публики. Актер рассказывает о пережитой им буре. Его спрашивают: как же он и его попутчики не умерли с голоду, когда вышла провизия?

— Мы ели яичницу.

— Вы ели яичницу? Где же вы брали яйца?

— А во время шторма наше судно так и несло.

Шутки и каламбуры вызывали смех у миллионов соотечественников

Твена. Их любил Линкольн.

Такой юмор впитывал в себя с детства и будущий писатель.

«Университеты» Марка Твена

И после того как юноша Сэм Клеменс ушел от Аменты, ему приходилось не очень-то легко. То и дело прорывалось раздражение против Ориона, который, став фактическим главою семьи, никак не мог обеспечить ее минимальных нужд. Редактора Клеменса вечно мучила тревога о невыплаченных долгах. Он никогда не мог сказать с уверенностью, что завтра у него будут деньги на пропитание и квартирную плату.

Юность Твена — это прежде всего годы бездомности (он сам говорил, что рано начал жить «на чужих харчах»), метаний в поисках настоящего дела, неуверенности в завтрашнем дне. Но он чувствовал, что так долго продолжаться не будет. Нет, Сэмюел Клеменс не таков, как его растяпа брат! Он сумеет постоять за себя, он завоюет себе место в жизни.

Сэму еще не было восемнадцати лет, когда он сбежал от Ориона. В городе Сент-Луисе, где жила Памела с мужем, юноша нашел работу, скопил немного денег и отправился в районы Атлантического побережья, чтоб повидать крупнейшие города страны: Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон. Когда удавалось устроиться в какой-нибудь типографии, он работал несколько недель, а затем ехал дальше. Все привлекало внимание юного провинциала, все ему казалось интересным: и выставка в Нью-Йорке, и здания в Филадельфии, где представители американских колоний пришли к историческому решению подняться на борьбу за независимость, и бесплатная библиотека печатников, — Сэм охотно проводил там свободные часы.

В Нью-Йорке Клеменс сумел побывать в настоящих театрах. И он с наивной восторженностью описал в письме домой, как понравилась ему сцена, в которой гладиатор умирает «с жестокой радостью удовлетворенной жажды мести».

За время бродяжничества кругозор юноши расширился, он почувствовал, что больше приобщился к культуре. В его письмах домой звучал оптимизм, даже самоуверенность. Полемизируя, как всегда, с Орионом, склонным к унынию, Сэм писал своему старшему брату, что «людям придется долго ждать, прежде чем я упаду духом или испугаюсь голода».

Но все же его тянуло домой. Видимо, не так-то уж хорошо жилось Сэмюелу Клеменсу вдали от родных, если он согласился в конце концов

снова поступить на работу к Ориону, переехавшему из Миссури в штат Айова. Надежд на то, что брат будет систематически выплачивать ему жалование, по-прежнему было весьма мало.

Дела в типографии, которую открыл Орион в городе Киокуке, шли плохо. Сэмюел сердился на брата и жаловался на него матери, которая и теперь, когда Орион женился, жила у него и оказывала большое влияние на ход жизни всех Клеменсов.

Снова Сэм добросовестно трудился в типографии в дневные часы, а по вечерам вел беседы с приятелями или отправлялся на свидания с хорошенькими девушками. Молодому наборщику скоро будет двадцать лет. Он умеет петь, охотно сочиняет забавные истории, не прочь сыграть какую-нибудь шутку над Генри или учениками-наборщиками и по-прежнему совершенно не представляет себе, что его ждет даже в самом ближайшем будущем.

Сэмюел Клеменс убежден, во всяком случае, что учиться ему больше не придется. Но он много читает, читает все, что попадает под руку, без разбора: и серьезные книги, и сборники анекдотов, и юмористические журналы, и книги об увлекательных путешествиях.

В одной прочитанной книге описывалась поездка американских путешественников Линча и Герндона к верховьям реки Амазонки. Там произрастают редкие экзотические культуры, которые высоко ценятся на мировом рынке. Тот, кто сумеет туда добраться, быстро разбогатеет. Почему бы наборщику Клеменсу не отправиться по маршруту этих смельчаков?! Может быть, это избавит его от беспокойного чувства, которое нет-нет и дает себя знать. Должен же он, наконец, найти настоящее дело в жизни!

Увлекательное путешествие и богатство... Что еще нужно человеку?! Сэм договорился с двумя приятелями совместно отправиться на реку Амазонку. Не хватало лишь средств на дорогу.

Однажды, рассказывает Твен, к дому, мимо которого он проходил, прибило ветром бумажку. Бумажка оказалась банкнотом в пятьдесят долларов. Теперь уж больше ждать было нечего. Сэмюел Клеменс сразу же покинул Киокук.

Вышло так, что он уехал один. Найденных денег все равно не хватило бы на поездку в Южную Америку. Первый этап на пути молодого наборщика к Амазонке — американский город Цинциннати. Здесь он перезимует, затем по Миссисипи отправится в Новый Орлеан, а уж оттуда к конечной цели.

Началась работа еще в одной типографии. Снова жизнь на чужих

харчах, снова чувство бездомности. Впрочем, и в доме замученного деловыми неудачами Ориона было не очень-то весело.

Сэмюел Клеменс, как всегда, приглядывается и прислушивается к людям, учится в университетах жизни. В Цинциннати его заинтересовал товарищ по работе, шотландец Макфарлейн. Он любит пофилософствовать, но философия у него мрачная. Человек, рассуждает Макфарлейн, имеет много общего с животными. Люди даже хуже животных, это очень злые существа. Клеменс видел в людях иное — хорошее, светлое. Но он ценил Макфарлейна за то, что у этого наборщика было много серьезных, умных книг. Сэм продолжал читать.

Весной 1857 года он тронулся в путь к Амазонке. Маленький пароход «Поль Джонс» идет до Нового Орлеана. Но когда судно, наконец, добралось от Цинциннати до самой южной точки Миссисипи (сначала шли по притоку Огайо, а затем, от города Кейро, — по «отцу рек»), оказалось, что Сэмюел Клеменс раздумал ехать в Южную Америку. Он не хочет быть путешественником. Его теперь прельщает совсем другое. Он будет лоцманом.

Для юноши, выросшего на Миссисипи, что могло быть естественнее стремления стать лоцманом? И разве есть на свете более почетная профессия, чем та, которая делает человека хозяином высокой лоцманской рубки?!

Как уберечь собак от бешенства в августе?

Твен любил утверждать, что он стал писателем случайно. Да и вся его жизнь, говорил он, была цепью случайностей. Молодой человек, который после долгих лет работы в типографиях решил овладеть профессией лоцмана, и не мечтал тогда посвятить свою жизнь литературе. Сэмюелу Клеменсу пришлось пройти немало новых испытаний, прежде чем настало время, когда он, наконец, начал зарабатывать на хлеб насущный своим пером. Это уже было в период войны Севера и Юга.

Но вспомним, что еще в довоенные годы Сэм не раз видел в печати сочиненные им строки.

Рассказ шестнадцатилетнего Сэмюела Клеменса «Франт пугает скваттера» был опубликован в 1852 году в журнале, который издавал Бенджамин Шиллабер, один из известнейших юмористов восточных штатов.

В рассказе повествуется о том, что произошло свыше десяти лет тому назад, когда Ганнибал был совсем маленькой топливной станцией. Однажды с парохода сошел некий франт «с убийственными усиками» и, желая порисоваться перед молодыми дамами, с которыми он флиртовал на палубе, направился к первому попавшемуся скваттеру — лесорубу, предварительно вооружившись ножом и пистолетами.

— Я тебя все-таки разыскал! — воскликнул франт. — Ищу тебя уже целых три недели. Молись! Из тебя получится прекрасная дверь для амбара, а дырку для ключа я просверлю сам.

Дальше произошло нечто неожиданное. Скваттер спокойно поглядел на франта с его пистолетами, размахнулся и сбросил хвостуна в реку.

— Послушай, ты, в следующий раз, когда тебе захочется просверливать дырки для ключей, не забудь своих старых знакомых! — прокричал скваттер опозоренному франту.

Рассказ заканчивался словами: «Дамы единогласно присудили нож и пистолеты победителю».

Демократический смысл рассказа очевиден — простой лесоруб с Запада смелее, благороднее и уж подавно сильнее пустого франта из «старых» штатов. Попробуй-ка задеть его! Это тебе даром не пройдет.

Рассказ юноши Клеменса не мог претендовать на оригинальность. В газетах, издававшихся в городках неподалеку от Ганнибала, печатались юморески на ту же тему незадолго до появления «Франта». Возможно, что

начинающий автор опирался на материал скетча, опубликованного в 1849 году в газете «Геральд», что выходила в соседнем городке Блумингтоне. Если это и так, то, во всяком случае, Клеменс внес в свой рассказ некоторые улучшения по сравнению с первоисточником. У него точно указано место действия, убедительнее мотивирован поступок франта и скваттер изображен не человеком с «удивительно глупым лицом», а мощным лесорубом.

Строгие вкусы Ориона Клеменса мешали Сэму регулярно выступать на страницах газеты «Джорнал», которую издавал его старший брат, с дорогими его сердцу веселыми заметками. Но как-то редактор был вынужден уехать по делам и оставил своим заместителем младшего брата. За время отсутствия Ориона Клеменса вышло в свет несколько номеров газеты, в которых уже не чувствуется его сдерживающего влияния.

Юный редактор прежде всего вступил в перепалку с редактором другой ганнибальской газеты. Он сообщил, что его соперник на ниве печати собирался было покончить жизнь самоубийством вследствие любовных неудач, но позорно струсил. Был даже опубликован рисунок (клише вырезал сам Сэмюел Клеменс при помощи перочинного ножика), изображающий «самоубийцу» — он испуганно замеряет палкой глубину ручейка, в который собирался броситься. Сэм не упустил возможности задеть и своего старого недруга Амента. Он описал его отнюдь не мужественное поведение во время пожара, случившегося в Ганнибале.

В одном из номеров газеты «Джорнал» за сентябрь 1852 года была напечатана заметка, подписанная невероятно сложным и комическим псевдонимом В. Эпаминондас Адрастус Блаб», в которой рассказывается о том, как автору удалось добиться изменения своей фамилии решением палаты представителей штата Миссури, причем «это обошлось штату всего в несколько тысяч долларов». В этой шутке уже чувствуется сатирический привкус. Сэмюел Клеменс высмеивает законодателей штата, а ведь среди них было много членов демократической партии, которая стала уже опорой рабовладельческого уклада. Возможно, здесь сказалось влияние Ориона, все чаще проявлявшего отрицательное отношение к невольничеству.

Когда весной 1853 года Орион отправился в новую поездку, его брат напечатал несколько задиристых шуток. В них не найти социальной окраски — Сэм Клеменс просто шалит, веселится.

В газете появился заголовок:

«Ужасный случай! 500 человек убито и пропало без вести!!!»

Ниже значилось мелким шрифтом:

«Мы набрали этот заголовок, надеясь, конечно, использовать его. Но

поскольку описанное событие еще не произошло, то скажем: (Продолжение следует)».

Сэм создавал пародии на арифметические задачи. «Если восемь человек копали землю двенадцать дней и ничего не нашли, — писал он, — то сколько дней должны копать двадцать два человека, чтобы результаты их работы были вдвое более высокими?»

Читателям и журналистам, озабоченным угрозой бешенства животных в летнюю пору, юный юморист дает издевательский совет: «Как уберечь собак от бешенства в августе? Отрежьте им головы в июле!»

Может быть, читатель хочет знать, каким образом остановить убежавшую от него лошадь? Очень просто. «Киньте ей под ноги пустую бочку из-под муки. Зеленые зонтики тоже пригодны для этой цели, но не всегда доступны». Сэм сочиняет много подобных шуток. Он печатает собственные сентиментальные стихи, но вместе с тем пародирует сентиментальную поэзию.

Письма, которые Сэмюел Клеменс после отъезда из Ганнибала изредка посылал Ориону для опубликования, по большей части носили юмористический характер. Порою в них вкрапливались зерна сатиры.

Юноша рассказывает, например, о том, что видел в столице США — Вашингтоне. Сэмюел Клеменс не претендует на глубокомыслие, его цель как будто лишь позабавить друзей. Кажется, что он ведет устный рассказ, импровизирует на ходу. С юмористическим отчаянием описывает юный Клеменс свои неудачные попытки забраться в переполненный омнибус. Но тут же он язвительно показывает сенаторов людьми, «которые делятся с народом своей мудростью и ученостью за щепотку славы и восемь долларов в день». Члены палаты представителей изображены и вовсе неуважительно. Председатель палаты, который молчаливо и мрачно восседает на своем месте в обстановке вечного шума, напоминает автору «льва, заточенного в клетку с обезьянами, льва, который, сознавая свое превосходство, презрительно отказывается замечать их болтовню».

Описывая выставку в Нью-Йорке, Сэмюел Клеменс, как подлинный американский журналист, не упускает возможности щегольнуть рекордными цифрами. Он сообщает с гордостью, что количество посетителей Хрустального дворца достигает шести тысяч в день. А ведь это вдвое больше численности населения всего Ганнибала. От входной платы выручают столько-то, высота обсерватории такая-то. Водоснабжение Нью-Йорка достойно удивления, количество воды, расходуемой ежедневно, составляет...

За три года с небольшим своей бродяжнической или

полубродяжнической жизни Сэм напечатал около десятка писем. Надо полагать, что он работал над ними с удовольствием. Он рассказывает о том, что привлекает его интерес, и рассказывает так, как хочет, не следуя каким-либо узаконенным канонам. Его корреспонденции написаны просто, бесхитростно. Автор часто пользуется жаргоном, привычным для печатников. Порою в письмах появляются несколько претенциозные выражения, заимствованные из «солидной» литературы.

В письмах и юморесках юного Клеменса можно обнаружить признаки дарования, но все же это были в основном пустячки. Они свидетельствовали главным образом о любознательности юноши да о том, что он непрестанно впитывал в себя жизнь и не терпел скуки.

Высокая лоцманская рубка

Марк Твен продолжал учиться в своих «университетах».

Это были грозные годы в истории США. Приближалась схватка Севера и Юга.

Двадцатилетнему Сэмюелу Клеменсу был близок стихийный демократизм рядовых фермеров и ремесленников американского Запада. С искренним волнением упоминает юноша в одном из своих писем домой о возгласах в честь свободы, которые ему довелось услышать. Несколько позднее Сэмюел Клеменс (возможно, здесь сказалось влияние его отца) осмелился обратиться к «безбожным» сочинениям Томаса Пейна, вожака революционных масс, который в конце XVIII века был одним из руководителей левого крыла в лагере сторонников независимости Америки, а после создания Соединенных Штатов стал подвергаться в новом, буржуазном государстве осмеянию и травле. Уже в ту пору будущий писатель не без некоторого скепсиса взирал на современную политическую жизнь родной страны.

И все же рабство в Ганнибале и повсюду в Миссури, как и в более южных штатах, едва ли заставляло Сэмюела Клеменса задумываться надолго. Порою не без презрительной усмешки он говорил об индейцах и прибывавших в Америку иммигрантах.

Два десятилетия спустя писатель охарактеризовал себя самого в возрасте девятнадцати-двадцати лет как невежду, глупца, нетерпимого человека, эгоиста.

В ранней молодости Сэмюел Клеменс и впрямь не очень хорошо разбирался в том, что творится на свете и в его родной стране. Он действительно был несколько эгоистичен, своеволен и самоуверен. Как и тысячи других американцев его возраста — и не только его возраста, — он был озабочен в ту пору главным образом поисками профессии.

Юноша, который весной 1857 года внезапно пришел к убеждению, что он должен стать лоцманом на Миссисипи, никогда не забывал о трагической судьбе своего отца — судьбе, которую на глазах у него собирался повторить старший брат Орион.

Сделавшись лоцманом, он, Сэм, добьется решительно всего, чего только можно желать. С детства ему и его друзьям внушали, что нет выше положения, чем то, которое занимают пароходные лоцманы. Вот кто истинно независим — эти люди, ведущие суда по капризной, изменчивой

реке! Даже капитан не имеет права вмешиваться в их действия.

К тому же лоцманы — обеспеченные люди. Во всей долине Миссисипи никто, пожалуй, не получает таких высоких окладов. Даже самому лучшему наборщику или печатнику далеко до лоцмана.

Лоцман на Миссисипи действительно занимал тогда особое место среди людей труда в Америке. Он не был нищим фабричным рабочим или старателем, всецело зависящим от случайностей, обреченным на всякие невзгоды и муки, пока не придет удача (а если она вовсе не придет?!). Он получал регулярную и необычайно высокую заработную плату. Он жил в довольно комфортабельных условиях, а работа его была даже увлекательной.

Привилегированное положение, в котором оказались лоцманы в канун Гражданской войны, было, разумеется, временным и объяснялось сложившимися тогда обстоятельствами. Пароход в тех краях еще был единственным дешевым средством транспорта на большие расстояния. Миссисипи еще не оборудовали сигналами, необходимыми для вождения судов. Опытные лоцманы, знавшие реку, были наперечет.

Мастера лоцманского искусства на Миссисипи сумели создать для себя монопольное положение, энергично и смело защищали свои привилегии.

Прошло всего несколько лет, и война положила конец «золотому веку» лоцманского дела. Положила конец не только потому, что сделала невозможным регулярное пароходное движение. Вскоре Север добился победы почти во всей долине реки Миссисипи, и пароходы снова двинулись в путь. Но после войны река покрылась сетью сигналов, и лоцманы перестали быть кудесниками. Их монополия была разрушена. К тому же железные дороги успешно конкурировали с речным транспортом.

О достоинствах и тяготах лоцманского ремесла — нет, не ремесла, а искусства — Сэмюел Клеменс упорно думал на протяжении всего долгого пути из Цинциннати в Новый Орлеан. Пароход «Поль Джонс», на который ему случилось попасть, шел медленно. Но молодой человек, собиравшийся поехать в Южную Америку, не скучал. Как всегда, его радовала возможность побеседовать с новыми людьми, расспросить их о том, о сем, услышать какую-нибудь еще не знакомую историю о Финке или Крокете, обменяться несколькими шутками. Приятно было и просто отдохнуть на палубе. После долгой и мрачной зимы, проведенной у наборной кассы, за трудом, который уже перестал радовать и стал только средством добывания денег на еду и квартиру, хорошо было глядеть на плывущие мимо зеленые берега, улыбающуюся речную гладь. Хорошо было никуда не спешить и

греться под ласковым весенним солнцем!

Гуляя по палубе «Поля Джонса», Сэмюел Клеменс стал присматриваться к тому, как вел пароход обитатель лоцманской рубки, высоко взнесенной над палубой. Лоцман уверенно приближал судно то к одному, то к другому берегу, спокойно вел его даже в крошечной тьме. В любое мгновение, казалось, перед самым носом парохода мог возникнуть берег, и тогда — катастрофа, гибель судна и, может быть, людей.

Сэм понимал, что сделаться лоцманом не просто. Лоцман обязан досконально знать всю Миссисипи или по крайней мере самый оживленный ее участок — от Сент-Луиса до Нового Орлеана. А между этими городами около двух тысяч километров.

Пришел день, когда худощавый пассажир с приятным лицом и шапкой каштановых (или, точнее, рыжеватых) волос осмелился подняться в святая святых лоцмана.

Молодой человек обратился к лоцману Горасу Биксби с вопросом: не согласится ли тот научить его лоцманскому делу? Биксби отказался: возиться с учениками канительно и невыгодно.

Но во время завязавшегося разговора Клеменс установил, что у него и Биксби есть общие знакомые. Оказалось к тому же, что рыжеволосый молодой человек обладает высокими моральными достоинствами — он не пьет, не играет в азартные игры и даже не жует табак, хотя и курит.

В конце концов Биксби согласился взять ученика. Впрочем, это будет стоить больших денег. Сможет ли молодой человек достать пятьсот долларов?

За такую сумму можно было в то время купить маленькую ферму. Предложение Клеменса принять в оплату тысячи две акров «земли из Теннесси» было лоцманом отвергнуто.

Ему нужны только наличные.

В Новом Орлеане Сэмюел Клеменс узнал, что судна, на котором он мог бы отправиться на Амазонку, все равно нет и в ближайшее время не предвидится. Он вернулся тем же пароходом «Поль Джонс» в Сент-Луис. У зятя Сэм взял займы сто долларов и передал эти деньги в качестве задатка Горасу Биксби.

Так Твен еще раз стал учеником, на этот раз учеником лоцмана, «щенком». Разумеется, жалованья он получать не будет. По существующему обычаю, пароходный повар обязан кормить и лоцмана и его ученика. Но не во время стоянки. Значит, нужно немного подрабатывать, чтобы иметь возможность купить пищу в дни между рейсами. Ну что ж, ученик Клеменс согласен и на это.

Лоцман, в руки коего попал будущий писатель, был человеком незаурядным. Большая часть реки, по которой он из года в год водил пароходы, протекала по рабовладельческим штатам. Биксби, однако, был противником невольнических порядков. Когда началась Гражданская война, этот мужественный человек повел военные суда против южан.

Для того чтобы стать лоцманом, нужно было изучить берега Миссисипи со всеми их извилинами, изучить дно реки, каждую мель, чуть ли не каждое свалившееся в воду дерево. Миссисипи следовало знать и в полную темень и в лунные ночи, когда все кажется призрачным, обманчивым. Надо было помнить к тому же, что Миссисипи непостоянна и капризна. Там, где недавно был остров, сегодня уже простирается водная гладь, проливы между островами внезапно оказываются несудоходными, берега осыпаются. Иногда Миссисипи вдруг пробивает себе новое русло, сокращая на много километров свой путь.

Лоцманское дело требовало прекрасной памяти и готовности идти на риск. Сэмюел Клеменс никогда все-таки не представлял себе, что лоцманам приходится держать в голове такое количество сведений. Река записана в их памяти точно на длиннейшей ленте. Записана несколько раз — отдельно вверх и отдельно вниз по течению, отдельно днем и отдельно ночью. Река меняется также в разные времена года.

Сэмюел Клеменс еще не отличался долготерпением и выдержкой, хотя и умел работать изо всех сил, когда это было нужно. Он легко вспыхивал и быстро остывал. Теперь же требовалась необычайная выдержка. Пособий, книг, учебников не существовало. Да они, пожалуй, устарели бы, прежде чем их напечатали. Недаром лоцманы, которые почему-либо некоторое время не работали, обязательно снова и снова отправлялись в поездку по реке, чтобы узнать, какие произошли изменения, какова глубина русла у такой-то плантации, что наделала река у Орехового поворота. Если нагрузить голову всей этой лоцманской премудростью, то придется ходить на костылях, говорил Сэм, иначе не вынести тяжести собственной головы.

Биксби был добросовестным и умелым педагогом. Прежде всего он постарался сбить спесь с самоуверенного и, пожалуй, несколько ленивого ученика. И вот уже у Сэма завелись записные книжки, в которые он заносил сведения о реке. Чтобы пройти такой-то поворот, надо пустить судно вдоль такой-то мели и на столько-то футов выше повернуть в такую-то сторону.

Постепенно в память Клеменса начали врезаться очертания берегов реки. Теперь ни ночь, ни туман, ни лунный свет не собьют его с толку. Биксби учит своего «щенка» не верить обманчивым внешним показателям

— он должен знать, какова Миссисипи на самом деле. И ученик лоцмана стал отчетливо представлять себе подводное хозяйство реки: мели, затонувшие деревья, бревна, останки погибших кораблей.

Он изучил все острова и все протоки. Он приобрел то особое чувство, которое позволяет по отражению на поверхности реки сказать, что именно находится под водой.

И все же опасности подстерегали лоцмана чуть ли не на каждом шагу. Уж на что опытен и умен был Биксби, но во время первой поездки с ним Сэмюел Клеменс видел, как «Поль Джонс» застрял на камнях. А сколько раз Горасу Биксби едва-едва удавалось избежать аварии!

Частым и страшным явлением на реке были взрывы пароходов. Суда строились по дешевке, из скверного материала. Поговаривали, что с помощью взяток пароходовладельцы легко обходили даже те скромные требования в отношении качества пароходных котлов, которые предъявляли государственные органы контроля. Особенно часто случались взрывы во время гонок судов. Пароходные компании устраивали состязания в скорости не столько в спортивных целях, сколько для того, чтобы создать рекламу своим судам и отбить пассажиров у конкурентов. Позднее в «Позолоченном веке» Твен опишет катастрофу, вызванную гонками, — ведь о пароходных катастрофах он знал не понаслышке. От взрыва на пароходе погиб его младший брат Генри, а сам он только по случайности оказался в это время на другом судне.

Дело было так. Биксби иногда приходилось на время поручать своего ученика друзьям. Хорошо, если попадался такой славный, хоть и вспыльчивый человек, как сам Биксби. Лоцман с дурным характером мог сделать жизнь своего «щенка» ужасной — ведь ученик обязан был выполнять любые поручения «хозяина».

Когда Биксби устроил Клеменса на один из самых больших пароходов на Миссисипи — «Пенсильванию», «щенок» был этим очень горд. Но старший лоцман «Пенсильвании» Браун оказался злым, придирчивым, мстительным. Он изводил ученика, пользуясь своей безнаказанностью, а Сэмюел Клеменс, как он вспоминал много лет спустя, мог только напрягать воображение, придумывая самые страшные способы возмездия Брауну. У руля Сэм был исполнительным и покорным учеником.

На «Пенсильвании» находился и Генри Клеменс — младший брат Твена. Он уже успел пожить некоторое время в Сент-Луисе, но работы там не было. Капитан парохода согласился пристроить Генри клерком. Те времена, когда Сэм был шалуном, а Генри образцом послушания, давно миновали. Братья были искренне привязаны друг к другу.

Лоцман Браун перенес свою неприязнь к старшему из Клеменсов на Генри.

Однажды мальчику поручили сообщить Брауну, что у такой-то плантации пароход надо остановить. Браун не то не расслышал, не то сделал вид, что не слышит, и пароход прошел мимо пристани.

Капитан потребовал объяснений. Браун заявил, что Генри ему ничего не передавал. Сэм подтвердил, что поручение было выполнено.

Завязался спор. Он принимал все более яростный характер. Сэмюел Клеменс давно питал злобу к Брауну. Кончилось дело тем, что ученик совершил неслыханное преступление — он избил лоцмана. Между тем пароход был предоставлен течению...

Казалось, все потеряно. Долгие месяцы учебы теперь пойдут насмарку. Виновника нападения на лоцмана, как бы ни был оправдан его поступок в моральном смысле, обязательно арестуют и отправят в тюрьму.

К удивлению Сэма, ничего подобного не случилось. Капитан достаточно хорошо знал Брауна. Но, разумеется, работать вместе Браун и Клеменс не могут. Временно ученик перейдет на другое судно.

Когда пароход «Лейси», на котором теперь находился Сэмюел Клеменс, подходил к Гринвилю, стало известно о катастрофе на «Пенсильвании». Она произошла двумя днями раньше, взорвались четыре котла из восьми, погибло много людей. Хотя в местной газете сообщалось, что Генри Клеменс жив и здоров, старший брат его находился в тревоге. Некоторое время спустя из другой газеты он выяснил, что Генри все-таки пострадал.

Тяжко было на душе Сэмюела Клеменса в те долгие часы, пока «Лейси» тащился в Мемфис — катастрофа произошла неподалеку от этого города. Но еще хуже пришлось ему в Мемфисе. Генри лежал в бараке на полу, легкие и тело его были обожжены. Он вел себя геройски. Взрывом юношу выбросило в реку, но он поплыл к пароходу, чтобы принять участие в спасении тяжело пострадавших. На берегу Генри потерял сознание.

Сэмюела Клеменса мучила совесть — ведь это он устроил Генри на злосчастную «Пенсильванию»! К тому же в момент катастрофы сам он оказался в другом месте, в полной безопасности.

Новым источником страданий для него явилось то, что случилось через шесть дней после катастрофы: Генри мучила боль, и по совету одного студента-медика Сэм дал ему немного морфия на кончике ножа. Генри заснул и в ту же ночь умер.

В великолепной шевелюре Сэма появилась седина.

Генри Клеменса похоронили в Ганнибале, где прошло его детство.

После похорон члены семьи снова разъехались. Ученик лоцмана был рад вернуться к Биксби.

Период ученичества подходил к концу. Спустя несколько месяцев Сэмюел Клеменс получил права лоцмана. Это был счастливый день в его жизни. Теперь он стал равным среди равных, приобрел великолепную профессию. Недаром в письмах молодого лоцмана родным так часто звучало гордое чувство. Ему повезло в жизни. Он водит «Сити ов Мемфис» — самое большое судно на Миссисипи. Он полон сил и энергии. А что такое человек без энергии? Он ничего не стоит, ровно ничего...

Нелегко точно установить, какую роль сыграл этот молодой лоцман в создании и укреплении закрытого профсоюза лоцманов, возникшего в США незадолго до Гражданской войны. Профсоюз провел немало упорных схваток с пароходовладельцами. Во всяком случае, писатель всю жизнь гордился тем, что был участником организации, которая умело защищала права трудовых людей в боях с предпринимателями.

Недолго царствовали лоцманы на Миссисипи. Но Сэмюелу Клеменсу посчастливилось разделить с группой товарищей-лоцманов самые пышные дни этого царствования.

«Меня никогда не тянуло к литературе...»

Годы, которые Твен провел в высокой лоцманской рубке, много дали ему как писателю. Сэмюел Клеменс продолжал узнавать жизнь. Пожалуй, никогда раньше ему не случалось встречать столько людей самых различных профессий, как на речных пароходах. Много лет спустя Твен сказал (комически утрируя по свойственной ему манере), что за время работы лоцманом он познакомился лично и очень близко со всеми разновидностями человеческих типов, какие только упоминаются в литературе.

На пароходах встречаются охотники из неосвоенных фермерами районов Кентукки, янки из Новой Англии, «джентльмены» — плантаторы из южных штатов, сердобольные дамы и пароходные проститутки, хвастуны и врали, негроторговцы и бродяги. Иногда тут же устраивают пышные свадьбы. Играет музыка, все танцуют.

Порою на пароходе располагаются последователи какой-нибудь секты, уезжающие в глухие места, чтобы не иметь дела с «еретиками». Далеко на западе страны они будут строить жизнь по учению новых «наместников бога на земле» — фанатичных и не лишенных хитрецы «пророков». У сектантов голодный, изможденный вид. Пассажиры стараются обойти стороной этих дурно пахнущих людей.

Клеменс знакомится с капитанами, боцманами, матросами, переселенцами. У каждого своя история. Память молодого лоцмана вбирает в себя и правдивые рассказы о пережитом и анекдоты, шутки, легенды.

Нигде не услышишь столько рассказов, столько выдумки и вранья, как на речных пароходах, где время тянется медленно, а у большинства дел нет никаких. Тут передают истории о речных пиратах, кровавой мести, ловких мошенничествах, находках драгоценных металлов в Калифорнии и Неваде, обычаях членов секты многоженцев — мормонов. Сообщают о восстаниях рабов, о людях, создающих колонии для перестройки жизни на новый лад, на основах истинного равенства, по идеальному образцу. Много говорят о текущей политике — борьбе южан с янки в сенате и палате представителей, выступлениях юриста и оратора из Иллинойса Эйба Линкольна, которого так любят фермеры-северяне, угрозах плантаторов-рабовладельцев создать из южных штатов самостоятельное государство.

В эти годы у Клеменса оставалось мало времени для литературной работы. На просьбы Ориона присылать письма для газеток, которые он

пытался издавать, Сэм обычно отвечал отказом.

Но молодой лоцман всегда готов был в свободные от вахты часы рассказать какой-нибудь анекдот, от которого слушатели покатывались со смеху. Его медлительная речь позволяла ему с особым успехом выступать в роли глуповато-хитрого рассказчика, который как будто и не подозревает о комизме случившейся с ним истории.

Рассказы Клеменса были выдержаны в духе простонародного юмора западных областей страны. В них было полным-полно комических нелепостей. Когда однажды заговорили о находчивости при катастрофах, он рассказал любопытную историю, будто бы с ним случившуюся. Во время пожара в окне четвертого этажа показался старик. Лестница не доходила так высоко, никто не знал, что делать, — старику грозила гибель. Но он, Сэм, не растерялся, закинул веревку и, когда старик поймал ее конец, велел ему обвязать себя вокруг пояса. «Старик это сделал, и я стащил его вниз».

Слушатели хохочут, но Сэмюел Клеменс делает вид, что не находит в этом рассказе ничего смешного. Он до конца верен избранной им роли простака.

Между тем твеновская коллекция «крокетаны», рассказов о Майке Финке и других буйных людях с Миссисипи значительно пополнилась. Во время стоянок в Сент-Луисе и Новом Орлеане Сэмюел Клеменс посещал библиотеки, и ему довелось прочитать бесчисленное множество фельетонов, шуток. Нередко лоцману попадались в руки рассказы Ирвинга и По.

В эти годы Сэмюел Клеменс напечатал несколько юморесок.

Став полноправным лоцманом, он счел своим долгом высмеять в газете «Кресцент», издававшейся в Новом Орлеане, старого лоцмана Айсайю Селлерса, который изрядно наскучил своим молодым коллегам газетными заметками, написанными в покровительственном тоне.

Этот Селлерс обычно предсказывал на страницах газет условия предстоящей навигации и давал лоцманам непрошенные советы. Клеменс выступил со злой пародией. В статье, подписанной «Сержант Фатом», он объявил с комически серьезным видом, что уровень Миссисипи поднимется так высоко, что к середине января вода будет на крыше местной гостиницы. Как и старый лоцман, он приплел ни к селу ни к городу события, которые якобы имели место полвека тому назад, а затем даже начал рассказывать о том, что произошло с ним в середине... XVIII столетия.

В «Жизни на Миссисипи» Твен подробно описывает обстоятельства

опубликования статьи, высмеивающей Селлерса. Он приводит отрывок из заметки, которую, по его словам, написал лоцман и которая послужила поводом для пародии. Заметка эта начинается весьма торжественно: «Для блага граждан Нового Орлеана сообщаю свое мнение...» Вслед за тем Твен покаянно говорит, что его пародия «глубоко уязвила сердце славного человека» и что «капитан Селлерс оказал мне честь, начав глубоко ненавидеть меня с этого дня».

В рассказе Твена об истории с Селлерсом есть немало выдумки. Автор «Жизни на Миссисипи» весьма вольно обращался с фактами. Богатое воображение заставило его «заострить» кое-какие ситуации, внести в образ Селлерса (да и в свой собственный) такие краски, каких в оригинале не было.

Заметку, которую Твен приписывает Селлерсу, тот в таком виде, в котором она была воспроизведена Сэмюелом Клеменсом, на самом деле не публиковал. Верно, что в газете «Тру Делта» от 7 мая 1859 года была напечатана заметка за подписью Айсая Селлерса, в которой говорилось, в частности, что Миссисипи поднялась выше, чем когда бы то ни было с 1815 года. Но Сэмюел Клеменс воспроизвел ее с такими дополнениями, автором коих являлся он сам, что получилось нечто совсем другое. В частности, слова: «Для блага граждан Нового Орлеана сообщаю свое мнение...», которые Сэмюел Клеменс использовал в качестве трамплина для особенно злых насмешек, как оказывается, принадлежали отнюдь не Селлерсу.

Твен пишет в «Жизни на Миссисипи», что статья о Селлерсе была его первой газетной публикацией. На самом деле к этому времени он напечатал уже много газетных материалов.

Надо сказать, наконец, — и это важнее всего, — что необоснованно также утверждение Твена, содержащееся в «Жизни на Миссисипи», будто свой псевдоним «Марк Твен» он заимствовал у Селлерса.

Когда Селлерс умер, Сэмюел Клеменс был «новоиспеченным журналистом» и «конфисковал брошенный псевдоним старого речника»; так говорит писатель в своей книге о жизни на Миссисипи. В письме, посланном в газету «Дейли альта» в июне 1877 года, Твен тоже утверждает, что Марк Твен — это псевдоним капитана Айсая Селлерса. «Он умер в 1863 году, и так как эта подпись ему не была больше нужна, я захватил ее, не спрашивая разрешения у останков владельца».

Американские исследователи творчества Твена не столь давно обратились к старым комплектам новоорлеанских газет и, к своему удивлению, обнаружили, что псевдонимом Марк Твен Селлерс никогда не пользовался. Вообще такой псевдоним в газетах того времени не найден.

По всей вероятности, этот знаменитый псевдоним ни у кого Сэмюелом Клеменсом заимствован не был и его придумал сам писатель. Известно, что выражение «марк твен» — «отметь два» — применяется речниками на Миссисипи для обозначения глубины фарватера в две морские сажени (двенадцать футов). Это достаточная глубина для прохождения самых больших речных судов. За несколько лет работы на Миссисипи лоцману Клеменсу пришлось, конечно, слышать слова «марк твен» тысячи раз, и это выражение глубоко врезалось в его память. Почему же он приписал свой псевдоним Селлерсу? Дать вполне обоснованный ответ пока невозможно. Напомним лишь, что в пародии Сэмюела Клеменса на статьи Селлерса упомянут сержант Фатом. Слово же «фатом» означает морскую сажень. Возможно, что имя Фатом через несколько лет трансформировалось в сознании Сэмюела Клеменса в термин «два фатома», означающий «две морские сажени», или «Марк Твен». В результате псевдоним Марк Твен был невольно приписан им Селлерсу, хотя сам Селлерс никогда себя ни Фатомом, ни Твеном не называл.

Любопытно, что фамилия старого лоцмана, которого Сэмюел Клеменс высмеял в одной из своих ранних пародий, увековечена в его крупных произведениях. Селлерсом Твен назвал героя двух своих романов: «Позолоченный век» и «Американский претендент».

Высказано предположение, что, кроме пародии на Селлерса, Твен опубликовал за годы работы лоцманом также серию из десяти писем, в которых высмеял военную службу. Письма эти появились в газете «Кресцент» как раз перед началом войны Севера и Юга. Сам Марк Твен никогда о них не упоминал. Но некоторые серьезные американские исследователи, специально изучавшие данную проблему, считают, что авторство Твена вызывает мало сомнений.

Юмористические письма, печатавшиеся в газете «Кресцент» в первые месяцы 1861 года, были подписаны комически претенциозно: Квинтус Куртиус Снодграсс. Фамилией Снодграсс Твен пользовался и раньше. Так, после отъезда из Киокука он послал в газету Ориона несколько писем, в которых возникает образ деревенщины Томаса Джефферсона Снодграсса. Юмор ранних «снодграссовских» писем Твена грубоват. Его глупый герой низводит большие исторические события до уровня неотесанного провинциала. Об убийстве Юлия Цезаря рассказывается, например, так: «Пришло, наконец, время снять мистера Цезаря с должности...» В театре вульгарный Снодграсс кладет ноги на перила. Найдя сброшенного ребенка, он собирается бросить «это проклятое создание в прорубь».

Новый Снодграсс, напротив, претендует на знакомство с культурой.

Сэмюел Клеменс создает комический образ человека, стремящегося писать «элегантно», любящего пофилософствовать, склонного к риторике. Вполне возможно, что автор писем заимствовал имя Снодграсса и некоторые черты этого образа из диккенсовских «Записок Пиквикского клуба».

В письмах Снодграсса высмеивается военная муштра. Автор издевается, в частности, над существующими учебниками военного дела. Пародируя их, он заявляет, что настоящие солдаты должны свести «все повседневные жизненные функции» к системе движений, выполняемых быстро, рывками. Снодграсс не скрывает своего высокого мнения о самом себе, декларируя, например, что часть, к которой он принадлежал, удостоилась признания «только в результате личного хорошего поведения вашего друга, автора писем». Он дает многочисленные советы солдатам, применяя характерный для простонародной юмористической литературы прием комического преуменьшения. Так, Снодграсс предупреждает, что если солдат насадит своего соседа на штык, то это «может привести к неблагоприятным последствиям».

В некоторых отношениях Квинтус Куртиус Снодграсс ведет себя как человек глуповатый, но нередко он оказывается тонким наблюдателем и его высказывания исполнены сарказма. Изображая нарядно одетых офицеров, он дает понять, что солдаты могут не беспокоиться за этих красавцев. Ведь во время боевых схваток они всегда находятся «далеко в тылу», где им «решительно ничто не угрожает». С хитрой улыбкой Снодграсс выражает мысль, что в бою нужно заботиться не столько о жизни солдат, сколько об их одежде. Пусть уж солдаты одеваются попроще, ибо непростительно будет, если пули испортят хороший мундир.

Снодграсс весьма невысоко ценит военную славу. Он советует солдату прежде всего заботиться о «самом себе», о своей шкуре. Самые храбрые солдаты, издевательски говорит он, должны находиться в задних рядах, где они будут иметь возможность подталкивать штыками более робких, чтоб «спасти честь роты».

В письмах Твена не возникает даже мысли о благородстве дела, за которое воюют солдаты. Офицеры же вызывают у автора писем явное раздражение.

Напомним, что нападки Снодграсса на военную службу возникли накануне схватки Севера и южных штатов. Письма эти были созданы и опубликованы на Юге, в центре рабовладельчества. Напрашивается вывод, что Сэмюел Клеменс не разделял настроений тех южан, которые как раз тогда готовились пойти войной на Север во имя сохранения невольничества.

Это не значит, впрочем, что создатель образа Снодграсса был сознательным противником рабства. Одно из писем содержит насмешливую характеристику вожака северян Линкольна, только что избранного на пост президента. Снодграсс рассказывает, как с группой друзей он был в гостях у Линкольна, и президент изображен дурно воспитанным человеком.

Великий американский писатель-демократ, заклеивший рабство негров в «Приключениях Гекльберри Финна» и во многих других произведениях, не имел, конечно, оснований гордиться своей убогой юмореской о Линкольне. Не в этом ли причина того, что Твен предпочитал не вспоминать о всей серии статей, подписанных псевдонимом Квинтус Куртиус Снодграсс?

В апреле 1861 года, когда прогремели первые выстрелы в кровопролитнейшей войне Севера и Юга, молодому лоцману шел двадцать шестой год.

Итоги литературной деятельности Твена за довоенные годы невелики. Горас Биксби свидетельствует, что в свободное время Сэм «постоянно что-то записывал». Но комические скетчи, которые он создал в 50-х годах, большими художественными достоинствами не отличаются. Как и популярные юмористы тех лет, Твен охотно пользовался приемами комического преувеличения и комического преуменьшения. Однако рисовать убедительные человеческие характеры он еще не умел.

Много лет спустя писатель заметил: «Если я в состоянии разобраться в собственной биографии, то должен сказать, что меня никогда не тянуло к литературе, никогда у меня не было желания иметь с ней дело, и только случайности заставляли меня брать перо в руки, чтобы заниматься литературным трудом».

В основном это, конечно, шутка. Но, во всяком случае, в довоенные годы Твен не думал о литературе как о возможной профессии.

На дальнем западе

Наступил решающий момент борьбы системы рабства и системы свободного труда. Противоречия между южными рабовладельцами и северной, более демократической частью страны, где укреплялся буржуазный уклад, на протяжении долгих лет имели определяющее значение для истории Соединенных Штатов Америки. Рабовладельческий Юг, отсталый в экономическом отношении, задерживал подъем производительных сил страны, мешал расцвету промышленности и вместе с тем претендовал на «свободные земли», о которых мечтали миллионы рядовых фермеров. Южане еще обладали большой политической силой, и влиятельные буржуазные круги Севера проводили политику сговора с ними, политику компромиссов. Однако передовые люди Америки, и прежде всего рабочие и фермеры, все яснее осознавали неизбежность кровавой схватки с плантаторами.

После избрания Линкольна президентом несколько южных штатов объявили о своем выходе из США, о создании нового государства. Это был вызов всей стране со стороны рабовладельческого Юга. Потребовалась не очень много времени, чтобы раздались первые выстрелы. Зазвучал голос Авраама Линкольна, «честного Эйба», как его часто называли, выходца из фермерской среды, отражавшего интересы и колебания прогрессивных буржуазных слоев, а во многом и широких демократических масс.

Сначала это был робкий, нетвердый голос человека, стремившегося во что бы то ни стало избежать столкновения между Севером и Югом, затем все более уверенный голос воинствующей буржуазной демократии. Несравненно большим авторитетом, чем раньше, стали пользоваться в широких слоях народа аболиционисты — решительные борцы против рабства, а также наиболее последовательные демократы — друзья Маркса и Энгельса, сторонники социалистических идей.

На Миссисипи были люди Севера и люди, всеми своими корнями связанные с рабовладельческим Югом. Биксби сразу же резко осудил южные рабовладельческие штаты и выразил желание делом помочь Северу. Его бывший ученик Клеменс был полон сомнений.

Нет, он еще не определил своей позиции. Он подумает...

Показательно, что во время президентских выборов 1860 года лоцман Клеменс не поддерживал ни Линкольна, ни активных сторонников идеи отделения южных штатов от США. Имеются данные, что незадолго до

войны у него произошло резкое столкновение с другом детства Виллом Боуэном, так как тот высказался за выход южан из состава союза.

Во время последнего рейса вверх по реке, в Сент-Луис, пароход, на котором плавал Клеменс, попал под обстрел. Река стала ареной военных действий. Навигация должна была прекратиться. Привычной, спокойной жизни лоцмана пришел конец.

Через неделю после того как южане в первый раз открыли огонь по северянам, Сэмюел Клеменс навсегда расстался с профессией лоцмана.

«С Севером или с Югом?» — колебания Клеменса по этому вопросу разделялись тысячами жителей родного штата. В Миссури лишь небольшая часть населения владела рабами, занятыми на плантациях. Не удивительно, что этот штат наряду с другими штатами, находившимися на границе рабовладельчества и «свободного труда», отказался присоединиться к отколовшимся южанам. Законодательное собрание Миссури высказалось за верность США.

В Сент-Луисе, куда приехал Клеменс, антирабовладельческие круги держали власть в своих руках. Отсюда должен был начать свои операции военный речной флот, который по Миссисипи мог проникнуть в самую глубь южных штатов. Армии требовались опытные лоцманы, знающие реку.

Сэмюел Клеменс был умелым лоцманом, но служить в войсках северного правительства ему не хотелось. Несколько дней он скрывался, а потом сбежал в Ганнибал, хотя родные давно покинули этот городок.

Ганнибал лежит в северной части штата, но в этом городке, центре сельскохозяйственной округи, можно было обнаружить больше общего с рабовладельческим Югом, нежели в Сент-Луисе с его быстро развивавшейся промышленностью, железной дорогой, повседневной связью с крупнейшими городами восточного побережья. Рабовладельческие элементы в городке, где прошло детство Твена, а также и в некоторых других поселениях Миссури, готовили силы для борьбы с Севером. Им казалось, что войска южан вскоре же захватят Сент-Луис и продвинутся севернее его, а тогда все местные отряды вольются в рабовладельческую армию.

Все же нельзя было забывать, что через реку от Ганнибала находился «свободный» штат Иллинойс, а ниже по Миссисипи был Сент-Луис. Сторонникам Юга приходилось собираться тайком.

Один за другим возникали отряды молодых людей, которые намеревались отстаивать «права» штатов от «узурпации» центрального правительства, защищать привычные порядки рабовладельческого Юга.

Даже некоторые «белые бедняки», не имевшие рабов и почти безземельные, бедняки, которых южные нравы низводили до положения париев, выступили на защиту угнетавшей их социальной системы.

Сэм и его приятели поодиночке явились ночью в условленное место за городом; оттуда «батальон», состоявший из десяти-двенадцати человек, направился на сборный пункт. Шли всю ночь. Это было утомительно, но рабовладельцы реки Соленой, куда, наконец, добрались солдаты, встретили защитников «славных традиций Юга» с распростертыми объятиями. Их хорошо накормили и устроили на ночлег.

Не особенно вникая в существо дела, Сэм вместе с друзьями детства стал противником Севера. Он был даже произведен в лейтенанты армии южан. Однако участия в войне ему почти не пришлось принимать. Военные силы сторонников Юга в Миссури были плохо организованы. При первых же слухах о приближении северных войск начиналось отступление, добровольцы разбегались. Сэмюел Клеменс заболел фурункулезом, вывихнул ногу и во время очередного похода отстал. Его приютили на ферме знакомые.

На этой ферме он оставался некоторое время. Когда показывались части правительственных войск, его прятали. Несмотря на гостеприимство хозяев, все же нельзя было находиться там вечно. Война только начиналась, но на Западе, и в частности в Миссури, победа явно была на стороне Севера.

Сэм Клеменс решил пробраться к семье.

Его брат Орион по-прежнему жил в штате Айова. Это был человек робкий, люди сильного характера часто подавляли его волю, но в своих основных убеждениях он был стоек. Во время выборов 1860 года Орион Клеменс активно выступал за кандидатуру Линкольна, а когда началась война, со всей решительностью поддержал Север в борьбе с рабовладельческим Югом. В свое время Орион познакомился в Сент-Луисе с юристом Эдвардом Бейтсом, который стал одним из министров в кабинете нового президента.

Орион Клеменс уже долгое время не имел постоянного заработка. И он с радостью принял предложение Бейтса отправиться на Дальний Запад в качестве секретаря так называемой территории Невады.

Сэм явился к Ориону с повинной. Он уже не хочет поддерживать Юг и не знает, что ему делать. Ведь для северян Сэмюел Клеменс — офицер вражеской армии, а для южан — дезертир. Орион решил взять младшего брата с собой в Неваду. Сэм должен стать секретарем секретаря новой «территории».

Из Сент-Луиса Орион и Сэм отправились пароходом по реке Миссури в Сент-Джозеф, эти ворота на Дальний Запад. В конце июля 1861 года братья — секретарь «территории» и его личный секретарь без определенных обязанностей и без жалованья (несмотря на то, что Сэмюела Клеменса иногда называли в официальных документах «помощником государственного секретаря Невады») выехали из Сент-Джозефа по направлению к Карсон-Сити. Будущий писатель оставлял позади долину Миссисипи, где родился, вырос и где, как ему казалось раньше, нашел свое жизненное призвание.

Путь от Сент-Джозефа до Карсон-Сити в Неваде раза в полтора длиннее расстояния от Сент-Луиса до Нового Орлеана. Орион и Сэм оказались единственными пассажирами в дилижансе — он был заполнен мешками с почтой; на этих мешках и разместились путешественники.

Стояли прекрасные дни. Прерия благоухала. Сэм сразу же приобрел вид старателя или фермера с Дальнего Запада; на нем был помятый пыльный костюм и широкополая шляпа. За поясом торчали пистолеты.

Клеменсы проезжали по диким, лишь недавно отвоеванным у индейцев местам, по дорогам, где путешественники могли ожидать нападения разбойников. Впрочем, заведование некоторыми участками шоссе поручалось вчерашним бандитам, способным любой ценой навести «порядок» и расправиться с грабителями, если они осмелятся беспокоить проезжих.

Двое суток путешественники провели в столице мормонов Солт-Лейк-Сити и через девятнадцать дней прибыли к месту назначения.

Золото и серебро были обнаружены в Неваде всего за несколько лет до приезда туда Твена. Сразу же началась новая «лихорадка», подобная той, которая в конце 40-х годов охватила Калифорнию.

История открытия и разработки драгоценных руд в Неваде была историей трагической гибели многих старателей-пионеров, историей стычек хищников, бандитских походов, грабежей и убийств, историей немногих удач и бесчисленных жизненных катастроф. В Неваде, как и в Калифорнии, тысячи здоровых и сильных людей становились жертвами разных невзгод и болезней, трудностей жизни в глухих местах, а самое главное — жадности соперников, бесчеловечности богачей.

В 1849 году два брата Грош покинули отцовский дом в восточной части США и отправились в Калифорнию в надежде обнаружить там золото и разбогатеть. Калифорния так и не принесла братьям ожидаемой удачи. В начале 50-х годов они оказались на близлежащей «территории» Невады («территорией» Невада называлась до того, как ей были

предоставлены права штата). В результате повторных поездок на невадские земли братья установили наличие там серебряной руды. Это уже было незадолго до войны Севера и Юга.

В 1857 году братья Грош проживали в хижине, где имелась маленькая установка для переработки руды. Они не сомневались в том, что их участок в Неваде содержит много серебра, но разведка месторождения и обработка руды требовали все больше денег. Вскоре сбережения друзей и знакомых, согласившихся вложить свои скромные средства в их предприятие, были исчерпаны. Один из братьев случайно поранил ногу киркой. Ближайший врач находился почти в двухстах километрах, быстро добраться туда было невозможно, и больной умер от столбняка. Второй брат решил возвратиться в Калифорнию. В горах, во время метели, он отморозил ноги. Какой-то старатель предложил произвести операцию ног, охваченных гангреной, при помощи простого ножа. Умиравший человек не решился доверить себя доморощенному хирургу и тоже скончался.

Опустевшую хижину братьев Грош захватил некий Комсток. Ему удалось узнать из оставленных братьями бумаг, где находится открытая ими жила.

Название «Комсток» вскоре было присвоено одному из богатейших месторождений Невады. Между тем слухи о сделанных братьями Грош открытиях привлекли в те края тысячи новых старателей. Развернулась жестокая борьба за золото и серебро.

В самый канун Гражданской войны Невада начала превращаться в один из важнейших центров добычи драгоценных металлов в США. Кровопролитные столкновения в юго-восточных районах страны не мешали развитию «золотой и серебряной лихорадки» в Неваде. Напротив, именно тогда невадский бум принял широчайшие масштабы.

В пустыне и полупустыне, где почти не было растительности, возникли поселки, состоявшие из деревянных, сбитых на скорую руку домов. Видное место в новых поселках сразу же заняли трактиры, театры и дома терпимости.

В Карсон-Сити, главном городе «территории», к моменту приезда туда Клеменсов насчитывалось всего около двух тысяч человек населения.

Орион и Сэмюел Клеменсы поселились в пансионе для вновь появившихся представителей центральной власти. Приехал и губернатор «территории» Най с несколькими помощниками. До своего назначения сюда Най был начальником полиции города Нью-Йорка, а также ведал кампанией за выдвижение кандидатом в президенты Сьюарда, будущего государственного секретаря в кабинете Линкольна. Сьюард добился

назначения Ная губернатором.

Най отправился в Неваду отнюдь не в целях улучшения своего здоровья. Новая «территория» казалась многообещающим местом. Скоро Невада станет штатом и выдвинет двух сенаторов. Най как раз и хотел стать членом сената США. Проживать он, конечно, будет в столице страны — Вашингтоне. Для Ная не было секретом, что члены сената, от которых зависит судьба законопроектов, интересующих разных предпринимателей, имеют немало возможностей увеличить свое достояние.

Большие возможности открывались перед «толковыми людьми» и в Неваде. Над всей «территорией» и, в частности, над Карсон-Сити с его убогими домишками витал дух обогащения.

Центральная площадь Карсон-Сити всегда была полна народу. В этих краях, казалось, был зарыт клад, и к нему тянулись жадные взгляды приезжих. Были среди них и заправские авантюристы, беглые преступники, а также люди, пытавшиеся скрыться от войны.

К концу жизни Твен безоговорочно осудил влияние калифорнийского золотоискательства на жизнь его сограждан. Но в молодости, когда он попал во «вторую Калифорнию» — Неваду, будущий писатель не склонен был (по крайней мере в первое время) чураться погони за драгоценными металлами. Возможность прибрать к рукам много денег кружила голову. Азарт, охвативший тогда немалое число американцев, будоражил кровь и Сэмюэлу Клеменсу.

«Лихорадка» обогащения в Неваде была в самом разгаре. Каждый месяц, чуть ли не каждый день, возникали слухи (по большей части ни на чем не основанные) о новых, только что обнаруженных жилах, богатых серебром и золотом. Сообщения об этом проникали также в газеты. Печать сенсации ради, а то и под влиянием подарков, полученных от заинтересованных лиц, охотно раздувала подобные известия, зачастую делая из мухи слона. «Золото там добывают целыми корзинами», — писала одна газетка о новом золотоносном районе.

Жажда денег была царицей Уошо (так называли в Неваде центр добычи золота и серебра). Она определяла моральный облик наиболее удачливых обитателей «территории».

Фельетонист Дэн де Квилл, с которым Твен впоследствии подружился, напечатал как-то полную сарказма молитву жителя Уошо, обращенную к «отцу нашему» — Мамоне. В «молитве» этой есть такие слова: «...Пусть поступают дивиденды и повышаются цены на акции в Калифорнии и Уошо... прости нам наши мошенничества, а мы надеемся расправиться с теми, кто обжулил нас».

В Неваде говорили о тех, кто занялся поисками драгоценных металлов, что они отправились «повидать слона», то есть нечто удивительное. Прошло не очень много времени после прибытия Сэмюела Клеменса в Карсон-Сити, и его тоже потянуло «повидать слона».

В одном из самых первых писем к матери он с увлечением рассказывал ей о том, что есть участки, которые продаются по пяти тысяч долларов за фут наличными. Впрочем, другие участки не стоят и десяти центов. По городу все время возят руду и серебряные бруски;

В доме, где жили Клеменсы, без конца обсуждали перспективы разных спекулятивных махинаций, обменивались последними данными о ценах на участки и акции. В Карсон-Сити было немало маклеров и людей, которые торжественно называли себя «спекулянтами». В городской справочной книге за 1861 год титулы «спекулянтов» были присвоены, например, двум соседям Клеменсов по пансиону.

Сэмюел Клеменс приобрел некоторое количество акций разных участков. Однако он хотел добиться богатства прежде всего собственным трудом. Почему бы ему не сделаться старателем?

Серебро и золото, конечно, не валялись на поверхности. Старатели знали, что сначала нужно было найти участок, богатый минералами, и приобрести права на него, а затем затратить много труда, а также и денег, чтобы добраться до жилы, содержащей драгоценный металл. Серебряные жилы лежат особенно глубоко под землей и окружены твердыми породами. Порода приходится размалывать, а для этого снова требуются деньги и труд.

Пока Орион со своей обычной щепетильностью выполнял функции секретаря «территории» (губернатору Наю он казался слишком придирчивым в отношении «специальных» счетов и расходов), его младший брат присматривался ко всему, что творилось кругом. Его письма сестре и матери были полны заверений, что в самые ближайшие месяцы брат и он сделаются богачами.

Между тем Гражданская война принимала затяжной характер. Дело Севера было под угрозой. В первое время северные армии на основных фронтах терпели неудачи. Десятки тысяч рабочих и фермеров, надевших военную форму, гибли под пулями, от эпидемий, в лагерях для пленных.

Нельзя сказать, что война не находила отклика на Дальнем Западе. И там шла своего рода борьба между северянами и «отколовшимися», то есть южанами. Когда сторонники Юга дали новому городку в горах Гумбольдта название «Дикси» в знак своей приверженности делу южан («Страна Дикси» — так порою называют в США южные штаты), старатели,

сохранившие верность Союзу штатов, созвали массовый митинг и после долгих и горячих споров добились переименования поселка в «Юньонвилл» — «Город Союза». Губернатор «территории» Най, хотя и клялся в верности Линкольну, все же нередко назначал на разные должности явных врагов вашингтонского правительства. Зато Орион Клеменс, будучи человеком принципиальным, снял некоторых сторонников Юга с их постов.

Простые старатели и такие честные люди, как секретарь «территории», при всем своем стремлении не упустить возможность стать богатыми, не забывали о величии борьбы, которую вел Север, давали отпор южанам и охотно вносили деньги в Фонд помощи больным и раненым солдатам Северной армии. Но многие профессиональные политиканы и крупные предприниматели были заняты только «деланием денег».

Пока в восточной части страны проливали кровь, люди, подобные широко известному в Неваде юристу Биллу Стюарту, представлявшему интересы владельцев крупных шахт и обогатительных фабрик, старались урвать побольше. За годы войны Стюарт стал миллионером. А когда «территория» Невады превратилась в штат, он был выдвинут в сенаторы.

В «бригаде» губернатора Ная (так назвал Сэмюел Клеменс группу прихлебателей бывшего полицмейстера, приехавших вместе с ним в Неваду) тоже было немало людей, умело использовавших военную обстановку для того, чтобы сколотить состояние.

С членами «бригады» соревновались присланные в Неваду судьи — невежды и взяточники. Главный судья Тернер, которого Твен не раз высмеивал в печати, и его коллеги выносили решения по важным делам только после получения многотысячной мзды. При помощи специальных маклеров устанавливались условия сделки, после чего лицо, давшее взятку, не без тревоги ожидало приговора — ведь в Неваде было не очень-то много «честных» судей, то есть таких, которые оставались верны подкупившим их людям. Вообще власти торговали всем, чем только могли. Источником больших доходов для дельцов в Неваде, а также и для официальных лиц, были, например, разрешения на постройку частных дорог. Строители этих дорог имели право взимать плату с каждой телеги и каждого пешехода. Такие разрешения выдавались сотнями.

Разумеется, предприниматели не очень-то ограничивали свои аппетиты и в восточных штатах. Если представлялась хоть какая-нибудь возможность урвать куш за счет Северной армии, ее обычно не упускали.

Бывший наборщик Чарлз Фаррар Браун, уже успевший приобрести известность под именем Артемуса Уорда своими комическими «лекциями»

и рассказами, в годы войны написал юмореску «Роман — Уильям Баркер, молодой патриот». Уильям Баркер любит молодую девушку; отец ее заявляет «молодому патриоту», что тот не получит руки его дочери, пока не станет равным ей по богатству и положению в свете. Молодой человек удаляется. Через шесть месяцев он снова приходит. Теперь он богат — он получил подряд на поставку говяжьего мяса для армии.

— Я скупил всех забракованных кавалерийских лошадей... — поясняет Баркер.

Старик в восторге отдает свою дочь новоявленному богачу и напутствует молодых:

— Будьте счастливы, дети мои. И какова бы ни была наша судьба, мы все должны поддерживать правительство.

Вскоре после приезда в Неваду Сэмюел Клеменс предпринял путешествие в район великолепных сосновых лесов у озера Тахо. Он решил сделать заявку совместно с товарищем на эти неисследованные земли. Путешественники отправились пешком. В глуши лесов у озера с его на редкость прозрачной водой было так хорошо, воздух был такой пьянящий, что Сэм почти забыл о цели своего появления здесь. На много, много километров не было ни души.

Чтобы сохранить свою заявку, Сэм и его компаньон начали строить легкий дом и подобие забора. Однажды вечером искры от костра вызвали грандиозный пожар, уничтоживший постройки и огромный участок леса.

Но Клеменс не пал духом. Были сделаны другие заявки. Примечательно, впрочем, что младший брат секретаря «территории» не торопился возвращаться в Карсон-Сити. Ему радостно было бродить по лесным чащам, вдали от людей с их заботами.

К концу 1861 года широкую известность получил в Неваде богатейший район драгоценных руд — Гумбольдт.

Сэмюел Клеменс, два юриста и кузнец решили, не теряя времени, отправиться туда, чтобы захватить лучшие участки. Из всей компании один только кузнец Тиллу знал, как выглядят драгоценные металлы в породах.

Новый район находился на расстоянии трехсот с небольшим километров от Карсон-Сити, но дорога была трудна и опасна. Индейцы иногда пытались стать на пути предприимчивых людей, проникавших на их земли. С помощью правительственных войск индейцев уничтожали, и все же возможность нападений в пути не была исключена.

Несмотря на бездорожье и метели, путешественники в конце концов благополучно прибыли в Гумбольдт, но там перед ними встали еще более серьезные трудности.

Многообещающих участков было как будто немало, но чтобы добиться результатов, надо было упорно и долго работать киркой и лопатой. Компаньоны пришли в уныние. Клеменс вернулся в Карсон-Сити без драгоценных металлов и без денег. Правда, к старым паям на земли прибавились новые.

Число заявок, паев, акций, принадлежавших бывшему лоцману и его брату, все увеличивалось, но дохода они почти не приносили.

Сэмюел Клеменс был, в частности, совладельцем участка «Горацио и Дерби». Предполагалось, что его компаньон Хоуленд следующим летом дойдет до жилы, и тогда они отправятся домой богачами. Все же богатства еще не было. Начинали одолевать раздумья. Однажды Сэм написал своей сестре Памеле: «Разве ты не знаешь, что пока я только все говорил да говорил, но ничего не доказал? Разве ты не знаешь, что я здесь только тратил деньги, но ничего не зарабатывал? Разве ты не знаешь, что я никогда не держал в руках бруска золота или серебра, принадлежавшего мне лично?»

В феврале 1862 года Сэмюел Клеменс отправился к Хоуленду в Аврору, один из центров добычи серебра в Неваде, чтобы проверить, в каком состоянии находятся его, а также и Ориона, капиталовложения. Пришлось поселиться в крохотной избушке. Крыша протекала, было холодно.

Зимой в Авроре не работали. Только тогда, когда сойдет снег, можно будет пустить в ход лопату, кирку и взрывчатые вещества. Свободное время Клеменс заполнял тем, что писал родным письма. Некоторые из них Орион передавал местным газетам для напечатания. Охотно помещала материал, поступавший от Сэмюела Клеменса, газета «Территориал энтерпрайз», которая выходила в городке Вирджиния-Сити, в той же Неваде.

По мере приближения весны росла спекуляция паями, увеличивался ажиотаж. В апреле Сэм писал родным, что в Калифорнии его участок, вероятно, котируется по тридцать, а то и по пятьдесят долларов за фут, но заканчивалось письмо просьбой прислать хоть немного денег. Почти всю зиму Аврора была отрезана от других частей Невады, и муку стали продавать по сто долларов мешок. Так и ноги протянуть можно...

Участок Клеменса не оправдал надежд. До жилы никак не удавалось дойти. Вообще дела не ладились. Даже в июне в этой проклятой стороне шел снег. Работать киркой было невероятно трудно. Чтобы как-нибудь прожить, Сэмюел Клеменс решил наняться простым рабочим на обогатительную фабрику. Но работа оказалась непосильной. Сэма спас от голода один из его приятелей.

Бывшим лоцманом начинало овладевать отчаяние.

И тогда он обратился к старшему брату с просьбой устроить ему какую-нибудь работу в городе. Он согласен стать клерком и вести учет горнорудных компаний. Он готов также писать статьи для любых газет в любом городе. Скажи редакторам, пишет он Ориону, что «я готов присылать столько писем для газеты, сколько они захотят, и все за десять долларов в неделю — ведь я должен как-нибудь прокормиться... Если они хотят получать письма отсюда, кто станет собирать материал с утра до вечера за более дешевую цену, чем я?»

«Дикий юморист» из Невады

В газете «Территориал энтэрпрайз» уже знали Клеменса как автора остроумных писем. Он подписывал их обычно псевдонимом «Джош». Многие статьи и юморески, опубликованные Твенем в «Территориал энтэрпрайз», не сохранились (редакционные комплекты сгорели во время пожара, уничтожившего уже после Гражданской войны все архивы газеты). Но некоторые твеновские произведения перепечатывались в газетах и журналах Сан-Франциско и других городов. К тому же в семейных архивах найдены вырезки отдельных статей Твена тех лет. Все это и позволяет нам судить о творчестве Сэмюела Клеменса — «дикого юмориста» из Невады.

Среди самых ранних произведений Твена, напечатанных в «Территориал энтэрпрайз», была шутка о лекторе, страдающем «ячеством» (его лекцию нельзя было напечатать полностью, так как в наборной кассе не хватило буквы «я»), и пародия на архипатриотическую речь, произнесенную по случаю Дня независимости США.

Как раз в ту пору, когда Сэмюел Клеменс, испугавшись голода, задумал на время стать журналистом, сотрудник газеты «Территориал энтэрпрайз» Уильям Райт, писавший под звучным псевдонимом Дэн де Квилл, собрался съездить в «штаты», чтобы снова пожить более культурной жизнью городов Атлантического побережья. Райта нужно было кем-то заменить на время его отсутствия. Редактор «Территориал энтэрпрайз» предложил Клеменсу пост Райта. Его жалованье составит двадцать пять долларов в неделю.

Газета «Территориал энтэрпрайз» была первым органом печати, созданным в Неваде, и появилась на свет за два с половиной года до Гражданской войны. В поселке, где первоначально выходила эта газета, в то время еще не существовало другого атрибута буржуазной цивилизации — тюрьмы. Рассказывают, что арестованных на ночь прикрепляли цепью к печатной машине «Территориал энтэрпрайз», чтобы они не могли убежать.

В годы войны население Невады стало возрастать так быстро, что в 1862 году в одном только городе Вирджиния-Сити уже издавались четыре газеты. Среди них «Территориал энтэрпрайз» была самой бойкой и популярной. Ее читали и в Калифорнии.

Клеменс должен был заменить Райта в качестве репортера. Но газете был нужен не только репортер. «Территориал энтэрпрайз» не могла существовать без анекдота, шутки, юмористического рассказа, фельетона.

Джош казался подходящим кандидатом на должность также и штатного юмориста.

Городок Вирджиния-Сити, где издавалась «Территориал энтерпрайз», был центром месторождения «Комсток». Редактор газеты Джозеф Томсон Гудман был когда-то наборщиком и золотоискателем. Он хорошо знал вкусы Дальнего Запада.

Что и говорить, жители Невады, как правило, не отличались душевным спокойствием. Их вечно терзали заботы, тревоги. И этих людей тянуло ко всему, что давало возможность хоть немного отдохнуть, забыться. В небольшом поселке Вирджиния-Сити одно время было четыре театра. Туда охотно приезжали чтецы, особенно чтецы юморесок.

В Неваде ценили юмор, шутку, острую, даже грубую, издевательскую.

Одурачить только что прибывшего новичка — что может быть смешнее? Уже в омнибусе, шедшем на Дальний Запад, кондуктор заверял трусившего пассажира, что омнибусная компания богата «и, если вас убьют, они заплатят ровно столько, сколько вы стоите, не торгуясь». Приезжих начинали рассказами о фантастических и нелепых приключениях в новых краях — о медведе, которому выстрелили в рот зарядом гвоздей (у него сделалось от этого несварение желудка), о птицах, встречающихся на пути в таком количестве, что приходится работать топором, чтобы прорубить дорогу. В ходу были остроты о кабатчиках, которые применяют в своем деле двуствольные ружья: один заряд, чтобы известить, что обед готов, другой — чтобы получить плату с обедающих. Рассказывали без улыбки о человеке, который ночевал в общежитии на нижней полке и внезапно заболел. Оказалось, что все его поры забиты серебром. Человек вспомнил, что на верхней полке спал недавно разбогатевший владелец серебряных рудников.

Юмора было много и в невадских газетах. Почти в каждом номере «Территориал энтерпрайз» встречались комические сценки, в которых в смешном свете был выведен какой-нибудь известный читателям человек. Весьма популярны были литературные дуэли между конкурирующими газетами. Иногда вспыхивала война и между двумя сотрудниками той же «Территориал энтерпрайз». Журналисты бросали друг другу самые нелепые обвинения, не останавливаясь ни перед какими уморительно-чудовищными инсинуациями. Иногда это кончалось настоящей дуэлью. Тираж газеты от этого лишь возрастал.

Газетный юмор Невады был поистине «диким», грубым и шумным. На Дальнем Западе юмористы не знали эстетических пределов смешного. Убийства, увечья, разложение трупов — все это служило материалом для

комических рассказов.

Многие американские юмористы ставили перед собой моральные задачи. Они брали под обстрел пороки и политические злодеяния. Президент Линкольн, который очень любил народный юмор, сам обладал недюжинным остроумием и обращал его против своих политических противников. Еще в период борьбы против подстрекателей войны с Мексикой Линкольн рассказал характерную историю об одном фермере из штата Иллинойс. Как и сторонники захвата мексиканских земель, этот фермер отрицал, что он зарится на чужую землю. «Я не жаден, — говорил фермер, — я хочу только ту землю, которая примыкает к моей».

Газетные юмористы Невады в большинстве своем не очень-то много думали о справедливости и морали. Прославление добродетели... да ведь само понятие «добродетель» порой могло показаться смешным. Первейшей задачей юмористов было развлекать, смешить любым способом. Но все же и они зачастую высмеивали ханжество, изнеженность, грязные проделки дельцов и политиканов.

Получив предложение Гудмана, Сэмюел Клеменс принял его не сразу: уж слишком обидно было признаваться самому себе в провале надежд на миллионы, которые он должен был извлечь из недр невадских гор. Все его сбережения ушли, от денег Ориона тоже ничего не осталось. Много месяцев он жил в дрянной хижине с протекающей крышей, скверно питался, не читал книг, нервничал, работал сверх силы. И все это впустую!

Не было денег даже на поездку в Вирджиния-Сити.

Сэмюел Клеменс решил отправиться туда пешком. Это даст ему возможность не торопясь подвести итоги пребыванию на Дальнем Западе.

Может быть, следует вернуться в Миссури? Нет, он проживет еще с год в Неваде — стране возможностей и счастливых неожиданностей. Счастье еще повернется к нему лицом. В его сундуке достаточно ценных бумаг... А пока, если другого выхода нет, будущий богач станет газетным работником.

По правде говоря, мысль о литературной работе была приятна.

В жаркий летний день в помещение редакции «Территориал энтерпрайз» ввалился типичный старатель — в сапогах и выцветшей грубой рубашке. Видно было, что он только что проделал длинный путь. Все свое имущество, состоявшее из нескольких одеял, старатель принес с собой. Это был Джош.

Сделавшись репортером, Сэмюел Клеменс должен был в поисках новостей заглядывать во все уголки своего беспокойного города.

Всегда нужно было быть начеку. Когда на улице слышался выстрел, Клеменс сейчас же выбегал узнать, нет ли чего-либо интересного. Вот

послышалось сразу пять выстрелов. Убиты двое.

В Вирджиния-Сити, где, как и повсюду в Уошо, люди, отталкивая друг друга, неудержимо рвались к богатству, стреляли часто. И убивали тоже часто. Нередко убийства сходили безнаказанно; во всяком случае, они стали чем-то привычным, вызывавшим мало удивления.

Когда какого-то человека пристрелили ночью в бильярдной, тело его валялось около бильярдного стола много часов, прежде чем появился следователь. Бильярдисты же как ни в чем не бывало продолжали гонять шары. Игрокам, выбиравшим позицию у стола, приходилось лишь пошире расставлять ноги, чтобы не наступить на труп.

В Вирджиния-Сити было много игорных притонов и публичных домов. Бандиты, вымогатели, хулиганы, жаждущие повода пустить нож в дело, шулера, торговцы наркотиками и «живым товаром», проститутки составляли не столь уж малую часть населения городка.

С утра до вечера Сэмюел Клеменс писал хроникальные заметки о головорезах, театральных зрелищах, грабежах, заседаниях Библейского общества, балах, блестящих перспективах «Комстока», ожидаемом росте цен на паи и акции местных компаний, о роскошных похоронах бандита, убитого соперниками, о заседаниях законодательного органа «территории».

Но репортерская работа быстро приедалась. Гораздо интереснее было сочинять юморески.

На первых порах Клеменс охотно подражал Дэну де Квиллу — предшественнику по разделу юмористики газеты «Территориал энтерпрайз» — ведь де Квилл тоже был воспитан в традициях «западного юмора». Этот аккуратный и точный репортер, получивший известность своими статьями о горнорудной промышленности, с радостью превращался в мастера «дикого юмора». Он любил комическую фантастику, без конца создавал пародии и шутки. Дэн писал об окаменевшем великане, обнаруженном в потоке клюквенного сока, и о шахтах, где в качестве опоры применялись куриные кости. Его специальностью и сфере юмористики был псевдонаучный рассказ. Он сочинил «научное» описание «бродячих камней», которых «магнетическая сила» влекла к центру долины Паранагат, и был счастлив, узнав, что эту нелепейшую историю немецкие ученые приняли за чистую монету. Он создал проект «вечного двигателя», придав своему рассказу об этом проекте такое правдоподобие, что некий инженер в далеком Бостоне принялся рассчитывать мощность «машины» Дэна де Квилла. Он описал и головной убор для борьбы с жарой: однажды изобретатель аппарата, напялив его на себя, отправился в июльскую жару в поход через пустыню; его обнаружили там некоторое время спустя

совершенно замерзшим.

В лондонской «Таймс» появилась статья, в которой всерьез предлагалось снабдить таким «охлаждающим» головным убором английские войска в колониях.

Одним из первых произведений нового сотрудника газеты «Территориал энтерпрайз» Сэмюела Клеменса тоже была шутка-мистификация. Рассердившись на местного судейского чиновника, автор выдумал историю о том, как сей чиновник вел расследование в связи с находкой останков окаменевшего доисторического человека. Было описано положение рук «окаменевшего человека». Автор отметил, что пальцы на правой руке были растопырены. При внимательном чтении статьи можно было понять, что «окаменевший человек» просто показывает чиновнику нос. Но пародия была сделана так хитро, что редакторы многих газет приняли ее за интересное научное сообщение и перепечатали на страницах своих изданий.

Позднее Клеменс опубликовал другую пародию, которую тоже приняли всерьез. Газета «Территориал энтерпрайз» усиленно пропагандировала горную промышленность Уошо. В этом сказывался «местный» патриотизм невадских журналистов. К тому же руководители горнорудных компаний Вирджиния-Сити охотно преподносили представителям печати подарки в виде акций. Все это носило наивно-откровенный характер. Чтобы защитить невадские интересы, нужно было, конечно, хулить калифорнийских конкурентов.

В октябре 1863 года в «Территориал энтерпрайз» было напечатано сообщение о страшном убийстве, которое произошло недалеко от Карсон-Сити в сосновом лесу. Убийца зарезал девятерых детей, снял скальп с жены и полоснул себя по горлу. Убийство было совершено на почве помешательства. Причина: убийца вложил все свои деньги в калифорнийские предприятия, вместо того чтобы покупать акции фирм «Комстока», и, конечно, был разорен.

Были в этой статье какие-то черточки социальной сатиры, но в основном это все-таки была шутка, а отчасти и реклама невадским предприятиям.

Местные жители могли догадаться, что Эмпайр-Сити и Дэтч-Ник, между которыми якобы находилась хижина убийцы, — это одно и то же место и что там нет никакого соснового леса. Но калифорнийские газеты поверили сообщению и перепечатали его.

На другой день после опубликования этой статьи в «Территориал энтерпрайз» появилась заметка следующего содержания: «Беру все свои

слова назад. Марк Твен».

Но когда газеты в Калифорнии и других штатах подняли шум и стали обвинять автора статьи в заведомом желании ввести читателей в заблуждение, Твен серьезно огорчился. По свидетельству Дэна де Квилла, он не мог спать, вертелся и стонал.

И все же мистификации продолжали занимать видное место в творчестве молодого журналиста.

Репортер Райс из газеты «Вирджиния-Сити юньон» посмел критически отнестись к его статьям о местной законодательной палате. Репортер из «Территориал энтерпрайз», по утверждению Райса, делал ошибки — ведь он совсем зеленый новичок, не знающий парламентских правил.

Райс был прав. Но Твен решил бить своего противника его же оружием. В очередной корреспонденции он без зазрения совести заявил, что статьи самого Райса полны неточностей, что им совершенно нельзя верить. Автор этих статей «ненадежный». В дальнейшем Клеменс неизменно продолжал называть Райса этой кличкой. Он создал комический образ журналиста «ненадежного», имевший мало общего с подлинным характером Райса. Клеменс публиковал статьи о дурных манерах «ненадежного», описывал его обжорство, рассказывал, как после званого обеда пришлось купить гроб и уложить туда этого пьяницу-«ненадежного», ибо он был без сознания. Впрочем, автор этих юморесок не жалел и самого себя. Сам Твен превращался в комического героя повествования. Однажды юморист рассказал, что «ненадежный» выпил так много, что «потерял всякое чувство приличия. Подумайте, — продолжал он, — я обнаружил себя в одной постели с «ненадежным», причем я даже не снял сапог».

Разумеется, Райс не упускал возможности высмеять Твена. Заболев, Сэмюел Клеменс попросил как-то «ненадежного» написать за него фельетон для «Территориал энтерпрайз». На другое утро в газете появилась за подписью Марка Твена статья под названием «Извинения». В ней было сказано, что автор признает свои грехи и приносит извинения лицам (их имена были перечислены), коих он обижал. Особенную вину чувствует Твен, говорилось в статье, перед «ненадежным», которого он так часто оскорблял. Вообще статья была полна самобичевания.

В следующем номере «Территориал энтерпрайз» появилось опровержение Твена, в котором «ненадежный» был высмеян и обруган в очередной раз.

И другие журналисты нередко были объектами литературных пощечин, вызывавших раскаты смеха у читателей газет. Подобной

клоунадой Твен не раз занимался совместно с Дэном де Квиллом. После возвращения из восточных штатов этот добрейший человек поселился вместе с Сэмюелем Клеменсом и стал ближайшим его другом. Но личная дружба не мешала шутникам де Квиллу и Твену поливать друг друга помоями в печати. Ведь все это делалось для публики, на потеху читателям. Профессия шутника требовала жертв.

Сэмюел Клеменс не был слеп и хорошо знал, как много грязи есть в Уошо, как мрачна и безрадостна жизнь большинства его сограждан. Всего два-три года спустя, во время пребывания на Гавайских островах, Твен с тоскою и даже ужасом вспоминал Неваду. В свою записную книжку он занес тогда следующие слова: «В стране счастливого удовлетворения (речь идет о Гавайских островах. — М. М.) не найти измученных заботами, встревоженных, мрачных лиц — боже мой, как это не похоже на Калифорнию и Уошо».

Тем не менее любовь к жизни, естественная жажда смеха брала свое. Сказывалась и известная наивность молодого журналиста. В ту пору тысячи людей в Неваде еще верили в удачу, которая — черт подери! — не может не прийти в конце концов. Горняцкие поселки росли на глазах, превращаясь в грязные, но до отказа набитые людьми города.

Прошло не так-то уж много лет, запасы золота и серебра в недрах Уошо были исчерпаны, старатели вымерли или разбежались, и Вирджиния-Сити превратился в почти безлюдный поселок с полуразрушенными домами. Таков он и сегодня. Таким его видели советские писатели и журналисты, побывавшие в США несколько лет назад.

Но в годы Гражданской войны Твен и его друзья веселились в своем шумном Вирджиния-Сити, как могли, пели песни, дурачились, разыгрывали читателей и друг друга.

Немалой популярностью в кругу молодых журналистов города Вирджиния-Сити пользовались так называемые практические шутки. Это был своего рода розыгрыш. Когда редактор «Территориал энтерпрайз» Гудман отправился отдыхать на озеро Тахо, его временный заместитель Марк Твен шутки ради выпустил специальный номер газеты (в единственном экземпляре) с материалом, который неизбежно должен был вызвать недоумение и даже ярость Гудмана. Некоторые из напечатанных в газете сообщений не соответствовали политическим позициям Гудмана, другие могли вызвать обвинение в клевете. Получив газету, редактор немедленно вернулся в Вирджиния-Сити. В обычном номере газеты ничего «криминального» он, разумеется, не нашел.

Своего рода специалистом по части «практических шуток» являлся

друг Твена — наборщик Стив Гиллис, человек веселый и безалаберный, расходовавший львиную долю своей энергии на поиски способов посмеяться за чей-нибудь счет. Добрый товарищ, он, однако, не жалел и лучших друзей ради возможности лишний раз повеселиться. В поступках Стива находил особенно рельефное воплощение грубый, нередко раздражающий, «дикий юмор» Дальнего Запада. Это он, Стив Гиллис, прятал рукописи Клеменса и свечку, при которой тот работал по вечерам! Это он решил разыграть «преподнесение» Сэму роскошного курительного прибора.

Такие приборы обычно дарили по подписке. Сэмюел Клеменс любил почести не меньше, чем его друзья. Но его, ярого курильщика, обходили.

— Разве я не заслужил такого прибора? — жаловался Сэм Стиву.

Стив Гиллис принялся за дело. Была составлена комиссия для вручения подарка. Сэму намекнули, чтобы он подготовил благодарственную речь. Настал торжественный день. Растроганный Сэм горячо благодарил друзей, угощал шампанским. Веселье продолжалось всю ночь.

Назавтра выяснилось, что прибор не настоящий, а жалкая имитация из гипса и взят с витрины магазина, где он стоял для рекламы. Позднее Клеменсу подарили хороший курительный прибор. Но он затаил обиду. Надо признать, что все-таки не все шутки, жертвой которых являлся сам Твен, воспринимались им с должным чувством юмора. Этот насмешник обладал легкоранимой душой.

С немалым раздражением воспринял он, например, заметку Дэна, в которой высмеивался его нос, вспухший, в результате занятий боксом. Приятель Твена писал, что, когда обладатель сего феноменально большого носа приехал в какой-то поселок, то некая старушка попросила разрешения коснуться носа рукой, дабы убедиться, что он настоящий. Ее желание было удовлетворено, и она заявила собравшимся согражданам, что это был «счастливейший момент» ее жизни. Прочитав невинную шутку Дэна де Квилла, Твен сердито заметил, что «ни черта остроумного» он в ней не видит.

Редактор Гудман полагал, что молодому Твену далеко до талантливого и трудолюбивого де Квилла. Но известность Марка Твена росла. Его статьи все чаще перепечатывались в других газетах Невады и даже Калифорнии.

Разумеется, большинство читателей не знало, кто такие на самом деле эти фельетонисты из «Территориал энтерпрайз». Газетные юмористы с их склонностью к клоунаде почти всегда пользовались псевдонимами, притом обязательно броскими, необычайными, а то и заведомо комическими.

Объяснялось это тем, что юмористы с Дальнего Запада по большей части были не просто авторами, но и, так сказать, действующими лицами своих произведений. Каждый из них как бы играл определенную роль, создавая образ, характер. По существу, этому-то образу (обычно комического простака) и присваивалось избранное юмористом имя. Так, Райт стал комическим персонажем Дэном де Квиллом, а Клеменс — весельчаком Твеном.

Когда-то Сэмюел Клеменс перевоплощался и Снодграсса. В Неваде он был вначале Джошем. А в феврале 1863 года на страницах «Территориал энтерпрайз» впервые появилась подпись Марк Твен, напоминавшая Клеменсу о любимой реке Миссисипи.

Некоторые репортерские заметки он по-прежнему подписывал своими инициалами — СЛК.

...Невада готовилась сделаться штатом. Это должно было дать дополнительных два голоса в сенате правительству Линкольна. А губернатор Най получал возможность осуществить одну из целей своего приезда в далекие края — он кандидат в сенаторы от штата Невада.

«Территориальное» законодательное собрание закрылось. Была организована пародийная «третья палата». В зале, специально снятом для этой цели, «губернатор» Твен выступил с остроумными замечаниями о политических деятелях Невады.

Никак нельзя сказать, конечно, что Марк Твен тогда уже осознавал ограниченность буржуазной демократии и фальшь, лежащую в ее основе, что он отчетливо видел хищничество и самодовольство типичных буржуазных политиканов. В подавляющем большинстве своем известные нам произведения Твена, написанные в те годы, не отличаются глубиной. В них мало критики современной социальной действительности. Но все же для Твена не были секретом эгоизм и убожество мысли таких людей, как Стюарт и Най. Он видел, что среди членов законодательных органов, судей и т. д. растут взяточничество, обман, жадность. В «третьей палате» Твен не только зубоскалил, но также и высмеивал политиканов. Кое-где в его выступлении даже чувствуется нечто отдаленно напоминающее саркастические слова свифтовского короля великанов, обращенные к Гулливеру.

Когда в Неваду приехал талантливый юморист Браун, присвоивший себе имя своего главного героя — Артемуса Уорда, Твен сразу же подружился с ним. В городе Вирджиния-Сити Уорд с большим успехом прочел комическую лекцию. Собственно говоря, лекции в обычном смысле

этого слова не было. Писатель выступал с комическим монологом, играя роль Уорда.

Как и многие другие американские юмористы, Браун пользовался безотказным приемом: стоило писателю или «лектору» придать себе выражение глуповатого, нелепого человека, вечно делающего не то, что нужно, — и веселый смех аудитории был обеспечен.

Публика начинала смеяться, едва завидев Уорда на эстраде. Уж очень у него был придурковатый вид! Образ этого бестолкового и жадного содержателя бродячей кунсткамеры вызывал презрение и чувство превосходства. Уорд все время сохранял на сцене унылый, меланхоличный вид. Он говорил смешные вещи, но, когда публика смеялась, глядел на нее с удивлением — ему, по-видимому, и в голову не приходит, что он говорит что-то комическое. С тем же тупым видом он рекламировал свой зверинец, включавший разных «моральных животных», а также музей восковых фигур, где представлено «несколько различных статуй прославленных пиратов и убийц, имеющих мало равных себе и никем не превзойденных».

Творчество Уорда-«лектора» в значительной мере сводилось к клоунаде. Он, например, произносил длинную речь, состоявшую из «умных» выражений и «ученых» слов, но абсолютно лишенную смысла.

Уорд-Браун был лишь немногим старше Твена, но он уже успел стать популярным «лектором» и писателем, автором книги, выдержавшей два издания. Твен внимательно и с большой симпатией следил за творчеством Уорда и иных юмористов, близких ему по характеру своего творчества. Он охотно читал, например, Локка, тоже создавшего образ-маску. Выступая в качестве «лектора», Локк, как и Браун, играл роль отвратительного и смешного старикашки — некоего Петролеума В. Нэсби. Говорят, что сам Линкольн хохотал над похождениями Уорда и Нэсби. Во время войны Браун, Локк и их коллеги находили порой слова, нужные для защиты дела Севера; они обличали трусов и изменников, а также рвачей, поддерживавших президента только для того, чтобы получить выгодную должность.

Марк Твен знал уже многие тонкости ремесла американского юмориста, владел его инструментарием. Он умел нанизывать остроты одна на другую, придавать лживым историям видимость правдивости, представляться простаком, делающим все невпопад. Фельетонист газеты «Территориал энтерпрайз» охотно пользовался гиперболами самого фантастического характера, доводил преувеличения до полного абсурда. Твен сочинил комические «правила» для гостиниц, в которых указывалось, что постояльцы обязаны снимать сапоги, ложась спать, «если только они в

состоянии это сделать», и что «кошмары даются напрокат по дешевым ценам». Он выдумал рассказ о несчастье, которое якобы произошло с Дэном де Квиллом, когда тот мчался на лошади со скоростью «сто миль в час». Шляпа Дэна, пишет Твен, была извлечена из его легких в «помятом состоянии», одну его ногу «вогнало в тело почти до самого горла».

В ту пору Марк Твен едва ли скромно оценивал свои достижения в сфере юмора, но он готов был продолжать учиться. Молодой журналист охотно прислушивался к советам Уорда — первого признанного писателя, с которым ему довелось близко познакомиться. В одном отношении, однако, Твен решительно отказывался следовать по стопам своих коллег. Он не станет коверкать слова ради комического эффекта. У Смита или Лоуэлла, автора знаменитого антирабовладельческого произведения «Записки Биглоу», неточности в выражениях, неправильное написание слов в большой мере отражали подлинный характер ошибок малограмотных людей из американского захолустья. Но у многих юмористов искажения в орфографии, испорченные обороты речи стали трюком, фокусом. Сам Уорд говорил, что его читателей больше смешит эксцентричная фразеология, нежели содержание его юморесок.

Твен не хотел портить язык в угоду читателям, жаждущим грубых развлечений. Он не станет, например, писать вместо «вытри нос» что-нибудь вроде «вы 3 нос».

Уорд нашел время, чтобы прочитать некоторые юморески Твена, и выразил свое одобрение. По его совету «дикий юморист» из невадской пустыни, как Твена иногда называли в газетах, послал кое-что из своих рассказов в один нью-йоркский журнал; их напечатали. Но этим дело и ограничилось — Твен был слишком занят повседневной работой в Неваде, чтобы думать о сотрудничестве в журналах восточных штатов.

Война между Севером и Югом уже подходила к переломному моменту. Линкольн решился — наконец-то! — взяться за освобождение негров. В Неваде собирали деньги на медицинскую помощь раненым.

Отправившись в новую поездку, Гудман оставил Твена своим заместителем. Временный редактор раскритиковал людей, неохотно вносивших свою лепту в Санитарный фонд. Он осудил также редактора другой местной газеты, Лейрда, взявшего под защиту лиц, против которых Твен выступал.

Лейрд не остался в долгу. Марка Твена называли «лгуном, щенком» и т. п. Такое оскорбление нельзя было оставить без внимания. В дело вмешался Стив Гиллис. Он предложил послать оскорбителю вызов на дуэль. Твен отнесся к предложению Гиллиса без особого энтузиазма. Однако отказаться

от защиты своей чести, когда даже посторонним видно, что она оскорблена, было невозможно. Вызов послали. Лейрд не торопился отвечать. Возмущенный Твен послал вторичный вызов. Наконец дуэль была назначена.

Как развернулись события в дальнейшем, установить с полной достоверностью не представляется возможным. Сам Твен многократно рассказывал (и его версию подтвердил Стив Гиллис), что дуэлянты собрались в назначенный час. Дальше произошло, если верить Твену и Гиллису, примерно следующее.

На поле чести Твен обнаружил Лейрда с его секундантами. Он тренировался в стрельбе. Твен тоже всю ночь учился стрелять из пистолета. Стив решил преподать Сэму последний урок. Он выстрелил в птичку. Подошли Лейрд и его секунданты. У птички была начисто отстрелена голова.

— Кто это сделал? — спросил один из секундантов.

— Сэм, — ответил Гиллис.

— С этим человеком драться нельзя. Это будет самоубийством, — заявил Лейрду его секундант.

Редакторы конкурирующих газет города Вирджиния-Сити решили отказаться от всех нанесенных друг другу оскорблений.

Вполне возможно, что эта забавная история была порождена живым воображением писателя-юмориста и его безудержно веселого приятеля. Есть предположение, что дело было улажено каким-то другим, менее занимательным образом.

Но Сэмюела Клеменса ждала дуэль и с неким Кэтлером. Снова поводом для нее явилась твеновская критика, по-видимому необоснованная, действий некоторых лиц, собиравших деньги для Санитарного фонда. О предстоящей дуэли стало известно властям. Твен рассказывает, что тогда был принят закон, предусматривающий тюремное заключение даже за вызов на дуэль. Власти искали случая показать всем гражданам, что законы будут строго соблюдаться. Поэтому первым же дилижансом Клеменс и Гиллис отправились в Калифорнию. Собственно говоря, Сэмюелу Клеменсу уже вообще надоела жизнь в Неваде, и он был рад уехать оттуда.

Рождение «Скачущей лягушки»

В Сан-Франциско штата Калифорния Твен получил работу в газете «Колл». Он поселился с наборщиком Стивом, по-прежнему неутомимым инициатором всевозможных приключений. Жили весело, не упускали случая сыграть шутку над соседями, ссорились и не могли расстаться.

Но теперь Марк Твен был только простым репортером. Из полицейского участка на пожар, с одного конца города в другой в погоне за материалом — так складывался день репортера. Ночью нужно было забежать в несколько театров и дать заметки о спектаклях. Тяжелый, безрадостный труд. Присмотревшись, Твен увидел, что в этом большом городе десятки тысяч людей жили тусклой жизнью, занятые только одним — борьбой за кусок хлеба. Богачи строили роскошные дома, выезжали в красивых колясках. Полиция, мэр, власти города и штата считались с каждым их желанием. А простые труженики были измучены вечным опасением остаться без средств к существованию. Китайца-иммигранта можно было затравить собаками — за него никто не заступится. Марк Твен написал статью об этом — ее не напечатали. Он попробовал писать другие статьи против полиции, против городских властей — они тоже не были помещены. Работать в газете стало неприятно. Тем временем и хозяева газеты «Колл» решили расстаться с репортером Твеном. Он подал в отставку. Твен, лучший журналист Вирджиния-Сити, оказался в Сан-Франциско без работы.

На помощь пришел редактор «Территориал энтерпрайз» Гудман. Марк Твен стал работать в Сан-Франциско корреспондентом его газеты. Теперь он мог писать всю правду о коррупции, царящей в этом городе, — ведь «Территориал энтерпрайз» издается в Неваде, штате, жестоко конкурирующем с Калифорнией.

Твена пригласили также в журнал «Калифорниец», редактором которого был его новый друг — Фрэнсис Брет Гарт. Сан-францисские журналисты, не довольствуясь репортерской работой или сочинением анекдотов, печатали в «Калифорнийце» или в журнале «Золотая эра» сценки, статьи, стихотворения, рассказы, рассчитанные на более взыскательного читателя. Марк Твен поместил в журнале несколько юморесок пародийного характера. Его и Гарта считали «подающими надежды». Но Брет Гарт был опытнее. Он обладал и более значительным культурным багажом. Редакторский карандаш Гарта прошелся не по одной

рукописи плебейского юмориста Твена, все еще ставившего выше всего комическую эксцентриаду, смешную чепуху.

Жизнь в Сан-Франциско уже приобрела было какой-то порядок, но вмешалась новая случайность. Однажды ночью неугомонный Стив Гиллис ввязался в драку и изувечил кабатчика. Стива арестовали по обвинению в покушении на убийство. Чтобы вызволить друга, Твен дал за него поручительство. Гиллис немедленно исчез из города и не явился к судебному разбирательству. Тогда начальник полиции принялся за поручителя. Пришлось бежать и Твену.

К счастью, брат Стива — Джеймс Гиллис, старый золотоискатель, владел хижиной в горах. Он предложил Сэму устроиться у него.

В избушке Гиллиса было спокойно и хорошо. Старый Джим разрабатывал заброшенные золотые россыпи. В тех краях оставались только чудаки-неудачники, не терявшие надежды обнаружить несколько самородков и обеспечить свою старость.

У Джима нашлись хорошие книги, он оказался прекрасным рассказчиком. В дождливые вечера Сэм слушал рассказы Джима и его приятелей. Гиллис был подлинным кладезем «западных» повествований.

В эти недели, когда Твен не чувствовал гнета газетной работы, он особенно успешно учился в школе жизни, все глубже познавая мир простых, бесхитростных американцев — старателей и рабочих. Он снова пил из родника народного юмора.

Среди охотников, фермеров, золотоискателей пользовался популярностью, например, рассказ о замечательном эхе. Из тех мест, куда забрался рассказчик, была видна большая гора. До горы было так далеко, что звук голоса долетал до нее и возвращался эхом лишь через шесть часов. И вот, чтобы не проспать, нужно было только крикнуть перед сном: «Вставать пора!» — и эхо будило тебя утром, как раз вовремя.

Клеменс снова стал искателем драгоценных металлов. Он таскал воду для промывки породы. Казалось, вот-вот блеснет самородок. Но время шло, а золото не попадалось.

Наконец, устав от бесполезной траты сил, Джим и его компаньоны оставили участок на произвол судьбы. Позднее они узнали, что под тонким покровом пустой породы было золото. Его обнаружили и захватили другие.

Согреться в холодную зиму 1865 года можно было только в кабачке, куда часто заходил старый лоцман с реки Иллинойс, по имени Бен Кун. Монотонным голосом он рассказывал длинейшие истории. Однажды собравшиеся услышали историю о лягушке — Кун очень ценил внимательных слушателей, а день был серый, тягучий, делать все равно

было нечего. У человека, по имени Кольман, была дрессированная лягушка. Кольман поспорил с каким-то незнакомцем, что его лягушка прыгнет выше любой другой. Когда Кольман вышел из комнаты, незнакомец накормил его лягушку дробью. Понятно, она не могла сдвинуться с места, и пари выиграл незнакомец.

Дела Стива в Сан-Франциско уладились, и Сэм смог туда вернуться. Снова началась шумная жизнь корреспондента «Территориал энтерпрайз» и сотрудника «Калифорнийца».

В Нью-Йорке должен был выйти новый сборник юмористических рассказов. По предложению Артемуса Уорда издатель книги попросил Твена прислать что-нибудь для сборника. Марк Твен написал рассказ о скачущей лягушке. Но «Лягушка» дошла в Нью-Йорк с опозданием — книга уже была совсем готова. Тогда издатель передал рукопись Твена журналу «Субботняя печать». Юмореска «Джим Смайли и его знаменитая скачущая лягушка» была там напечатана в ноябре 1865 года. Клеменсу было тридцать лет.

Рассказ о лягушке в разных вариантах многократно появлялся в печати и до этого. Историю о хитреце, обманувшем хвастуна, часто рассказывали негры. О лягушках с животами, наполненными дробью, известно было на Миссисипи. Это любимая тема горняков, лесорубов. Но в больших городах восточного побережья о «лягушке» не знали.

Твен сделал одним из действующих лиц самого рассказчика — Саймона Уилера. Он уютно пристроился у печки убогого кабака в полуразрушенном шахтерском поселке. Он толст, лыс, и на его спокойном лице написано добродушие.

Уилер начинает свой неторопливый рассказ. Он не сразу подходит к теме. Этот старый, простодушный шахтер, забытый жизнью в медвежьем уголке страны, радуется возможности поболтать с кем-нибудь. Собственно говоря, это единственное его удовольствие. Перед нами реальный человек, подлинный характер. В основе рассказа — анекдот, но читатель сразу же начинает чувствовать, что прелесть «Знаменитой скачущей лягушки из Калавераса» (как Твен назвал рассказ позднее) не столько в смешной истории с лягушкой, сколько в образах типичных обитателей Дальнего Запада.

Уилер смешон своей неспособностью последовательно и логически мыслить, склонностью перескакивать с одной темы на другую. И характерная для героя рассказа свободная игра ассоциаций позволяет автору ввести в повествование еще один правдивый образ — Джима Смайли, любившего держать пари.

Смайли — живое и комическое воплощение духа азарта, который руководил поведением столь многих старателей на Дальнем Западе. Смайли, пишет Твен, «было все нипочем, он готов был держать пари на что угодно — такой отчаянный. У пастора Уокера как-то заболела жена, долго лежала больная, и уж по всему было видно, что ей не выжить; и вот как-то утром входит пастор, Смайли — сейчас же к нему и спрашивает, как ее здоровье; тот говорит, что ей значительно лучше, благодарение господу за его бесконечное милосердие, — дело идет на лад, с помощью божией она еще поправится; а Смайли как брякнет, не подумавши: «Ну, а я ставлю два с половиной против одного, что помрет».

Юмор Твена в рассказе о лягушке подчас внешне грубоват, но в основе своей мягкий, человечный. Писатель наблюдателен и реалистичен. Из широко известной шутки он сделал яркую картинку народной жизни.

На примере «Знаменитой скачущей лягушки из Калавераса» можно ясно увидеть, что имел в виду Твен, когда подчеркивал различие между американским «юмористическим», по его терминологии, рассказом и европейским «остроумным», или «комическим», рассказом. Писатель отмечает, что «юмористический» рассказ может быть очень длинным и повествователь имеет право сколько угодно уходить от темы. Напротив, «комический», или «остроумный», рассказ должен быть короток и меток.

Твен написал однажды: «Остроумие и юмор — если существует между ними разница, то только во времени — это молния и электрический свет. Оба явно из одного материала, но остроумие — это яркая, мгновенная и небезопасная вспышка, юмор же шалит и наслаждается сюжетными выкрутасами».

Юмористическими Твен называет рассказы, посвященные прежде всего раскрытию образов, развернутому показу человеческих характеров. В «остроумном» рассказе основное — искрометная шутка, неожиданный поворот, анекдотическая ситуация.

Твену ближе всего «юмористический» рассказ, главный персонаж которого — сам рассказчик. Он зачастую выступает в роли простака, постепенно раскрывающего свою истинную сущность. Писатель подчеркивает слияние в таком рассказе автора и героя. Рассказчик часто делает вид, будто он «даже не подозревает, что в его повествовании есть что-то смешное». По замечанию Твена, эффективность «юмористического» рассказа зависит от «манеры» преподнесения его, а эффективность «остроумного» рассказа — от «содержания». Для воспроизведения «юмористического» рассказа нужно высокое искусство, между тем как «остроумный» рассказ, утверждает Твен, может передать любой.

Рассказ о лягушке — это, конечно, «юмористический» рассказ в твеновском значении этого слова.

«Скачущая лягушка» сразу приобрела популярность. Рассказ был перепечатан в нескольких газетах. Нью-йоркский корреспондент одной газеты, издававшейся в Сан-Франциско, сообщил, что у него «раз пятьдесят» спрашивали об авторе смешного произведения. «Все сходятся во мнении, что это лучшая вещь дня».

Но Твен не понял тогда значения собственного рассказа. «Дорогие матушка и сестра, — говорится в его письме от начала 1866 года, — просто не знаю, о чем и писать, — так однообразна моя жизнь. Уж лучше бы я снова стал лоцманом и водил суда по Миссисипи. Поистине, все на свете суета сует, кроме лоцманского дела. Подумать только, человек написал немало вещей, которые он, не стыдясь, может считать вполне сносными, а эти нью-йоркские господа выбирают самый что ни на есть захудалый рассказ...»

Победа!

Между тем война уже пришла к концу. Дело Севера взяло верх. Весной 1865 года войска южан сдались победителям.

Многие рядовые американцы встретили завершение Гражданской войны со смешанным чувством.

Их горячо радовала победа над жестоким и упорным противником — рабовладельцами. Те, кто видел в рабстве «естественное и нормальное состояние рабочего» (как выразилась накануне войны одна из южных газет), были, конечно, глубоко враждебны всем устремлениям народа, его мечте о достатке и свободной жизни. И у простых людей теперь, когда плантаторы были разгромлены, имелись основания торжествовать.

Миллионам сограждан Твена даже почудилось, что отныне для них открыты все пути к счастью. Ведь совсем недавно, в годы войны, был принят, наконец, закон о «гомстедах», на основе которого каждый может приобрести за небольшую плату кусок земли где-нибудь на западе Америки.

Но вдумчивые люди не могли не осознавать, что за годы войны Севера и Юга богачи в США стали еще богаче, а бедняки в основном остались бедняками. Банкир Джей Кук за время военных действий нажил состояние в десятки миллионов долларов. Одновременно было положено основание капиталам миллионеров, прогремевших уже в послевоенные годы: Вандербильта, Фиска, Гулда, Карнеги, Моргана, Армора, Рокфеллера.

Едва рабовладельческий Юг, тормозивший экономическое развитие страны, потерпел поражение, невиданными темпами развернулось строительство железных дорог и резко возросла добыча железной руды и угля, золота и серебра. Предприимчивые люди наживались на чем только могли, задабривая или уничтожая непокорных. Правительство стало на путь раздачи государственных земель компаниям, прокладывающим железные дороги. В конце концов в их руки перешло много миллионов акров пахотной земли, обещанной безземельным беднякам. Американские капиталисты сгоняли на строительство железных дорог десятки тысяч рабочих-китайцев и белых иммигрантов, принуждая их работать с утра до ночи. Фабриканты и банкиры надували недругов и друзей, прибирали к рукам сенаторов, мэров, начальников полиции. Новые законопроекты и законы о централизованной системе банков, защите имущественных прав, высоких протекционистских тарифах — все это было на руку

капиталистам.

Многие из них еще не умели грамотно писать, но их корявая подпись решала судьбы целых армий трудящихся.

Недаром на одном из массовых митингов рабочих была принята такая резолюция: «Мы рады, что мятежная аристократия Юга разгромлена... Однако мы хотим, чтобы все знали, что впредь трудящиеся Америки будут требовать более справедливого распределения богатств, создаваемых их трудом, и большего равенства в пользовании правами, обеспечиваемыми теми свободными институтами, которые цвет рабочего класса отстаивал в многочисленных кровопролитных сражениях».

Марку Твену суждено было отразить в своем творчестве и радостные чувства победителей и горькое разочарование простого американца в плодах победы, доставшейся дорогой ценой.

Случилось так, что в первый послевоенный год в произведениях Твена сказались не столько светлые надежды, сколько мрачные настроения. Он жил тогда в Сан-Франциско, в большом городе, вобравшем в себя все самое темное, что было в капиталистических порядках.

Не весело сложилась тогда и личная судьба Марка Твена и его брата. Орион снова был без работы. Когда Невада стала штатом, секретарь «территории» надолго оказался не у дел. А Сэмюела Клеменса ждала, чувствовал он, лишь безрадостная перспектива изнуряющей работы для газетной полосы.

Может быть, снова стать лоцманом? Нет, это уже невозможно: он не плавал четыре года. Выросли новые люди. К Миссисипи протягивается все больше нитей железных дорог. На реке устанавливают путеводные огни.

В год окончания войны Твен написал «Рассказ о дурном мальчике, которого бог не наказал». Это пародия на поучения воскресной школы, на повестушки о том, как побеждает добродетель и наказывается порок.

В рассказе Твена порок чувствует себя весьма неплохо. Писатель показывает, что в жизни все получается совсем иначе, чем в моралистических книжках. Когда «скверный мальчишка стащил ключ от кладовой и, забравшись туда, наелся варенья», то его «не охватил ужас и никакой внутренний голос не шептал ему: «Разве можно не слушаться родителей?» Мальчик Джим поступал очень дурно, но судьба его за это не наказывала.

Однажды Джим залез на чужую яблоню, чтоб наворовать яблок. «И сук не подломился, Джим не упал, не сломал себе руку, его не искусила большая собака фермера, и он потом не лежал больной много дней, не раскаялся и не исправился. Ничего подобного! Он нарвал яблок, сколько

хотел, и благополучно слез с дерева. А для собаки он заранее припас камень и хватил ее этим камнем по голове, когда она кинулась на него».

Вчитываясь в рассказ, все яснее видишь, что автор его не шалит; он не потешает читателя. Он рисует реальную жизнь. Не верьте тем, кто утверждает, будто в мире царит справедливость, говорит Твен. Когда Джим украл у учителя перочинный ножик, а потом попытался свалить вину на хорошего мальчика Джорджа, сына бедной вдовы, эта коварная затея ему превосходно удалась. Американцев с детства учат, что в конечном счете злодеи терпят поражение, а добродетель торжествует. Но на самом деле обычно торжествует зло. Джордж ждал наказания, но в этот момент не появился, пишет Твен, «седовласый, совершенно неправдоподобный судья и не сказал, став в позу: «Не трогайте этого благородного мальчика! Вот стоит трепещущий от страха преступник!» Нет, ничего подобного не произошло.

Показав фальшь ханжеской литературы, Твен идет дальше. Он внезапно раскрывает перед читателем второй план своей многозначной сатиры. Писатель продолжает: «...Джима не выпороли, а почтенный судья не прочел наставления проливающим слезы школьникам, не взял Джорджа за руку и не сказал, что такой мальчик заслуживает награды и поэтому он предлагает ему жить у него (внимательно прислушаемся к дальнейшим словам Твена. — М. М.), подметать канцелярию, топить печи, быть на побегушках, колоть дрова, изучать право и помогать его жене в домашней работе, а все остальное время он сможет играть и будет получать сорок центов в месяц и благоденствовать». Так перечень «благодетелей» внезапно приобретает саркастический смысл — добродетельный до неправдоподобия судья оказывается на деле вполне правдоподобным эксплуататором.

Писатель заканчивает рассказ новым неожиданным поворотом. «...Он вырос, этот Джим, — пишет Твен, — женился, имел кучу детей и в одну прекрасную ночь разmozжил им всем головы топором». Гротеск служит здесь мостом к большим обобщениям. Оказывается, что, став взрослым, «дурной мальчик» не только убил всех своих родных, но также всякими плутнями и мошенничествами «нажил состояние, и теперь он — самый гнусный и отъявленный негодяй в своей деревне — пользуется всеобщим уважением и стал одним из законодателей штата».

Шутки в «западном» духе, грубоватые, похожие на те, которыми любили угощать своих слушателей легкомысленные юмористы из невадских газет, становятся средством раскрытия существенных сторон жизни. В современной Америке, говорит Твен своим рассказом,

написанным в год окончания войны, берут верх дурные люди.

Перед нами иной Твен — более вдумчивый, более критически настроенный.

Лет пять спустя он написал близкий по теме рассказ о «хорошем мальчике, который не преуспевал в жизни». Эта юмореска не так богата содержанием, как рассказ о «дурном мальчике», но и здесь Твен высмеивает ханжество, лицемерие. По существу, его «хороший мальчик» — маленький расчетливый честолобец, хвастающий своей добродетелью.

Вернемся, однако, к году окончания войны Севера и Юга. Твен написал тогда не только «Рассказ о дурном мальчике», но также и ряд других менее ярких, но все же не лишенных обличительной окраски произведений.

В следующем году появился фельетон «Чем занимается полиция?». Это ироническое повествование о «доблестях» полиции города Сан-Франциско и вместе с тем рассказ о судьбе незащитного человека в капиталистическом городе. «Разве не добродетельна наша полиция?» — вопрошает писатель. Лавочник проломил голову несчастному бродяге, а полицейские упрятали в тюрьму пострадавшего. Со злой насмешкой Твен говорит: «Разве плохо, что полисмены бросили полуживого человека в камеру, даже не позвав врача осмотреть его рану? Они просто считали, что это успеется и на следующий день, — если только бедняга протянет до следующего дня! Разве плохо, что тюремщик не стал тревожить искалеченного человека, когда два часа спустя обнаружил его без чувств? Зачем было будить арестованного — ведь он спал, а люди с проломленным черепом имеют обыкновение так безмятежно спать... Поэтому, хотя неизвестный и скончался в семь часов утра, после четырехчасового бодрящего сна в тюремной камере, с головой, «рассеченной на две половины, словно яблоко» (так зафиксировано протоколом вскрытия), но какого черта вы лезете обвинять полицию? Вечно вы суете нос куда не следует!»

Писатель все пристальнее всматривался в жизнь. Он писал новые статьи, сочинял анекдоты, гротескные шутки, пародии на модную романтическую литературу, но испытывал чувство недовольства собой, своей работой, городом Сан-Франциско, чуть ли не всей Америкой.

Твен еще не понимал тогда и не мог, конечно, понять, что ждет его родину в послевоенные десятилетия. Но это был трезвый, прямой, здравомыслящий человек, и он хотел видеть действительность такой, как она есть.

Годы Гражданской войны, объединившие лучшие силы американского

народа в борьбе за большие буржуазно-демократические задачи, оказали на Твена серьезное воздействие. То время, когда Сэмюел Клеменс мог колебаться между приверженностью к Югу и симпатиями к Северу, кануло в вечность. За период войны этот на первый взгляд легкомысленный весельчак из Вирджиния-Сити научился многому. Он хорошо понял, что рабовладельческий Юг играл в Гражданской войне реакционную роль, что рабство негров должно было быть уничтожено. Твен жаждал справедливых, демократических порядков, хотя и не знал ясно, в чем они должны заключаться. Он требовал лучшей жизни для простых людей, хотя его представления о такой жизни и носили смутный характер. Во всяком случае, он не склонен был мириться с явной бесчестностью, обманом, узурпацией прав рядового человека.

У Твена все чаще появлялась мысль, что неплохо бы уехать куда-нибудь в горы, в лес, побродить вдаль от людей.

Пароходная линия соединяла Сан-Франциско с Сандвичевыми (Гавайскими) островами. Там дикая, прекрасная природа, чудесный климат. И люди живут там как-то по-иному, нежели в Калифорнии.

Может быть, отправиться туда?

Вскоре одна из калифорнийских газет послала Твена в Гонолулу в качестве своего корреспондента. Он приехал на острова весной 1866 года, через год после окончания войны. И впервые, пожалуй, за долгое время юморист Твен почувствовал себя счастливым. Все здесь ему нравилось: и вечно голубое небо, и зелень, и таинственные вулканы, и поющие девушки. Здесь листья никогда не вянут и небеса не плачут...

Американские буржуазные биографы Твена много пишут о победе, которой добился писатель за время пребывания в Гонолулу. Он был первым журналистом, проинтервьюировавшим группу американцев, спасшихся после гибели парохода. Его корреспонденция была написана за одну ночь и поспела на судно, отходившее в Сан-Франциско на другое утро. Из Сан-Франциско сообщение было передано по телеграфу во все концы страны.

В период пребывания на Сандвичевых островах Марк Твен добился и других побед, о которых написано гораздо меньше. Несколько недель, проведенных вдаль от Америки, помогли писателю яснее, чем раньше, осознать, что именно не нравилось ему в родной стране.

Твен отнюдь не идеализировал правителей островов. Он осуждал королей, попов и феодальных властителей за стремление поработить крестьян. Но писатель увидел немало привлекательного в жизни рядовых туземцев, простых, непосредственных людей. И, сопоставив обстановку, создавшуюся в США, с жизнью на Сандвичевых островах, он пришел к не

очень-то радостным для Америки выводам. Опубликованная несколько лет спустя статья Твена «Почему нам следует аннексировать Сандвичевы острова» говорит об этом самым недвусмысленным образом. И заглавие ее и все содержание ироничны.

«Мы должны аннексировать Сандвичевы острова! — восклицает Твен. — Мы можем осчастливить островитян нашим мудрым, благотворительным правлением». Что же на самом деле способна дать послевоенная Америка обитателям «волшебных островов», как назвал их однажды писатель? «Мы можем завести у них новинку — воров, от мелких карманных воришек до важных птиц в муниципалитетах и растратчиков государственных денег, — и показать им, как это забавно, когда таких людей арестовывают, предают суду, а потом отпускают на все четыре стороны — кого за деньги, кого в силу «политических связей»... Мы можем учредить у них железнодорожные компании, которые будут скупать законодательные учреждения, как старое платье, и давить колесами поездов лучших местных граждан, а потом жаловаться, что убитые пачкают рельсы».

Твен начинает догадываться, что фактически Соединенные Штаты и впрямь уже захватили Сандвичевы острова.

С тоскливым чувством возвращался Твен домой. То радостное ощущение, которое испытывал он, когда жил на зеленых островах, исчезло. В его записной книжке мы находим следующие слова, написанные после возвращения в Сан-Франциско: «И вот я дома. Нет, не дома, снова в тюрьме, — чувство огромной свободы исчезло. Город так тесен, так уныл со своими тревогами, трудом, деловыми заботами».

В Америке тридцатилетний журналист Марк Твен снова почувствовал себя на мели. Что теперь делать: приниматься за поденщину репортерской работы? Мысль об этом угнетала. Хорошо бы отправиться, думал он, в кругосветное путешествие на много-много месяцев! Но это была только мечта. Твен решил было написать книгу о Сандвичевых островах на основе своих корреспонденции. Но кто ее напечатает? Чтобы прокормить себя, приходилось спешно подыскивать какое-нибудь занятие.

И тогда родилась мысль прочесть «лекцию» по примеру Уорда и других «лекторов»-юмористов.

Это было, конечно, весьма рискованное мероприятие. Кто согласится заплатить доллар или даже пятьдесят центов, чтобы послушать рассказ об островах какого-то журналиста?

Твен составил несколько афиш в комическом стиле. Только так и можно привлечь публику. В одном объявлении сообщалось, что лектор Твен проиллюстрирует обычаи людоедов, проживавших раньше на

Сандвичевых, или Гавайских, островах, «посредством пожирания ребенка на глазах у зрителей, если какая-нибудь дама любезно предоставит младенца для этой цели».

В другой афише после указания, где, когда и какая будет лекция, крупным шрифтом было напечатано:

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ОРКЕСТР

НАХОДИТСЯ В ГОРОДЕ,

и мелко — но не приглашен.

УСТРАШАЮЩИЕ ДИКИЕ ЗВЕРИ

и мелко — будут показаны в другом квартале.

РОСКОШНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК

предполагали устроить в связи с лекцией, но отказались от этой мысли...

В конце афиши было сказано, что двери откроются в семь часов, а «неприятности» начнутся в восемь.

В этот вечер лектору Твену действительно приходилось конкурировать с такими признанными аттракционами, как дикие звери и фейерверк. Он должен увлечь публику, чтобы она не заметила отсутствия оркестра. Умеет ли он развлекать?

Оказалось, что умеет. Зал был полон — все-таки на Тихоокеанском побережье уже знали юмориста Твена. Он перенял многое из эстрадной манеры Уорда. Как и Уорд, Твен сыпал остротами, сохраняя при этом наивное и даже безучастное выражение лица. Но в его веселой клоунаде было и сатирическое ядро. В одной американской газете за 1867 год недавно обнаружен текст лекции Твена об островах. Из газетного сообщения видно, что «дикий юморист» поделился со своими слушателями рядом фактов, которые должны были заставить их призадуматься. Восемьдесят лет тому назад население островов, сказал Марк Твен, составляло четыреста тысяч человек. «Затем появились белые люди. Они принесли с собою цивилизацию и несколько других болезней, и теперь туземное население быстро вымирает и исчезнет примерно в течение полувека. Цивилизация подарила туземцам чахотку; недалеко время, когда они вовсе покинут сей мир. Когда же туземцы уберутся восвояси, мы займем их место, — саркастически продолжает Твен, — как законные наследники. Теперь там живут три тысячи белых, главным образом американцев, и число их все время увеличивается. Они владеют всеми капиталами, контролируют всю торговлю, им принадлежат все морские суда».

Спустя несколько десятков лет Марк Твен убедился, что все

происходившее на Гавайских островах во второй половине 60-х годов представляло собою лишь как бы репетицию, маленькую и деликатную репетицию того, что было осуществлено американскими империалистами на Филиппинских островах и в других частях земного шара в конце века.

Итак, у Марка Твена появилась новая профессия. Он стал «лектором». Позднее Твен не раз подчеркивал, что «чтение лекций» и просто «чтение» совсем разные вещи. Если некоторые писатели, как, например, Диккенс, выступая в качестве чтецов, выразительно воспроизводили отрывки из своих произведений, то задача «лектора» была другой. Это был актер, играющий определенную роль на эстраде. Он не читает, а произносит комический монолог.

Когда Твен приехал в Вирджиния-Сити, Гудман порекомендовал ему внести в лекцию добавочный комический элемент. Твен начал свое выступление так: занавес поднимается, «лектор», точно у себя дома, сидит за фортепьяно и напевает песенку о лошади, «по имени Мафусаил». Вдруг он замечает, что занавес поднят, и выражает крайнее удивление. Зрители смеются. И тут начинается лекция о Сандвичевых островах.

Выступая в разных городах страны, Твен держал рукопись «лекции» под мышкой, но никогда к ней не обращался. В конце концов рукопись растрепалась, у нее был словно взъерошенный вид, и самый вид рукописи вызывал смех. Смешной казалась слушателям и манера «лектора» растягивать слова.

Только теперь Марк Твен решился, наконец, поехать в восточные штаты. Может быть, удастся издать книгу в Нью-Йорке или выступить с «лекциями».

На пароходе, который шел из Сан-Франциско к Никарагуанскому перешейку, Твен познакомился с капитаном Уэйкманом, знатоком библии и богохульником. Насмешливое отношение Уэйкмана к религии было по сердцу юмористу. Он и сам относился к церкви без всякого пиетета.

От Никарагуанского перешейка Твен следовал в Нью-Йорк на другом судне. Тут ему довелось пережить немало страшного. На следующий же день после отплытия парохода два пассажира заболели азиатской холерой и умерли. Внезапно испортились машины, и пароход долго не мог добраться до ближайшего порта. Пароходный врач признался Твену, что лекарств у него, по сути дела, нет.

Поездка на «Квакер-Сити»

Трудное и опасное путешествие все-таки закончилось для Твена благополучно. Он в Нью-Йорке. Издатели крупнейшего города Соединенных Штатов не встретили его с распростертыми объятиями. Солидная фирма, которой он предложил сборник своих рассказов, отказалась от него: имя «дикого юмориста» из Невады не было достаточно известно в восточных штатах, чтобы стоило идти на риск. В конце концов это Нью-Йорк, а не Запад с его бескультурьем. Один из приятелей Твена решил выпустить книгу на свой страх и риск. Главное место в сборнике занял, конечно, лучший рассказ Твена — о «скачущей лягушке». И все же книга прошла почти незамеченной.

Снова пришлось обратиться к газетной работе и «лекциям». После выступления в Нью-Йорке Марк Твен отправился в родные места. Он узнал там, что Орион по-прежнему не у дел. Мать жила у сестры Памелы, в Сент-Луисе.

Во время пребывания в этом городе Твен увидел интересную рекламу: какая-то фирма решила организовать необычное путешествие. Она зафрахтовала специальный пароход «Квакер-Сити», и на нем отправятся в Средиземное море состоятельные люди, желающие повидать Европу и «святые места». Путешественники пересекут океан без всяких деловых побуждений, просто ради удовольствия. Сообщалось, что на «Квакер-Сити» резервированы каюты для ряда видных лиц — знаменитых священников, известных журналистов. Экскурсантам предстоит увидеть Италию, Грецию, Францию, черноморские города, Палестину и т. д.

Открывалась как будто возможность осуществить давнишнюю мечту о путешествии в далекие края, на долгий срок. Разумеется, денег на поездку у Твена не было — ведь билет стоит свыше тысячи долларов. Но родилась мысль: почему бы какой-нибудь газете не послать его в поездку на пароходе «Квакер-Сити» в качестве специального корреспондента? Пусть только оплатят стоимость билета. Владелец калифорнийской газеты «Альта» предложение Твена смутило — уж слишком велик расход. Впрочем, журналист Твен не плохо проявил себя во время поездки на Гавайские острова. Спустя несколько дней заведующий нью-йоркским отделением газеты «Альта» получил телеграмму: «Отправьте Марка Твена на экскурсию в святую землю и заплатите за билет».

Теперь писатель жил только ожиданием начала поездки. Время

тянулось медленно. Чтобы как-нибудь свести концы с концами, приходилось сочинять корреспонденции для той же «Альты». Это была неприятная работа, и самому Твену статьи его казались глупыми, неинтересными. Ему уже надоело писать обычные репортерские заметки. Он хочет работы, которая доставляла бы подлинную радость. В письмах к родным Твен отзывается о самом себе с презрением. Он успокоится только тогда, когда «Квакер-Сити» выйдет в море.

Знаменитости, о которых говорилось в объявлениях фирмы, организовавшей «экскурсию», в последнюю минуту отказались ехать. Это был, по-видимому, обычный рекламный трюк.

Неожиданно для себя Твен оказался одним из наиболее видных пассажиров. Среди экскурсантов было много священников, отправившихся в путешествие, как они говорили, только для того, чтобы побывать в «святых местах». Твен обнаружил на борту «Квакер-Сити» также людей иного толка: журналистов, предпринимателей.

Составилась веселая мужская компания. Она включала и судового врача. Душой ее был Марк Твен. Как и полагается мужчинам, значительную часть времени приятели проводили в курительной комнате. Когда же корабль «Квакер-Сити» оказывался в каком-нибудь порту, они первыми пускались в длинные путешествия, не боясь трудностей и опасностей. От этой компании веселье шло по всему пароходу.

Но Твен не мог и не собирался только развлекаться. Он обязан был работать. За время путешествия он послал в газету «Альта» более полусотни длинных писем. Кроме того, несколько писем появилось в нью-йоркской газете «Трибюн».

В свое время Твен писал письма из Нью-Йорка, Вашингтона и Филадельфии для газет, издававшихся Орионом Клеменсом. Десяток его писем напечатан в газете «Кресцент». Письма для газет посылал он и во время пребывания в Сан-Франциско, а также на Сандвичевых островах. Этот жанр был ему близок и приятен. Он имел свои несомненные достоинства: ведь автор писем — очерков и путевых заметок юмористического характера — не обязан подробно и точно рассказывать читателю обо всем, что узнал и увидел. Люди, интересующиеся фактами, пусть обращаются к другому источнику. Корреспондент-юморист имеет право в любую минуту перейти от информации, репортажа к вольному рассказу о своих настроениях, чувствах, даже фантазиях. Он вправе рассуждать о том, о сем, пользуясь любым поводом или без всякого повода. Ему предоставляется возможность (собственно говоря, он даже обязан это делать) вставлять в эти письма разнообразнейшие пародии, комические

сценки, анекдоты, шутки.

Твен имел немало предшественников в таком жанре. В определенной мере он развивал традиции английских юмористов XVIII века (в частности, Стерна и Гольдсмита), а также раннего Диккенса и некоторых иных современников в Англии. Он опирался и на опыт американских писателей и журналистов, например Ирвинга. Но в США именно Твен довел искусство писем — путевых очерков до уровня большой литературы.

Путешествие оказалось не столь размеренным и спокойным, как обещали его устроители. В Грецию туристов не пустили по случаю карантина. Но группа смельчаков пробралась в Афины незаконным путем. Летняя жара сделала путь из Бейрута в Иерусалим весьма трудным. Путешественники не без оснований опасались страшных заразных болезней, главным образом холеры.

Но все обошлось хорошо.

С жадным любопытством глядел Твен на то, что открывалось перед его глазами в странах Европы, на Азорских островах, на Ближнем Востоке. День за днем он описывал чудеса Старого Света. Рассказал о Гибралтаре, о величии Везувия, об Афинах, Милане, Париже, Смирне, встрече экскурсантов с русским царем в Ялте. Он поведал о многом с добросовестностью хорошего газетчика, умеющего подметить яркие детали и воплотить увиденное в словах точных и выразительных.

Но Марк Твен то и дело намеренно сгущает краски, утрирует, вставляет в ткань повествования комические эпизоды в духе «дикого юмора». Уже в первых письмах читателей рассмешил рассказ о том, как американцы весело пообедали в одном ресторанчике, а затем пришли в ужас, увидев умопомрачительно большой счет. Приятели уже решили, что они разорены, но оказалось, что португальцы (это происходило на Азорских островах) пользуются очень мелкой монетой — рейсами — и что на самом деле счет отнюдь не так велик.

Письма с «Квакер-Сити» писал литератор, гордый своей страной, только что добившейся большой исторической победы. Твен ни на минуту не сомневался тогда в превосходстве буржуазной демократии над феодальными и полуфеодальными порядками, которые еще царили в большинстве стран Европы. И он не упускает случая поиздеваться над пережитками прошлого, дворянством, католической церковью. Ему враждебна атмосфера отсталости, затхлости, господствующая во многих углах Европы и в странах Востока.

Вместе с тем в письмах с «Квакер-Сити» иногда сказывается заносчивость, кичливость самоуверенного американского буржуа. Кое-где

Твен весьма насмешливо говорит о рядовых людях Старого Света, зло высмеивая, например, нечистоплотность, порожденную нищетой. Встречаются в книге и отнюдь не передовые суждения о революционной деятельности французского народа. Писатель положительно отзывается о Наполеоне III.

Порою Марк Твен с почтением, а то и восторженно говорит об исторических памятниках и произведениях искусства, с которыми экскурсанты познакомились в Европе и Азии. При этом он забавно пародирует трафаретные описания чудес искусства, которыми грешили иные американские путешественники, высмеивает преувеличенные восторги невежественных людей, сентиментальность, ходульность, всяческие претензии.

Но в ряде писем звучит весьма скептическое отношение к величайшим памятникам мировой культуры. Твен говорит, что он не может разделить всеобщее уважение к классическому искусству. Великие мастера живописи эпохи Возрождения вызывают у него протест, негодование. Писатель оправдывает свою позицию тем, что-де эти художники, изображая аристократов, подхалимничали перед ними. Он, разумеется, проявлял явную узость в понимании искусства, был далек от подлинного историзма.

В некоторых письмах даже слышится издевка над достижениями вековой культуры.

Изображенная Твеном мужская компания с «Квакер-Сити» усвоила весьма развязный тон в обращении с европейским искусством и памятниками европейской истории. Эти шутники не упускали случая поднять на смех гидов в музеях и картинных галереях, всячески демонстрировали свое нежелание преклоняться и перед тем, что заслуживало преклонения. Порою они притворялись «вдохновенными идиотами», вовсе не способными понять значение великих людей прошлого.

Автор писем весело смеется вместе со своими героями. Он позволяет себе выступать с самыми «дикими» шутками и от собственного имени. Никогда он не чувствовал себя таким счастливым, восклицает, например, Марк Твен, как вчера, когда «узнал, что Микеланджело нет в живых».

Во всем этом есть, конечно, немало бездумной клоунады. Путешественники с «Квакер-Сити», и Твен вместе с ними, часто шалят, смеются, не особенно вдаваясь в смысл своих шуток. Но было в их шутках также иное. Воспринимая с пренебрежением европейскую культуру, американские «простаки» зачастую пытались утвердить таким способом (пусть даже они сами того и не осознавали) не только свое равноправие со

Старым Светом, но и превосходство над ним.

Перед читателем группа американских «вандалов», которые вообще не очень-то склонны признавать, что они могут чем-либо быть обязанными Европе. Да, Америка была открыта европейцем — Колумбом. Но «простаки» делают вид, что они даже не слышали этого имени. Надеюсь хоть чем-нибудь заинтересовать американцев, гид в музее показывает им письмо, написанное (подумайте только!) самим Колумбом. Дальше разыгрывается весьма характерная смешная сцена. Молодые люди созерцают письмо некоторое время, а затем один из них спрашивается, кто, собственно говоря, его написал. Колумб? Но ведь почерк отвратительный. Ему неважно, кто это писал, в Америке даже четырнадцатилетние дети умеют лучше писать.

А вот бюст Колумба.

«Доктор приставил к глазам лорнет, купленный специально для таких okazji.

— А... как вы называли этого джентльмена?

— Христофор Колумбо! Великий Христофор Колумбо!

— Христофор Колумбо... Великий Христофор Колумбо. Ну, а чем же он знаменит?

— Открыл Америку! Открыл Америку! Черт побери!

— Открыл Америку? Тут какое-то недоразумение. Мы только что из Америки и ничего об этом не слышали...»

Дальше мы читаем:

«— А от чего он умер?

— Не знаю. Не могу сказать.

— От оспы, а?

— Я не знаю, господа! Я не знаю, отчего он умер.

— От кори, должно быть?

— Может быть, может быть... Я не знаю... Наверное, он умер от чего-нибудь.

— А родители живы?»

А, это мумия?! Как зовут этого джентльмена? Он француз? Египтянин? Умер три тысячи лет назад? Как вам нравится наглость этого гида — предлагать нам подержанных покойников. Если у вас есть свежий труп, тащите его сюда!

Да, идейная ограниченность позиций американской буржуазной демократии конца 60-х годов наложила на письма Твена из Европы свой отпечаток. Следует упомянуть и о том, что в своих письмах Твен позволял себе довольно неприязненно отзываться о древнейших обитателях

Америки — индейцах. Пройдет немного лет, и он смело скажет о своей солидарности с «древним индейцем». Но пока замечания Твена об индейцах окрашены в иные тона.

Все это бесспорно. А все же нельзя забывать, что в письмах сказывается не только заведомо буржуазное начало в мировоззрении Твена тех лет, но и его демократизм.

Писатель далеко не всегда готов солидаризироваться с «простаками». Он высмеивает иных из своих соотечественников, не раз теряет терпение, наблюдая, как непристойно ведут себя состоятельные американцы. Его возмущает провинциализм, тупость немалого числа путешественников с «Квакер-Сити».

Путешествие пришло к концу. Письма Твена принесли ему известность. Если раньше он был юмористом «дальнезападного» масштаба, то теперь его читали десятки тысяч людей во всех концах страны. Популярность Твена в Соединенных Штатах уже была столь велика, что о нем вспомнил как-то его старый знакомый по Неваде — сенатор Стюарт. Что и говорить, этот Твен умеет писать... Стюарт решил, что такого человека неплохо было бы сделать своим секретарем. Работы будет немного. У Твена останется достаточно времени для журналистской деятельности.

Марк Твен, конечно, хорошо знал цену Стюарту, юристу-миллионеру, пожалуй, самому хитрому и ловкому дельцу во всей Неваде. И все же он принял предложение. Теперь, когда поездка на «Квакер-Сити» осталась позади, снова возникла проблема, что делать дальше. Стюарт, во всяком случае, предоставит Твену постоянный доход. Журналист сразу же отправился в Вашингтон и начал знакомиться с условиями службы у Стюарта, ставшего одним из политических заправил столицы США.

Недолго продолжалась секретарская деятельность Марка Твена. Он быстро успел убедиться, что за время пребывания в Вашингтоне Стюарт не стал лучше. Вообще в столице страны царил коррупция, дела решались за стаканом виски. Среди политических деятелей Вашингтона, решил Твен, вовсе нет людей большого государственного ума.

В результате недолгой близости Твена к Стюарту в 1868 году появился его рассказ «Когда я служил секретарем».

Он написан от первого лица. Марк Твен не только рассказчик, но и действующее лицо. Он, конечно, «простак». Вернее, выдает себя за простака. Два месяца Твен занимал «теплое местечко» у сенатора, но был вынужден уйти. Сенатор поручил ему отвечать на письма разных избирателей. Все это жуликоватые или просто нелепые и назойливые люди.

Задача секретаря заключалась в том, чтобы «составить ответ половчее», не обидеть избирателей и в то же время избавиться от их притязаний. Но секретарь не похож на сенатора — он честный человек. Герой рассказа буквально следует указаниям своего шефа. Не его вина, если каждый раз он ставит этого лицемера в смешное и трудное положение.

Рассказ заканчивается характерным образцом комического преуменьшения. Сенатор теряет терпение и восклицает, обращаясь к своему секретарю: «Убирайтесь вон! Чтобы вашей ноги здесь больше не было!» «Я принял эти слова, — продолжает Твен, — как скрытый намек на то, что в моих услугах не нуждаются, и подал в отставку. Я никогда больше не пойду служить личным секретарем сенатора. Разве таким людям угодишь? Они невежественны и грубы. Они не умеют ценить чужой труд».

Мир стюартов, чувствует Твен, — это фальшивый и недобрый мир. Но разве нельзя, щелкнув таких господ по носу, повернуться к ним спиной?!

Как раз в это время судьба преподнесла Твену неожиданный подарок. Он получил письмо от некоего Блисса, руководителя издательства в городе Хартфорде штата Коннектикут. В письме было выражено желание получить от мистера Сэмюела Клеменса какую-либо книгу для издания крупным тиражом. Фирма готова предложить весьма выгодные условия. В ходе переговоров выяснилось, что Блисс рассчитывает продавать книгу по подписке при помощи специальных агентов и что ему нужно произведение «с юмористическим уклоном».

Родилась мысль создать книгу для Блисса на основе писем, посланных с «Квакер-Сити».

Твен считал себя трезвым человеком и был убежден, что его трудно обмануть. Загипнотизировав себя этой мыслью, он часто попадался на удочку ловких дельцов. Блисс и другие предприниматели хорошо знали слабости этого фантазера, человека открытого сердца, вспыльчивого и тем легче уязвимого.

С наивным лукавством Сэмюел Клеменс сообщил издателю, что у него есть хорошая газетная работа и что он станет переделывать письма для публикации в виде книги только в том случае, если ему докажут, что это выгодно. Блисс сумел убедить своего корреспондента, что ему будет предоставлена замечательная возможность разбогатеть. Позднее Твен не раз сетовал на издателя за прижимистость.

В январе 1868 года писатель принялся за работу над новой книгой. Многие из писем пришлось выбросить, переделать; немало страниц было написано наново. На пароходе «Квакер-Сити» Твен познакомился с немолодой женой провинциального издателя миссис Фейрбенкс, которая

добровольно приняла шефство над талантливым журналистом и частенько советовала ему пригладить, смягчить то одно, то другое место в его письмах, чтобы не вызвать недовольства «респектабельных» читателей. Готовя к изданию книгу, которую он назвал «Простаки за границей», Твен частенько вспоминал советы богобоязненного критика. Свои требования к автору книги стал предъявлять и Блисс.

Некоторые акционеры его издательской фирмы, ознакомившись с материалом, начали опасаться, что эта книга о «святых местах» носит непомерно легкомысленный характер. Они выпустили на своем веку не одну книгу религиозного содержания. Как бы их теперь не обвинили в богохульстве. Но Блисс хорошо понимал, что именно задиристый юмор «Простаков за границей» будет приманкой для читателей. Он заявил акционерам, что в случае их отказа выпустит книгу сам и всю прибыль положит в собственный карман. Это заставило скептиков замолчать.

«Ужасное мошенническое предприятие...»

Посылая письма с «Квакер-Сити», Марк Твен не думал, что они явятся основой большой книги. Уж подавно не приходило ему в голову, что это сочинение выпустит в свет издательство, не раз публиковавшее сочинения религиозного характера.

Воспринятое еще в юности от отца и из прочитанных книг критическое отношение к религии, а также природный здравый смысл, мешающий принимать на веру учения церкви, проявили себя в письмах весьма недвусмысленным образом. Все это дало себя знать — правда, в несколько меньшей мере — и в книге «Простаки за границей».

Сделанная нами оговорка вызвана весьма реальными обстоятельствами. Воспроизведенные недавно первоначальные тексты статей Твена, которые он писал во время путешествия в восточное полушарие, показывают, что некоторые из «богохульных» замечаний Твен-корреспондента в книгу не вошли. Рассказывая о своем пребывании в Италии, Твен, например, охарактеризовал одну церковь, которую ему случилось видеть, как «ужасное мошенническое предприятие», обслуживаемое «штатом из трехсот распухших, жирных бродяг церковного звания». Из «Простаков за границей» это колоритное замечание выпало. В книге только сказано, что во Флорентийском соборе «числится триста священников, благоденствующих и счастливых».

Все же в «Простаках за границей» церковникам досталось довольно крепко. Так, описывая богатства, собранные в католических церквях Европы, Твен с нескрываемым негодованием противопоставляет их народной нищете. Когда американские туристы «прошли сквозь высокие двери» церкви иезуитов, перед ними предстали, «казалось, все сокровища земли». «Громадные колонны, вытесанные каждая из целой мраморной глыбы, сверху донизу покрытые сложными узорами из серпентина; аналои из тех же драгоценных материалов, аналои, с которых живописными складками спадает каменный покров, соперничая в легкости с изделиями ткацкого станка; главный алтарь, сияющий полированной отделкой и оградой из восточного агата, яшмы, серпентина и других дорогих камней, которые мы плохо знаем даже по названиям; и повсюду плиты бесценной ляпис-лазури в таком изобилии, словно у этой церкви были собственные каменоломни. Среди всего этого великолепия золотая и серебряная утварь алтаря кажется дешевой и будничной. Даже полы и потолки там стоят

целого княжеского состояния».

Весь тон этого описания говорит о том, что автора не столько радовала красота открывшихся перед ним драгоценных предметов, сколько мучила мысль о том, что все это стало достоянием попов, а не народа. И дальше Твен, задает вопросы, ответ на которые для него очевиден. «Какой же смысл, — восклицает этот трезвый и на редкость последовательный американский демократ, — позволять всем этим богатствам лежать без пользы, когда половина населения бьется из последних сил, чтобы хоть как-нибудь прокормиться? Разумно ли держать сотни миллионов франков в бесполезной мишуре церквей по всей Италии, когда правительство, чтобы не погибнуть, душит налогами народ?»

Сообщения о «чудесах», связанных с именами разных святых, вызывают у Твена едкие насмешки. Прочитав в одной книге о том, что в катакомбах св. Калиста «сердце святого Филиппа Нери так воспылало божественной любовью, что разорвало ему грудь», автор «Простаков за границей» смеется совсем не добродушно. Он проявляет интерес к тому, что святой Филипп... «съел за обедом».

Узнав о том, что прах Иоанна Крестителя показывают любопытствующим в двух различных церквях, Марк Твен выступает со следующим ядовитым комментарием: «Нам трудно было заставить себя поверить, что у Иоанна Крестителя было два комплекта праха».

А дальше следует раздраженное замечание о том, что вообще «слишком... много... реликвий». «Нам показывают, — продолжает автор «Простаков за границей», — кусок истинного креста в любой старой церкви, в которую мы заходим, а также гвозди из него. Я не берусь утверждать точно, но полагаю, что мы видели не меньше бочонка этих гвоздей. А терновый венец? Часть одного хранится в Париже в Сент-Шаиель, часть другого — в Соборе Парижской Богоматери. А из костей святого Дионисия, которые мы видели, в случае необходимости можно было бы, по-моему, собрать его скелет в двух экземплярах».

Разбросав по своей книге немало подобных безжалостных выпадов, сатирик пытается кое-где несколько смягчить создавшееся впечатление. Он говорит, что «обязан теперь во имя справедливости» сказать «что-нибудь хорошее» о священниках и церквях. Дальше идет рассказ о «благочестии», проявленном во время эпидемии холеры орденом доминиканцев. А все же встреченный на каком-то пароходике монах — это для Твена просто один из «жирных босоногих плутов».

Даже в Палестине, в этих «святых местах», молодой журналист не может (и не хочет) избавиться от ставших привычными для него

скептических интонаций. Евангельские легенды он пересказывает то со скрытой, а то с совершенно откровенной насмешкой. Поведая о том, что Христос проклял Капернаум и две деревни «за то, что после всех великих деяний, совершенных здесь, они не покаются, и предрек им гибель», Твен добавляет, что, хотя «теперь они лежат в развалинах, на радость паломникам», пророчество здесь «ни при чем». Прославленные путешествия Христа на самом деле были весьма короткими. Он «провел всю свою жизнь, проповедовал свое учение и творил чудеса в пределах среднего американского округа... — без какого-либо пиетета говорит писатель. — Как это утомляет, когда через каждые две-три мили ты вынужден прочитывать новую сотню страниц истории — ибо поистине все знаменитые места в Палестине расположены так близко друг от друга».

С нескрываемой издевкой Твен пишет, что «любой ручеек», журчащий в «святых местах», «нарекают высоким званием» и потом изливают «свою хвалу» на бумаге. «Если бы собрать воедино все стихи и весь вздор, посвященный здешним источникам и окрестным пейзажам, получился бы солидный том — неоценимая растопка для печи».

Что касается автора «Простаков за границей», то для него даже «прославленное море Галилейское» — это просто «мутная лужа».

Едкие антиклерикальные замечания сатирика были направлены главным образом в адрес католической церкви, но он не склонен был приукрашивать и протестантских пасторов — своих соотечественников.

Еще в фельетоне «Важная переписка», напечатанном в год окончания Гражданской войны, пресвитерианские, епископальные, унитарные и иные священники были изображены расчетливыми дельцами, ловкими спекулянтами. Перечитывая корреспонденции из Палестины, ясно ощущаешь, сколько скрытого презрения и еле сдерживаемого гнева вызывали «их преподобия» у прямого, честного, ненавидящего всякие претензии Сэмюэла Клеменса.

Одно из самых смешных мест в «Простаках за границей» — описание несостоявшегося путешествия «паломников» по морю Галилейскому: «С самого младенчества этих людей учили чтить, даже боготворить святые места, которые предстали ныне их счастливым взорам... Стоять здесь, видеть все это своими глазами, плыть по этим священным водам, лбызать благословенную землю, простершуюся вокруг, — они лелеяли эту мечту, а годы уходили один за другим и оставляли неизгладимые следы на их лицах и иней в волосах».

Пародийно-возвышенный тон писателя заставляет нас предвкушать нечто неожиданно-комическое. И это ожидание оправдывается. Паломники

шумно выражают готовность заплатить любую сумму за поездку лодкой по «священному морю». Однако, когда владельцы этой посуды требуют «два наполеондора», сияние на лицах «гаснет», и наступает «пауза».

— Слишком дорого, хватит и одного!

Последствия этого возгласа изображены Твенем с той великолепной яростью обличения, которая присуща лучшим его сатирическим произведениям. В каждой фразе здесь живет сарказм.

«Я так никогда и не узнаю, как это случилось, — меня и сейчас бросает в дрожь при одной мысли о том, как легко здесь совершаются чудеса: в мгновение ока «корабль» оказался уже за двадцать шагов от берега и убегал, точно объятый страхом! А восемь несчастных стоят на берегу — подумайте только! Такой удар... такой удар... после столь иступленного восторга!

...И разом в нашем лагере поднялись вопли и скрежет зубовой. Предлагали два наполеондора, даже больше... умоляя удаляющихся лодочников вернуться. Но те преспокойно уходили прочь и не обращали ни малейшего внимания на паломников, которые всю свою жизнь мечтали о том дне, когда они будут скользить по священным водам галилейским и в шепоте волн слышать божественную повесть; ради этого они одолели тысячи и тысячи миль — и в конце концов решили, что плавание обойдется слишком дорого? Дерзкие магометане! Подумать так о благородных поборниках иной веры!»

Нет, никак нельзя сказать, что Твен отправился в Палестину, чтобы утвердить превосходство протестантизма над воззрениями католиков. Его ясному сознанию была чужда всяческая поповщина. Нечто «мошенническое» он ощущал в любом проявлении религиозного ханжества.

Верхом на лягушке

Пока «Простак за границей» проходили в издательстве все неизбежные этапы, Твен продолжал выступать с комическими «лекциями» и съездил в Сан-Франциско, чтобы получить у издателей газеты «Альта» право на воспроизведение печатавшихся в их газете писем. По дороге в Калифорнию он снова очутился на пароходе, капитаном которого был его новый друг — Уэйкман. Тогда-то, вероятно, и услышал Твен от капитана забавную и по сути своей антирелигиозную историю о путешествии на небеса, которая послужила основой твеновского рассказа «Путешествие капитана Стормфилда в рай». Рассказ этот появился в печати лишь сорок лет спустя.

Известность Твена как шутника, умеющего заставить смеяться даже самых мрачных людей, ширилась. Он часто выступал на званых обедах и еще чаще читал юмористические «лекции» на разные темы, а то и вовсе без определенной темы, но с обильным количеством острот, шуток. В одном объявлении было перечислено тридцать восемь тем, которые будут затронуты в «лекции» Твена, а затем говорилось, что «тщательно продуманные остроты будут прикреплены к каждой из них».

Посетители твеновских «лекций» получали изрядную дозу юмора еще до того, как входили в зал. Однажды на улицах Сан-Франциско появилась интригующая листовка. Она начиналась с требования виднейших граждан, чтобы лектор Твен убрался поскорее из города. Дальше был напечатан ответ Твена его гонителям. За ним следовало грозное предупреждение — за подписями ряда организаций — не устраивать лекции. В заключение прозвучали слова самого начальника полиции: «Лучше убирайтесь вон!»

Автором всей листовки был, конечно, Твен. Вечером зал оказался битком набитым.

На афишах Твена порою изображали верхом на лягушке. В одном журнале, где были напечатаны портреты наиболее известных лекторов, его нарисовали в шутовском костюме с бубенцами.

Смеялись слушатели, веселились и читатели. Твен создавал все новые рассказы, полные уморительных, гротескных ситуаций. Он нанизывал одну шутку на другую в таком темпе и с таким блеском, что слушатель или читатель быстро приходил в состояние счастливого изнеможения и ему начинали казаться смешными любые выдумки рассказчика, любые его чудачества. Писатель остроумно смешивал большое и малое, высокое и

низменное, играл словами, пародировал. Великолепно зная все законы своей профессии, он умел задолго подготовить смешной конец рассказа и выдержать строгое выражение лица на протяжении длинного предисловия к комичному заключительному аккорду.

Твен, конечно, не боялся эксцентриады. Он писал и об «огнедышащем драконе, который... причинял больше неприятностей, нежели сборщик податей», и о том, что когда в спешке строишь вселенную или дом, то почти наверняка потом заметишь, что забыл сделать мель или чулан для щеток.

Блестящий образец твеновской юмористики тех лет — его широко известный рассказ «Мои часы».

Тему рассказа не назовешь оригинальной. Писатель поведал о том, как его «прекрасные новые часы полтора года шли, не отставая и не спеша», и как однажды он забыл их завести на ночь и «зашел в лучший часовой магазин», чтобы поставить часы по точному времени. Дальше, разумеется, часовщик начал возиться с часами, и они испортились.

Нечто подобное мог бы рассказать любой английский юморист. Он тоже показал бы, как каждое новое вмешательство часовщика приносит часам вред, как они ходят все хуже и хуже.

Твен начинает рассказ спокойно и размеренно. Но вскоре мы встречаемся с комическими преувеличениями фантастического характера. Через неделю часы «спешили, как в лихорадке, и пульс у них доходил до ста пятидесяти в тени». Уже эта путаница понятий, это сопоставление несопоставимого вызывает смех. Дальше количество смешных нелепостей возрастает. Через два месяца часы «оставили далеко позади все другие часы в городе и дней на тринадцать с лишним опередили календарь». Потом часы стали ходить медленно, и рассказчик «незаметно отстал от времени и очутился на прошлой неделе». Часы продолжают отставать, и гиперболы Твена становятся поистине «крокетовскими» по характеру, хотя они и более тонки в психологическом отношении. «Вскоре я понял, что один-единешенек болтаюсь где-то посередине позапрошлой недели, а весь мир скрылся из виду далеко впереди. Я уже поймал себя на том, что в грудь мою закралось какое-то смутное влечение, нечто вроде товарищеских чувств к мумии фараона в музее, и что мне хочется поболтать с этим фараоном, посплетничать на злободневные темы».

В конце юморески есть характерная гротескная фраза. Рассказчик рассердился на часовщика и говорит: «Я раскроил ему череп и похоронил на свой счет».

Да, такой юмор не спутаешь с английским, например.

Хотя творчество Твена еще было очень близко по своему характеру к творчеству таких предшественников и современников писателя, как, например, Смит, Дэн де Квилл или Уорд, уже было ясно, что автор «Простаков за границей» несравненно более талантлив, чем они.

Твен радовался своему умению заставлять людей улыбаться, хохотать. «Морщины должны быть только следами прошлых улыбок», — как-то сказал писатель.

Ливи и Элмайра

К компании весельчаков, игравшей заметную роль среди пассажиров «Квакер-Сити», часто присоединялся юноша лет восемнадцати — Чарлз Лэнгдон. Отец послал юношу в длительное путешествие, чтобы он повидал свет и узнал людей, прежде чем займется долами. Джервис Лэнгдон, один из богатейших жителей города Элмайры в штате Нью-Йорк, оставит сыну шахты и крупную оптовую торговлю углем.

Как и во всяком хорошо воспитанном мужчине из «лучших» семейств Элмайры, в Чарли совмещалось преклонение перед «настоящими» мужчинами с культом своей семьи, которой ничто из этого грубого мужского мира коснуться не должно.

С Твеном было, конечно, весело. Ведь его профессия — забавлять, смешить людей. Поэтому неплохо было бы показать Твена родным. Сестре Оливии, или Ливи, болезненной, печальной девушке, доставило бы удовольствие послушать, как Твен, смешно растягивая слова, рассказывает какой-нибудь — разумеется, вполне приличный — анекдот. Это даже поднимет авторитет Чарли в глазах родных. Вот какой у юного Лэнгдона приятель — известный юморист Твен!

Когда после возвращения на родину несколько друзей по «Квакер-Сити» устроили выпивку, к ним присоединился и Чарли, который приехал в Нью-Йорк с отцом и Оливией. Чарли решил познакомить Твена с родными. Твен охотно согласился: он помнил, какое милое лицо было у Оливии на миниатюре, которую юноша как-то показал ему во время путешествия.

В семье Лэнгдонов Оливию считали мученицей, далекой от всего земного, — несколько лет тому назад она сильно ушиблась, поскользнувшись на льду, и долго не вставала с постели.

Первая встреча Твена с хрупкой и нежной Ливи произошла в декабре 1867 года.

Расставаясь, Чарли Лэнгдон пригласил своего занятого, хотя, пожалуй, и не совсем хорошо воспитанного, друга навестить их как-нибудь в Элмайре. Впрочем, этот странный человек, на которого даже трудно сердиться, настолько он эксцентричен, не стал откладывать встречи с сестрой Чарли до поездки в Элмайру. Примерно через неделю, в день Нового года, в одиннадцать часов утра, он отправился с визитом к знакомым, у которых в то время находилась мисс Оливия Лэнгдон, и, не соблюдая установленных приличий, оставался там до полуночи.

Когда в самом начале 1868 года Твен вместе с Оливией слушал в исполнении Диккенса отрывок из «Давида Копперфильда», он больше всего, пожалуй, думал о сидевшей рядом с ним девушке. Твен был увлечен ею. Впрочем, он не забывал, что и она и ее отец — люди другого мира.

Дочь богатого углеторговца, Оливия Лэнгдон действительно была далека от той жизни, которая протекала за стенами большого элмайрского дома Лэнгдонов. Элмайра состоятельных людей, по ее убеждениям, воплощала лучшее, что может дать цивилизация. Религия, размеренное веселье вечеринок у приятельниц, чистые улицы богатых кварталов, безупречная корректность манер — без этого жить невозможно.

Твен понял, что Оливия не обратит внимания на него до тех пор, пока он не станет приемлемым для Элмайры. Оливии все в жизни доставалось готовым, законченным. Привычный порядок вещей не вызывал у нее сомнений. Разве можно ставить вопрос о существовании бога, если все «приличные люди» верят в него, если доктор Ньютон простой молитвой поднял Оливию с постели после тяжелой болезни? Разве можно ставить вопрос: добиваться или не добиваться богатства, если среди знакомых Оливии никогда не было неимущих людей? Не обязательно иметь столько денег, сколько у ее отца, но особняк, минимальное количество слуг, экипаж — без этого, конечно, жить нельзя.

Твен удивил Оливию своей необычностью. Для нее, как и для Чарли, он был, возможно, и приятный, но, разумеется, чужой человек.

Из всей семьи только богатому торговцу углем приходилось в какой-то мере сталкиваться с той стороной жизни, которая так хорошо была знакома Клеменсу, — с бедностью, тяжелым трудом, неудачами, борьбой за место в мире. И Джервис Лэнгдон обратил внимание на журналиста Твена — этот человек далеко пойдет, он незаурядно способный юморист и нравится людям.

Прошло почти три четверти года с тех пор, как Твен видел Оливию. Чарли повторил приглашение приехать в Элмайру.

Сдав в печать «Простаков», Твен нашел время заехать к Лэнгдонам. Конечно, в их доме нужно тщательно соблюдать этикет. Чарли почти в два раза моложе Сэма, но при первой встрече в его доме он тщательно проверил туалет своего приятеля.

Твен провел в Элмайре неделю. В день отъезда он признался юному Лэнгдону, что влюблен в Ливи. Чарли был потрясен... До тех пор он не верил, что Клеменс может иметь какие-нибудь виды на его сестру,

— Слушайте, Клеменс, — заявил Чарли без всяких церемоний, — поезд уходит через полчаса. Вы еще можете поспеть на него. Зачем ждать

до вечера? Уезжайте сейчас же.

Клеменс воспользовался своей привилегией шутника и не оскорбился. Конечно, ему здесь делать нечего. Единственный человек, который давал ему право находиться в доме, Чарли, теперь предлагал ему уехать. Все же Клеменс решил остаться до вечера. А вечером коляска, в которой он и Чарли ехали на станцию, по счастливой для Твена случайности перевернулась. Он притворился сильно пострадавшим. Твена внесли в дом, и он провел у Лэнгдонов еще несколько дней.

Сэмюел Клеменс полюбил Оливию Лэнгдон. Полюбил искренне и страстно. Полюбил со всем пылом человека, который только теперь, собственно говоря, начал созревать духовно, который сохранил юношескую свежесть чувств.

Но Оливия казалась Сэмюелу Клеменсу недостижимым существом.

Стать редактором, а то и совладельцем приносящей хороший доход газеты, поселиться в комфортабельном доме, помогать матери, устроить, наконец, Ориона — это почтенный идеал. А если рядом с тобой любимая жена, Ливи, с ее тонким, прелестным лицом — разве может быть счастье выше?!

Все это были, казалось, такие же пустые мечтания, как надежда найти серебряную жилу в Неваде. Между тем Чарли стал откровенно враждебен к Твену — этот человек с «дикого Запада» протягивал лапы к его сестре. Оливия оставалась по-прежнему ровной, корректной. Неизвестно было, что она думает. Впрочем, во время болезни Сэмюела Клеменса она была к нему очень внимательна. Решить вопрос о женитьбе мог, конечно, только отец.

Никакого плана действий у Твена не было. Но само собой выходило, что растущая известность, повышающиеся доходы удачливого юмориста усиливали уважение Джервиса Лэнгдона к Сэмюелу Клеменсу.

BROOKLYN ACADEMY OF MUSIC, FEB. 7th

*Tickets at 244 Fulton St. and
172 Montague St.*

Афиша, рекламирующая «лекцию» Марка Твена.

Крупнейшее лекционное агентство предложило Твену турне. Оплата

— сто и больше долларов за каждую «лекцию». Он может выступать хоть каждый вечер, но «лекции» должны быть посмешнее. Твен уже начинал чувствовать себя не очень хорошо на эстраде — ведь ему приходилось кривляться перед публикой за деньги, точно шуту. Но предложение он принял.

Началось большое турне. Твен зарабатывал теперь очень много денег. Книгу его набирали. Однажды, находясь неподалеку от Элмайры, Твен заехал к Лэнгдонам и попросил руки Оливии. Джервис Лэнгдон был удивлен. Нет, Клеменс не годится в зятя! Спросили мисс Оливию Лэнгдон. Она подтвердила, что вовсе не собирается замуж за мистера Клеменса.

Но ее все больше и больше влекло к этому необычному и милому человеку.

Успех «лекций» рос. Газеты все чаще писали о Твене, цитировали его остроты. Через некоторое время Клеменс снова появился в доме Лэнгдонов.

Джервис Лэнгдон расспросил Сэмюела Клеменса о его прошлом, о родне. У кого можно справиться об искателе руки его дочери? Твен сослался на знакомых священников в Сан-Франциско. Лэнгдон написал им письма.

Снова «лекции». Получена была корректура книги. Агенты Блисса во всех концах страны готовились к приему подписки. Цена книги — свыше трех долларов; ведь это не какой-нибудь роман, а книга о путешествии.

В начале 1869 года Лэнгдон получил ответы из Сан-Франциско... Да, эти священники знают веселого, способного парня Клеменса. Он много обещает, но лишен респектабельности. Нет, это не муж для дочери мистера Лэнгдона из Элмайры.

Джервис Лэнгдон не согласился с мнением священников и Чарли. Он дальновиднее их. Клеменс только у начала пути, и с каждым днем его звезда поднимается все выше. Надо лишь немного помочь ему, направить по верной дороге. Этот человек еще «сделает» себя. Джервис Лэнгдон согласен отдать свою дочь, выросшую в одном из богатейших домов Элмайры, журналисту, пишущему под псевдонимом Марк Твен.

Лэнгдон уже давно понимал, что Ливи полюбила Сэма Клеменса.

Элмайра, разумеется, не собиралась принять в свою среду этого человека, прожившего всю жизнь с фермерами, неграми, наборщиками, горняками, таким, как он есть. Твена следовало выутюжить, обломать.

Между Сэмюелом Клеменсом и его будущей женой завязалась обширная переписка еще со времени их первой встречи в Элмайре. Твен обращается к Оливии Лэнгдон с трогательными, а нередко и сентиментальными посланиями.

В одном из самых ранних своих писем он благодарит Оливию за намерение ежедневно молиться за него и обещает изменить свое поведение, чтобы сделаться *достойным* этих молитв.

Рассказывая Оливии о том, какие усилия он прилагает, чтобы стать «хорошим христианином», Твен вместе с тем время от времени делает попытки подсказать невесте мысль, что далеко не все в ее верованиях бесспорно. Он, например, пишет Оливии большое письмо об открытиях астрономов, о гигантских масштабах звездного мира и попутно дает ей понять, сколь наивны обывательские представления о вселенной и, по сути дела, также о боге.

Когда поступили гранки «Простаков», жених с невестой совместно принялись за чтение корректуры. Рядом с деликатной, хрупкой Ливи Сэм чувствовал себя неловким, неуклюжим, простонародным. Замечания двадцатитрехлетней неопытной девушки принимались с готовностью. Места, которые могли бы не понравиться строго религиозному высшему свету Элмайры, подвергались дополнительным исправлениям.

Твен без оглядки отдавался любви к невесте. Став женой Твена, Оливия Клеменс всегда называла своего молодого сердцем мужа «юношей». А Марк Твен много лет спустя занес в свои записные книжки следующий афоризм, навеянный счастливым личным опытом: «Считают, что любовь растет очень быстро, но это совсем не так. Ни один человек не способен понять, что такое настоящая любовь, пока не проживет в браке четверть века».

В городе Буффало, что в западной части штата Нью-Йорк, продавался один из трех паев газеты «Экспресс». Владелец пая должен был также редактировать некоторые разделы газеты. Предприятие как будто обещало постоянный приличный доход.

Мирный гражданин города Буффало, провинциальный литератор, добрый семьянин — разве не к этому стремился Клеменс в своих скитаниях по Америке? Твен ухватился за представившуюся возможность приобрести пай. Средства для этого были взяты взаймы у Лэнгдона.

В августе 1869 года Твен уже принялся за работу в Буффало. Он написал шутивное обращение к читателям, в котором обещал не вводить каких-либо реформ и новшеств, да и вообще не причинять беспокойства. Он будет вести себя мирно, будет избегать бранных слов, за исключением разве тех случаев, когда приходится поневоле выходить из себя. Он не может не браниться, говоря, например, о квартирной плате и налогах.

Летом же вышли, наконец, в свет «Простаки за границей». Первый тираж составил двадцать тысяч, но уже к концу года было продано свыше

тридцати тысяч экземпляров.

Популярность книги росла. Газеты поместили ряд хвалебных отзывов. Писатель Уильям Гоуэлс, редактор солидного буржуазного журнала «Атлантик», назвал Твена одним из лучших юмористов Дальнего Запада. «Простак за границей» пользовались успехом у самых видных граждан США. Уж очень много смешного было в этой книге.

Бракосочетание назначили на февраль 1870 года.

За несколько дней до свадьбы Твен написал старым друзьям: он хотел поделиться с ними своей радостью.

По понятиям состоятельных жителей Элмайры, свадьба была скромная — присутствовало не больше ста гостей. Из Хартфорда приехал на свадьбу новый друг Твена — священник Твичел. Он еще был молод, этот настоятель фешенебельной церкви в Хартфорде. Твичел — атлет, у него есть чувство юмора.

Во время своего лекционного турне Твен как-то обратился к знакомому в Буффало с просьбой подыскать для него и жены приличное жилище. Когда молодые прибыли в Буффало, их ожидал большой удобный дом с роскошно меблированными комнатами. Каковы были удивление и радость Сэмюела Клеменса и непосвященных родных, когда Джервис Лэнгдон вынул из шкатулки купчую и вручил ее своему зятю. Оказалось, что этот дом, мебель, посуда, ковры, канделябры, экипаж — свадебный подарок Лэнгдона молодым. Даже слуги были им подысканы заблаговременно.

Итак, Сэмюел Клеменс обязан теперь зарабатывать столько, чтобы иметь возможность содержать и дом, и слуг, и экипаж. Оливия Клеменс должна чувствовать себя точно в родной Элмайре.

«Настоящая» жизнь

Казалось, наконец-то началась настоящая жизнь. Еще недавно Твен не чувствовал твердой почвы под ногами. В любую минуту судьба могла уничтожить его — провинциального журналиста, человека без определенной службы и обеспеченного дохода, неудачливого охотника за невадским золотом и серебром. Он даже испытывал стыд перед родными и знакомыми; в тридцать с лишним лет человек не имеет настоящей работы, приличного дохода, своего угла.

А теперь все было иначе. У Твена солидное положение в газетном мире — он не какой-нибудь наемный журналист, которого завтра же могут прогнать. Его акции, так сказать, идут на повышение. Ему принадлежит великолепный дом.

Жизнь с любимой женой приносила много радости. Вскоре после свадьбы Твен встретил своего старого знакомого по Неваде Хоуланда, рассказал ему, как он счастлив, и в обычной шутливой манере добавил: «Если женатые люди всегда так счастливы, как я счастлив в эти дни, то надо пожалеть, что у меня зря ушло целых тридцать лет жизни. Если бы я мог начать жить сначала, то женился бы во младенческом возрасте, вместо того чтобы терять время на прорезывание зубов и битье посуды».

Твен энергично трудился в редакции газеты «Экспресс». Он также принял на себя редактирование отдела юмора в журнале «Галакси».

Между тем издатель Блисс все более настоятельно требовал еще одной книги, на любую тему, лишь бы можно было распространять эту книгу по подписке. Твен согласился подумать. Почему бы ему не сочинить пародию на историю пребывания Ноя в ковчеге? Он опишет жизнь Ноя и его домочадцев совсем на современный лад. В Америке бастуют рабочие. Не плохо было бы описать, как строители ковчегу устраивают забастовку, требуя более высокой заработной платы...

Такая тема едва ли могла вызвать энтузиазм у Блисса и других акционеров Американской издательской компании. Пародировать Библию? Писать о забастовках? Ну, как же это можно!..

Родилось еще одно предложение. Публике понравилась книга Твена о путешествии в Европу — что, если описать поездку в Южную Африку и приключения на алмазных россыпях? Конечно, Твен не имеет теперь возможности поехать в Африку. Но туда отправится способный журналист — его приятель, а Твен оформит книгу на основе записок этого

журналиста.

Блисс согласился, и Твен написал ему: «Я протянул свои жадные руки к самому подходящему для этой цели человеку во всей Америке. Через две недели отправлю его за свой счет в алмазные районы Южной Африки». План все же не был осуществлен: нанятый Твеном журналист случайно поранил себя вилкой и умер от заражения крови.

Работа в газете «Экспресс» надоела. Откликаться изо дня в день на темы местного значения было тягостно. Порою у Твена получались удачные фельетоны — например, о том, что кладбище в городе Буффало находится в заброшенном состоянии. Но все же писать снова и снова о проблемах, касающихся жителей небольшого и довольно скучного городка, не хотелось. К тому же участие Твена в газете «Экспресс» не принесло ожидаемых материальных результатов. Тираж газеты не рос. Пожалуй, Твена обманули, продав ему пай за двадцать пять тысяч долларов.

Да и семейная жизнь складывалась совсем нелегко. Оливия принесла с собой вполне определенные требования. Муж должен отбросить привычки, приобретенные в его туманном и пугающем ее прошлом. Он обязан усвоить манеры джентльмена, а это означало прежде всего, что он должен «по-джентльменски» относиться к религии. Накопленный жизненный опыт Твена, его душевная прямота, наконец, все тот же здравый смысл противоречили этому требованию. Библия... Библия просто глупа. Твен знает, как велико расстояние между звездами. Это слишком большой мир для библейского бога. Библейский бог — это бог кучки кочевников, мстительный, яростный, даже легкомысленный. Так написал Твен в одной своей статье начала 70-х годов.

Но он не хочет пугать Ливи богохульными мыслями. Статью эту Твен не напечатал. Он не стал спорить с горячо любимой женой. Он будет поступать так, как ей кажется нужным. За обеденным столом Твен произносил молитвы, по вечерам слушал чтение библии.

Через несколько месяцев после женитьбы Сэмюела Клеменса на Оливии Лэнгдон умер ее отец. Для Ливи, не очень-то здоровой физически, это был сильнейший удар. Вскоре после этого приятельница Оливии, которую Клеменсы пригласили к себе, заболела тифом и скончалась у них в доме. В конце 1870 года Оливия Клеменс родила хилого ребенка. Жизнь матери и сына была в опасности. Твен выбивался из сил, ухаживая за больными. Ребенок прожил недолго.

Жизнь в Буффало становилась невыносимой. С этим городом теперь были связаны тяжелые воспоминания. Да и вообще Буффало в конце концов только провинция.

Желая потеснее привязать к себе выгодного автора, Блисс звал Клеменса в Хартфорд. Там можно превосходно устроиться. Хартфорд, небольшой город штата Коннектикут, находится на пути из Нью-Йорка, крупнейшего промышленного и торгового центра США, в Бостон — главный город штата Массачусетс, который в ту пору еще, пожалуй, являлся культурной столицей Америки. Как и Массачусетс, штат Коннектикут составляет часть так называемой Новой Англии.

В свое время Новая Англия сыграла немалую роль в борьбе за независимость США и в схватках с южными рабовладельцами. Из штатов Новой Англии вышли крупные политические деятели Америки. Новой Англии принадлежало заметное место в развитии литературы страны в течение первых двух третей XIX столетия. С городами Салемом и Бостоном штата Массачусетс связано имя крупного американского романтика Н. Готорна. В Массачусетсе жил и такой видный литератор, как Р. Эмерсон — поэт и философ.

Новая Англия была одним из важнейших центров становления литературы аболиционизма, протеста против невольничества. Поэты Дж. Лоуэлл, Дж. Уитьер и Г. Лонгфелло, а также Г. Бичер-Стоу, автор «Хижины дяди Тома», — все они выходцы из Новой Англии.

Лучшие произведения писателей Новой Англии появились в течение десятилетий, непосредственно предшествовавших войне Севера и Юга. Эти писатели то выражали — в романтическом плане — свой протест против духа расчета и своекорыстия, присущего американскому дельцу, то воспевали буржуазно-демократические идеалы, связанные с борьбой против рабства. Нередко в их произведениях было и то и другое.

В послевоенные годы Новая Англия начала быстро уступать свое выдающееся положение в американской культурной жизни и прежде всего Нью-Йорку. Пафос демократизма, который придавал раньше произведениям столь многих «новоанглийских» писателей страсть и силу, после войны стал испаряться. Деятели культуры Новой Англии по-прежнему претендовали на руководящее место в литературе страны. Эмерсон, Лонгфелло, Лоуэлл, Холмс, как и прежде, с чувством превосходства принимали приезжавших к ним на поклон молодых литераторов. Но их произведения уже лишены были былой привлекательности: источники вдохновения иссякали. В величественности этих писателей теперь было что-то мертвящее. Они стали «браминами», как их нередко называли, литературными аристократами, все более и более консервативно настроенными.

Благодаря своему месторасположению — связям с Бостоном и

близости к Нью-Йорку — Хартфорд сделался резиденцией ряда американских писателей. Там жила знаменитая Бичер-Стоу. Там жил писатель Чарлз Уорнер, почти забытый нашими современниками, но в свое время пользовавшийся довольно широкой известностью. Там же поселился в начале 70-х годов и Марк Твен.

Однако Хартфорд был прежде всего городом не литераторов, а богачей. Тут находились предприятия, принадлежавшие известным фабрикантам оружия — Кольту и Гатлингу. Хартфорд являлся также штаб-квартирой крупных страховых и издательских компаний.

Твена поразили красота и пышность особняков на улицах Хартфорда, атмосфера обеспеченности, которая там ощущалась. Хартфорд состоит, заметил он как-то, не из маленьких домишек, расположенных впритык один к другому, точно колода карт, а из «массивных частных отелей, разместившихся на широких и прямых улицах, на расстоянии от пятидесяти до двухсот ярдов^[2] один от другого. Каждый дом находится в центре зеленого участка величиной примерно с акр^[3]...»

Всюду прекрасные деревья, цветочные клумбы.

Писатель не обманывал себя насчет того, что именно позволило хартфордцам создать такой привлекательный город. «Хартфордским долларам, — писал он, — принадлежит доля в половине всех богатейших предприятий Америки». Твен спрашивал насмешливо: «А где же проживают в Хартфорде бедняки?» — и отвечал, что они, вероятно, загнаны в какой-то «уголок этого рая, где мне еще не удалось побывать».

Жизнь в Хартфорде требовала немалых средств. Но Твен уже работал над новой книгой для Американской издательской компании. Книга должна была быть посвящена описанию приключений Твена на Дальнем Западе. Кроме того, писатель ощутил в себе жилку изобретателя. Может быть, и изобретения принесут ему доход? Правда, пока его деятельность в этой области ограничивалась довольно узкими рамками: он придумал автоматическую застежку для жилетов да получил патент на альбом для наклеек вырезок.

Твен купил большой участок земли в Хартфорде и приступил к строительству дома из девятнадцати комнат (и пяти ванных). Одна лишь мебель обошлась в два десятка тысяч долларов. Пока же семья поселилась в большом особняке, снятом в аренду у сестры Бичер-Стоу.

Наконец книга о Неваде и Калифорнии, известная ныне под названием «Налегке», была завершена. Марк Твен придерживается в ней в основном реальных фактов своей жизни, начиная с поездки в Неваду и до первых

выступлений с «лекциями» по возвращении с Гавайских островов. Мы читаем о том, как братья Клеменсы после долгого пути в дилижансе прибыли в Карсон-Сити — город охотников за драгоценными металлами. Следует рассказ о счастливых днях, проведенных у озера Тахо. Твен описывает, как он поддался «серебряной лихорадке», и т. д. В книге есть немало забавных эпизодов, лукавых шуток.

В этой книге Твен говорит правду. Но не всю правду. Порою он показывает подноготную невадского бума, рисует такие стороны жизни в Америке, которые были известны лишь немногим читателям. Когда в районе приисков «появлялся свежий человек, никому дела не было до его ума, честности, трудолюбия; интересовались одним: есть ли у него «свой покойник»? (то есть убил ли он кого-нибудь. — М. М.). Если нет, его тут же списывали в разряд людей ничем не примечательных. В случае же положительного ответа степень радушия, с каким его принимали, определялась количеством покойников на его счету».

Твен, как это часто у него бывало, юмористически преувеличивает. Однако в нарисованной им картине есть элементы реализма. Что это действительно так, подтверждает другое замечание Твена, уже лишенное какого-либо комического оттенка. «В разгар нашего бума, — говорил он, — порок распустился пышным цветом. Кабаки ломились от клиентов, не говоря о полицейских участках, игорных притонах, публичных домах и тюрьмах...»

Сатирические нотки звучат в ряде глав произведения. И все же не они определяют его характер. По большей части в книге «Налегке» звучит веселый, а порой и беспечный смех. Гордясь своими выносливыми земляками, Твен даже отчасти идеализирует их. «...И буйный же это был народ! Они, можно сказать, купались в золоте» упивались виски, драками и кутежами — и были несказанно счастливы при этом». Да, атмосфера азарта, хищничества, в которой довелось жить десяткам тысяч старателей, привлеченных на Дальний Запад жаждой богатства, в определенной мере приукрашена.

Жизнь на Дальнем Западе была грубее и страшнее, а отчаяние сильней, чем это описано в очерках Твена.

В юморе, которым насыщена книга, легко ощутить нечто специфически твеновское. Писатель нагромождает горы комических нелепостей. Желая дать представление о том, какой сильный ветер дует в Неваде, Твен рассказывает, что ветер гнал «перед собой огромную тучу пыли, высотой с Соединенные Штаты, если поставить их стоймя». Дальше читателю сообщается, что «гигантская завеса пыли была густо усеяна

предметами — одушевленными и неодушевленными, — которым, строго говоря, не место в воздушном пространстве; они сновали взад-вперед, мелькали там и сям, то появляясь, то исчезая в бурлящих волнах пыли». Следует перечисление этих «предметов»: «...шляпы, куры и зонты царили в поднебесье; чуть пониже — одеяла, жестяные вывески, кусты полыни и кровельная дранка; еще пониже — половики и бизоньи шкуры; затем — совки и ведерки для угля; уровнем ниже — застекленные двери, кошки и младенцы; еще ниже — рассыпанные дровяные склады, легкие экипажи и ручные тележки; а в самом низу, всего в тридцати-сорока футах от земли, бушевал ураган кочующих крыш и пустырей».

Твен не был ни единственным, ни даже первым писателем в США, в творчестве которого возникают картины жизни маленьких горняцких поселков Дальнего Запада.

Ко времени выхода в свет книги Марка Твена Фрэнсис Брет Гарт уже пользовался довольно широкой популярностью. В наиболее оригинальных и свежих его рассказах изображена Калифорния в период «золотой лихорадки». Брет Гарт рисует быт золотоискателей, создает образы простых рудокопов, а также проституток, шулеров, бандитов, которых так много было в тех краях. Его заслуга в том, что он сумел открыть в простом и грубом человеке большое сердце, гуманность, готовность беззаветно помогать людям. За это, как известно, ценил Брет Гарта Н. Г. Чернышевский, назвавший его человеком «необыкновенно благородной души».

Но Брет Гарт оказался все же писателем узкого по сравнению с Твеном творческого и идейного диапазона. Недаром тот же Чернышевский говорит о «недостаточности» у Брет Гарта «запаса своих впечатлений и размышлений».

Дружба, завязавшаяся между Брет Гартом и Твеном еще в Сан-Франциско, некоторое время продолжалась и в Новой Англии. Твен и Гарт даже как-то общими усилиями написали пьесу. Герой ее А Син хочет распутать тайну убийства; в конце концов оказывается, что убийства вовсе не было. Эту откровенно развлекательную пьесу сочинили ради денег, но денег она не принесла.

Те годы, когда Брет Гарт был редактором известного журнала, а Твен робким учеником, уже ушли в прошлое. Присущее Твену знание жизни широких слоев народа начинало приносить свои плоды. Росло его мастерство.

Недавно в США были опубликованы заметки Твена о рассказах Брет Гарта, относящиеся к началу 70-х годов. Твен уже хорошо осознавал тогда

слабости Гарта как художника. Он подметил некоторую искусственность его диалога, элементы неестественности в построении сюжета. Твен видел, что персонажи Брет Гарта нередко говорят несвойственным им языком культурных людей.

Уже в то время Марк Твен проявлял свое умение наблюдать жизнь в мельчайших ее деталях, глубоко проникать в некоторые уголки действительности, точно и ярко воспроизводить подлинную речь обитателей разных областей Америки, людей, принадлежащих к самым различным слоям населения.

Между тем соседи Твена по Хартфорду, посетители его «лекций» и участники званых обедов, на которых он произносил так называемые послеобеденные речи, видели в авторе «Простаков за границей» и книги «Налегке» прежде всего весельчака из весельчаков, человека, который доволен жизнью. Когда этот шутник выступал в клубах, каждую его фразу обычно встречали хохотом. Многим казалось, что Твен вызывает только бездумный смех.

«Деньги — вот бог»

Даже в первых двух больших книгах Твена были элементы сатиры. Но одновременно, на рубеже 60-х и 70-х годов, появляются рассказы, в которых сатирическое начало уже является определяющим. Об этих произведениях никак не скажешь, что в них звучит беспечность.

Новелла Твена, в которой повествуется о том, что некий молодой человек поехал в Теннесси и поступил помощником редактора в газету «Утренняя Заря и Боевой Клич округа Джонсон», известна миллионам читателей. «Журналистика в Теннесси» — очень смешное произведение. С замечательным эффектом писатель использует в нем многие юмористические приемы, унаследованные у его предшественников.

Журналисты из Теннесси — шумный и драчливый народ. Они заняты больше всего тем, что морально и физически уничтожают друг друга. Рассказ до предела насыщен комическими гиперболами. Когда журналисты по-настоящему взялись за дело, то «началась такая свалка и резня, каких не в состоянии описать человеческое перо, хотя бы оно было и стальное. Люди стреляли, кололи, рубили, взрывали, выбрасывали друг друга из окна».

Утрировка характерна почти для всех сатириков. Но Твен с самого начала его литературной деятельности придает комическим преувеличениям гигантские, порою даже космические масштабы. Его гиперболы поражают, могут показаться нелепыми, бредовыми, но в них находит отражение правда жизни.

В рассказе «Журналистика в Теннесси», как и в других своих произведениях, Твен нередко прибегает к материализации метафор, заставляя нас хохотать. Если кому-нибудь нужно «всыпать», то на «поле битвы» остаются «кровавые останки». Писатель забавно обыгрывает контраст между высокими претензиями и низкой прозой жизни. И при этом он открывает читателю глаза на мир реальных отношений. Журналисты декларируют намерение «сеять правду, искоренять заблуждения, воспитывать, очищать и повышать тон общественной морали», между тем важнейшее орудие их деятельности — ложь и непристойная брань.

Герой «Журналистики в Теннесси» — простак. Комично, что ему достается больше всего. Нас смешат не только преувеличения, но и преуменьшения, которых в рассказе очень много. Во время дуэли между редактором и неким полковником рассказчику «раздробило запястье». Он

воскликает: «Тут я сказал, что, пожалуй, пойду прогуляться, так как это их личное дело, и я считаю неделикатным в него вмешиваться. Но оба джентльмена убедительно просили меня остаться и уверяли, что я нисколько им не мешаю».

Да, этот фейерверк комических недоразумений, острот, смешных противопоставлений существует не сам по себе. Через три десятка лет после диккенсовского «Мартина Чезлвита» Твен показал, что в американских буржуазных газетах царят все те же дикие порядки, что печать, во всяком случае, не служит делу утверждения добродетели и милосердия.

В рассказе «Как меня выбирали в губернаторы» в не менее гротескной форме изображены растленные предвыборные нравы, существующие в США. Даже рассказ «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», который на первый взгляд представляет собою лишь конгломерат уморительнейших нелепостей, на самом деле сатиричен. «Простак» — герой рассказа — рекомендует «сеять» гречневые блины, называет тыкву «разновидностью семейства апельсиновых» и сообщает, что коровы «теряют оперение». И вся эта клоунада позволяет ему сделать мудрый вывод: «Вот что я вам скажу: я четырнадцать лет работаю редактором и первый раз слышу, что человек должен что-то знать для того, чтобы редактировать газету... будь я круглым невеждой и наглецом... я бы завоевал себе известность...»

Эксцентриада все чаще служит теперь в творчестве Твена значительным целям, делу познания скрытых явлений действительности и обличения социального зла. Все чаще устами твеновских «простаков» говорит народная мудрость.

Совершенно очевидно, что «простаки», которых изображает писатель в своих сатирических рассказах, во многом решительно не похожи на героев «Простаков за границей», как ни метко некоторые из этих персонажей судили порой о том, что видели.

На протяжении почти всей своей дальнейшей литературной жизни Твен будет снова и снова, опираясь на богатую фольклорную традицию, обращаться к образам смешных «простаков» из народа. Для писателя это не внешний комический прием, не литературный трюк. В твеновском противопоставлении «простака» из низов «умнику» из верхних слоев буржуазного общества заложен, конечно, глубокий смысл.

Господствующие классы обычно видели в представителях масс лишь глупцов, тупиц. Писатель-демократ остроумно показывает, сколь это неправильно и фальшиво, — «простаки» из народа подчас умнее и

талантливее, нежели власть имущие.

В своих произведениях Твен выявил и то, что и борьбе с верхами простые люди нередко вынуждены хитрить, *прикидываться* недалекими, чтобы тем лучше защитить себя и нанести неожиданный ответный удар мощному врагу.

Готовность следовать советам жены, воспитанной в духе респектабельности, не помешала Твену выступить против одного из самых продажных политиканов в истории страны — знаменитого Туида. Речь идет о «шутке» «Исправленный катехизис», которая была напечатана в 1871 году в нью-йоркской газете «Трибюн».

Фельетон построен в форме вопросов и ответов. Вопросы задает преподаватель в школе «новейшей моральной философии» (своего рода воскресной школе):

«Какова главная цель человеческой жизни?

Ответ. Стать богатым.

Каким путем?

Ответ. Нечестным, если удастся; честным, если нельзя иначе.

Кто есть бог, истинный и единый?

Ответ. Деньги — вот бог. Золото, банкноты, акции — бог отец, бог сын, бог дух святой, един в трех лицах; господь истинный, единый, всевышний, всемогущий, а Уильям Туид — пророк его»...

Дальше перечисляются в качестве «двенадцати апостолов» ближайшие соратники Туида.

В эти же годы Твен многократно выступал в защиту людей разных национальностей, которых шовинисты в США подвергали всяческим гонениям и издевательствам.

Впрочем, надо признать, что упрек по поводу недоброжелательного отношения к индейцам, который был обращен к Твену как автору «Простаков за границей», может быть повторен и в связи с книгой «Налегке». И в этом произведении есть звучащие весьма грубо насмешки над первыми американцами-краснокожими. Видимо, Твену передались в известной мере настроения тех переселенцев на запад США, которые были воспитаны в духе вражды к исконным хозяевам просторов Америки. Позиция писателя не может быть оправдана (небезынтересно, что он не раз осуждал Купера за «приукрашивание» облика индейцев). Но надо добавить, что Твен — во всяком случае, зрелый Твен — почти никогда не проявлял предвзятости в отношении каких-либо других рас или наций.

С горячей симпатией и любовью писатель говорит о неграх. В послевоенные годы всякая дискриминация в отношении негров вызывала у

него активный протест.

В одном из писем 1869 года Твен тепло рассказывает о своей дружеской встрече с выдающимся борцом за дело освобождения негритянского народа негром Ф. Дугласом: «Сегодня я встретил Фреда Дугласа: казалось, он был чрезвычайно рад увидеться со мной, — а я действительно был рад увидеться с ним, так как искренне восхищаюсь его мужеством». Десять с лишним лет спустя писатель выступил в защиту Дугласа, когда тому грозила опасность потерять скромную должность, которую он занимал в одном правительственном учреждении.

За годы жизни на Дальнем Западе и, в частности, в Сан-Франциско Твен получил немало возможностей убедиться в том, какими париями являются в США иммигранты из Китая. У Твена есть много рассказов, в которых выражены искреннее уважение к китайцам и презрение к тем, кто их преследует. Он не раз вспоминал сцены травли китайцев, свидетелем которых ему доводилось быть.

В рассказе «Возмутительное преследование мальчика» говорится, что Америка «стала убежищем для бедных и угнетенных людей всех стран». Но эти слова исполнены сарказма. На самом деле китаец в США «не имеет никаких прав... жизнь его и свобода не стоят ломаного гроша». Китайцев никто не щадит, «когда представляется случай их обидеть, и решительно все — отдельные люди, общество и даже представители власти — ненавидят, оскорбляют и притесняют этих смиренных и бедных чужеземцев».

Писатель возвращается к теме преследования китайцев в рассказе «Друг Гольдсмита снова на чужбине». В прошлом этот рассказ печатался в сокращенном виде — полный текст его позволяет убедиться в том, как далеко еще в годы молодости уводил Твена порою его гнев против несправедливости. Американский юморист развивает мотивы сатиры английского писателя XVIII века Оливера Гольдсмита «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке».

Герой твеновского рассказа китаец А Сун-си в серии писем рассказывает о жизни в Америке. В канун столетия «Декларации независимости» Твен вышучивает представление, будто США «страна свободных» и «отчизна смелых».

Ведь «добрый американец», оплативший проезд героя рассказа в Америку, взял в залог его жену, сына и двух дочерей. Ведь китайцев на пути в Америку «утихомиривали» при помощи струи горячего пара, и многие были ошпарены или затоптаны.

«Я в убежище угнетенных и униженных, ниспосланном нам

небесами!» — восклицает А Сун-си. А дальше мы читаем: «В ту самую минуту, как эта утешительная мысль пришла мне в голову, несколько молодых людей стали науськивать на меня злую собаку. Я попытался защищаться, но ничего не мог поделать... Два человека в серых мундирах (их здесь называют полисменами) поглядели с минуту на меня и не спеша направились дальше». В конце концов «полисмены объявили, что я арестован и должен идти с ними. Я спросил одного из них, какова причина моего ареста, но он ударил меня дубинкой и приказал «помалкивать».

Высмеивая реакционеров, которые вопили о «желтой опасности», якобы угрожающей Америке, Твен как-то сказал: «Золото — вот наша «желтая опасность».

В эти годы Твен написал и несколько других сатирических произведений. Среди них негодующая статья о фешенебельном проповеднике Талмадже, который решил лишить «дурнопахнущих» рабочих права посещать церкви для богатых.

Твен умудрялся вносить сатирическое начало в свои «послеобеденные речи» и даже выступления в воскресных школах. Однажды он рассказал учащимся историю о добродетели постоянства. Хорошие дети и взрослые, назидательно заметил Твен, всегда должны доводить свою работу до конца. В старое время, когда маленькие мальчики всегда были хорошими маленькими мальчиками, одному рабочему случилось забивать заряд в скалу. Заряд взорвался раньше срока, и рабочий взлетел в воздух. Он летел все выше и выше, делался все меньше и меньше, пока вовсе исчез из виду. Но вот он снова появился; сперва он казался величиной с птицу, потом с котенка, потом с собаку, потом с ребенка, и, наконец, он опустился на свое старое место и как ни в чем не бывало продолжал работать — вот это постоянство! «В нем заключается секрет успеха», — с лукавой улыбкой добавил Твен. Правда, хозяин не оценил как следует своего работника и при выплате ему жалованья вычел за те минуты, которые он провел в воздухе.

Неверно было бы полагать, что уже тогда, в первый период своей литературной деятельности, Марк Твен полностью разочаровался в буржуазной демократии, стал воспринимать окружающую действительность как совершенно чуждую ему, враждебную.

В своей статье «Статистика и социология» Ленин называет американский капитализм 1860–1870 годов прогрессивным, домонополистическим в отличие от реакционного, монополистического капитализма более позднего времени. Как и многие его соотечественники, Твен еще думал в начале 70-х годов, что на основе существующих, то есть,

по сути дела, капиталистических, порядков может быть построена хорошая жизнь для всей нации. Надо лишь, казалось ему, не давать воли таким людям, как Туид или Стюарт, надо внести больше справедливости в законы и строго их придерживаться. Писателю были близки буржуазно-демократические идеалы, а вместе с тем и иллюзии миллионов простых американцев.

Но весь склад жизни в послевоенной Америке был таков, что с каждым годом эти иллюзии таяли все заметнее.

«Ничего не потеряно, кроме чести»

Немалому числу сограждан Твена представлялось, что их родина вступила в своего рода «золотой век». Ведь никогда еще в истории США не росли так быстро промышленность и транспорт, не создавались такие крупные материальные ценности.

Уже в течение 60-х годов стоимость промышленной продукции удвоилась. Резко пошла вверх и кривая занятости рабочих. В годы войны началось строительство первой железной дороги от Атлантического до Тихого океана. Она была закончена в 1869 году. Десятки миллионов акров земли перешли в руки разных предпринимателей. Северная буржуазия вступила на путь небывалого подъема. Победа капиталистического уклада, его торжество демонстрировались повсюду. Работы как будто было вдоволь для всех. Страна богатела.

И как раз тогда, сразу же после войны, всю страну залила невиданная волна мошенничества, продажности. До конца века производство стали, чугуна, угля, разных машин увеличилось в Америке десятикратно, двадцатикратно или еще больше. Но кто может подсчитать, во сколько раз возросли за океаном в эти же годы обман, грабеж, рвачество, моральное растление, коррупция государственного аппарата, варварская эксплуатация трудового человека?!

Еще во время Гражданской войны «умелые люди» продавали правительству забракованное военное снаряжение, поставляли испорченные продукты, гнилую обувь и негодные суда, за взятки освобождались от уплаты пошлин. Теперь, когда призывы к патриотизму отошли в область прошлого, стесняться и подавно не приходилось. Миллионные правительственные ассигнования переключивались в карманы жуликоватых дельцов. Крупные капиталисты грабили тех, кто послабее, и бешено конкурировали между собой. Когда было завершено строительство первой трансконтинентальной железной дороги, один сенатор публично заявил, что «национальный триумф и ликование сменились горечью и стыдом, ибо... каждый шаг в этом грандиозном строительстве сопровождался взяточничеством и мошенничеством».

Яркой иллюстрацией послевоенных нравов может служить история железной дороги Ири, превратившейся в источник колоссальных доходов для группы обнаглевших мародеров-капиталистов. На этой дороге разыгралась такая сцена. Чтобы захватить соседнюю железную дорогу,

капиталист Джеймс Фиск нанял шайку бандитов, посадил их в поезд и направил на спорную территорию. Его противники сделали то же самое. Поезда столкнулись.

Наемники, которые остались невредимыми после крушения, еще долго продолжали сражаться.

Тому же Фиску принадлежит крылатая фраза: «Ничего не потеряно, кроме чести».

О воцарившихся в Америке порядках Твен имел возможность судить и на основе фактов, непосредственно касавшихся некоторых хорошо знакомых ему лиц.

Сенатор Стюарт, у которого писатель недолгое время служил секретарем, оказался участником жульнической операции крупных масштабов. С помощью Стюарта была создана легенда о богатствах, якобы хранящихся в недрах рудника «Маленькая Эмма» в штате Юта. После того как в Англии было продано акций «Маленькой Эммы» на несколько миллионов долларов, выяснилось, что рудник на самом деле ничего не стоит. Афера вызвала шум во всех капиталистических странах, но Стюарт продолжал богатеть.

Показательный эпизод произошел в Неваде и имел прямое отношение к газете «Территориал энтерпрайз».

В 1872 году представитель финансовых кругов Калифорнии В. Шерон выразил желание занять пост сенатора от штата Невада. Редактор «Территориал энтерпрайз», приятель Твена — Гудман, выступил со статьей, в которой охарактеризовал банкира как человека, которого в Неваде «боятся, ненавидят и презирают». В статье было отмечено также «безжалостное хищничество» Шерона. Кандидат в сенаторы потерпел неудачу.

Тогда на помощь Шерону пришел Калифорнийский банк. Был создан специальный фонд для покупки «Территориал энтерпрайз», и газета перешла во владение нескольких крупных капиталистических концернов с Калифорнийским банком во главе. Гудмана удалили от руководства газетой, а новый редактор был человеком сговорчивым. Банкиры израсходовали несколько сот тысяч долларов на подкуп лиц, от которых непосредственно зависело избрание членов сената от штата Невада, и на следующих же выборах Шерон стал сенатором.

Миллионеры, нажившиеся на темных махинациях, приобрели известность по всей стране. Наряду с Фиском это были Хилл, Гулд, Карнеги, Вандербильт, Дрю. Среди них Вандербильт имел, пожалуй, особенно большие капиталы. Впрочем, Рокфеллер уже прибирал к рукам

нефтяную промышленность, а Морган готовился к роли «объединителя» железных дорог и промышленных предприятий.

Новые миллионеры швыряли деньгами, поражали роскошью своих особняков и карет. Они учились уменью жить на широкую ногу, требовали привозных вин, шикарных женщин, самых красивых ковров, самого лучшего хрусталя, роскошных изделий из золота.

Обитатели рабочих кварталов в американских городах знали иную жизнь — мрачную, нездоровую, без всякой позолоты. Мужчины, женщины и даже дети работали на фабриках и заводах двенадцать и четырнадцать часов в сутки. А богачи устраивали приемы, на которых гости закуривали папиросы от зажженных стодолларовых бумажек. В газетах появлялись сообщения об обедах верхом (лошадей поили шампанским и скармливали им цветы), обедах, где за столом рядом с гостями сидели обезьяны, а из огромных пирогов появлялись голые хористки. «Новые богачи» покупали ожерелья за сотни тысяч долларов, перевозили в Америку каминь и целые комнаты из старых европейских дворцов, нанимали труппы актеров и оркестры для забавы нескольких гостей.

Лихорадочное стремление к богатству, богатству во что бы то ни стало, царило и в Нью-Йорке, и в Вашингтоне, и в Сент-Луисе. Рос, как на дрожжах, Чикаго. Самый воздух в Америке как будто пах деньгами. Некоторые представители старых родов, выдвигавших в свое время политических деятелей, литераторов и видных юристов, с тоской отмечали, что теперь основным жизненным поприщем для способных молодых людей из хорошей семьи стала предпринимательская деятельность, коммерция. Никогда такие толпы не сновали по сверкающим позолотой коридорам гостиниц, никогда не было в Америке столько соблазнов.

Как раз в эти годы Уолт Уитмен опубликовал свою книгу «Демократические дали», в которой раньше всех других крупных писателей США решительно вскрыл внутреннюю гнилость правящего класса послевоенной Америки. Поэт видел, что американская республика превращала «дикие степи в плодородные фермы», проводила железные дороги, строила корабли и машины. Но, «воздав им должную дань восхищения», он повторял снова и снова, что «душа человеческая не может удовлетвориться лишь ими». Гневно обличая «спекулянтов и пошляков» из «высшего света», Уитмен приходил к выводу, что буржуазная Америка потерпела банкротство в литературном, нравственном и социальном отношениях.

Марк Твен был значительно моложе Уитмена. Позднее, нежели этот мудрый поэт, понял он величие освободительной борьбы против рабства.

Однако демократические устремления Уитмена и его гуманизм были во многом сродни демократизму и гуманистическим взглядам Марка Твена.

Два позабытых произведения

Среди «двенадцати апостолов», перечисленных в «Исправленном катехизисе», значатся «вдосталь чтимый апостол» Яков Вандербильт, «святой Павел Гулд, бичеванный не раз и славный своими рубцами», а также «апостол-воитель» Петр Фиск.

Для читателей газеты, в которой появилась эта сатира, не было секретом, кого имел в виду Твен. Ведь «святым» Павлу, Петру и Якову были присвоены фамилии крупнейших американских капиталистов. Фиск, Гулд и Вандербильт уже успели «прославиться» своими жульническими махинациями, связанными, в частности, с железнодорожной компанией Ири. Из всех «баронов-разбойников», которые сейчас же после завершения войны Севера и Юга принялись грабить казну и рядовых американцев, эта троица отличалась, пожалуй, наибольшим бесстыдством.

Смысл творчества Марка Твена нельзя представить себе с полной ясностью, если хоть отчасти упустить из виду то важнейшее обстоятельство, что он вошел в литературу сразу же после победы Севера в Гражданской войне. Теперь уж ничто не мешало американским промышленникам и финансистам заглатывать гигантские куски общественного пирога, накапливать миллионные капиталы, создавать свои железнодорожные, индустриальные, банковские империи.

И Марк Твен не только осудил воцарившийся в послевоенной Америке дух стяжательства, корыстолюбия, бесчестности. Он прямо обратил оружие своей сатиры против «главных людей» бизнеса. Глядите, как бы говорил он, обращаясь к своим читателям, вот они, самые сильные и самые опасные хищники!

Но позволила ли Твену американская буржуазная демократия вступить в единоборство на равных правах, так сказать, с крупнейшими капиталистами его времени?

На первый взгляд ответ на этот вопрос может быть только положительным. Ведь маленький памфлет «Исправленный катехизис», в котором зло высмеяны и Вандербильт и Гулд с Фиском, был напечатан в одной из виднейших американских газет. Ведь Твену никто не мешал с издевкой изображать Фиска автором сочинения «Искусство грабежа», а Гулда — создателем книги «Как обирать акционеров».

Но вот любопытное обстоятельство. Ни в одном сборнике произведений Марка Твена — а он издал их при жизни несколько десятков,

да еще новые десятки таких сборников появились за последние полстолетия — «Исправленного катехизиса» не найти. Создается впечатление, что, напечатав эту сатирическую миниатюру, Твен вынужден был тут же выбросить ее из памяти. «Исправленный катехизис» ни разу — повторяем, ни разу! — не перепечатывался ни в одной книге, изданной в США.

Известно, что газетные статьи долго не живут. Нет сомнений, что вскоре же после опубликования этого замечательного произведения оно выпало из памяти соотечественников писателя.

Только в 1955 году (через сорок пять лет после смерти Твена) «Исправленный катехизис» был воспроизведен в одном американском журнале, предназначенном для специалистов по лингвистике. Поскольку и после появления данной публикации в собрания твеновских сочинений сатира не вошла, можно с уверенностью сказать, что рядовой американский поклонник Твена до сих пор этого произведения не прочел. Советские читатели познакомились с «Исправленным катехизисом» по изданному у нас несколько лет назад — тиражом в триста тысяч экземпляров — собранию сочинений Марка Твена.

Почему же памфлет Твена оказался «позабытым»? Почему американские редакторы и литературоведы, которые с таким усердием воспроизводят даже самые слабые из ранних фельетонов Твена, на протяжении многих десятилетий проходили мимо этого блестящего образца твеновской сатиры? В чем здесь тайна?

Ключ к этой тайне найти не так-то уж трудно.

Свою роль сыграло, конечно, то обстоятельство, что в «Исправленном катехизисе» Твен пародирует «священное писание» (в основу памфлета положен «Краткий вестминстерский катехизис»). Чем заметнее расшатывались нравственные устои в послевоенной Америке, тем больше власти сосредоточивали в своих руках всевозможные религиозные ханжи и изуверы.

Но еще больше значения имел, по-видимому, тот совершенно очевидный факт, что автор «Исправленного катехизиса» вел бой не против каких-нибудь мелких политических сошек, а против самого Туида, «хозяина» Нью-Йорка — крупнейшего города США, против главы влиятельнейшего Таманни-холла, в руках которого были сосредоточены важнейшие нити политической жизни страны.

Прошло, однако, немного лет, и Туид очутился за решеткой (уж слишком мало считался этот «король взятки» с элементарными приличиями), а памфлет «Исправленный катехизис» по-прежнему

оставался в тени.

Думается, что главной причиной этого была дерзость писателя, осмелившегося открыто бросить вызов важнейшим, названным по имени представителям укреплявшейся в США династии капиталистов.

Политиканы приходили и уходили, а некоронованные монархи, такие, как Вандербильт, например, из десятилетия в десятилетие продолжали сидеть на своих тронах, распоряжаясь богатствами страны по своему усмотрению. И они не были намерены давать слишком много воли критически настроенным литераторам...

О том, что уже тогда, всего через несколько лет после завершения Гражданской войны, Твен начал в какой-то мере ощущать силу негласной цензуры, установленной в США «денежными людьми», убедительно сказала судьба другого его произведения, написанного несколько раньше, чем «Исправленный катехизис».

В 1869 году на страницах журнала «Паккардс Мансли» появилось «Открытое письмо коммодору Вандербилту» за подписью «Марк Твен». Журнал вскоре перестал существовать, и произведение это как будто навсегда исчезло из памяти людей. Автор ни разу его не перепечатывал. На протяжении многих десятилетий о нем не вспоминали биографы. К страницам «Паккардс Мансли» долгое время не обращались и самые дотошные специалисты. Только через девяносто с лишним лет после того, как сатирик создал «Открытое письмо», это произведение как бы снова родилось на свет. Совсем недавно, в начале 60-х годов, один американский собиратель «твенианы» воспроизвел «Открытое письмо коммодору Вандербилту» в сборнике позабытых сочинений Твена. Этой публикации предшествовало следующее заявление: «Я счастлив, что являюсь первым, кто напечатал данное произведение в какой-либо книге, — во всяком случае, первым, кто осуществил такую публикацию на английском языке. Я вынужден добавить эти слова, ибо возможно, что «Открытое письмо коммодору Вандербилту» уже обнародовано в одном из томов собрания сочинений Твена, издаваемого в Советском Союзе». Предположение составителя сборника оказалось обоснованным — полный текст письма Вандербилту действительно был включен в двенадцатитомное Собрание сочинений великого американского писателя на русском языке.

Но что же сказал Твен в своем позабытом письме, адресованном мультимиллионеру? «Открытое письмо коммодору Вандербилту», подобно «Исправленному катехизису», — очень едкая сатира. В ней беспощадно обличаются «законные» мошенничества и грабежи.

Автор начинает «Письмо» с рассказа о том, в каком виде американская

печать обычно изображает Вандербильта и подобных ему богачей. Крупные капиталисты окружены в США жалкими людишками, которые славят «огромное богатство», расписывают «обыкновенные привычки, слова и поступки, как будто бы... миллионы придают им значительность». С нескрываемой иронией Твен пишет, обращаясь к Вандербильту: «Вам, должно быть, стали ненавистны газеты. Мне кажется, вы не рискуете и заглядывать ни в одну — из опасения, что увидите до неприличия восторженный панегирик по поводу какого-либо вашего поступка, либо самого обыденного, либо такого, которого следовало бы стыдиться».

И дальше, используя в качестве трамплина восторженные отзывы американских газет о Вандербильте, сатирик рисует истинный облик этого миллионера. «В один прекрасный день, — пишет Твен, — кто-либо из ваших «подданных» посвящает два-три газетных столбца подробностям вашего «восхождения» от нищеты к богатству, и, восторгаясь вами, как будто вы самое совершенное и прекрасное из всего, что создал бог, он, сам того не замечая, показывает, как безмерно низок должен быть человек, чтобы достигнуть того, чего достигли вы. Затем другой ваш «подданный» описывает, как вы катаетесь по парку; презрительный вид, опущенная голова... Все ваше поведение ясно говорит: «Пусть никто не попадается мне на дороге, а если попадется и я его сшибу, изувечу — не важно, откуплюсь».

Еще один журналист, отдав «дань восхищения... замечательной ловкости» Вандербильта, сообщает, что когда этому капиталисту «принадлежали пароходы Калифорнийской линии», он приказывал перевозить «на несколько сот человек больше, чем разрешается законом». «Восхищенные почитатели, — продолжает Твен, — рассказывают про вас и другие истории, но умолчим о них, они вас только позорят... Да, ваши подвиги свидетельствуют, каким бездушным делает человека богатство...»

В противовес всей той лжи, которую привыкла распространять о Вандербильте американская печать, автор «Открытого письма» говорил правду, только правду. Эта правда была выражена по большей части в иронической форме. Тем убедительней звучали твеновские обличения, тем больнее они ранили недостойного человека, привыкшего, однако, к тому, что даже самые низменные его поступки восхвалялись в печати, что даже «неслыханные пошлости» объявлялись «образцом мудрости и остроумия».

Твен выступает в комической роли подлинного друга Вандербильта, надеющегося на исправление своего подопечного. «Сделайте что-нибудь такое, что может пробудить искру благородства в сердцах ваших почитателей!.. — взывает он. — Пусть в мусоре ваших дел сверкнет хотя

бы единая крупинка чистого золота... Прошу вас, решайтесь, совершите хоть один достойный поступок. Наберитесь духу — и великодушно, благородно, смело пожертвуйте четыре доллара на какое-нибудь большое благотворительное дело. Знаю, это разобьет вам сердце. Ну да ничего, все равно вам жить осталось недолго, и лучше умереть скоропостижно от порыва благородства, чем жить еще сто лет, оставаясь тем же Вандербильтом».

Разумеется, на самом деле в комическом виде предстает отвратительный герой «Открытого письма». Во многих произведениях Твена смех служит средством выражения его любви к жизни, его симпатий к рядовому человеку, скромному труженику. Юморист Твен хочет помочь неплохим, в сущности, людям стать еще лучше. Но в «Открытом письме коммодору Вандербильту» перед нами обличитель. И комическое отражает здесь всю глубину противоречия между пышной внешней оболочкой капиталистического общества и его непривлекательной сердцевиной.

Уже в 1869 году Твен чувствовал, что аппетитам вандербильтов нет предела. С ядовитой иронией он восклицает: «Бедный Вандербильт! Мне, право, жаль вас, честное слово!.. Вам приходится лезть из кожи, лишать себя спокойного сна и мира душевного, отказываться от многого в вечной погоне за деньгами. Я всегда сочувствую таким беднякам, как вы, которых заездила их «нищета»... У вас есть семьдесят миллионов, но вам непременно нужно пятьсот, и вы из-за этого искренне страдаете... Ваша злополучная нищета так меня удручает, что, встретив вас сейчас, я охотно бросил бы в вашу жестянку десять центов и сказал бы: «Да смилуется над вами господь, горемыка вы несчастный!»

Сарказм Твена все нарастает. «Заметьте, я ничего не говорю о вашей душе, Вандербильт! — восклицает он. — Не говорю, ибо у меня есть все основания думать, что души у вас нет. Никто меня не сможет убедить, что человек с вашей беспримерной коммерческой сметкой, если бы у него была душа, упустил бы такую сверхвыгодную сделку с господом богом: ведь вы могли бы обеспечить себе миллионы лет покоя, мира и блаженства в раю ценой такого пустяка, как десяток лет, безгрешно прожитых на земле!»

Нет, безгрешие для Вандербильта невозможно. Каждый его поступок, каждый шаг — преступление. Не ждите от него «коммерческой честности, гуманности, мужества, чести и достоинства». По всему памфлету разбросаны совершенно недвусмысленные, предельно откровенные оценки подлинной сути капиталиста. Вандербильт — это «вопиющие гнусности», сверхъестественная скаредность, беззаконие, «грязные» миллионы, это хитрые трюки, коварство и злорадство, это подлость, это слова и дела,

недостойные человека.

Мудрено ли, что Вандербильту пришлось не по вкусу открытое письмо, направленное ему Твеном? Мудрено ли, что оно не понравилось и другим американским капиталистам? Ведь автор ясно дает понять, что он видит в Вандербильте не исключение, не редкое чудовище. Вандербильт находится, по словам Твена, «во главе финансовой аристократии Америки», он воплощает главные ее черты и качества. Он типичен.

Еще неизвестно в деталях, какие усилия приложила американская «финансовая аристократия» для того, чтобы такой великолепный образец антибуржуазной сатиры Твена, как «Открытое письмо коммодору Вандербильту», превратился в «позабывтое» произведение. Но мы теперь лучше, чем раньше, понимаем, сколько ярости против капиталистов таилось в сердце Марка Твена даже на заре его творческой жизни, даже в ту пору, когда почти все видели в нем лишь веселого шутника, беззлобного балагура.

«Позолоченный век»

До сих пор Твен чувствовал себя не столько писателем, сколько журналистом. Правда, он написал много рассказов, но самостоятельно взяться за роман не решался.

Среди новых друзей Твена по Хартфорду был уже упомянутый Чарлз Уорнер — редактор, новеллист, автор книг о путешествиях. Уорнер обладал литературным даром весьма ограниченных масштабов. Узость, ограниченность чувствовались и в его взглядах на жизнь. Он критиковал продажных сенаторов, но исходил из убеждения, что нищета в Соединенных Штатах порождена, как правило, «человеческими слабостями и преступностью». Все же те буржуазно-демократические склонности, которые были присущи Уорнеру, заставили его в конце жизни выразить недовольство усилением в США власти монополий, подъемом империализма.

В начале 70-х годов Уорнер представлялся Твену воплощением литературной зрелости. И он захотел опереться на творческий опыт хартфордского соседа.

Твен и Уорнер задумали совместно создать книгу о современной Америке, о нравах предпринимателей и политиканов, о борьбе за богатство людей плохих и хороших. Это должен был быть первый роман Твена. Решено было назвать его «Позолоченный век».

Первые главы романа взялся написать Марк Твен.

И вот в феврале 1873 года он сел за стол, чтобы по намеченному соавторами плану набросать начало книги. Твен испытывал большой подъем. Первый же день работы оказался весьма плодотворным. Даже четыре года спустя в письме к своему другу Гоуэлсу писатель с гордостью вспоминал этот день удивительно успешного творческого труда. Вся книга была завершена в необычайно короткий срок.

Вступительные одиннадцать глав романа, принадлежащие Твену, рассказывают главным образом о фермере Хокинсе — человеке, замученном нищетой. Хокинс — обитатель крохотного поселка в восточном Теннесси. Вокруг него подлинное запустение. Вытоптанный двор, мусор. Хокинс понимает, что ему и семье ничего хорошего здесь ждать не приходится. Родственник Селлерс предлагает Хокинсу переехать в новый штат — Миссури. Там фермерам живетсЯ гораздо лучше. И вот Хокинс снимается с насиженного места.

Уже в пути он встречает много тяжелого. Твен повествует о страшных болезнях, которые косят и взрослых и малых, рассказывает о «голодной долине», которую проезжают Хокинсы.

Наконец Хокинсы в Миссури. Однако их надежды на безбедное существование не оправдываются. Поселок, куда они прибыли, выглядит весьма безотрадно. Жена Хокинса признается как-то, что в доме нет ни куска хлеба.

В свое время Хокинс случайно приобрел в Теннесси огромный участок земли, несколько десятков тысяч акров. Он надеется, что «земля из Теннесси» содержит уголь и железную руду. Но Хокинсу не суждено стать богатым. Умирая, он оставляет своей жене и детям только эту бесплодную землю — никаких реальных доходов им ждать неоткуда.

Образ Хокинса — человека трагической жизни — принадлежит к числу наиболее удачных у Марка Твена. Есть в Хокинсе нечто напоминающее Джона Маршалла Клеменса. В частности, история «земли из Теннесси» взята почти буквально из анналов семьи Клеменсов. Но Твен не просто рассказывает о судьбе своего отца. История Хокинса глубоко типична.

Сотни тысяч простых американцев, подобно Хокинсу, всю жизнь мечтают о счастье, достатке; в их душах звучит та же щемящая нота разочарования.

Один из ярчайших персонажей романа — Селлерс. Этот фантазер-спекулянт вечно носится с проектами наживы, никогда не унывает, но неизменно бедствует. Селлерс хвастает своими несуществующими именами и капиталами, без конца лжет, лжет вдохновенно, обманывая и своих собеседников и самого себя. Но все-таки нищета остается нищетой. Как бы ни расхваливал Селлерс диетические достоинства простой воды и репы, этих единственных составных частей семейного обеда, в глазах его жены во время голодной трапезы все время стоят слезы. В доме Селлерса нет дров. Он ставит зажженную свечу в печку, чтобы создать впечатление, будто печка топится, но в комнате по-прежнему холодно.

Твен высмеивает Селлерса и вместе с тем сочувствует ему. В этом гротескном образе получил комическое отражение тот неукротимый огонь предпринимательства, который горел в сердцах тысяч и тысяч американцев в условиях «позолоченного века». Разумеется, обычные дельцы не были столь добродушны и бескорыстно внимательны к друзьям, как Селлерс. Он воплощение жажды богатства, но в еще большей мере — жертва всепожирающего духа стяжательства.

После того как Твен завершил работу над первыми главами романа,

они были прочитаны и обсуждены соавторами в присутствии жен, а затем Уорнер приступил к написанию следующего большого раздела книги. Каждый из соавторов, по существу, разрабатывал в романе свою собственную сюжетную линию.

Если в дальнейших главах «Позолоченного века» Твен главным образом высмеивал, обличал, изображая людей бесчестных, мерзких, подлых, то Уорнер занялся созданием «положительных героев». Как он их себе представлял? В романе показаны американцы, которые, как и Селлерс, не прочь приобрести состояние, но чуждаются всяких бредней и безукоризненно, кристально честны. Главный среди них — Филипп Стерлинг. Он не станет следовать по стопам спекулянтов и жуликов, жаждущих легкой наживы. Филипп упорно ищет уголь. Пусть приходится терпеть нужду, но в конце концов к нему приходит удача. Залежи угля обнаружены, он богат. Под стать Филиппу его невеста. Она дочь состоятельного человека, но хочет трудиться и изучать медицину. Ее жизнь тоже складывается счастливо.

Уорнер добросовестно работал над своими главами, но убедительных образов он создать не мог. Объяснялось это, конечно, не только слабостью его таланта, но и тем, что добродетельные Филипп и его невеста почти ничего общего с действительностью не имели. Они нарисованы бледно, бесцветно, невыразительно. Видно, что даже автору было скучно с его безупречными буржуазными героями.

Несравненно более интересны те, написанные Твеном главы романа, где изображены реальные условия «деловой жизни» в Америке: «земле из Теннесси» предназначена в книге роль пружины, определяющей движение сюжета. Дельцы задумали продать эту никому не нужную землю государству. Путем подкупа членов конгресса США они хотят получить за нее много денег. Затевается сложная афера. Во многих главах романа действие происходит в столице страны. Перед нами мир политиканов, предпринимателей, журналистов. Почти все они люди бесчестные, хищники, воры.

Рассказ о том, что произошло с деньгами, которые в конце концов были получены за «землю из Теннесси», полон иронии. Владельцам этой земли просто ничего не досталось — все было роздано политиканам и газетчикам.

В книге приводится подробный перечень выданных взяток. Каждому члену комитета по ассигнованиям палаты представителей уплачено по десять тысяч долларов. Членам сенатского комитета — столько же. Председателю комитета нужно, конечно, дать несколько больше. Дороже

обычного обходятся также отдельные «высокоморальные» законодатели. Затем следует оплата услуг тех лиц, которые агитировали среди законодателей за законопроект о покупке «земли из Теннесси». Далее — дорогие обеды, подарки и взятки мелким провинциальным законодателям. Потом оплата рекламы, в том числе статьи, специально написанной для религиозной газеты правительственным чиновником, стоящим по своему служебному положению на высоте Гималаев, затем «пожертвования».

Конечно, печать тоже требует своего. Авторы изображают не только прямой, но и косвенный подкуп, показывают, как чары прекрасных женщин помогают переубедить самых несговорчивых. В романе запечатлена атмосфера лжи и предательства.

Важнейший персонаж книги — сенатор Дилуорти. Если сочиненные Уорнером сцены, в которых появляются идиллические предприниматели, лишены искры жизни, то картины романа, связанные с Дилуорти, дышат правдой. Гротескный образ сенатора взят из гущи жизни. Кое-что в этом «герое» напоминает подлинного политического деятеля того времени — сенатора Помроя из Канзаса, скандальные поступки которого так часто обсуждались на страницах газет. Но Дилуорти — не фотография Помроя. Это тип, это обобщенный реалистический характер. «Дурной мальчик» из старого твеновского рассказа раскрыт теперь во всей своей конкретности, раскрыт на материале жизни «позолоченного века». Дилуорти — это и есть современный преуспевающий пройдоха, «дурной мальчик», ставший взрослым.

В сатире Твена появляются и новые краски по сравнению с «Рассказом о дурном мальчике, которого бог не наказал». Как и «дурной мальчик», Дилуорти процветает в нарушение всех правил морали. Но он к тому же еще и лицемер, энергичнее всех ратующий за эти правила. Сенатор, пишет Твен, «появлялся в церкви, играл главенствующую роль на молитвенных собраниях, всячески поощрял общества трезвости; осчастливил своим присутствием кружки, в которых дамы благотворительности ради занимались шитьем, и даже изредка сам брался за иголку и делал стежок-другой на коленкоровой рубашке, предназначавшейся для какого-нибудь непросвещенного язычника Южных морей, — и этим приводил в восхищение дам, в чьих глазах одеяние, удостоенное сенаторского прикосновения, становилось чуть ли не святыней».

В комизме Твена теперь яда больше, чем когда бы то ни было. Речь Дилуорти в воскресной школе — образец засахаренной лжи. Обращаясь к своим «маленьким друзьям», изливая на них «лучезарный» взгляд, улыбаясь «снисходительной улыбкой», он говорит: «Я сидел сейчас и

спрашивал себя: где я нахожусь? Быть может, в каком-либо далеком царстве; и предо мною маленькие принцы и принцессы? Нет! Быть может, я нахожусь в каком-нибудь многолюдном большом городе моего отечества, куда привезли лучших, избранных детей нашей страны как бы на выставку, для присуждения наград и премий? Нет! Быть может, я попал в неведомую часть света, где все дети — настоящее чудо, о каком мы и не слыхали? Нет! Так где же я? Да где же я?»

Попытка добродетельного Нобла («Благородного») разоблачить в сенате Дилуорти как мошенника ни к чему не приводит. Нобл убеждается в том, что сенат в подавляющем своем большинстве состоит из таких же дилуорти.

Итак, в Америке воцарился не «золотой», а «позолоченный век». Политическая и «деловая» жизнь страны фальшива.

В предисловии, написанном в свифтовских тонах, авторы саркастически говорят:

«Читатель убедится, что наша книга описывает несуществующее общество; самое большое затруднение для писателей, вступивших в эту область художественного вымысла, — недостаток ярких и убедительных примеров. В стране, где неизвестна лихорадка наживы, где никто не томится жаждой быстрого обогащения, где бедняки простодушны и довольны своей судьбой, а богачи щедры и честны, где общество сохраняет первозданную чистоту нравов, а политикой занимаются только люди одаренные и преданные отечеству, — в такой стране нет и не может быть материала для истории, подобной той, которую мы создали на основе изучения нашего несуществующего государства».

«Позолоченный век» — свидетельство дальнейшего углубления сатирического начала в творчестве Твена по сравнению с его первыми большими книгами и даже ранними обличительными рассказами и памфлетами. Знаменательно, что писатель впервые теперь переходит к повести и роману. Марк Твен рисует несравненно более широкие картины жизни. В его произведениях появляются новые краски. Все это говорит о вступлении творчества Твена в новый, второй период его развития. «Позолоченный век» проложил дорогу таким замечательным повестям и романам Твена, как «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна» и «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Создавая свой первый роман, Твен исходил из высоких моральных критериев. Для того чтобы глубоко осознать их красоту и величие, он должен был впитать в себя все лучшее, что дали народу исторические годы борьбы против рабства. В канун Гражданской войны и в период схватки с

оружием в руках против Юга широчайшие слои населения США особенно горячо воспринимали демократические идеи. Известно, с какой теплотой говорил Ленин о прогрессивном и революционном значении Гражданской войны Севера и Юга в своем «Письме к американским рабочим».

Твен — демократ и гуманист — не приемлет мира Дилуорти, он смело называет «золото» мишурой, грязь грязью.

Но было бы ошибкой думать, что писателю вовсе чужды иллюзии его соавтора — Уорнера. В предисловии к лондонскому изданию «Позолоченного века», подписанном декабрем 1873 года, Твен говорит: «В Америке почти каждый человек имеет свою мечту, свой излюбленный план, благодаря которому он рассчитывает выдвинуться в смысле общественного положения или материального благополучия. Этот-то всепроникающий дух спекуляции мы и попытались изобразить... Он — характерная особенность, одновременно и хорошая и дурная, как отдельных личностей, так и всей нации. Хорошая — потому, что не позволяет застывать на месте... Дурная — потому, что избранная цель часто бывает избранной дурно... Однако это все же такая черта, которую народу предпочтительнее иметь, даже иногда и страдая из-за нее, чем не иметь ее вовсе».

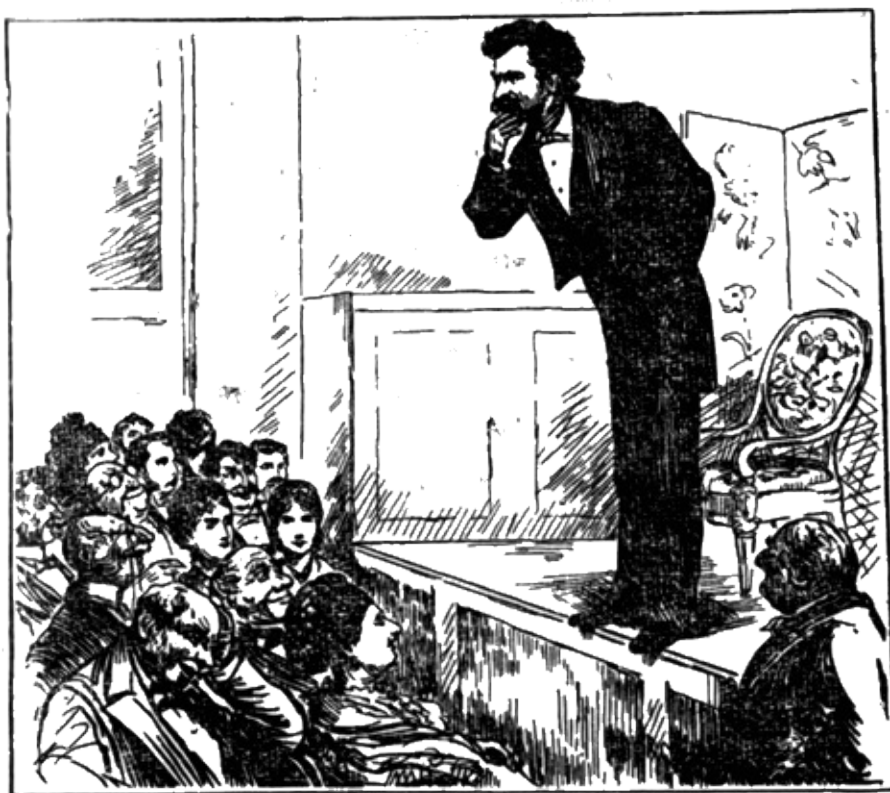
Твен далек от догадки, что можно избежать «застывания на месте» каким-либо иным путем, помимо пути буржуазного предпринимательства. Идеи социализма ему были непонятны.

При всей неровности и противоречивости романа, в котором можно найти и сатирический гротеск, и элементы психологизма, и мелодраму, романа, отражающего протест писателя против практики буржуазной демократии в США, а вместе с тем и его буржуазные предрассудки, «Позолоченный век» представляет собой важнейший этап в становлении Твена-сатирика.

«Почему вы меня не поздравляете?»

«Позолоченный век» произвел сильное впечатление на современников писателя и в США и за рубежом. Книга привлекла внимание Салтыкова-Щедрина и сразу же была опубликована в переводе на русский язык в «Отечественных записках».

Слава Твена приобретала всемирный характер. И книги и «лекции» писателя пользовались в Англии, когда он поехал туда, не меньшим успехом, пожалуй, нежели в Соединенных Штатах.

Марк Твен — «лектор» в начале 70-х годов.
(Рисунок английского художника)

С подобным типом «лекций» англичан познакомил и свое время Уорд. Слушатели знали, что их ожидает своего рода комическое представление. Один из лучших номеров Уорда заключался в следующем. Он начинал рассказывать захватывающую романтическую историю. Аккомпанемент становился все громче и, наконец, совершенно заглушал слова Уорда. Видно было только, как шевелятся его губы. Потом музыка неожиданно обрывалась, и слышны были заключительные слова рассказчика: «...и она упала в обморок на руки Реджинальда».

Мэры, судьи, завсегдатаи аристократических клубов и званых обедов в Англии принимали Твена еще теплее, чем Уорда. Они не обижались, когда Твен заявлял, что носит дешевый зонтик, ибо такой зонтик англичанин не украдет. Хотя Твен выступал без аккомпанемента, он тоже стремился придать своим «лекциям» театрализованный характер. Например, он вначале выходил на сцену в роли администратора, объявлявшего, что... лектор не явился. Потом оказывалось, что лектор уже здесь.

Во время одной из своих поездок в Англию Твен выступал в Лондоне ежедневно. В провинцию он не поехал, ибо, как говорилось в его письме Твичелу, там нельзя «найти достаточно больших помещений».

Успех «лекций» доставлял известное удовольствие. Но вместе с тем Твен начинал тяготиться необходимостью каждый вечер превращаться в клоуна, как он иногда выражался. Выступать с «лекциями» приходилось, конечно, прежде всего из соображений материального характера.

век» разошелся очень хорошо, но все же денег не хватало. Семья Твена порою вынуждена была покидать Хартфорд и переезжать на жительство в Европу, ибо даже у него, чрезвычайно удачливого писателя, не доставало средств на жизнь «по-хартфордски».

Не удивительно, что снова и снова приходилось обращаться к «лекциям».

Много раз Твен выражал надежду, что наконец-то избавится от «лекционного» ярма. Однажды в ответ на предложение читать «лекции» он написал: «Когда я снова соглашусь ораторствовать меньше, чем за пятьсот долларов, я, наверное, буду здорово голоден. И я не намерен больше ораторствовать ни за какие деньги». В другой раз Твен телеграфировал своему антрепренеру: «Почему вы меня не поздравляете? После выступления в четверг я собираюсь навсегда расстаться с лекционной эстрадой».

Все же «ораторствовать» приходилось по-прежнему.

«Безработные требуют работы, а не милостыни»

Роман «Позолоченный век» был завершен до начала знаменитого в истории США кризиса 1873 года. Этот кризис с особой убедительностью показал, что законы капитализма и вызываемые ими страдания и утраты обязательны не только для старых стран Европы — таких, как Англия, но и для молодой, самоуверенной и необычайно быстро развивавшейся заокеанской республики.

В сентябре 1873 года, когда книга Твена и Уорнера уже находилась в руках издателей, потерпел банкротство банк «Джей Кук и компания», детище того самого Кука, который в период Гражданской войны в США занял ведущее место в мире финансов. За крахом следовал крах. Закрывались заводы и фабрики. Ширилась безработица. Теперь стало даже яснее, чем раньше, что «золотой век» в США поистине был лишь позолоченным, что под блестящей оболочкой таились моральная гниль, ужасы голода для простого американца, бесчеловечная эксплуатация. Американские рабочие проводили демонстрации под лозунгом: «Безработные требуют работы, а не милостыни», но им не давали ни работы, ни милостыни. Измученных, голодных людей разгоняла конная полиция. Газеты клеветали на них.

Кризис и последовавшая за ним депрессия затянулись на много лет. В 1877 году в Америке было три миллиона безработных. Воспользовавшись тяжелым положением рабочих, предприниматели проводили одно снижение заработной платы за другим. Не потребовалось даже и одного десятилетия после окончания войны Севера и Юга, чтобы сотни тысяч рабочих ощутили с огромной силой, сколько горя и мук несут рядовому человеку «нормальные» буржуазные порядки. «Взгляните на тысячи миль наших железных дорог, — писал один современник, — на наши бесчисленные заводы и фабрики, шахты и кузницы, на наше огромное богатство. Все это создал труд рабочих в течение одного столетия. А какова доля рабочих во всех этих созданных ими прекрасных вещах? Рабочий не имеет ничего. Ему не принадлежат ни железные дороги, ни фабрики, ни кузницы, ни шахты. Капитал коварно присвоил себе все».

Локауты и привлечение рабочих к суду по обвинению в «заговоре» против государственной власти стали повседневным делом. Во второй половине 70-х годов правящий класс Америки, страшась растущего гнева рабочих, пустил в ход против них оружие террора. Некоторые из

руководителей профсоюза шахтеров были повешены по ложному обвинению. Примерно в это же время в Питсбурге и других центрах американской промышленности против рабочих, осмелившихся бастовать, были брошены войска. Генералы, получившие известность во время Гражданской войны благодаря победам над рабовладельцами, теперь поливали свинцом американских пролетариев. Солдат, участвовавший в расстреле стачечников в Питсбурге, сказал корреспонденту одной нью-йоркской газеты: «Я служил в армии во время войны с южными мятежниками и видел жестокие схватки... Но такую ужасную ночь, как эта, я никогда не переживал, и не дай бог, чтобы мне когда-либо снова пришлось пережить ее».

На первый взгляд кризис и обострение классовой борьбы в США на Твене почти не сказывались.

Как ни досадовал писатель порою на хартфордские обычаи и нравы, он не забывал, что члены его семьи чувствуют себя хорошо в этом красивом и уютном городе с его чудесными особняками и тенистыми улицами. Да и сам Твен в 70-х годах ощущал себя счастливым и веселым чаще, чем в последующие три десятилетия жизни.

Беды, омрачившие первые годы семейной жизни писателя, уже почти позабылись. Здоровье Оливии больше не внушало особых опасений. Росли и крепились маленькие дочки, обожавшие ласкового отца, который умел рассказывать изумительные истории. К середине 70-х годов относится письмо Твена одному из его друзей, в котором он полушутливо называет себя самым счастливым человеком на свете.

В 1875 году Твену исполнилось сорок лет. Еще недавно он был окружен сверстниками, успевшими завоевать более прочное место в жизни. Теперь все это изменилось. Когда Твен пригласил к себе в гости Дэна де Квилла, чтоб помочь своему старому другу написать книгу о Неваде, то Дэн, которому Гудман предвещал больше удачи, нежели «лентяю» Твену, был потрясен роскошью дома Клеменсов.

Особняк, построенный Твенем, оказался одним из самых удобных и привлекательных в Хартфорде. Твена уже, несомненно, причисляли к виднейшим обитателям этого города. За ним охотились репортеры — они просили его суждений по любому поводу. Анекдоты Твена, подлинные или приписываемые ему, были у всех на устах.

В 70-х годах автор «Позолоченного века» написал немало произведений на бытовые темы, полных добродушного юмора. В рассказах «Мак-Вильямсы и круп», «Разговор с интервьюером», «Режьте, братцы, режьте!» и других Твен ласково посмеивается над мелкими недостатками

хороших, по сути дела, людей. Многие юморески писались в один присест — ведь никто не вздумает, рассказывая анекдот, отложить его продолжение на завтра.

Могло создаться впечатление, что в те годы Твен не прочь был уйти от острых проблем современности в уютный мирок беззлобных шуток, забавных пародий, воспоминаний о давно прошедших временах.

Факт таков, что после «Позолоченного века» Твен создал ряд крупных произведений, посвященных не современной, а довоенной Америке. В «Старых временах на Миссисипи» рассказывается о годах, когда автор служил лоцманом. На материал еще более далекого прошлого опирался писатель, создавая «Приключения Тома Сойера».

В начале 80-х годов вышла в свет повесть Твена «Принц и нищий», действие которой происходит не в Америке, а в средневековой Англии.

Установить, как относился Твен к американской действительности в этот период его жизни, не так-то легко. Иным литературоведам кажется, что Твен тогда просто не задумывался над происходящим. Другие склонны видеть в Твене 70-х годов мыслителя, который превосходно, во всех деталях представлял себе, какая обстановка сложилась в США, но предпочитал держать свои истинные воззрения в тайне.

Тома произведений Твена, написанных в ту пору (а среди этих произведений есть подлинные шедевры), недвусмысленно говорят о том, что на самом деле писателя глубоко волновало все, что творилось в родной стране, что он настойчиво пытался разобраться в жизни. Но его взгляды носили сложный характер. Твен не исходил из продуманной до конца позиции, поддавался разным влияниям. На мировоззрении писателя сказывалось отношение к действительности широких слоев трудового народа Америки. Как и миллионы фермеров в США, к которым Твен чувствовал с юных лет особенную близость, как многие и многие идейно незрелые американские рабочие, он метался и кругу противоречивых чувств, настроений и идей.

По своим общественно-политическим взглядам Твен был демократ, демократ буржуазный в конечном счете. Его представления о демократии, разумеется, не были и не могли быть научными.

В своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина» Ленин отмечает, что во всех странах веками и десятилетиями держались «вера в универсальное, всеспасающее действие «демократии» вообще»^[4], а вместе с тем непонимание того, что «демократия» вообще на самом деле «является буржуазной демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в

своей необходимости»^[5].

Твен тоже мечтал о некоей абстрактной демократии, которая должна каким-то образом (как именно, он себе не представлял) сделать жизнь простого человека радостной и счастливой. Он тоже, разумеется, был далек от понимания сущности той буржуазной демократии, которая существовала в Америке.

Сколько неясного, смутного и даже глубоко неверного встречалось в суждениях Твена, видно из одного малоизвестного его рассказа.

В 1875 году в журнале «Атлантик» появилось небольшое произведение под названием «Удивительная республика Гондур». В этом рассказе-памфлете речь идет о том, каким образом некая фантастическая республика Гондур добилась благополучия.

Оказывается, что в Гондуре установлен хороший избирательный закон. По этому закону каждый обитатель страны, как бы беден и невежествен он ни был, пользуется правом голоса. Но некоторые люди имеют на выборах не один голос, а гораздо больше. По новому закону низшее образование дает право на два голоса, среднее — на четыре, высшее — на целых девять. Наиболее широкие возможности открываются перед богатыми людьми. Владелец имущества, оцениваемого в три тысячи сакос, получает право на дополнительный голос; каждые пятьдесят тысяч сакос дают богачу еще один голос.

Твен и сам ощущал, что в этом рассказе есть что-то чуждое всему складу его жизненной философии. Он опубликовал рассказ анонимно и не перепечатывал его.

Но сходные — по сути дела, антидемократические — взгляды Твен выражал порою и в дальнейшем, на протяжении ряда лет. Например, в 1877 году он писал дочери своей старой знакомой Фейрбенкс, что республиканская государственная система, исходящая из принципа всеобщего избирательного права, «должна исчезнуть, ибо в основе ее — зло, ибо она слаба, дурна и тиранична».

Как ни нелепы и прямо реакционны такого рода высказывания, в них надо видеть не столько результат влияния на Твена взглядов хартфордской денежной «аристократии», сколько своеобразное отражение собственных грустных раздумий писателя насчет несовершенства американской «демократии».

Твена тревожило то, что демагоги и политические спекулянты, подобные Туиду, систематически скупали голоса избирателей, заставляя нищих и невежественных людей оказывать им поддержку на выборах. Ему казалось, что туидов можно лишить их мощи путем передачи большего

числа голосов в руки людей, которых нельзя подкупить. Существующие имущественные отношения в целом еще не вызывали у Твена протеста.

Свою роль сыграла также наивная вера писателя в то, что образование само по себе делает человека справедливым.

Органический демократизм Твена и его здравый смысл заставили, однако, писателя изменить свои позиции. Он понял, что в создавшихся условиях повинны в конечном счете не простые люди, как бы невежественны они ни были, а те, в чьих руках власть.

В середине 70-х годов в США была торжественно отмечена знаменательная дата — столетие войны американцев за независимость. Но приближение этого юбилея не настраивало Твена на панегирический лад в отношении современности.

После «Позолоченного века» писатель создал несколько небольших произведений, говоривших о том, что сатирический динамит, которым был начинен этот роман, отнюдь не израсходован до конца.

Твен, например, послал в газету «Дейли график» письмо, в котором облик Америки воспринимается через зеркало газетных «шапок». Вот некоторые из приведенных писателем заголовков газетных сообщений:

ПАНИКА НА УОЛЛ-СТРИТ.

АРЕСТОВАН ЗАБАСТОВЩИК ПО ОБВИНЕНИЮ В УБИЙСТВЕ.

УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННЫЕ КУ-КЛУКС-КЛАНОМ.

ПОТЯСАЮЩЕЕ БЕДСТВИЕ!

СЫН УБИЛ ОТЦА.

ГРУППА ШАХТЕРОВ ОСАЖДЕНА В ГОСТИНИЦЕ.

Нет, облик Соединенных Штатов, возникавший в зеркале этих «шапок», был далеко не идилличен. Накануне отъезда в Европу Твен писал редактору «Дейли график»:

«Все сообщения под этими «шапками» датированы вчерашним числом — 16 апреля (см. Вашу газету!), и, поверьте честному слову, эти самые обыкновенные случаи выдаются за новости! «Ох, — подумал я, — так ведь помрешь со скуки!.. Заснула, что ли, наша передовая нация?»

Писатель подписывается:

«Изнемогающий от торжественной тишины, всеобщего застоя и глубокого сна, в который погрузилась наша страна,

преданный вам,

Сэмюел Клеменс (Марк Твен)».

Писатель как будто просто шутит. Но его слова полны скрытой тревоги. В приведенных и других, подобных им заголовках нашла отражение американская жизнь. Твен видел, что в США растет

преступность, усиливаются классовые столкновения, все более нагло действует Ку-клукс-клан.

Юморист, начинавший свой творческий путь в газете, сохранивший на всю жизнь теплые воспоминания о «Территориал энтерпрайз», теперь склонен был думать, что печать играет отрицательную роль в жизни страны. В том же 1873 году, когда было написано письмо редактору газеты «Дейли график», Твен выступил в клубе журналистов в Хартфорде с речью о печати. Он сыпет остротами, шалит, но вместе с тем бросает в адрес американских газет грозные обвинения. «Мне кажется, — восклицает Твен, — что нравственность в Соединенных Штатах падает в той же пропорции, в которой растет число газет. Чем больше газет, тем хуже нравы... Общественное мнение нации — эта грозная сила — создается в Америке бандой малограмотных, самодовольных невежд... газеты превратились буквально в *проклятие* Америки и того гляди погубят страну».

В 1876 году, когда исполнилось сто лет со дня появления «Декларации независимости», Твен написал свое «Послание ордену «Рыцарей святого Патрика». Это сатира-мистификация. Твен прибегает к иносказанию. Он делает вид, что говорит о святом Патрике, жившем в Ирландии в VI веке нашей эры и, по преданию, прославившемся изгнанием змей. На самом деле в «Послании» идет речь о современной Америке.

Еще в бытность секретарем Стюарта Твен глотнул в столице отравленного воздуха подкупа и обмана. В «Позолоченном веке» было несравненно больше обличения, чем в рассказе «Когда я служил секретарем». В «Послании ордену «Рыцарей святого Патрика» Твен еще решительнее обнажает пороки правительственной машины в США. Вашингтон, показывает писатель, до краев наполнен коррупцией. Несмотря на личные симпатии к герою Гражданской войны Гранту, ставшему президентом, Твен не закрывал глаза на то, что взятка царила в самых высоких сферах, что военный министр Гранта как раз в 1876 году ушел в отставку, дабы избежать ответственности за взяточничество, что печать подкупности лежала и на других министрах, членах законодательных органов и т. д.

И Твен не только глядит на жизнь открытыми глазами. Он хочет растоптать то мерзкое, что предстало перед народом после Гражданской войны. В «Послании» звучит призыв изгнать из Америки змей коррупции, уничтожить виновников злодеяний. Святой Патрик застал Ирландию, пишет Марк Твен, имея в виду, конечно, Америку, «богатой республикой и принялся думать, к чему с наибольшей пользой приложить свои силы. Он заметил, что президент республики имеет привычку укрывать

государственных деятелей от заслуженных наказаний, и так отколотил президента своим посохом, что тот умер. Он узнал, что военный министр живет так экономно, что сумел за год скопить двенадцать тысяч долларов при жалованье в восемь тысяч, — и убил его. Он узнал, что министр внутренних дел всегда причитает над каждой бочкой солонины, предназначенной для отправки дикарям, а потом присваивает эту солонину себе, — и ужокошил этого министра тоже... Он выяснил... что у... конгресса нет... других принципов, кроме партийного политиканства; что кругозор его узок и вообще непонятно и неоправданно само его существование. Поэтому он перебил всех членов конгресса до единого».

Свирепость Твена, резкость его языка поразительны. Он готов стереть с лица земли любого обитателя Вашингтона, который грязнит дело демократии. А ведь речь идет о важнейших колесиках и рычагах правительственного аппарата. Не удивительно, что «Послание ордену «Рыцарей святого Патрика» принадлежит к числу произведений, которые и по сей день не получили в США широкого распространения.

Лоцман рабства не знал

Повесть «Приключения Тома Сойера» вышла в свет в том же году, когда было написано «Послание ордену «Рыцарей святого Патрика». Несколько раньше появились очерки «Старые времена на Миссисипи». Неужели же автор этих двух книг, полных тепла, света, человеческой радости, это тот же самый Твен, который назвал газеты «проклятием Америки» и создал «Послание ордену «Рыцарей святого Патрика»?

Путь писателя к «Старым временам на Миссисипи» и «Приключениям Тома Сойера» был трудным.

«Позолоченный век» уже разошелся, а никаких определенных планов создания нового крупного произведения Марк Твен еще не имел. Он лишь принял участие в инсценировке своего романа. Героем пьесы стал Селлерс — неисправимый мечтатель. Сатирическая сторона книги оказалась сниженной.

Но суровые стороны жизни продолжали напоминать о себе. Однажды добродушная старая негритянка с трагической простотой рассказала Твену историю своей семьи. Все они — муж, жена и семеро детей — были распроданы разным хозяевам. Из всей семьи она нашла только одного сына. Писатель создал на основе рассказа негритянки свою реалистическую «Правдивую историю».

Среди многих произведений, то насыщенных юмором, то сатирических и исполненных трагизма, которые начал писать Твен в эти годы, была пьеса о деревенских непоседливых мальчуганах. Писатель решил рассказать о повседневной жизни простых, бесхитростных людей в маленьком поселке на Миссисипи. В этом произведении фигурируют тетя Уини и шалун, по имени Том. Оно осталось незаконченным.

Так уж получалось, что писатель теперь довольно часто возвращался мыслью к жизни хорошо знакомых ему обитателей долины Миссисипи.

Летние месяцы 1874 года Клеменсы провели на ферме родственников Оливии. Твен любил работать в застекленной со всех сторон беседке. Там было тихо, оттуда открывался превосходный вид на долину. С утра и примерно до пяти часов дня он трудился, а вечером читал родным написанное. Тогда, вероятно, и сложилось у Твена решение создать повесть о приключениях миссурийского сорванца Тома Сойера. Увлекала перспектива отдаться воспоминаниям о солнечных днях на Миссисипи, о мирном маленьком городишке довоенных лет. В пьесе, чувствовал Твен,

нельзя показать эту жизнь во всей ее конкретности и со всем ее ароматом. Для этого требуется широкий простор повести или романа.

Вскоре, однако, работа над повестью застопорилась. В то время писатель еще не имел ясного представления о том, какого рода книга у него получается — то ли повесть для детей, то ли сатирическое произведение для взрослых о мещанском мирке, о быте, заслуживающем осмеяния. В июле 1875 года, обращаясь к своему другу Гоуэлсу с просьбой прочитать один из вариантов книги, Твен писал ему: «Это вовсе не книга для детей, отнюдь нет. Ее будут читать только взрослые. Она написана только для взрослых». Полгода спустя он заметил в письме к тому же Гоуэлсу, что книга «предназначается для мальчиков и девочек».

По-видимому, эти колебания в какой-то мере задержали работу над повестью. Сам Твен много лет спустя рассказал о том, как во время его работы над «Приключениями Тома Сойера» «книга неожиданно и решительно остановилась и отказалась двинуться хотя бы на шаг». Объясняет он это следующим образом: «...мой резервуар иссяк, он был пуст, запас материала в нем истощился, рассказ не мог идти дальше без материала, его нельзя было сделать из ничего... я сделал великое открытие, что если резервуар иссякает, надо только оставить его в покое, и он постепенно наполнится, пока ты спишь, пока ты работаешь над другими вещами...»

Прежде чем «резервуар» в должной мере наполнился, Твен создал «Старые времена на Миссисипи» — первую часть «Жизни на Миссисипи».

И эта книга родилась не сразу.

Писателя, который, как многим казалось, был вполне доволен жизнью, что-то томило. Он тосковал, брался то за одну, то за другую тему. Работалось ему нелегко.

Мягкий по природе, увлекательно-веселый, вспыльчивый, но неспособный долго сердиться на людей, в которых есть что-нибудь хорошее, Твен жаждал смеха и мог бы излучать океаны солнечного юмора. Однако современная Америка, где царила вечная неуверенность в будущем, где бесконечные заботы делали людей несчастными, вызывала у него горечь. Жизнь не была такой, какой он хотел ее видеть, — свободной, приносящей людям удовлетворение.

Писатель часто бродил по лесам с Твичелом и с увлечением рассказывал ему о прошлом, о Миссисипи.

Как раз тогда пришло приглашение от Гоуэлса написать что-нибудь для очередного номера журнала «Атлантик». Твен решил отказаться. Ему совсем не пишется. Он не знает, о чем сказать читателям.

Однажды во время прогулки Твичел заметил: почему бы Твену не написать для журнала «Атлантик» о том, что теперь его больше всего занимает, о Миссисипи, о работе лоцманом? Твен загорелся этой мыслью. Он тут же сообщил Гоуэлсу, что принимает его предложение.

Твен решил ничего не выдумывать. Он напишет не роман, а очерки. Он соберет даже мельчайшие обрывки воспоминаний о работе на Миссисипи. Он правдиво расскажет о былом.

Очерки были напечатаны в журнале «Атлантик» в 1875 году.

В «Старых временах на Миссисипи» повествуется главным образом о том, как Сэмюел Клеменс изучал лоцманское дело. Твен написал о родном Ганнибале времен его юности. Он рассказал о встрече с Биксби, о постепенном овладении трудным и прекрасным искусством вождения пароходов. Писатель вспомнил и о своей стычке с Брауном и о пароходной катастрофе, во время которой погиб Генри.

Говорить о старых временах на Миссисипи было радостно. Ведь «я такой человек, — с улыбкой заметил Твен в письме к Гоуэлсу, — который бросил бы писательство в одну минуту ради работы лоцмана, если бы мадам согласилась на это».

Очерки пронизаны юмором. Сэмюел Клеменс, этот «щенок», обучающийся лоцманскому делу, зачастую выглядит традиционным «простаком». Он делает все невпопад, он наивен и неловок. Но читатель знает, что на самом-то деле он прекрасный малый и, безусловно, проявит свою сообразительность, свое мастерство. Рассказчик заставляет читателя смеяться над ним, но в нашей смехе много тепла.

Вот Биксби пытается заставить своего ученика усвоить названия всех мысов, деревушек, плантаций, мимо которых идут суда по Миссисипи. Когда приходит время проверить знания «щенка», оказывается, что тому и в голову не приходило запоминать все эти важные сведения. Биксби спрашивает:

— Слушай-ка, а зачем я, по-твоему, называл тебе эти мысы?

Герой очерков отвечает, как типичный «простак»:

— Ну... ну... я думал... ну, чтобы поразвлечь меня.

В одной из глав своей книги Твен описывает изумительную красоту природы на Миссисипи, а затем делает замечание, что для лоцмана, стоящего на посту, романтика и красота реки исчезают.

Это, конечно, не так. Очерки убедительно показывают, как глубоко воспринимал лоцман Клеменс романтическую прелесть Миссисипи. Вместе с тем Твен заставляет читателя ощутить и романтику труда — творческого труда лоцмана. В большой мере именно это определяет

привлекательность «Старых времен на Миссисипи». Писатель настойчиво знакомит нас с деталями лоцманского дела, заставляя совершенно чуждых этой профессии людей разделить чувства «щенка», гордого масштабами познаний, необходимых для лоцмана, смелостью и мастерством этих волшебников с Миссисипи.

С каким подъемом описывает Твен, например, искусство лоцмана Биксби, который в темноте провел судно через опасный проход у Шляпного острова!

Восторженно рассказывает Твен о деятельности созданной лоцманами ассоциации, защищавшей их интересы.

Один американский историк сообщает, что главу из книги Твена, в которой описана профсоюзная организация лоцманов, рабочие в США восприняли с большой радостью.

Поэтизируя лоцманов прошлого и, несомненно, отчасти приукрашивая их жизнь, Твен прямо или косвенно выражал не вполне приятное, а то и откровенно недружелюбное отношение к современности. Есть в «Старых временах на Миссисипи» нечто такое, что отчасти сближало Твена с некоторыми американскими романтиками середины века.

В литературе США прошлого столетия видное место принадлежит плеяде талантливых писателей-романтиков. В произведениях Дж. Ф. Купера воспеты просторы Америки, богатой лесами, пушным зверем, пахотной землей и смелыми людьми. Вместе с тем в наиболее сильных, художественно-выразительных произведениях как Купера, так и Готорна, Мелвилла и других американских романтиков слышится недовольство плодами буржуазного прогресса.

Знаменитый герой романов Купера вольный охотник Натаниэл Бамппо — это, по выражению Горького, «безграмотный полудикарь... обладающий в совершенстве лучшими качествами истинно культурного человека: безукоризненной честностью в отношении к людям, ничем несокрушимой любовью к ним». И благородство Бамппо противопоставлено низости стяжателей.

В романах Мелвилла романтизированные обитатели тихоокеанских островов тоже противопоставлены фальши и лицемерию представителей цивилизованного мира.

В книге «Тайпи», например, Мелвилл воспел дикарей, которые не знают частной собственности и потому лишены пороков жителей больших торговых и промышленных городов США. Вместе с тем эти дикари по своему счастливы.

В творчестве всех этих прозаиков, и особенно Купера, проявляет себя в

той или иной мере и реалистическое начало, но все же они прежде всего романтики. Их творчество развивалось в годы, когда сущность капитализма и общественных противоречий, порождаемых им, еще не раскрылась в США во всей полноте. Однако этих писателей объединяло, во всяком случае, стремление противопоставить миру буржуазного хищничества образы людей чистого сердца. В произведениях некоторых американских романтиков звучат и социально-утопические мотивы, выражена мечта об обществе, строящемся на основе братского единения и взаимопомощи людей, совершенно чуждых собственнических интересов.

Творчество Марка Твена получило развитие в более позднее время. Он создавал свои книги уже после Гражданской войны, когда темные стороны капитализма становились с каждым годом все более очевидными для всех, кто способен был видеть жизнь. В книгах Твена — об этом еще будет речь ниже — господствует реализм. Но в некоторых своих произведениях и он развивал в той или иной мере традиции американского романтизма. Это относится, например, к «Старым временам на Миссисипи».

Твен романтизировал труд лоцманов на Миссисипи именно потому, что был не очень-то доволен Америкой «позолоченного века».

О том, что, описывая жизнь на Миссисипи в былые годы, Твен в какой-то мере полемизировал с современностью, совершенно ясно говорит одно примечательное место в его книге о лоцманах прошлого. Писатель заявляет, что он любит профессию лоцмана больше всех своих других профессий. «Причина проста: лоцман в те дни был на свете единственным, ничем не стесненным, абсолютно независимым представителем человеческого рода... редактор газеты не может быть самостоятельным и должен работать одной рукой: другую его партия и подписчики подвязали ему за спину... Священник также не свободен: он не может говорить всей правды, так как должен считаться с мнением прихода; писатели всех мастей — это рабы публики: пишем-то мы откровенно, бесстрашно, но, перед тем как печатать, «подправляем» наши книги. Да, в самом деле: у каждого мужчины, у каждой женщины, у каждого ребенка есть хозяин, и все томятся в рабстве. Но в те дни, о которых я пишу, лоцман на Миссисипи *рабства не знал*».

Твен и мечтает о жизни без рабства.

Надо добавить, впрочем, что в «Старых временах на Миссисипи» утопические нотки чувствуются все же довольно слабо. Книге Твена о радостном труде лоцманов при всех ее достоинствах не хватает широты поэтических обобщений. В ней нет того осознанного устремления в мир более справедливых и гуманных социальных порядков, которое с такой

силой сказывается в творчестве Уитмена и нашло выражение в его стихах, созданных почти одновременно со «Старыми временами на Миссисипи» (например, в поэме «Таинственный трубач»).

«Приключения Тома Сойера»

Написав о лоцманах, Твен смог вернуться к «Приключениям Тома Сойера».

Вскоре повесть была завершена и вышла в свет. В «Приключениях Тома Сойера» Твен показывает себя мастером приключенческой литературы. Книга полна юмора, вызывает то улыбку, то громкий хохот. Вместе с тем автор повести предстает перед читателем как изумительный знаток человеческой психологии, бытописатель и тонкий лирик — поэт природы и людей.

Мучивший Твена вопрос: для кого, собственно говоря, предназначаются «Приключения Тома Сойера» — для детей или взрослых? — нашел неожиданное разрешение. Это книга для детей, пользующаяся горячей симпатией и взрослых читателей. Каждому известны факты, когда книги для взрослых становятся любимыми книгами детей (вспомним хотя бы классические романы Свифта о Гулливере и Дефо о Робинзоне Крузо). Твен создал произведение иного характера. «Приключения Тома Сойера» — одна из не столь уж многих в мировой литературе высокохудожественных детских книг, которые близки сердцу читателя любого возраста.

Повесть привлекает юные души занимательнейшим рассказом об удивительных происшествиях в жизни обитателей Санкт-Петербурга. Твен вложил в книгу присущие ему живость выдумки, умение строить динамический сюжет. Он заставляет читателя с волнением ждать дальнейшего развития событий.

А сколько в повести неподдельного веселья, радующего всех, кто не лишен чувства юмора!

Тетя Полли хочет наказать Тома за очередную шалость.

«Розга взметнулась в воздухе — опасность была неминуема.

— Ай! Тетя! Что это у вас за спиной!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и поспешила подобрать свои юбки, чтобы уберечь себя от грозной беды, а мальчик в ту же секунду пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор — и был таков!»

В церковь во время проповеди забежал пудель. А у Тома был жук. Пудель «начал клевать носом; мало-помалу голова его поникла на грудь, и нижняя челюсть коснулась врага, который и вцепился в нее. Пудель отчаянно взвизгнул, мотнул головой, жук отлетел в сторону на два шага и

опять упал на спину. Те, что сидели поблизости, тряслись от беззвучного смеха, многие лица скрылись за веерами и носовыми платками; а Том был безмерно счастлив».

Потом пудель «позабыл о жуке и преспокойно уселся на него! Раздался безумный визг, пудель помчался по проходу и, не переставая визжать, заметался по церкви; перед самым алтарем перебежал к противоположному проходу, стрелой пронесся к дверям, от дверей — назад; он вопил на всю церковь, и чем больше метался, тем сильнее росла его боль; наконец собака превратилась в какую-то обросшую шерстью комету, кружившуюся со скоростью и блеском светового луча... К этому времени все в церкви сидели с пунцовыми лицами, задыхаясь от подавленного смеха. Даже проповедь немного застопорилась».

Твен не только развлекает читателя. В повести не так много каламбуров, комических мистификаций, пародий, как в некоторых его ранних произведениях. Но и теперь смех помогает писателю реалистически показывать разные стороны американской жизни.

Совершенно очевиден реалистический характер тех эпизодов повести, в которых господствует откровенная сатира. Твен смягчил, по собственному его признанию, некоторые, особенно резкие сатирические места в повести, когда окончательно решил, что она предназначена для детей: «Я свел драку мальчишек к одному абзацу; от всей речи в воскресной школе оставил лишь две первые фразы, чтобы не было и намек на сатиру, раз книга предназначена для детей; я смягчил все слишком резкие выражения, дабы ничто не оскорбляло слух».

Нельзя не видеть существенного отличия, например, между напойной добродушным юмором речью, которую произносит в воскресной школе судья — отец очаровательной девочки Бекки, и саморазоблачительным выступлением в подобной же школе заведомого негодяя Дилуорти из романа «Позолоченный век».

И все же в «Приключениях Тома Сойера» есть немало сатиры.

Твен насмешливо рисует церковников, обличает фальшь воскресной школы. В Санкт-Петербурге, показывает он, есть немало ханжей. Вдова Дуглас все время «молится — чтоб ей пусто было!» и вызывает у Гека раздражение. В церкви нет подлинного благочестия, певчие вечно хихикают, и никто не в состоянии слушать скучную проповедь. Мальчики обменивают билетки, полученные за зазубривание стихов из библии, на рыболовные крючки. В результате Тома, который не может назвать ни одного из двенадцати апостолов, но сумел выменять нужное количество билетиков, награждают библией за примерные познания по части

евангелия.

Писатель высмеивает также слащаво-сентиментальные стихи и рассказы с их надоедливой моралью, которые торжественно читают ученики на школьных вечерах. Том Сойер сравнивает школу с тюрьмой. Мы узнаем, что учитель получает злорадное удовольствие, наказывая детей за малейшие проступки.

Да, в повести есть страницы, где Твен выступает как сатирик. Но не они определяют общую тональность «Приключений Тома Сойера».

Сколько бы ни высмеивал Твен слабости, духовную ограниченность, косность, ханжество обитателей городка, где разворачивается действие «Приключений Тома Сойера», этот тихий поселок вызывает у него теплую улыбку. Пусть тетя Полли требует от Тома того, что несвойственно его живой натуре, пусть она смешна со своей страстью к патентованным лекарствам и поучениям, но душа у нее простая и ясная. При всей узости своих интересов жители томсойеровского городка не такие уж плохие люди. Когда мальчики скрылись на острове и возникло опасение, что они погибли, никто во всем городке не веселился. Весь город поднялся на ноги, когда пропали Том и Бекки.

С мягким юмором в повести воспроизведено немало деталей повседневной жизни обитателей маленького городка: описаны нравы прихожан, беседы кумушек; в книге можно найти целый каталог суеверий, характерных для жителей миссурийских городов и деревушек.

Однако реалистичны не одни лишь сатирические сцены да картинки быта. Твен сильнее всего как художник-реалист там, где он раскрывает перед нами душу Тома Сойера и его друзей.

Том Сойер — живой образ мальчугана. Мы ясно видим Тома и радуемся каждой встрече с ним. Он понятен нам и тогда, когда проказничает, и тогда, когда, обливаясь слезами, глядит на молящуюся за него тетю Полли. В его сердце живут радость и обида, горечь и веселье, недовольство школой, запретами, нравоучениями и вместе с тем озорство здорового ребенка, наделенного буйной фантазией. Психологически верно передает Твен чувство жалости к себе, которое охотно культивирует Том. Есть нечто типическое в его необузданной энергии.

Том Сойер еще мальчик. Но иные эпизоды, в которых он играет центральную роль, бросают яркий свет на переживания как детей, так и взрослых.

Тому Сойеру нравится девочка Бекки. Он все время ищет ее, но Бекки еще не пришла в школу. Вот, наконец, «у ворот мелькнуло еще одно платье, и у Тома екнуло сердце. Миг — и он уже был во дворе, неистовствуя, как

индеец: он кричал, хохотал, гонялся за мальчишками, прыгал через забор с опасностью для жизни, кувыркался, ходил на голове — словом, совершал всевозможные геройские подвиги, все время при этом поглядывая в сторону Бекки, — смотрит ли она? Но она, казалось, не обращала на все это никакого внимания и ни разу не посмотрела в его сторону. Неужели она не замечает его? Он стал совершать свои подвиги поближе к ней. Он носился вокруг нее с боевыми криками, сорвал с кого-то кепку и забросил ее на крышу, врезался в толпу мальчишек, расшвырял их в разные стороны, растянулся на земле перед самым носом у Бекки и чуть не сбил ее с ног. Она отвернулась, вздернула нос и сказала:

— Пф! Некоторые воображают, что они интереснее всех... и всегда петушатся...

Щеки у Тома вспыхнули. Он поднялся с земли и, понурый, раздавленный, медленно побрел прочь».

Смешное и трогательное в образе этого мальчика переплетается, и комическое дает себя чувствовать, пожалуй, чаще всего. Юмор не является, конечно, помехой для Твена-реалиста. Напротив, он помогает ему глубоко проникнуть в сердце ребенка, увидеть и показать то здоровое, свежее, прекрасное, что есть в его герое.

Твен хорошо осознавал роль юмора в раскрытии истинного облика действительности. Он писал:

«Только тот юмор будет жить, который возник на основе жизненной правды. Можно смешить читателя, но это пустое занятие, если в корне произведения не лежит любовь к людям.

Многим невдомек, что это требует от юмориста такой же способности видеть, анализировать, понимать, какая необходима авторам серьезных книг».

Реалистические тенденции, которые ощущались в творчестве писателя еще со времени «Знаменитой скачущей лягушки из Калавераса», получили теперь такое углубленное развитие, что, по сути дела, перед нами новый Твен.

Реалистическая ценность книги несомненна и значительна. И все же этим не исчерпываются особенности сложной и многозначной повести Марка Твена. Перечитывая «Приключения Тома Сойера» не в том очень юном возрасте, когда обычно происходит наше первое знакомство с книгой, а позднее, мы начинаем понимать, что в этой повести (даже явственнее, нежели в «Старых временах на Миссисипи») ощущается налет романтизма.

В конце жизни, возвращаясь мыслью к «исчезнувшему миру» детства и юности, Твен писал, что он похож на Адама, «который вновь посетил

свой наполовину забытый рай и не может понять, как это пустынный мир по ту сторону райских врат мог когда-либо казаться ему свежим и красивым».

В «Приключениях Тома Сойера» детство действительно изображено раем, и ему приданы с особенной настойчивостью «райские» черты как раз потому, что Твен уже чувствовал, сколько мрачного, «пустынного» есть в мире взрослых, «по ту сторону райских врат».

Одна из первых глав повести начинается так: «Солнце встало над безмятежной землей и своим ярким сиянием благословляло мирный городок». По большей части книга и воспринимается, как полное лиризма повествование о благословенном городке.

«Приключения Тома Сойера», — говорил сам Твен, — это гимн, это как бы церковное песнопение, написанное так, чтобы придать ему светский вид. В повести изображена прекрасная девственная природа. И когда школа, церковь, надоедливое морализирование делают жизнь детей в Санкт-Петербурге уж слишком скучной, они удирают на «необитаемый» остров, находящийся возле самого города.

Любопытно, что кое-где в повести Твен сопоставляет, пусть в полуюмористической форме, светлый мир патриархального детства, детства на лоне природы, с миром цивилизации. Плот, на котором мальчики приплыли на остров Джексона, унесло течением, и Твен пишет, что «мальчикам это даже доставило радость: теперь было похоже на то, что мост между ними и цивилизованным миром сожжен».

Писатель и прямо осуждает цивилизацию, основанную на деньгах, богатстве. Том и Гек, сопутствующий герою книги во всех его приключениях, вначале радуются найденному ими кладу, но затем Гек говорит: «Оказывается, Том, быть богатым вовсе не такое веселое дело. Богатство — тоска и забота, тоска и забота...»

Наконец тот же Гек отвергает богатство, а также «гнусные и душные дома», во имя жизни в лесу и на реке.

Показательно, что слова эти вложены именно в уста бездомного Гека, с которым детям, посещающим школу, запрещено даже разговаривать. Образ Гека в этой повести воплощает романтический идеал вольной жизни, который дорог мальчикам, замученным строгими нормами поведения и религиозным ханжеством старших. Гек в изображении Твена свободен и счастлив, ибо имеет возможность ходить в лохмотьях. Он обладает всем необходимым для счастья, поскольку ему не надо «ни мыться, ни надевать чистое платье». Это поистине романтический бродяга.

«Приключения Тома Сойера» — апофеоз мальчишеской вольницы,

рассказ о прекрасном в жизни каждого человека, о наивности детства, полной нестареющего очарования.

В это светлое повествование включены картины насильственной смерти, злодеяний. Вот сцена на кладбище. Появляются люди с лопатами и выкапывают гроб. Потом коварный индеец Джо убивает врача. В конце повести рассказывается о гибели самого Джо. Пусть кое-что в этих ужасах идет от реальной жизни, от действительного прошлого колонизируемых районов Америки с их беззаконием и кровавой борьбой за существование. В гораздо большей мере эти описания, нагроможденные во второй части повести, навеяны «захватывающей» детской литературой. Дурные люди, изображенные в «Приключениях Тома Сойера», нарисованы так черно, что их сразу отличишь от всех прочих. Благополучный конец книги — дети находят клад — воспринимается как прямое развитие условностей сложного сюжета и снимает все то холодящее душу ребенка, о чем рассказывалось раньше.

Внимательный читатель помнит, конечно, что Санкт-Петербург — рабовладельческий городок. Твен сообщает нам, например, что добрый старик валлиец любезно послал своих трех рабов сторожить дом вдовы Дуглас. Но о том страшном, что представляет собой невольничество, в повести почти ничего не говорится. Лишь в уста Гека — бедняка, отщепенца Гека вложено замечание, которое проливает некоторый свет на судьбы чернокожих. Проговорившись Тому, что он ест вместе с негром, Гек добавляет: «Только ты, пожалуйста, никому не рассказывай. Мало ли чего не сделаешь с голоду!»

В «Приключениях Тома Сойера» реализм и романтизм представлены в сложном сплаве, что во многом и определяет художественное своеобразие книги.

Веку позолоты и гнили противопоставлен в повести чудесный, поэтический мир веселья, счастья и красоты, находящий воплощение, в частности, в острове Джексона, на котором Том и его приятели провели много радостных часов.

В конце века Твен писал, что он хотел бы скрыться на острове Джексона от «житейской суеты». «Я полагаю, — добавил он, — что у всех нас есть где-то остров Джексона, и мы мечтаем о нем, когда приходит усталость».

Заразительный смех и изобретательность Твена, богатство его реализма и одновременно ощущаемая в повести романтическая прелесть — все это делает «Приключения Тома Сойера» любимым произведением детей и взрослых на всех континентах земли, одной из тех книг, которые

нельзя читать без радостной улыбки.

«Но я не признаю, что это была ошибка!»

Каким бы вниманием ни пользовался Твен со стороны читателей, бостонские литераторы-«брамины» относились к нему с плохо скрытой холодностью. Гоуэлс рассказывает, что однажды он вместе с Твеном посетил Лонгфелло, но поэт не проявил интереса к автору «Простаков за границей». «Не могу сказать, — пишет Гоуэлс, — почему Клеменс не вызывал в кругу наших писателей и ученых такой симпатии, кикой был окружен Брет Гарт, когда он приехал из Калифорнии...» Видно, уж слишком очевидны были простонародные корни и привычки этого юмориста и сатирика.

Когда при посредстве Гоуэлса была сделана попытка приблизить Твена к литературным знаменитостям Новой Англии, случилось событие, которое принесло Твену много огорчений.

Редакция журнала «Атлантик» устроила обед в честь старого поэта Джона Уитьера, борца за освобождение негров, близкого по духу фермерам Новой Англии. Впрочем, даже Уитьер в послевоенные годы становился все более консервативным. Задачи борьбы с рабством, полагал он, уже выполнены, а значения новых социальных задач, встававших тогда перед американским народом, поэт не признавал.

На обеде должны были присутствовать Лонгфелло, Эмерсон и Холмс. Твена просили выступить с речью, одной из тех остроумных «послеобеденных речей», которыми он успел прославиться. Писатель тщательно подготовил текст выступления. Он решил сопоставить мир культуры — Бостон с его рафинированными писателями — и мир золотоискателей, шахтеров, бродяг — людей, живущих в тяжелейших условиях, грубых, но остроумных. В своей речи Твен рассказал о беседе трех бродяг, которые присвоили себе имена... Лонгфелло, Эмерсона и Холмса. Мистер Эмерсон оказался рыжим «жидковатым парнем», Холмс был «толстый, как шар... и второй его подбородок свисал до живота», Лонгфелло походил на «профессионального боксера».

«Они были пьяны...» Бродяги, разумеется, говорили на своем языке — языке людей, далеких от культуры, но вместе с тем они цитировали отрывки из произведений писателей, имена которых носили.

Участники званого обеда пришли в ужас от подобного «поругания» почтенных писателей. Твен сразу же, в самом начале речи, почувствовал возмущение аудитории, но остановиться уже было невозможно. Когда он

кончил, в зале воцарилась тишина, затем раздался истерический смех одного из гостей.

Твен был разбит. Ему дали понять, что он грубый, неотесанный провинциал. Вернувшись домой, писатель послал в Бостон письма с извинениями. Были получены любезные, снисходительные ответы. Но от этого не стало легче.

Теперь Твен чаще, чем раньше, признавал необходимость прислушиваться к мнению «подлинно культурных» людей. В письме к Гоуэлсу Твен сказал как-то, что все его произведения нуждаются в правке. Оливия Клеменс пристально следила за тем, чтобы в печать не проходили такие выражения, как «к черту», «дьявольщина» и т. п. И она не ограничивалась устранением отдельных крепких выражений из рукописей Твена. Некоторые произведения писателя, в которых его неуважительное отношение к религии проявляло себя в особенно откровенной форме, все еще лежали под спудом. Недаром дочь Твена Сузи заметила однажды: «Разница между мамой и папой заключается в том, что мама любит мораль, а папа — кошек».

Да, внешне Твен как будто мирился с домашней цензурой, испытывал раскаяние за свою речь на обеде в честь Уитьера и даже призывал близких людей почаще учить его литературным манерам, подобно тому, как городской метранпаж учит убогого провинциального печатника. На самом деле, однако, ощущение своей правоты все с большей силой проникало в сознание писателя. Правда, Твен — провинциал, правда, он не учился в Гарвардском университете. Он проходил школу жизни рядом с самыми простыми людьми. Но, может быть, это не так уж плохо?! Гоуэлс вспоминает, что через некоторое время после выступления Твена с речью о «бродягах» Лонгфелло, Эмерсоне и Холмсе (после того как уже были посланы извинения всем обиженным лицам), Марк Твен воскликнул «со всей характерной для него яростью»: «Но я не признаю, что это была ошибка!»

Снова и снова на протяжении многих лет Твен возвращался мыслью к своей речи на обеде в честь Уитьера. Порою ему начинало казаться, что это выступление было бестактным. Но чаще он вспоминал о нем с гордой уверенностью в своей правоте.

Марк Твен прислушивался к мнению своей жены всю жизнь, но в нем нарастал протест против религиозных обрядов, которые считались обязательными в семье Клеменсов, а также против попыток Оливии притупить остроту его сатиры и изъять простонародные выражения из его книг.

Твен дружил со священником Твичелом и, путешествуя с ним по Европе, иногда присоединялся к нему во время молитвы. Но однажды он сказал своему другу: «Джо, я сделаю признание. Ваша религия мне чужда. Я просто притворялся, что это не так. Порою, на мгновение, я почти становился верующим, но вера снова меня покидала».

Среди известных американских писателей тех лет ближе всего были Твену Гоуэлс и Бичер-Стоу. Гоуэлс был выходцем из демократических слоев населения. Он многое воспринял у «бостонцев», подражая их респектабельности, и большинству американских писателей запомнился прежде всего выступлениями в защиту литературы, рисующей действительность смягченно и даже приукрашенно. Но он сумел ощутить величие демократического пафоса Твена. При всей своей буржуазной ограниченности Гоуэлс высоко ценил способность друга изображать простых американцев правдиво и честно. Порою он советовал Твену кое-что пригладить в его произведениях, но общая реалистическая направленность творчества писателя-демократа была ему по душе.

Длительный жизненный и творческий путь Гоуэлса был исполнен больших противоречий. Гоуэлс не раз оказывался хранителем консервативных литературных традиций, но он же был крупнейшим в США пропагандистом творчества Тургенева и Толстого, осудил казнь руководителей борьбы американских пролетариев за восьмичасовой рабочий день, выступал против империализма, создал ряд ценных художественных произведений, сыгравших свою роль в развитии американского реализма.

Гарриет Бичер-Стоу была много старше Твена. Уже в силу этого обстоятельства их дружба в Хартфорде не могла носить столь близкого характера, как дружба Твена с Гоуэлсом. Однако Бичер-Стоу довольно часто бывала в его доме.

Твен держал себя с Бичер-Стоу просто и непринужденно, зачастую пугая этим чопорную Оливию Клеменс.

Однажды, когда Бичер-Стоу собиралась куда-то уезжать, Твен зашел к ней рано утром, чтобы попрощаться. Когда писатель вернулся домой, его жена пришла в ужас: ведь он был без воротничка и галстука.

Ничего не сказав, Твен упаковал воротничок и галстук и послал пакет Бичер-Стоу с запиской следующего содержания: «Прошу принять явившиеся к Вам с визитом дополнительные части моей персоны».

Бичер-Стоу, по-видимому, ощущала в Твене нечто близкое ей.

Эта большая писательница, в творчестве которой сказалась моральная мощь антирабовладельческого движения в США, не замыкалась в узком

мирке самодовольства, подобно некоторым другим известным писателям Новой Англии. Ее не шокировала простонародность Твена. Ей нравились произведения этого гуманного, демократического и остроумного писателя. Она много раз перечитывала, например, его «Принца и нищего».

В конце жизни душевнобольная Бичер-Стоу порою заходила в дом Твена, не обращая внимания на присутствующих, и вскоре тихо возвращалась к себе.

Пешком по Европе

Повесть «Приключения Тома Сойера» сейчас же по выходе в свет была признана превосходной книгой для детей. Лишь некоторые засушенные педагоги и библиотекари высказывали опасения, как бы приключения Тома и его товарищей не подали дурного примера американским мальчикам и девочкам.

Твену захотелось продолжить повесть о жизни мальчиков с Миссисипи, рассказать о подростках, лучше узнавших действительность, чем Том. Героем новой книги стал Гек. Твен написал несколько эпизодов для «Приключений Гекльберри Финна», но работа продвигалась плохо.

Книга о Геке была надолго отложена в сторону.

Мимоходом Твен сочинил произведение, не предназначавшееся для печати. Это была «запись» беседы королевы Елизаветы с лучшими людьми ее времени, созданная в духе литературы начала XVII века. С озорным весельем Твен касается фривольных тем, одно упоминание о которых в викторианской Англии и бостонских кругах вызвало бы панику.

Семья Твена собралась поехать в Европу, и Твен решил совершить путешествие пешком по европейским странам, чтобы написать об этом книгу. Это должно было быть еще одно произведение типа юмористических путевых заметок. Теперь этот жанр литературы требовал от писателя, пожалуй, наименьших творческих усилий.

Идея издания такой книги привлекала, в частности, потому, что хотелось уехать подальше от хартфордских соседей и чаще оставаться наедине с самим собой. Теперь люди, записал Твен в своей книжке, «не будут говорить про меня дурное, так как знают, что я их не услышу и не почувствую боли... Вот почему мы не говорим дурно об умерших». Веселый юморист начинал не очень хорошо отзываться о человеке.

Уже с Гейдельберга Твен собирал материал для новой книги: записывал интересные случаи, отмечал красоты природы.

Потом Твен и его друг Твичел отправились пешком в горы.

Когда материал был накоплен и нужно было сесть за письменный стол, Твен внезапно почувствовал, что устал, что писать ему не хочется. Он просто возненавидел свое, по сути дела, подневольное путешествие. Вот утеряна записная книжка с заметками, и теперь можно написать издателю «и предложить ему какую-нибудь другую тему». Но проклятая записная книжка отыскалась...

Мюнхен, Париж. Холод, скука, нескончаемый утомительный труд над книгой. Утешением были только отдельные интересные встречи, например с Тургеневым, с которым Твен познакомился еще раньше, в Лондоне.

Бельгия, Голландия, Англия. Новые встречи со знаменитостями. Званные обеды. Дожди, холод. Несколько слов в записной книжке: «Говорил с великим Дарвином...»

Клеменсы вернулись в Америку. Их дом в Хартфорде снова был полон гостей. Принимали весело, радушно. Но для того, чтобы иметь возможность содержать богатый дом, Твен продолжал мучиться над безразличной ему книгой. Ему начинало казаться, что он приговорен к пожизненной каторжной работе над рукописью «Пешком по Европе». Он чувствовал, что его наброскам не хватает свежести «Простаков за границей».

Как и в «Простаках», Твен в новых очерках высмеивал феодальные пережитки и традиции, еще существовавшие в Европе.

Но он уже не так кичился преимуществами своей «здравомыслящей» родины.

Создавая книгу «Пешком по Европе», Твен опирался на весь свой опыт юмориста «западной» школы. В книге есть много откровенной клоунады, пародий, смешных мистификаций. Встречаются и черты сатиры. Твен не упускает случая щелкнуть по носу членов конгресса США, изображает их глупцами и мошенниками. Он высмеивает американских путешественников-грубиянов, пародирует понятие богатства (символом богатства у него изображен... навоз). Мотив относительности богатства возникает у Твена не раз. Так, в «Романе эскимосской девушки» воплощением богатства оказались рыболовные крючки, обладающие малой ценностью в глазах цивилизованного человека. Пожалуй, наибольшей выразительностью отличаются те страницы книги «Пешком по Европе», где Твен снова вспоминает прошлое, годы жизни на Миссисипи. Здесь есть немало точных характеристик и подлинно поэтических картин.

Какие причудливо-извилистые формы принимало порою идейное развитие писателя-демократа, можно судить по тому, что и в очерках «Пешком по Европе» встречаются места, говорящие о влиянии на Твена реакционных идей. Снова возникают насмешливые упоминания об индейцах. Как и в «Простаках за границей» писатель отрицательно отзывался о революционной борьбе французского народа.

«Всего только двенадцать лет после отмены рабства...»

Между тем книга «Пешком по Европе» была написана уже после исторических событий 1877 года (она вышла в свет в 1880 году).

Характеризуя смысл забастовочного движения, развернувшегося за океаном в 1877 году, Энгельс писал: «История с американскими стачками очень меня обрадовала... Всего только двенадцать лет после отмены рабства, и движение уже достигло такой остроты!»^[6]

Рабочие поднялись на борьбу против железнодорожных магнатов после того, как на протяжении семи лет им в четвертый раз урезали заработную плату. Забастовка охватила много десятков тысяч человек. Доведенные до отчаяния люди вынуждены были бросить работу, несмотря на то, что по улицам американских городов бродили толпы безработных.

Реакционная печать писала о забастовках в таком духе, что посторонний наблюдатель мог бы подумать, будто в Чикаго, Питсбурге и других центрах американской промышленности созданы коммуны по образцу парижской. В связи со стачечной борьбой в Питсбурге нью-йоркская газета «Уорлд» сообщала: «Город полностью во власти людей, одержимых дьявольским духом коммунизма». «Чикаго в руках коммунистов», — резюмировала газета «Нью-Йорк таймс». Многие буржуазные газеты откровенно жаждали крови рабочих, осмелившихся потребовать лучшей доли. Хотя Твен называл американские газеты «фабриками лжи», но истерические выкрики об опасности, которую представляют «революционеры» для самых первооснов американской республики, оказали известное воздействие и на него.

Прошло несколько лет, прежде чем писатель понял, что справедливость на стороне рабочих, что, как и всегда, правящие круги лицемерят и клеветуют.

О том, что, несмотря на присущий ему тогда страх перед революционным движением рабочих, писатель все же упорно искал путей к правде, говорит его рассказ «Великая революция в Питкерне», который был опубликован незадолго до появления книги «Пешком по Европе». В этом рассказе-памфлете использован свифтовский прием: Твен показывает, как в крохотном уголке вселенной возникло подобие большого государства.

Обитатели Питкерна жили мирно и тихо. Но вот на острове поселился

американец Батеруорт Стейвли — «сомнительное приобретение».

Твен подробно объясняет, почему американца назвали «сомнительным приобретением». Ведь этот Стейвли был интриганом, ханжой и беззастенчиво рвался к власти. С ненавистью рисует писатель образ человека, использующего религию для своих хищнических целей. Как только американец «перезнакомился со всем населением, — а это, разумеется, заняло всего лишь несколько дней, — он стал втираться к ним в доверие всеми способами, какие только знал. Он стал необычайно популярен, и на него взирали с почтением, ибо он начал с того, что забросил мирские дела и все свои силы посвятил религии. С утра до ночи он читал библию, молился и распевал псалмы либо просил благословения. Никто не мог так умело, так долго и хорошо молиться, как он». Затем американец «начал исподтишка сеять семена недовольства среди населения» и украл некий акт из государственных архивов для того, чтобы получить возможность обвинить главного судью в измене и добиться власти.

И вот в Питкерне совершен государственный переворот. Там возникает постоянная армия и флот. Учреждены дворянские титулы, открыты переговоры с «иностранными державами о наступательных, оборонительных и торговых договорах», назначено «несколько генералов и адмиралов, а также несколько камергеров, шталмейстеров и лордов-спальников».

А народу живется все хуже и хуже. Он ввергнут в нищету. Простые люди поднимаются против диктатуры американца.

Некоторые страницы рассказа ясно говорят о том, что Твен склонен был скептически расценивать результаты не столь давно перед тем осуществившегося объединения Германии. Писателя не радует прогресс, который ведет к росту милитаризма. Он вкладывает в уста простых питкернцев следующие слова: «Люди не могут питаться объединением, а мы умираем с голоду... Все в армии, все во флоте, все на государственной службе, все в мундирах, все бездельничают, все голодают и некому обрабатывать поля...» Но государству, основанному на угнетении народа людьми в «мундирах», писатель может противопоставить лишь идеал патриархальной жизни. В «Великой революции в Питкерне» рассказывается о том, что после возникновения диктатуры американца на острове «народился» социал-демократ. И дальше Твен осуждает не только «императора»-американца, но и «социал-демократа».

Ограниченность позиции автора рассказа очевидна. Однако, перечитывая «Великую революцию в Питкерне», думаешь не столько об

исторически обусловленной узости взглядов писателя-демократа, сколько об его поразительной прозорливости. Когда в 30-х годах этого века Синклер Льюис написал свой роман, иронически озаглавленный «Это у нас невозможно», роман, в котором рассказывается о том, чем грозят действия демагогов-фашистов Америке, он имел все основания вспомнить о рассказе-памфлете Твена. Ведь твеновский Батеруорт Стейвли еще в прошлом столетии пользовался некоторыми из тех приемов, которые взяли на вооружение фашиствующие деятели XX века.

«Принц и нищий»

Когда Твен с облегчением закончил свою книгу «Пешком по Европе», его ждали еще две большие темы. В письменном столе хранилось начало рукописи «Приключений Гекльберри Финна». Там же лежали и первые наброски повести о принце и нищем. Работа над книгой о Геке по-прежнему тормозилась. Зато повесть «Принц и нищий» быстро двинулась вперед и была завершена сравнительно скоро.

Мысль написать повесть, рассказывающую о том, как принц становится нищим, а нищий — принцем, появилась у Твена после прочтения одной детской книжки. Писателя-демократа увлекла задача показать, как нищий управляет государством, а принц узнает жизнь народа.

Действие повести, как известно, разворачивается в Англии далекого прошлого. Снова Твен ополчается против средневековой отсталости, против феодально-абсолютистского произвола. Его угнетает бесправие народа. «Принц и нищий» — прекрасная, захватывающая сказка на тему о справедливости.

Родным Твена понравился замысел нового произведения. Каждый вечер писатель читал созданное за день жене и дочерям. Когда книга вышла в свет, друзья Твена приняли ее с восторгом.

В «Принце и нищем» повествуется о том, как маленький эгоистичный и себялюбивый принц, ничего не знавший о страданиях народа, окунулся в гущу жизни. Перед избалованным ребенком прошли картины народных бедствий, безысходной нужды. Он почувствовал суровость и несправедливость государственных законов.

Страшна судьба крестьян — жертв беззастенчивого деспотизма. Фермер Йокел, ставший бродягой, рассказывает таким же бродягам, как он, о том, что с ним случилось. Когда-то Йокел жил в довольстве, были у него «любящая жена и дети. Теперь, — говорит он, — нет у меня ничего... Жена и ребята померли; может, они в раю, а может, и в аду, но только, слава богу, не в Англии! Моя добрая, честная старуха мать ходила за больными, чтобы заработать на хлеб; один больной умер, доктора не знали, с чего, — и мою мать сожгли на костре как ведьму, а мои ребятишки смотрели, как ее жгут, и плакали. Английский закон! Поднимите чаши! Все разом! Веселей! Выпьем за милосердный английский закон, освободивший мою мать из английского ада! Спасибо, братцы, спасибо вам всем! Стали мы с женой ходить из дома в дом, прося милостыню, таская за собою голодных ребят;

но в Англии считается преступлением быть голодным, и нас ловили и били в трех городах...

Выпьем еще раз за милосердный английский закон!»

Сарказм Твена жалит. Почти вся повесть строится на иронии.

Когда нищий мальчик Том Кенти впервые встречается с принцем Эдуардом, он и принц просто не могут понять друг друга. Эдуард думает, например, что у каждого, даже у сестер нищего мальчугана, должны быть служанки.

«— Как же, скажи на милость, — спрашивает принц Тома, — могут они обойтись без служанок? Кто помогает им снимать на ночь одежду? Кто одевает их, когда они встают поутру?»

И Том Кенти отвечает:

«— Никто, сэр. Вы хотите, чтобы на ночь они раздевались и спали без одежды, как звери?

— Без одежды? Разве у них по одному только платью?

— Ах, ваша милость, да на что же им больше? Ведь не два же у них тела у каждой».

Твен остроумно, очень рельефно показывает, как привычное становится абсурдным, если взглянуть на него с иных классовых позиций.

Королевский двор — это мир нелепых условностей и ненужной роскоши. Когда нищий, ставший принцем, захотел почесать нос, он поверг в смущение всех придворных. Снова Твен утрирует, использует комические гиперболы, чтобы крупным планом показать фальшь изображаемых нравов. Вот эта сцена из «Принца и нищего». Мальчик говорит:

«— Прошу снисхождения, милорды: у меня мучительно чешется нос. Каковы обряды и обычаи, соблюдаемые здесь при этих чрезвычайных обстоятельствах? Пожалуйста, поспешите с ответом, дольше я не в силах терпеть!

Никто не улыбнулся. Напротив: у всех были скорбные, растерянные лица, все смущенно переглядывались, как бы спрашивая друг у друга совета... Увы! Наследственного чесальщика в Англии не существовало. Тем временем слезы вышли из своих берегов и потекли у Тома по щекам. Нос все настойчивее требовал, чтобы его почесали, и, наконец, природа прорвалась сквозь преграды придворного этикета, и Том, мысленно молясь о прощении, если он поступает неправильно, облегчил удрученные сердца приближенных, собственноручно почесав свой нос».

Марк Твен высмеивает порядки, узаконенные дворянством. Он показывает на просветительский лад, что все люди по природе своей равны. Ведь если бы принц и нищий «вышли нагишом», то никто не смог

бы сказать: кто из них бедняк, а кто властитель. Тем абсурднее выглядят придворные нравы: например, церемония одевания. Твен описывает ее так:

«Прежде всего лорд обер-шталмейстер взял рубашку и передал ее первому лорду егермейстеру, тот передал ее второму лорду опочивальни, этот, в свою очередь, — главному лесничему Виндзорского леса, тот — третьему обер-камергеру, этот — королевскому канцлеру герцогства Ланкастерского, тот — хранителю королевской одежды, этот — герольдмейстеру Норройскому, тот — коменданту Тауэра, этот лорду, заведующему дворцовым хозяйством, тот — главному наследственному подвязывателю королевской салфетки, этот — первому лорду адмиралтейства, тот — архиепископу Кентерберийскому, и, наконец, архиепископ — первому лорду опочивальни, который надел рубашку — или, вернее, то, что от нее осталось, — на Тома. Бедный мальчик не знал, что и подумать; это напомнило ему передачу из рук и руки ведер во время пожара».

Писатель смотрит на королевский двор глазами нищего — вот его истинная позиция. И Том Кенти выражает мысли самого Твена, когда с бессознательной издевкой (у Твена эта издевка носит, конечно, вполне осознанный характер) доказывает придворным, что короли — тунеядцы и могут обойтись без дворцов и слуг. Надо, говорит он, «снять домик поменьше и распустить большинство наших слуг, которые все равно ни на что не годны, только болтаются под ногами и покрывают нашу душу позором, оказывая нам такие услуги, какие нужны разве что кукле, не имеющей ни рассудка, ни рук, чтобы самой управиться со своими делами».

Твен вводит и в это произведение простонародные, даже грубоватые шутки. Снова «дикий юмор» помогает ему раскрывать высокие гуманистические и демократические идеи. В «Принце и нищем» есть, например, гротескный образ «мальчика для порки», который в экстравагантных выражениях благодарит Тома за обещание учиться худо, ибо это заставит сохранить его... должность. «Моя спина — хлеб мой!.. — восклицает ребенок. — Если она не получит ударов, я умру с голода».

Ближе и дороже всего Твену образ Тома Кенти. Человек из народа, знающий жизнь и нужду простых людей, он смело протестует против лицемерных обычаев и добивается моральной победы своей прямоотой, правдивостью и трезвым умом. Вспомним, что, сделавшись королем, нищий мальчик Том проявляет мудрость и величие, которыми не обладают ни придворные, ни «прирожденные» короли. Справедливо, проявляя подлинную человечность, решает Том все государственные вопросы.

«Так пусть же отныне воля короля будет законом милости, а не

законом крови!» — восклицает Том Кенти. И подданные с радостью подхватывают его слова. «Кончилось царство крови!» — кричат они.

Читая «Принца и нищего», и дети и взрослые обращаются умом и сердцем не только к тому, более или менее условному историческому периоду, о котором идет речь в повести, но и к современности. И в королевстве Генриха VIII и в буржуазном мире царит все тот же закон крови, хотя и не всегда его власть принимала в XIX веке такие откровенно-жестокие формы, как в Англии эпохи первоначального накопления. В Америке отсутствует наследственная аристократия. Но разве в дворцах богачей нет такой же бессмысленной роскоши и чопорности, как в резиденции короля?! Разве в США бедняки не страдают от голода и жестокости властей?! На родине писателя между жизнью миллионеров и жизнью бедняков лежит пропасть.

Твен начинает яснее видеть зло, видеть его даже там, где он раньше его не замечал. Сказка «Принц и нищий» заканчивается, как все сказки, счастливо. Кенти уступил случайно занятый им трон Эдуарду, но остался его любимцем. Принц же, став королем Эдуардом VI, царствовал «на редкость» милосердно и кротко. Вообще на протяжении большей части повести принц показан мальчиком, способным сочувствовать страданиям народа. Однако писатель вкладывает в его уста несколько многозначительных слов, больше говорящих о подлинном характере представителей королевской власти, нежели заключительные фразы повести. Когда маленький Эдуард был несправедливо обвинен толпой в воровстве, он крикнул своему избавителю Майлсу: «Повелеваю тебе, изруби эту толпу негодяев в куски!»

В «Принце и нищем» возникает, пусть в приглушенной форме, и тема отрицательного воздействия богатства и лести на самых хороших людей.

Вначале Том Кенти чувствовал себя при дворе крайне плохо. Он не хотел быть ни принцем, ни королем. Но постепенно Том научился, пишет Твен, «находить удовольствие в заседаниях совета в тронном зале и притворяться, будто он не только повторяет слова, которые шепчет ему лорд-протектор». Писатель обнаруживает все больше и больше отрицательных сторон в своем герое. Оказывается, и простой человек способен подвергаться дурным моральным влияниям. Став королем, Том Кенти «любил свои роскошные наряды и заказывал себе новые. Он нашел, что четырехсот слуг недостаточно для его величия, и утроил их число. Лесть придворных звучала для его слуха сладкой музыкой».

И все же основной мотив «Принца и нищего» — величие народа, сила и мудрость рядовых людей.

Повесть «Принц и нищий» построена очень продуманно и остроумно с начала до конца. В ней можно найти много превосходных образцов твеновской изобретательности. Уже главная сюжетная пружина книги — обмен принца и нищего одеяниями, — предоставляет автору бесконечные возможности. А как блестяще разработана история с государственной печатью, которой Том щелкал орехи!

На подступах к «Приключениям Гекльберри Финна»

Рукопись начальных глав книги о Геке Финне все еще покрывалась пылью. Лишь на рубеже 70-х и 80-х годов Твен снова стал работать над романом. По-видимому, он тогда написал новые главы, но довести книгу до конца не сумел. Это произошло только несколько лет спустя, в 1883 году.

Повесть «Принц и нищий» — существенный этап в творчестве Марка Твена. Это произведение искусства, имеющее большую и самостоятельную художественную ценность. Вместе с тем работа над повестью помогла Твену подготовиться к завершению «Приключений Гекльберри Финна» — самого значительного его романа, шедевра, составившего целую эпоху в американской литературе.

Можно назвать еще несколько произведений — менее крупных по объему и значению, — которые тоже явились своего рода вехами на пути Твена к созданию книги о Геке с Миссисипи.

Есть данные, свидетельствующие о том, что несколько раньше 1880 года Твен начал писать пьесу о Томе и Геке, но вскоре же отказался от своего замысла. Отказался на время. Зимой 1883/84 года писатель снова работал над пьесой, в центре которой были те же герои. Рукопись пьесы еще не опубликована, и поэтому нельзя сказать, в какой мере этот материал был использован Твеном в его романе о Геке.

На пороге 80-х годов писатель приступил к созданию романа из жизни опустившихся обитателей какой-то деревушки на Миссисипи. Роман остался незавершенным, но некоторые его мотивы получили развитие в «Приключениях Гекльберри Финна».

Следует попутно заметить, что в 1884 году Твен также задумал написать роман о Сандвичевых (Гавайских) островах, в котором должны были найти отклик его впечатления от поездки туда в середине 60-х годов. Твен хотел, в частности, показать в романе то мрачное, что было в жизни гавайцев в прошлом, а заодно и влияние на них «поверхностного христианства», возникшего на «развалинах» язычества.

В 1881 году на банкете Общества Новой Англии в городе Филадельфии Твен произнес речь, известную под названием «Плимутский камень и отцы-пилигримы». В этой речи, как и во многих других произведениях писателя, пустая клоунада сочетается с сатирой, зубоскальство с социальным обличением. Подобное смешение различных

красок в данном случае объяснялось не только обычными для Твена идейно-художественными причинами. Юмористически мистифицируя своих слушателей, оратор хотел заставить их незаметно для себя проглотить горькую пилюлю.

Собравшиеся на банкет состоятельные люди торжественно отмечали очередную годовщину высадки своих предков-пуритан, «отцов-пилигримов» у Плимутского камня в декабре 1620 года. Твен довольно непочтительно говорит о пуританах, как бы ставя под сомнение самый повод для торжества. Он начинает, впрочем, с весьма поверхностных шуток, комизм которых основан на том, что писатель останавливается на случайной, второстепенной стороне события, которым занято внимание слушателей. Позвольте осведомиться, с псевдосерьезным видом спрашивает Твен, что было замечательного в высадке отцов-пилигримов? «Ведь этих пилигримов мотало по океану три, а то и четыре месяца. Зима была в разгаре, у мыса Код стоял собачий холод. Что ж им оставалось, как не высадиться на берег?»

Но после ряда каламбуров оратор переходит к тому, что составляет смысл его выступления. Неожиданно в его речи появляется настоящая злость. Он вспоминает о том, что пилигримы были повинны в страшных злодеяниях, они уничтожали индейцев, закабалили негров, сжигали женщин на кострах. И Твен гордо объявляет себя духовным наследником жертв всех этих преступлений.

Писатель, который не раз весьма недружелюбно отзывался об индейцах, теперь восклицает: «Первым моим американским предком, господа, был индеец — древний индеец! Ваши предки ободрали его живьем, и я остался сиротой». Он продолжает: «Моими предками были также все салемские ведьмы. Ваши родственники дали им жару!.. Первый раб, доставленный вашими предками из Африки в Новую Англию, был моим родственником...»

Никогда еще Марк Твен с такой определенностью и резкостью не объявлял о своем духовном родстве со всеми мучимыми, гонимыми, терзаемыми людьми на его родине.

В начале 80-х годов Твен решил пополнить свои очерки «Старые времена на Миссисипи» новым материалом, чтобы создать большую книгу. Для этого нужно было отправиться в поездку по родным местам, снова повидать Миссисипи. Как и тогда, когда Твен собирал материал для книги «Пешком по Европе», писателя привлекала и возможность вырваться из обстановки Хартфорда, взглянуть на чудесные уголки природы, подышать свежим воздухом, отвлечься от одолевавших его забот.

Американская действительность все меньше радовала писателя. В США появлялись новые миллионеры — владельцы земли, на которой были найдены нефть, уголь или серебро, строители железных дорог, банкиры, скотопромышленники, отдельные, особенно удачливые изобретатели. Но Твен знал, что фермерам и рабочим живется скверно.

За два десятка лет без малого, истекших со времени принятия закона о «гомстедах» — наделах, о продаже фермерам небольших участков на западе страны за номинальную цену, в руки частных лиц попало такое количество государственной земли, что на этой территории можно было бы разместить несколько европейских стран. Но владельцами «свободных» земель по большей части сделались не мелкие фермеры, а спекулянты, компании по строительству железных дорог, даже английские аристократы.

С каждым годом все ощутимее становился в США гнет банков и железнодорожных монополий. Фермеры теряли столь дорогую им независимость. А как раз в начале 80-х годов Маркс писал, что в Америке порабощение рабочего класса развилось *«быстрее и в более циничной форме, чем в какой-либо иной стране!»*^[7]. Теперь, когда руки американских капиталистов были обагрены кровью рабочих, апологетам буржуазных порядков все труднее становилось говорить о Соединенных Штатах как о стране «равных возможностей»,

Еще жив был Уолт Уитмен. Как и прежде, он оставался бедняком, вынужденным отказывать себе в самом необходимом. После того как в 1873 году поэта разбил паралич, он временами прибегал к помощи благотворителей. Среди американских деятелей культуры, которые жертвовали деньги в пользу престарелого Уитмена, был и Марк Твен.

Судьба автора «Приключений Тома Сойера» сложилась иначе, чем судьба крупнейшего поэта Америки. Владелец одного из самых красивых особняков в Хартфорде, Твен был состоятельным человеком. Клеменсы как-то подсчитали, что сумма их годовых расходов уже превысила ту цифру, которой был не прочь похвастать шахтовладелец Лэнгдон, отец Оливии Клеменс.

В эти годы Твен еще чаще, чем в прошлом, вкладывал деньги в разного рода изобретения. Он финансировал постройку парогенератора нового типа, купил акции часовой фабрики. Иногда его избирали в члены правления той или иной фирмы. Впрочем, почти все мероприятия подобного характера приносили Твену лишь одни огорчения. Он как-то написал матери: «Жизнь для меня теперь совсем не шутка. Почти все время я чувствую себя загнанным, затравленным. Это происходит главным образом потому, что уж очень много дел и забот...»

Следует отметить, что интерес Твена к многочисленным изобретениям, которые он финансировал, был вызван не только желанием стать богачом, но и искренней заинтересованностью в техническом прогрессе. Не случайно же Твен уделял больше всего внимания техническим новшествам в печатном деле, которое он хорошо знал и любил. Недаром же он и сам пытался заниматься изобретательством. Твен, например, хотел усовершенствовать метод производства клише.

Он потратил особенно много сил и денег на наборную машину. Его радовала каждая новинка техники. Одним из первых в США он приобрел пишущую машинку, установил у себя в доме телефон, стал пользоваться «вечным пером».

Есть в США литераторы, готовые считать Марка Твена принципиальным врагом индустрии, который якобы рад был бы видеть на месте современной Америки патриархальную аграрную страну, «очищенную» от фабрик, машин, всего связанного с техникой. Но это заблуждение. В малоизвестном письме Уитмену Твен с гордостью перечисляет изобретения, которые вошли в быт людей за долгую жизнь поэта, — от парового молота и парохода до фонографа и электролампы. Как и Том Сойер, Твен не согласился бы долго жить на острове Джексона, вдали от цивилизации.

Но в начале 80-х годов он не без чувства облегчения и светлой радости очутился на пароходе, идущем по Миссисипи, мимо лесистых берегов, зеленых ферм, плантаций и деревушек.

Когда писатель впервые за много лет снова поднялся в лоцманскую рубку, его тотчас же узнали. Так как он не хотел назвать себя, то лоцман, по старому обычаю, наговорил ему всяких небылиц о Миссисипи, а в завершение оставил его за рулем. Бывший лоцман Клеменс пережил несколько тревожных минут.

Потом были тихие дни в рубке. Не раз Твен встречал восход солнца вместе с лоцманами. Река не потеряла своего очарования. Лоцманы рассказывали все те же смешные истории о хвастунах, неукротимых выдумщиках с Миссисипи. Твен побывал, конечно, на судне, которое водил Биксби. Где-то на реке повстречался пароход, который носил название «Марк Твен».

Неожиданно для себя писатель почувствовал, что им овладевает тяжелая грусть. Былое ушло безвозвратно. В Ганнибале Твен встретился с друзьями детства, которые уже стали пожилыми людьми. Каждое утро, писал Твен, он просыпался мальчиком («во сне все лица опять молодели»), а «ложился спать столетним стариком», ибо за день успевал насмотреться

на своих постаревших друзьях.

Писатель убедился также, к своему удивлению, что знакомые с детства места захирели. Правда, пещеры, где он бродил мальчиком, теперь превратились в прибыльные известковые разработки, но жизнь в Ганнибале не стала от этого лучше. Обитатели городка казались людьми скучными — они как-то опустились. Многие испытывали чувство глубокого разочарования. То, чего ганнибальцы ждали от реки, от жизни, не пришло. Жители крохотной столицы сельскохозяйственной округи как будто сжались, стали менее весомыми в этой огромной, шумной стране. Удовлетворенности, обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне, которые должны были, казалось, прийти со зрелым возрастом, не было. Что и говорить, сила не в руках у людей, близких к земле. Хозяева всего — железнодорожные компании, владельцы зернохранилищ, спекулянты.

Твен сумел увидеть все это, так как и сам переменялся.

Дома Твена ждали новые литературные муки. Первую часть «Жизни на Миссисипи» он писал с радостью, но теперь надо было нагонять строки, чтобы книга соответствовала по объему стандартам, узаконенным издателями в США.

Сияюще-светлый мир начальных глав книги разрушается во второй части «Жизни на Миссисипи», Твен переходит здесь к описанию только что закончившегося путешествия, возвращаясь к привычной форме путевых заметок. Очерки о новых лоцманах на Миссисипи, о посещении Ганнибала чередуются с анекдотами, фактическими справками или описаниями кровавой мести, существующей еще среди южных плантаторов.

В некоторых главах, и особенно в тех, где Твен вспоминает прошлое Ганнибала, он поднимается до уровня высокого художественного мастерства. Порою же писатель касается тем, мало его интересующих. И это дает себя чувствовать.

В январе 1883 года Твен написал издателям, что его жена «еще не приступила к редактированию книги и, конечно, не позволит послать Вам ни строчки корректуры, пока она все не прочтет, а может быть, предаст книгу анафеме».

В том же году Твену исполнилось сорок восемь лет. Он занес в свою записную книжку следующие слова: «Человек, который делается пессимистом до сорока восьми лет, знает слишком много; тот, кто оптимист после сорока восьми лет, знает слишком мало».

Как и раньше, Твен радовался жизни в кругу семьи, был добрым отцом и ласковым мужем, его письма жене и дочерям по-прежнему были полны смешных выдумок, добродушного подтрунивания. Зная, как боялась Ливи

всяких нарушений правил этикета, Твен, например, написал ей, что якобы он недавно появился в светском обществе во фраке с большой дырой на спине. Правда, «успокоил» Твен жену, открывшийся белый кусок подкладки был закрашен чернилами темного цвета.

Он много шутил. Но чувство неудовлетворенности в душе Твена, этого, как многие думали, баловня судьбы, росло и росло...

Опущенные главы

О том, какой глубокий характер носила неудовлетворенность Твена американской действительностью, позволяют судить, в частности, скрытые от читателей главы из «Жизни на Миссисипи».

Когда во время второй мировой войны банкирский дом Дж. Пирпонта Моргана, владевший рукописью «Жизни на Миссисипи», разрешил опубликовать ее полностью, впервые стало известно, что издательская цензура нанесла этому произведению Твена гораздо более значительный ущерб, чем раньше предполагали. В процессе редактирования книги из нее были выброшены не только отдельные абзацы, но и многостраничные главы.

Писателю очень больно было коверкать «Жизнь на Миссисипи». Он с горечью говорил друзьям о своей борьбе за эту книгу и о «пустотах», возникающих в его произведении. Но издателей пугали критические замечания Твена о США, и они требовали новых и новых купюр.

Среди так называемых опущенных глав есть глава о книге английской писательницы Троллоп, посвященной ее поездке по США еще в первой половине прошлого века. В главе XXIX «Жизни на Миссисипи» приводится выдержка из путевых заметок Троллоп, рисующая дурные манеры американцев, обедавших в какой-то гостинице. Этот кусок Твену удалось сохранить в печатном тексте своей книги. Но ему не позволили выразить солидарность с путешественницей.

Между тем в первоначальном тексте «Жизни на Миссисипи» говорилось: «За такие правдивые картинки наш народ осыпал бедную простодушную миссис Троллоп выразительнейшими ругательствами и оскорблениями. Но она только рассказала всю правду — и наш возмущенный народ это знал». «Из всех туристов, — сказано дальше в опущенной из книги главе, — мне больше всего по душе госпожа Троллоп. Она тут нашла «цивилизацию», которую тебе, читатель, было бы трудно выдержать, — ты бы даже не счел это цивилизацией вообще! А миссис Троллоп говорила об этой цивилизации неприкрашенными словами, — неприкрашенными и неподслащенными, и в то же время говорила честно, без всякой злобы и без ненависти. Иногда в ее голосе прорывается возмущение, но повод к нему вполне оправдан — когда речь идет о рабстве, о дебоширстве, о «рыцарственных» убийствах, фальшивой набожности и всяких других безобразиях, которые сейчас ненавистны всем, как были

ненавистны ей в те времена».

Твен и сам хотел говорить совершенно честно, словами «неприкрашенными и неподслащенными». Но ему не всегда позволяли это делать. И главы, выброшенные из «Жизни на Миссисипи», свидетельствуют об этом самым недвусмысленным образом. В одной из них раскрыты до конца причины, по которым писатель так решительно защищал от нападок и госпожу Троллоп и других путешественников, сдиравших, по выражению Твена, «тончайшую пленку приличий», под которой в США таилось «полуварварство, выдававшее себя за высокую цивилизацию». Ведь многие пороки, которые были присущи американцам в начале XIX века, не были изжиты и в ту пору, когда Твен писал «Жизнь на Миссисипи».

Для «старой, давно исчезнувшей Америки были характерны, — читаем мы в одной из «опущенных глав», — некоторые явления, факты и черточки, которые... проявлялись по всей стране. Например, все гордо размахивали американским флагом, все хвастались, все пыжились. Если верить словам этих наших горластых предков, наша страна была единственной свободной страной из всех стран, над которыми когда-либо восходило солнце, наша цивилизация — самой высокой из всех цивилизаций...

Городские газеты, как правило, были полны ругани, грубы, хвастливы, невежественны, нетерпимы — и все это весьма показательно...

Каждый, кто хотел быть на хорошем счету у своих сограждан, выставял напоказ свою религиозность и всегда имел наготове набор елейных фраз».

Всюду здесь стоит прошедшее время. Все это «было». Автор даже заканчивает главу словами: «...та Америка уже давным-давно тихо скончалась...»

Однако следующая «опущенная глава» начинается с совсем иной ноты. «Характерные черты этой покойной Америки не совсем исчезли и в наше время», — декларирует Твен. Создается впечатление, что, завершив очередную главу, он поразмыслил, поразмыслил и пришел к выводу, что нужно существенно углубить то представление о современной Америке, которое он только что создал. Впрочем, возможно, было и по-другому — Твен нарочно создавал впечатление, будто речь идет только о грехах прошлого, чтобы подготовить неожиданный и тем более чувствительный удар по порокам современности.

Писатель продолжает говорить о том, что творилось в старое время. Тогда «взяточничество, спекуляция, всяческие мошенничества процветали

в Вашингтоне», тогда конгресс был «притоном для воров и чем-то вроде приюта для умственно отсталых». Да, так было в «покойной» Америке. В ту пору поговаривали, например, что «конгресс превратился в кладбище».

Но тут внезапно начинает сверкать сатирическая рапира Твена. Следует добавление: «Теперь слова стали делом. У нас уже есть этот уникальный некрополь».

И дальше...

«В те давние дни, — пишет автор, — отдельные граждане никакой роли не играли». А ниже появляется уточнение: «В наши времена ничто не изменилось».

Как это часто бывает у Твена, его негодование растет от строки к строке, он все яснее видит зло, все решительнее его бичует. Писатель все чаще переходит от прошлого к настоящему.

Одно из самых сильных мест главы посвящено ироническому сопоставлению взяточничества в старой Америке и в Америке конца века. Вот первые строки своего рода «гимна» взятке, подлинного взрыва сарказма: «Взяточничество, как мы видели, существовало и в те старые времена, но это искусство находилось в совершенно зачаточном состоянии. Разве тот, кто давал взятки в старое время, понимал, какие возможности открыты перед ним? Только в наши дни мы постигли всю глубину человеческого падения. Наши предшественники воображали, что власть имущих можно подкупить только деньгами. Какому-нибудь незначительному мелкому чинуше в государственном аппарате платили, бывало, до сотни долларов. В наши дни мы его покупаем, надеваем на него медный ошейник с номером и кличкой...»

Так писал Твен в «Жизни на Миссисипи». Но издателям не понравились эти блестящие сатирические страницы. Они изъяли из книги подобные остроумные замечания, а заодно уж пришлось исключить и ту главу, где говорится, что бывшая Америка «давным-давно тихо скончалась».

Неспешное созревание

Много времени прошло с тех пор, как Твен взялся за книгу о путешествии на плоту вниз по великой реке Миссисипи Гека и его друга, беглого негра Джима. И вот роман закончен.

«Приключения Гекльберри Финна» — произведение новое по своему характеру и для Твена и для всей американской литературы.

Зрелости мастерства Твен достиг не рано. Когда появились «Приключения Тома Сойера», ему было сорок лет. Книгу о Геке он завершил незадолго до своего пятидесятилетия. Небезынтересно, что поэтическое мастерство Уолта Уитмена тоже развивалось довольно медленно — первую книжку стихов он опубликовал в тридцать шесть лет.

В этом неспешном созревании талантов и Уитмена и Твена было что-то характерное для литературы США, особенно литературы реалистической.

Творчество американских литераторов впервые начало привлекать внимание широких кругов читателей только во второй половине XVIII века. В обстановке подъема всенародной борьбы против владычества англичан возникла просветительная литература ярко выраженного демократического и революционного направления. Литература эта была представлена главным образом именами В. Франклина, Т. Джефферсона, Т. Пейна и Ф. Френо. За исключением Френо, талантливого поэта, в творчестве которого очень сильны гражданские мотивы, все они создавали произведения публицистического характера.

На протяжении всей первой половины прошлого столетия в литературе США господствовали романтики. Крупные произведения американского романтизма появились и в 50-х годах. Именно романтики впервые сделали американскую поэзию, американский роман и американскую новеллу близкими читателям не только так называемого Нового Света. Напомним, впрочем, что в некоторых произведениях Купера, а также других романтиков были и реалистические черты, предвосхищавшие новые тенденции в литературе США.

Аболиционистское движение, движение против рабства негров, оказало большое влияние на ход развития американской литературы в целом и реализма, в частности. В произведениях Гарриет Бичер-Стоу и Уолта Уитмена, а также Джеймса Лоуэлла, Ричарда Хилдрета, Джона Уитьера и некоторых других поэтов и прозаиков, воодушевленных идеями

борьбы против невольничества негров, романтические традиции, связанные с именами Ирвинга, Купера, По, Мелвилла, Готорна, переплавляются в той или иной мере в реализм.

Вспомним, что в «Старых временах на Миссисипи» и «Приключениях Тома Сойера» довольно отчетливо ощущалась близость Твену литературного наследия романтиков. А все же еще с молодости он резко ополчился против романтизма. Твен высмеивал романтиков — английских и американских — даже в ранних газетных пародиях. С насмешкой писал он о сентиментально-романтических стихах и рассказах в «Приключениях Тома Сойера». В романе о Гекльберри Финне тоже немало места посвящено издевательской характеристике романтического искусства и «кладбищенской поэзии». Твен презрительно говорит о романтически настроенных девицах, которые проливают слезы, глядя на луну, опираются на могильные памятники, грозят броситься с моста. Протест против ложной романтизации жизни, как мы увидим, является одним из лейтмотивов романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Твен пародировал и английского поэта Колриджа и американца Лонгфелло. Но особенно часто доставалось от него Вальтеру Скотту. Твен не видит в творчестве Вальтера Скотта почти ничего, кроме идеализации средневековья, и готов приписать великому английскому писателю самое отрицательное влияние не только на литературу США, но чуть ли не на весь политический уклад страны, особенно южных штатов. В «Жизни на Миссисипи» Твен пишет, что Вальтер Скотт на протяжении двух-трех поколений сводил всех с ума «своими средневековыми романами. Юг еще не оправился от расслабляющего влияния его книг». Американский писатель противопоставляет «фантастическим» героям Вальтера Скотта с их «нелепыми», по его выражению, подвигами «оздоровляющий практический дух» XIX века с запахом бумагопрядильных фабрик и локомотивов. Он бичует «вальтерскоттовскую» болезнь, проявлением которой являются, по его словам, напыщенный язык, романтическое «мальчишество», «увлечение всяким вздором».

Марк Твен сознательно ставил перед собой и своими современниками задачу создания литературы реализма, произведений, рисующих подлинную жизнь, реальные характеры. Есть немало статей и отдельных афоризмов Твена, в которых его кредо реалиста находит вполне ясное и точное выражение. Вообще высказывания Твена по вопросам литературы гораздо более интересны и ценны, чем это кажется буржуазным историкам, которые обычно изображают Твена импровизатором, не умевшим вносить в литературный процесс какое-либо рациональное начало и уж подавно

лишенным способности осмысливать свое творчество и общие вопросы литературы.

Конечно, Марк Твен не был литературоведом или критиком-профессионалом. В его суждениях есть немало комической эксцентрики, крайностей. Так, например, он с совершенно неоправданной резкостью судил о творчестве Купера. Но в основе взглядов Твена на литературу лежит нетерпимость ко всякой фальши в искусстве и решительное требование последовательно реалистического изображения жизни.

Критический реализм возник в Америке позднее, чем в крупнейших странах Европы. Вспомним, что еще в первой половине прошлого столетия в России появились Пушкин и Гоголь. Франция уже имела Стендаля и Бальзака, Англия — Диккенса и Теккерея.

Задержку в становлении критического реализма в США нельзя объяснить только сравнительной культурной отсталостью молодой республики. Отрицательное влияние на развитие американской литературы и искусства в целом оказали буржуазно-пуританские традиции. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в первой половине прошлого столетия социальные противоречия в буржуазно-рабовладельческой Америке еще не получили полного развития — первоочередной исторической задачей, стоявшей тогда перед страной, была борьба с рабством негров, но аболиционистское движение не приняло еще массового характера.

Реалистическое направление все-таки завоевало известные позиции в литературе США в 40-х и особенно в 50-х годах, то есть в самый канун Гражданской войны. Однако американский критический реализм окончательно утвердился лишь в послевоенные годы, когда капитализм за океаном двинулся вперед семимильными шагами и определяющее значение в общественной жизни страны приобрели классовые столкновения между буржуазией и растущим рабочим классом, а также фермерами.

Твен ярче, нежели какой-нибудь другой писатель XIX века, отразил нарастание в США капиталистических противоречий и порождаемых ими конфликтов. Но реализм давал себя знать и в творчестве других американских писателей того времени.

Это были Уильям Дин Гоуэлс, Эдгар Хоу, крупнейшее реалистическое произведение которого — «История маленького городка» — было встречено Твеном очень сочувственно, Альбион Турже, Генри Джеймс, Хемлин Гарленд, Джон де Форест, а позднее — Гарольд Фредерик, Генри Фуллер, Стивен Крейн и другие.

Лучшие американские прозаики конца XIX века с той или иной силой и глубиной отражали горькое разочарование трудящихся США в

результатах Гражданской войны. Они видели эгоизм и духовное ничтожество стяжателя-буржуа. Иные из них с болью взирали на страдания негров, оставшихся на положении полурабов, с волнением воспринимали тяжелую судьбу фермеров в послевоенной Америке, а порою даже откликались на события пролетарской борьбы.

Но эти писатели вынуждены были прокладывать себе дорогу в борьбе с целой армией романистов, которые ставили перед собой задачу развлечь читателя, зачастую рисовали буржуазные порядки в апологетическом духе, а то и прямо проповедовали реакционнейшие идеи. Десятками и сотнями выходили книги, в которых были изображены идиллические американские девушки, покоряющие сердца европейских аристократов. Сильвестр Джед рисовал даже американских фабричных работниц чуть ли не принцессами. Хорошо знакомый Твену поэт Томас Олдрич написал роман, в котором были показаны устрашающего вида брюнеты — выходцы из Южной Европы, пытающиеся — о ужас! — внушить революционные идеи американским рабочим, всецело довольным своей судьбой.

К числу основоположников социального романа в США принадлежит Турже, который не только резко осудил сохранившиеся и после Гражданской войны рабовладельческие нравы, но увидел также некоторые темные стороны жизни буржуазного Севера.

Характерный творческий путь, в некоторых отношениях сходный с твеновским, прошел де Форест, писатель, обладавший, однако, гораздо менее значительным дарованием, нежели Твен. До Гражданской войны он написал книгу о путешествии в Европу, в которой с гордостью противопоставил Америку Старому Свету. В годы войны и сразу же после нее де Форест утверждал величие дела Севера (его лучшее произведение: «Мисс Рэвенел переходит на сторону Севера»). В романе «Честный Джон Вейн», изданном вскоре после «Позолоченного века», он изобразил члена конгресса США жуликом и вором.

Гарленд написал ряд талантливых новелл, в которых показаны истинные, весьма мрачные, условия жизни американского фермера. О беспросветном быте обитателей маленьких аграрных поселений рассказал Хоу.

Заметное место в американской литературе тех десятилетий, когда расцвел талант Твена, принадлежит Генри Джеймсу, автору большого числа романов, в которых внутренний мир американских рантье и европейских аристократов зачастую показан с реалистической точностью. В некоторых книгах Джеймса наблюдаются, однако, заметные упадочнические тенденции. Подробнейшие описания психологии духовно ограниченных

представителей высшего света, столь часто встречающиеся у Джеймса, пользуются ныне за океаном большим признанием в кругах эстетствующих буржуазных литературоведов, нежели даже самые лучшие страницы из произведений Твена. В этом сказались специфические склонности иных современных исследователей литературы в США. Несомненно, впрочем, что и Генри Джеймс сделал существенный вклад в развитие критического реализма.

Если в 70-х и начале 80-х годов Уильям Гоуэлс еще находился (по выражению одного американского историка литературы) в стадии «консервативной удовлетворенности» действительностью, то позднее (и особенно после расправы капиталистов с руководителями американского рабочего движения Парсонсом и другими во второй половине 80-х годов) он создал несколько романов, в которых показан, хотя и в несколько смягченном виде, конфликт между трудом и капиталом в США. Далеко не все произведения Гоуэлса принадлежат к категории «трагедий в стакане воды», как назвал их известный американский реалист Фрэнк Норрис. После казни Парсонса и трех его товарищей, осужденных по ложному обвинению в убийстве, Гоуэлс писал, что с точки зрения истории «Америка казнила четырех человек за их убеждения. Теперь дело совершено, но впереди приговор истории...». Такие романы самого Гоуэлса, как «Путешественник из Альтрурии», показывают, что он сознавал, каков будет этот приговор.

Твен имел немало соратников в борьбе за реализм.

Надо сказать, что творчество американских писателей конца XIX столетия (за исключением немногих) еще изучено слабо. Произведения литераторов, создававших обличительные романы, повести, новеллы и стихи в условиях «позолоченного века», редко привлекают внимание буржуазных историков литературы. Но по мере того как исследователям удается стряхнуть пыль забвения с книг американских прозаиков того времени, становится все яснее, сколь широк был на самом деле круг реалистической литературы, создававшейся в США в последней трети прошлого века.

Твен писал свои книги не в безвоздушном пространстве. Но нет сомнения в том, что автор «Приключений Гекльберри Финна» был самым крупным американским реалистом XIX столетия. Наиболее талантливый из всех современных ему прозаиков Америки, он был силен своей способностью проникать в душу народа.

Твен не разделял социалистических устремлений, которые были присущи значительной части американских трудящихся, устремлений, надо

добавить, носивших зачастую довольно смутный характер и проявлявших себя в самых разнообразных и сложных формах, но он очень хорошо знал жизнь широких масс, особенно фермеров, делил их радости и мучительные тревоги. Вот почему зрелое творчество Твена насквозь проникнуто гуманизмом, глубоко демократично. Вот почему оно сравнительно свободно от натуралистических черт, которые были присущи — в той или иной мере — произведениям почти всех американских реалистов конца века.

Твен унаследовал и развил реалистические традиции Бичер-Стоу и простонародных юмористов. Он выступал как реалист в самом начале своего творческого пути. Об этом свидетельствуют «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса», «Журналистика в Теннесси», «Позолоченный век». Реалистическое начало дает себя знать и в повести о Томе Сойере.

Нового, более высокого уровня зрелости реализм Твена достигает в 80-х годах, и прежде всего в книге «Приключения Гекльберри Финна».

Начинается третий, предпоследний период развития творчества писателя. Этот период, который приходится на самый канун эпохи империализма, ознаменовался созданием крупнейших реалистических романов Твена — не только книги о Геке, но и «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Тогда же были написаны повести «Американский претендент», «Простофиля Вильсон», «Том Сойер за границей», роман о Жанне д'Арк.

«Приключения Гекльберри Финна» были опубликованы в Англии в самом конце 1884 года и в США в начале следующего, 1885 года. Исторические события в Чикаго, свидетельствовавшие об еще невиданном обострении вражды между рабочими и капиталистами в США, произошли в 1886 году. Однако интуиция большого художника-демократа помогла Твену еще в первой половине десятилетия уловить, как быстро нарастало среди простых американцев то недовольство действительностью, которое стало очевидным для большинства видных писателей США лишь позднее.

«Приключения Гекльберри Финна»

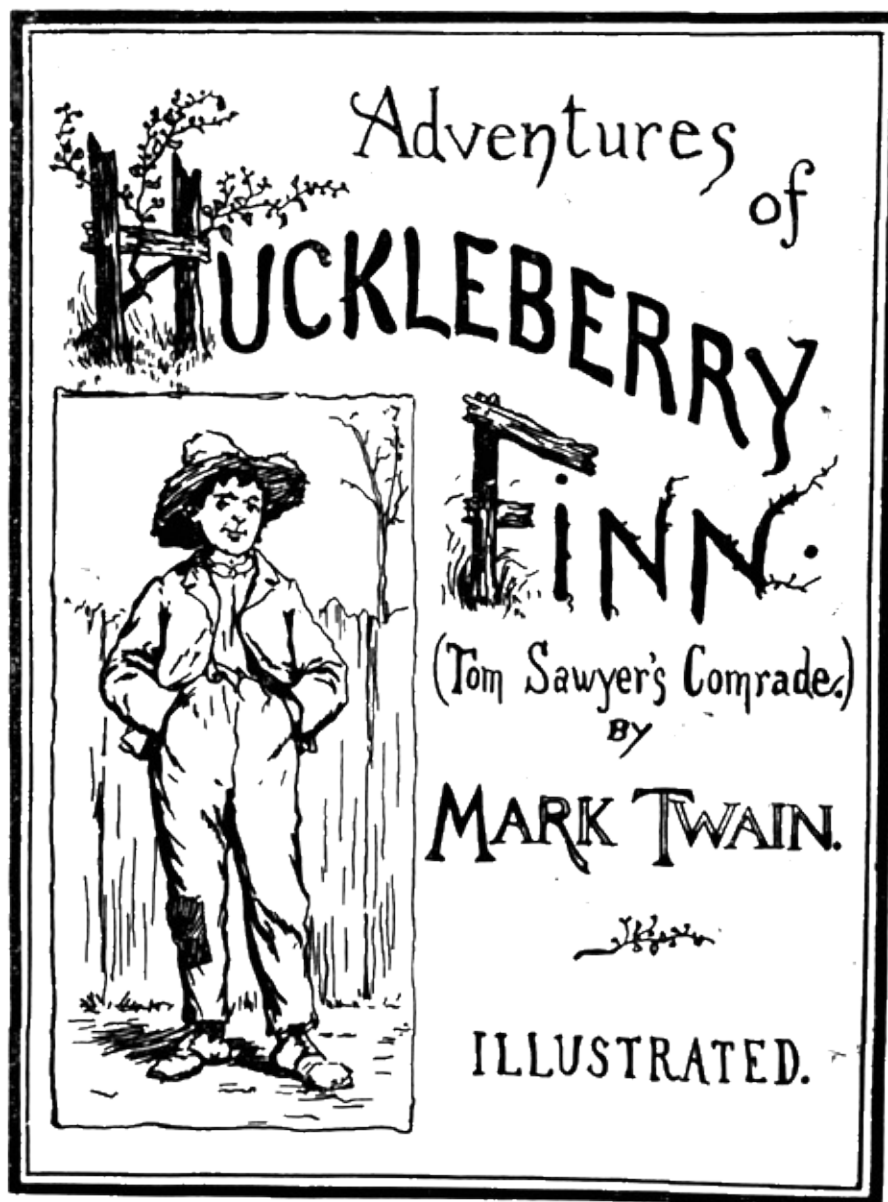

Рисунок обложки для первого издания «Приключений Гекльберри Финна».

Роман о Геке начинается точно простое продолжение книги о Томе Сойере. Геку не нравятся строгие порядки, заведенные добродетельной и сердобольной вдовой Дуглас, которая взяла его на воспитание, ему не

сидится в ее доме. Неутомимый Том берет на себя инициативу организации новых приключений.

В первых главах книги читатель обнаруживает добродушный юмор и легкую сатиру, совсем как в «Приключениях Тома Сойера». Здесь есть и забавные пародии на приключенческие романы и знакомое противопоставление трезвого разума религиозным предрассудкам скучных ханжей.

Но вскоре становится ясно, что «Приключения Гекльберри Финна» резко отличаются от повести о приключениях Тома Сойера.

Гек и Том теперь куда менее сходны обликом, чем раньше. Поступки Тома все чаще носят характер забав, милых и наивных. Не случайно Твен постоянно подчеркивает, что источником фантазии Тома по большей части служат книги. Эти бесстрашные и кровожадные разбойники, в кругу которых он хочет жить, ничего общего с подлинной действительностью, конечно, не имеют. Том обитает в мире выдумки. Ему ничего не стоит вообразить, например, что школьники на прогулке в лесу — это караван богатых арабов. Он упрекает Гека за незнание книжных правил поведения разбойников. Но в этой книге Том бледен. Центральная фигура здесь Гек.

Он выглядит полнокровным, живым, убедительным. Его чувства сложны и глубоки. Устремления Гека порождены миром подлинных человеческих отношений. Он хочет жить свободно, так, чтобы его не стесняли, не мучали. Это вполне реалистический образ.

И жизнь, окружающая Гека, — реальная жизнь.

Начиная с пятой главы романа, где рассказывается о том, как в городок вернулся отец Гека, все повествование принимает суровый и даже мрачный оттенок.

Нет ничего от романтической выдумки уже в первой сцене встречи героя книги с его отцом. В «Приключениях Тома Сойера» отец Гека, о котором сообщалось лишь мимоходом, казался просто занятым бродягой. Теперь роль этого бродяги и пьяницы в судьбе ребенка показана со всей серьезностью.

Находясь в доме вдовы Дуглас, где многое его раздражало, Гек все же вспоминал о прошлой жизни, жизни с отцом, без всякой радости. Мысль о возможности возвращения отца даже внушала ему ужас. Мальчик не верил, что навсегда избавлен от встречи с ним. И он не ошибся.

Вот как рассказывает Гек о появлении отца: «Я затворил за собой дверь. Потом повернулся, смотрю — вот он, папаша! Я его всегда боялся — уж очень здорово он меня драл. Мне показалось, будто я и теперь испугался, а потом я понял, что ошибся, то есть сперва-то, конечно,

встряска была порядочная, у меня даже дух захватило — так он неожиданно появился, только я сразу же опомнился и увидел, что вовсе не боюсь, даже и говорить не о чем».

Но читатель по-настоящему встревожен. Ведь страшного человека, которого рисует Твен, видишь с полной отчетливостью. У этого отвратительного пьяницы черные волосы «совсем без седины», а шляпа с провалившимся верхом похожа на обыкновенную кастрюльку с крышкой. Лицо у него белое, как «рыбье брюхо».

Самые кровавые сцены в «Приключениях Тома Сойера» не производят такого жуткого впечатления, как картины жизни мальчика с отцом в «Приключениях Гекльберри Финна».

«Папаша» заставляет Гека поселиться с ним. Старик Финн пьян, как всегда. Он заболевает белой горячкой, и каждый час пребывания с отцом становится для Гека пыткой. «Отец как сумасшедший, — рассказывает мальчик, — метался во все стороны и кричал: «Змеи!» Он жаловался, что змеи ползают у него по ногам... Я не видывал, чтобы у человека были такие дикие глаза... Скоро он сбросил одеяло, — продолжает Гек, — вскочил на ноги как полоумный, увидел меня и давай за мной гоняться. Он гонялся за мной по всей комнате со складным ножом, звал меня Ангелом Смерти, кричал, что он меня убьет и тогда я уже больше не приду за ним. Я его просил успокоиться, говорил, что это я, Гек; а он только смеялся, да так страшно!.. Он очень скоро задремал. Тогда я взял старый стул с провалившимся сиденьем, влез на него как можно осторожнее, чтоб не наделать шума, и снял со стены ружье. Я засунул в него шомпол, чтоб проверить, заряжено оно или нет, потом пристроил ружье на бочонок с репой, а сам уселся за бочонком, нацелился в папашу и стал дожидаться, когда он проснется».

Ни одним словом не выражает мальчик любви к своему отцу. В читателе тоже не просыпается жалость к старому бродяге. И Твен правдиво обосновывает это — ведь отец Гека не только пьяница, который избивает сына, он еще и негроненавистник. По убеждению этого нищего человека, рабовладельческое правительство США еще недостаточно жестоко обращается с неграми.

С решительностью и сосредоточенностью взрослого Гек задумывает и осуществляет побег. Наконец он на воле. Вдвоем с негром Джимом они вывели плот и поплыли.

У Джима есть достаточно своих собственных оснований, чтобы покинуть Санкт-Петербург. Он узнал, что хозяйка собирается продать его на плантации далекого Юга. Джим и Гек мечтают доплыть на своем плоту

до места впадения в Миссисипи притока Огайо, ведущего в «свободные» штаты. Там Джим приобретет свободу. Но ночью плот минует устье Огайо. Вверх по течению плыть нельзя, а на берегу беглый негр будет сейчас же пойман, и невольные путешественники вынуждены двигаться все дальше на Юг, в районы хлопковых плантаций и самого жестокого рабовладения.

Если быть придирчивым, то можно сказать, что к книге есть некоторая несуразность. Джиму не нужно было плыть до Огайо, чтобы попасть в штаты, где нет рабовладельчества. Ему достаточно было пересечь Миссисипи в том месте, где находится городок Тома и Гека, чтоб очутиться в «свободном» штате Иллинойс.

Но читатель, взволнованно листающий «Приключения Гекльберри Финна», обычно не обращает на это внимания. И читатель прав. Условность, введенная в роман, оправдана всем его содержанием — ведь это в значительной мере книга о рабовладельческой Америке, и писатель рассказывает правду о судьбе раба на Юге.

«Приключения Гекльберри Финна» вышли в свет через два десятилетия после освобождения негров-рабов. Однако чернокожие по-прежнему оставались на Юге (и не только на Юге) в положении зависимых, эксплуатируемых, повседневно унижаемых «полулюдей». Твен понимал это. И потому такого возмущения полны страницы книги, рассказывающие о жизни невольников.

Нескольких невольников продали торговцам неграми. Они увезли «двоих сыновей вверх по реке, в Мемфис, а их мать — вниз по реке, в Новый Орлеан». «Я думал, — говорит Гек, — что... у негров сердце разорвется от горя...»

Как относились на Юге к неграм, видно также из знаменитого по краткости и выразительности диалога между Гekom и сердобольной женой фермера. Гек упомянул о том, что на пароходе взорвалась головка цилиндра. Женщина спрашивает:

«— Господи помилуй! Кто-нибудь пострадал?

— Нет, мэм. Убило негра...

— Ну, это вам повезло, а то бывает, что и ранит кого-нибудь».

Главный путь обличения рабства для Твена — через раскрытие духовного богатства человека с черной кожей, через изображение истинно человеческого в душе негра.

Джим — обаятельнейшее существо, человек, способный на самопожертвование и героизм. Этот беглый негр идет на страшный риск и всякие муки во имя свободы. Он облегчает своему юному другу тяготы путешествия на плоту. Он ставит жизнь на карту, чтобы оказать раненому

мальчику помощь.

Джим — истинно сердечный человек, и потому так трогает его обида, когда Гек, как это принято среди белых, начинает «врать да морочить голову старику Джиму».

С какой теплотой и человечностью написана сцена, изображающая, как Джим вспоминает семью, оставленную при побеге! Гек говорит: «Я лег спать, и Джим не стал будить меня, когда подошла моя очередь. Он часто так делал. Когда я проснулся на рассвете, он сидел и, опустив голову на колени, стонал и плакал. Обыкновенно я в таких случаях не обращал на него внимания, даже виду не подавал. Я знал, в чем дело. Это он вспоминал про жену и детей и тосковал по дому, потому что никогда в жизни не расставался с семьей...»

И дальше Твен вкладывает в уста Гека слова, полные сарказма. Мальчик говорит, что Джим любил своих детей не меньше, чем «всякий белый человек», и добавляет: «Может, это покажется странным, но так оно и есть».

Наконец следует рассказ негра о том, как он обидел свою крохотную дочь, — рассказ, который нельзя читать без волнения.

«— Вот отчего мне сейчас так тяжело, — говорит Джим, — я только что слышал, как на берегу что-то шлепнуло или хлопнуло, — от этого мне и вспомнилось, как я обидел один раз мою маленькую Лизабет. Ей было тогда всего четыре года, она схватила скарлатину и очень тяжело болела, потом поправилась; вот как-то раз стоит она рядом со мной, а я ей и говорю:

— Закрой дверь!

Она не закрывает, стоит себе и стоит, да еще глядит на меня и улыбается. Меня это разозлило; я опять ей говорю, громко так говорю:

— Не слышишь, что ли? Закрой дверь!

А она стоит все так же и улыбается. Я взбесился и прикрикнул:

— Ну, так я же тебя заставляю!

Да как шлепну ее по голове, так она у меня и полетела на пол. Потом ушел в другую комнату, пробыл там минут десять и прихожу обратно; смотрю, дверь так же открыта настежь, девочка стоит около самой двери, опустила голову и плачет, а тут как раз — дверь эта отворялась наружу — налетел ветер и — «трах!» — захлопнул ее за спиной у девочки, а она и с места не тронулась. Я так и обмер, а уже что я почувствовал, просто и сказать не могу. Подкрался, — а сам весь дрожу, — подкрался на цыпочках, открыл потихоньку дверь у нее за спиной, просунул осторожно голову да как крикну во все горло! Она даже не пошевелинулась! Да, Гек, тут я как

заплачу! Схватил ее на руки и говорю:

— Ох ты, моя бедняжка! Прости, господи, старика Джима, а сам он никогда себе не простит!

Ведь она совсем оглохла, Гек, совсем оглохла, а я так ее обидел!»

Чудовищно, что подлинный человек — а Джим именно таков! — невольник. К этому выводу подводит читателя Твен.

Действие и «Приключений Тома Сойера» и «Приключений Гекльберри Финна» разворачивается лет за десять-пятнадцать до Гражданской войны. Основные герои книги те же, и они не успели состариться. Но, читая и перечитывая роман о Геке, видишь, как много черт реальной жизни Америки середины прошлого века, обойденных вниманием в повести о Томе, теперь находят вполне очевидное и яркое отражение. В книге проявилось также отношение Твена к американской буржуазной действительности конца XIX века. Оно дает себя знать и в общей резко критической тональности романа о далеком довоенном прошлом страны и в некоторых существенных особенностях важнейших его образов.

В городке, где происходят события первой из этих двух книг, очень многое дышало довольством и прелестью. Но теперь Америка поворачивается к читателю своей теневой стороной.

На жителей маленьких земледельческих поселений времен своего детства Твен смотрит глазами человека, который не может отрешиться от впечатлений и мыслей самого последнего времени. Он хорошо помнит, в частности, все, что видел во время недавней поездки по реке. Разочарование простых людей Америки в том, что принесла им жизнь, рост капитализма в сельском хозяйстве, страдания рабочих и их борьба против угнетателей, сомнения в буржуазной демократии — все это с еще невиданной силой сказалось на картинах жизни, нарисованных Твеном, придало новой книге совсем иные тона.

Вспомним солнечный Санкт-Петербург и сравним его с городком, куда попал Гек и где он был свидетелем некоторых важных происшествий. Этот маленький городок, расположенный в чудесном месте, изображен самыми черными красками. Там все говорит о нищете, упадке, навевает тоску. «Почти все лавки и дома здесь были старые, рассохшиеся и испокон веку не крашенные; все это едва держалось от ветхости. Дома стояли точно на ходулях, фута на три, на четыре от земли, чтобы река не затопила, когда разольется. При домах были и садики, только в них ничего не росло, кроме дурмана и подсолнуха, да на кучах золы валялись рваные сапоги и башмаки, битые бутылки, тряпье и помятые ржавые жестянки. Заборы, сколоченные из разнокалиберных досок, набитых как попало одна на

другую, покривились в разные стороны, и калитки в них держались всего на одной петле — да и та была кожаная».

Рисуя рядовых американцев из долины Миссисипи, автор книги о Гекке будто заливает их светом ярчайшего прожектора, позволяющего разглядеть все морщины, все уродливые черточки этих людей. Твен повторяет нам снова и снова: они лодыри, бездельники. «Под навесами, — говорит Гек, — на пустых ящиках из-под товара, целыми днями сидели здешние лодыри, строгали палочки карманными ножами фирмы Барлоу, а еще жевали табак, зевали и потягивались, — сказать по правде, все это был препустой народ. Все они ходили в желтых соломенных шляпах, чуть не с зонтик величиной, зато без сюртуков и жилетов, звали друг друга попросту Билл, Бак, Хэнк, Джо и Энди, говорили лениво и врасстяжку и не могли обойтись без ругани. Почти каждый столбик подпирает какой-нибудь лодырь, засунув руки в карманы штанов; вынимал он их оттуда только для того, чтобы почесаться или одолжить кому-нибудь жвачку табаку».

Обитатели города весьма неумны. Мошенники «король» и «герцог», как и проходимцы проповедники, легко их обманывают.

Если в книге о Томе Сойере возникают образы добрых, трудолюбивых, хотя и несколько ограниченных людей, то в «Приключениях Гекльберри Финна» мы видим нечто совершенно иное. Отупевшие обыватели «гекфинновского» городка не только ленивы и легко поддаются любому влиянию, они жестоки. Их, пишет Твен, «ничем нельзя... так расшевелить и порадовать, как собачьей дракой, разве только если смазать бездомную собачонку скипидаром и поджечь ее...». Они охотно готовы принять участие и в погоне за беглым негром.

Есть в «Приключениях Гекльберри Финна» страшные и замечательные по силе воплощенного в них реализма страницы, повествующие о том, как южанин-«аристократ» Шерборн убил надоедавшего ему, но, по сути дела, безвредного нищего старика Богса. Этот эпизод романа, несомненно, перекликается с историей убийства Смарра ганнибальским торговцем Оусли.

Гек рассказывает:

«Я обернулся поглядеть, кто это крикнул, а это был тот самый полковник Шерборн. Он стоял неподвижно посреди улицы, и в руках у него был двуствольный пистолет со взведенными курками, — он не целился, а просто так держал его дулом кверху. В ту же минуту я увидел, что к нам бежит молоденькая девушка, а за ней двое мужчин. Богс и его приятели обернулись посмотреть, кто это его зовет, и, как только увидели пистолет, оба приятеля отскочили в сторону, а пистолет медленно опустился, так что

оба ствола со взведенными курками глядели в цель. Богс вскинул руки кверху и крикнул:

— О господи! Не стреляйте!

«Бах!» — раздался первый выстрел, и Богс зашатался, хватая руками воздух. «Бах!» — второй выстрел, и он, раскинув руки, повалился на землю, тяжело и неуклюже. Молодая девушка вскрикнула, бросилась к отцу и упала на его тело, рыдая и крича:

— Он убил его, убил!»

После того как свершилось это преступление, толпа бросилась к дому Шерборна, чтобы наказать его. Однако полковник вышел с двустволкой на крышу веранды, один против целой толпы, и заставил ее отступить.

Шерборн обращается к собравшимся с речью.

«— Неужели я вас не знаю? — говорит он. — Знаю как свои пять пальцев. Я родился и вырос на Юге, жил на Севере, так что среднего человека я знаю наизусть. Средний человек всегда трус... Ваши газеты так часто называли вас храбрецами, что вы считаете себя храбрее всех, — а ведь вы такие же трусы, ничуть не лучше... Самое жалкое, что есть на свете, — это толпа... Теперь вам остается только поджать хвост, идти домой и забиться в угол».

Итак, этот южный «аристократ» и безжалостный убийца бросает вызов целой толпе. Он обвиняет «среднего человека» в трусости. И Твен с глубокой горечью показывает, что противники Шерборна действительно оказались трусами.

Немало осложнений внесли в жизнь Гека и Джима встретившиеся на их пути мошенники «король» и «герцог». Есть в «короле» и «герцoge» что-то от персонажей из рассказов ранних американских юмористов.

Им нельзя отказать в ловкости. Они присваивают себе имена знаменитых актеров «Дэвида Гаррика-Младшего» и «Эдмунда Кина-Старшего». Они ловко водят за нос провинциалов. Ведь все дураки в городе, по ядовитому замечанию «короля», за них стоят.

Писатель вкладывает в их уста уморительную пародию на знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть». Когда «герцог» читал этот монолог, говорит Гек, он «и зубами скрипел, и завывал, и бил себя в грудь, и декламировал — одним словом, — заключает он, — все другие актеры, каких я только видел, и в подметки ему не годились».

Итак, жулики, проходимцы фигурируют в качестве «короля» и «герцoga». Это дает Твену возможность выпустить несколько новых стрел в адрес монархии и дворянства. Замечание Джима, что «наши короли — сущие мошенники», вызывает у Гека возглас: «Ну, а я что тебе говорю:

почти что все короли мошенники, дело известное».

Однако настойчивее всего Твен подчеркивает в «короле» и «герцоге» те черты, которые делают их родными братьями американских дельцов. Ведь в конечном счете «король» и «герцог» — бессовестные стяжатели.

Желая завладеть наследством некоего кожевника, они выдали себя за его родственников и стали изображать безутешное горе. Геку это не показалось смешным. Ему сделалось «стыдно за род человеческий». Он все время мечтал избавиться от непрошенных попутчиков. Казалось, что его желание, наконец, осуществилось. Когда же Гек обнаружил, что «король» и «герцог» нагоняют его и Джима в лодке, он «повалился прямо на плот и едва-едва удержался, чтобы не заплакать».

Такую острую неприязнь эти люди вполне заслужили. Они выше всего на свете ценят деньги и ради золота готовы погубить кого угодно. Вспомним, как «король» и «герцог» жадно хватали золото руками, пропускали его сквозь пальцы, со звоном роняли на пол. Великолепно показал Твен алчность этих воров. Они захватили обманом много денег, принадлежавших кожевнику, но не удовлетворились этим. «Что? А остальное имущество так и не продадим? — говорит «король». — Уйдем, как дураки, и оставим на восемь, на девять тысяч добра, которое только того и дожидается, чтобы его прибрали к рукам?» Позднее у этих мерзавцев «хватило духу», как с презрением восклицает Гек, продать Джима, «опять продать его в рабство на всю жизнь за какие-то паршивые сорок долларов, да еще чужим людям».

В конечном итоге «король» и «герцог» — живое воплощение буржуазного духа, достигшего зрелости в Америке послевоенных лет. Это образы-близнецы, и они усиливают друг друга, заставляя читателя полнее ощутить, что частное здесь слепок с целого.

«Приключения Гекльберри Финна» — очень емкая книга. Перед нами целая панорама жизни в США. Твен рассказывает в романе и о буржуазных сторонах американской действительности, и об уходящих в прошлое специфических особенностях быта плантаторского Юга. Он изображает и «белых бедняков» — ремесленников, захудалых фермеров — и богатых рабовладельцев.

Они горды и смелы, эти южные плантаторы старого закала, Грэнджерфорды и Шепердсоны, джентльмены «с головы до пяток», к которым попадает Гек во время своих скитаний. Но феодально-рабовладельческий Юг осужден на гибель. И в «Приключениях Гекльберри Финна» повествуется о том, как Грэнджерфорды и Шепердсоны враждуют между собой и как кровавая месть уносит представителей то одного, то

другого рода.

Мальчик Грэнджерфорд рассказывает о гибели своего кузена Бада от руки старика Шепердсона. «Плешивый Шепердсон» долго гнался за Бадом, и когда мальчик понял, что ему не уйти от смерти, он «остановил лошадь и повернулся лицом к старику, чтобы пуля попала не в спину, а в грудь, а старик подъехал ближе и убил его наповал. Только недолго ему пришлось радоваться; не прошло и недели, как наши его уложили».

Все это звучит на первый взгляд неправдоподобно. Но взаимоуничтожение южных «аристократов» было явью.

Чем шире раскрывается перед нами с каждой новой страницей книги жизнь Америки, тем больше духовного богатства мы обнаруживаем в Геке. Ведь о чем бы ни повествовал Твен в «Приключениях Гекльберри Финна», мы воспринимаем все это глазами Гека. Он и основной персонаж романа и главный рассказчик.

От главы к главе Гек мужает, кажется все старше. Том по сравнению с ним просто ребенок. Имеется немало свидетельств тому, что если в образе главного героя «Приключений Тома Сойера» воплотились некоторые черты Сэма Клеменса, то образ Гека был отчасти навеян особенностями жизни и характера обитателя Ганнибала Тома Бланкеншипа. И небезынтересно, что этот Бланкеншип был старше Сэма примерно лет на пять.

У Гека острый, недетский взгляд на мир. Только взрослый человек мог завершить рассказ о белой горячке, которой заболевает отец Гека, восклицанием: «И до чего же медленно и тоскливо потянулось время!» Поведая о судьбе Грэнджерфордов, Гек продолжает: «Все я рассказывать не буду, а то, если начну, мне опять станет нехорошо... До сих пор все это стоит у меня перед глазами...»

Почти по-взрослому воспринимает Гек природу. В его описаниях Миссисипи нет трафаретной «красивости», он точен и конкретен. И в картинах, им создаваемых, мы ощущаем истинную поэзию.

О рассвете на реке Гек рассказывает так: «Нигде ни звука, полная тишина, весь мир точно уснул, редко-редко заквакает где-нибудь лягушка. Первое, что видишь, если смотреть вдаль над рекой, — это темная полоса: лес на другой стороне реки, а больше сначала ничего не разберешь; потом светлеет край неба, а там светлая полоска расплывается все шире и шире, и река, если смотреть вдаль, уже не черная, а серая; видишь, как далеко-далеко плывут по ней небольшие черные пятна, — это шаланды и всякие другие суда, и длинные черные полосы — это плоты; иногда слышится скрип весел в уключинах или неясный говор, — когда так тихо, звук доносится издалека; мало-помалу становится видна и рябь на воде, и по

этой ряби узнаешь, что тут быстрое течение разбивается о корягу, оттого в этом месте и рябит; потом видишь, как клубится туман над водой, краснеет небо на востоке, краснеет река, и можно уже разглядеть далеко-далеко, на том берегу, бревенчатый домик на опушке леса — должно быть, сторожка при лесном складе, а сложен домик кое-как, щели такие, что кошка пролезет; потом поднимается мягкий ветерок и веет тебе в лицо прохладой и свежестью и запахом леса и цветов, а иногда и кое-чем похуже, потому что на берегу валяется дохлая рыба и от нее здорово несет тухлятиной; а вот и светлый день, и все вокруг словно смеется на солнце, и певчие птицы заливаются вовсю!»

Только Гек мог от запаха леса и цветов перейти к запаху дохлой рыбы.

Гуманизм Твена проявляется в «Приключениях Гекльберри Финна» сильнее и ярче, нежели в каком-либо его произведении, написанном раньше. И он сливается с гуманизмом Гека — самого значительного из созданных Твеном положительных образов. Гек видит, как неладно живут люди в долине Миссисипи. Ее иногда называют «долиной демократии», но мальчик сознает, что рядовые обитатели маленьких поселков у реки нищи и убоги. И они не имеют мужества противостоять полковникам Шерборнам. Гек не понимает причины этого, но ему очень не по себе. Его гнетет, что даже люди труда зачастую малодушны, жестоки, склонны к лицемерию и обману.

Мальчику хочется, чтобы люди не причиняли друг другу столько зла. И этот маленький гуманист готов, поскольку это доступно ему, ребенку, пойти войной на несправедливость. В конце концов Гек проявляет себя сострадательным и мужественным человеком. Он не раз спасает Джима от его врагов.

Геку приходится бороться не только с теми, кто хочет вновь вернуть негра в рабство, но и с собственными предрассудками. На протяжении многих дней своего путешествия по Миссисипи он озабочен дилеммой — передать или не передать Джима в руки властей.

По всем правилам рабовладельческой этики, впитанной Геком с раннего детства, только бесчестный, гадкий человек стал бы помогать негру бежать из неволи. Недаром решение Тома оказать помощь беглому негру вызывает у него недоумение. Ему невдомек, как это Том, «мальчик из хорошей семьи, воспитанный... не тупица... добрый... забыл и про гордость и про самолюбие» и соглашается освободить негра из рабства. Слово «аболиционист» Гек употребляет с эпитетом «подлый».

Чем ближе Джим к своей цели — стать свободным человеком, тем более сильные угрызения совести испытывает Гек. Твен создает

психологически правдивый образ. Вместе с тем, показывая глазами Гека темные стороны действительности, писатель то и дело резко их подчеркивает, чтобы отвратительность враждебных ему явлений жизни предстала перед читателем как можно более выпукло. Ирония и сарказм помогают Твену выразить его отношение к тому низкому и подлому, что есть в реальном мире, со всей силой страсти, на которую он способен.

Твен, конечно, вносит в свой рассказ о мучивших Гека «угрызениях совести» элемент сатирической утрировки.

Все это с особенной ясностью сказывается в главе «Приключений Гекльберри Финна», где изображен завершающий этап спора Гека с самим собой о рабстве, о том, как должно поступить с Джимом.

Только что бессердечные мошенники «король» и «герцог» передали беглого негра в руки рабовладельцев. Гек безмерно возмущен этим поступком, и тут-то, в самый, казалось бы, неподходящий момент, он в очередной раз начинает рассуждать: а правильно ли поступал он сам, спасая Джима? У него даже мелькает мысль, что хорошо бы сообщить владелице Джима — мисс Уотсон о местонахождении ее раба.

А дальше следуют строки, где ирония автора окрашивает чуть ли не каждое слово (хотя сам рассказчик отнюдь не иронизирует). «Но скоро я эту мысль оставил, — говорит Гек, — и вот почему: а вдруг она рассердится и не простит ему такую неблагодарность и подлость, что он взял да и убежал от нее, и опять продаст его?»

Как ни зависим Гек от мировоззрения южных рабовладельцев, он не стал бы, конечно, всерьез упрекать Джима в «неблагодарности и подлости» за попытку высвободиться из рабства. Преувеличивая наивность Гека, автор лишь ярче выявляет уродливость системы рабского труда. В заключительных словах приведенной фразы: «...и опять продаст его» — есть глубокая издевка над самой сутью этики рабовладельцев. Ведь для них стремление к свободе аморально, а закабалая человека, якобы можно проявить себя поклонником высоких моральных принципов.

Твен продолжает иронизировать, он как бы нагнетает иронию. Повествование разворачивается в двух планах: мы видим перед собой и несколько наивного мальчика Гека и стоящего за ним мудрого, богатого иронией автора.

Если Джима и не продадут, то «все равно добра не жди: все будут презирать такого неблагодарного негра, это уж так полагается, и обязательно дадут Джиму почувствовать, какой он подлец и негодяй». Писатель и здесь не все сказал — его сарказм еще не достиг предела. «А мое-то положение! — восклицает Гек. — Всем будет известно, что Гек

Финн помог негру освободиться; и если я только увижу кого-нибудь из нашего города, то, верно, со стыда готов буду сапоги ему лизать. Это уже всегда так бывает, — продолжает напластовывать иронию Твен, — сделает человек подлость, а отвечать за нее не хочет, — думает, пока этого никто не знает, так стыдиться нечего. (Нужно ли напоминать, что на самом деле речь здесь идет не о подлости, а о благородном поступке? — М. М.) Вот и со мной так вышло. Чем больше я думал, тем сильнее меня грызла совесть, я чувствовал себя прямо-таки дрянью, последним негодяем и подлецом».

Написав письмо мисс Уотсон, Гек испытал облегчение, он «почувствовал, что первый раз в жизни очистился от греха». Но поневоле Гек начинает вспоминать, каким другом был для него негр Джим, как он любил Гека, как заботился о нем. В том, что теперь говорит Гек, уже нет второго плана, нет иронической окраски. Герой книги заканчивает свой рассказ замечательными словами: «И тут я нечаянно оглянулся и увидел свое письмо. Оно лежало совсем близко. Я взял его и подержал в руке. Меня даже в дрожь бросило, потому что тут надо было раз навсегда решиться, выбрать что-нибудь одно, — это я понимал. Я подумал с минутку, даже как будто дышать перестал, и говорю себе: «Ну что ж делать, придется гореть в аду». Взял и разорвал письмо».

Решение Гека пойти в ад, вполне реальное место в его понятии, на вечные муки ради негра, ради своего ближнего, ради борьбы с тем, что в глубине души он считал несправедливостью, поднимает этот образ на необычайную высоту. Гек — сын народа.

В книге нет слов восхищения перед Геком — повествование ведется от имени его самого, а иронически-сдержанный Твен вообще предпочитает обходиться без комментариев. Но в последних главах приводится факт, который бросает новый свет на поведение Гека.

Беглый негр Джим находится под замком на ферме некоего Фелпса. Туда же попадает Гек. Фелпс оказывается родственником Тома Сойера, и вот на его ферму по воле автора романа приезжает сам Том. Гек с Томом решают помочь Джиму скрыться. Освободить негра можно было бы довольно просто, но Том, начитавшись всяких приключенческих книжек, изо всех сил старается придать побегу Джима «романтический» характер и в результате только осложняет положение негра и мучает его.

Мы помним, что Гек сначала не может понять, как это его друг соглашается «украсть» негра — даже во имя восстановления справедливости. И Гек правильно оценивает Тома. Ведь на поверку выходит, что Том согласился оказать помощь Джиму лишь после того, как узнал, что негр уже отпущен его владелицей на свободу. Твен роняет

замечание об этом мимоходом. Он сам как будто не придает ему значения. Но теперь ясно, что «побег» нужен был не Джиму, а Тому, и только потому, что он любитель приключений. В поступки Тома Твен вносит элемент пародии. Но вся затянувшаяся история с освобождением Джима начинает казаться возмутительной. Нет, Том не согласился бы последовать в ад за Геком, чтобы спасти беглого негра.

В моральном отношении Гек куда выше Тома. Впрочем, можно сказать, что образы Тома и Гека в «Приключениях Гекльберри Финна» вообще несоизмеримы. В образе Тома есть теперь известная условность, а образ Гека трехмерный, выпуклый.

Твен горячо любит Гека Финна, честного, смелого героя своего романа. Вместе с Джимом Гек представляет то положительное начало, которое, несмотря на все грустные картины, возникающие в «Приключениях Гекльберри Финна», придает книге утверждающий характер.

Уолт Уитмен, чувствовавший биение жизни на всем континенте Америки, спрашивал вскоре после войны Севера и Юга: почему в американской литературе еще не находит отражения подлинная действительность Миссисипи, Запада, Юга? Воинствующий демократ, поднимавший идею демократии на неприемлемую для «позолоченного века» высоту, Уитмен требовал создания положительных образов рядовых американцев.

Своим романом о Геке и Джиме Марк Твен вписал в американскую литературу одну из тех страниц, отсутствие которых Уитмен так остро ощущал.

В «Приключениях Гекльберри Финна» жизнь обитателей долины Миссисипи, да и всей Америки отражена в своем многообразии и противоречиях.

Иные буржуазные литературоведы склонны видеть в книге Твена лишь гимн во славу прекрасной реки и прославление ухода от действительности. Верно, что Гек иногда с грустью противопоставляет прелесть самой реки безрадостной жизни на ее берегах. «Везде кажется душно и тесно, — говорит он, — а на плоту — нет. На плоту чувствуешь себя и свободно, и легко, и удобно». Но и плот оказывается частью реального и недоброго мира. Ведь там находятся не только Гек и Джим, но и «король» и «герцог». Гек не может и не хочет прятаться от жизни. На протяжении всего романа он то и дело уходит от любимой реки в окружающий его мир моральной духоты и несправедливости. Не в характере Гека бояться правды, бояться трудностей.

В «Приключениях Гекльберри Финна», этой суровой книге, много комизма. В лучшем психологическом романе Твена мы обнаруживаем и элементы «дикого юмора», и бытовой юмор, и острейшую сатиру.

Немало прекрасных образцов юмора и сатиры, уходящих своими корнями в народное творчество, дают читателю беседы Гека и Джима. Бессознательно высмеивая религиозные представления о мироздании, Гек ссылается, например, на предположение Джима, что луна мечет звезды, как лягушка икру...

А вот рассказ о званом ужине в маленьком городке. Хозяйка, с добродушной улыбкой пишет Твен, говорила всем, что «печенье не удалось, а соленья никуда не годятся, и куры попались плохие, очень жесткие, — словом, все те пустяки, которые обыкновенно говорят хозяйки, когда напрашиваются на комплименты; а гости отлично видели, что все удалось как нельзя лучше, и все хвалили, — спрашивали, например: «Как это вам удастся так подрумянить печенье?» или: «Скажите, ради бога, где вы достали такие замечательные пикули?» — все в таком роде; ну, знаете, как обыкновенно за ужином — переливают из пустого в порожнее».

Комическое помотает Твену создавать характеры, лепить образы. Порою это образы второстепенных или даже третьестепенных персонажей. Но мы видим их, как живых. И созданная Твенем богатая галерея ярчайших образов дает возможность читателю как бы изнутри познать американскую жизнь.

Вот забавный и удивительно точный образ «мягкого и обходительного» гробовщика. Писатель показывает, почему «никого другого в городе так не любили», как гробовщика. Мы следим за каждым движением этого персонажа, мы видим во всех деталях обстановку, в которой он действует. Нам до конца понятна психология собравшихся на похороны горожан. Когда священник начал говорить речь у гроба, рассказывает Гек, «в подвале поднялся страшнейший визг, просто неслыханный, это была всего-навсего одна собака, но шум она подняла невыносимый и лаяла не умолкая, так что пастору пришлось замолчать и дожидаться, стоя возле гроба, — ничего нельзя было расслышать, даже что ты сам думаешь. Получилось очень неловко, и никто не знал, как тут быть. Однако долговязый гробовщик опомнился первый и закивал пастору, словно говоря: «Не беспокойтесь, я все устрою». Он стал пробираться по стенке к выходу, весь согнувшись, так что над головами собравшихся видны были одни его плечи. А пока он пробирался, шум и лай становились все громче и неистовей; наконец, обойдя комнату, гробовщик скрылся в подвале. Секунды через две мы услышали сильный удар, собака

оглушительно взывала еще раз или два, и все стихло — наступила мертвая тишина, и пастор продолжал свою торжественную речь с того самого места, на котором остановился. Минуту-другую спустя возвращается гробовщик, и опять его плечи пробираются по стенке; он обошел три стороны комнаты, потом выпрямился, прикрыл рот рукой и, вытянув шею, хриплым шепотом сообщил пастору: «Она поймала крысу!» После этого он опять согнулся и по стенке пробрался на свое место. Заметно было, что всем это доставило большое удовольствие — им, само собой, хотелось узнать, в чем дело. Такие пустяки человеку ровно ничего не стоят, зато как раз такими пустяками, — иронизирует Твен в заключение, — и приобретается общее уважение и любовь».

Добродушная насмешка и смертоносный сарказм соседствуют в романе, заставляя его сверкать самыми неожиданными красками. Печальная ирония, глубокое проникновение в духовный мир людей переплетаются с едкой сатирой и грубоватыми народными шутками. (Твен говорит, например, что «доктор отправлял больного на тот свет, а пастор показывал ему дорогу».) Сочетание тонкого психологизма, жгучего социального обличения, детального показа жизни разных слоев американского общества, светлого юмора и простонародного комизма, помноженное на искренне демократические симпатии автора и его любовь к людям, — такова, если угодно, формула, определяющая привлекательность и значение романа.

Язык Твена в этой книге простой, народный, ясный. Гоуэлс справедливо говорил, что Твен умеет найти неуловимое золотое зернышко — нужное слово. Автор «Приключений Гекльберри Финна» гордился своей способностью работать над словом, гордился тем, что умеет писать диалоги, по которым каждый узнает, из какой местности говорящие. Вместе с Уитменом Твен ввел речь простых людей в художественную литературу США, обогатил ее энергичными, точными и меткими оборотами народной речи.

Книга «Приключения Гекльберри Финна» успела завоевать столь широкую известность и популярность во всем мире, что может создаться впечатление, будто она сразу же была встречена всеми самым дружелюбным образом. Между тем дело обстояло совсем иначе. Печатаемая в «Сенчюри мегэзин» главы из «Приключений Гекльберри Финна» (до выхода романа в свет отдельным изданием), редактор журнала Р. Гилдер считал нужным опустить некоторые эпизоды. Были изъяты сцены с Шерборном, рассказ Джима о том, как он побил свою дочку, и многое

другое. И все же Гилдер не избежал нападков за опубликование «сомнительной» книги и вынужден был уверять «респектабельных» читателей, что Твен отнюдь не насмехается над религией и моралью.

Роман не раз выбрасывали из библиотек. В нем видели нечто грязное. Но Гоуэлс и некоторые другие критики, а также сотни тысяч читателей в США и в Европе высоко оценили эту превосходную книгу. Твен горячо благодарил тех, кто поддержал его добрым словом в трудные минуты.

Американские литературоведы подчеркивают коренное отличие в приеме, который был оказан современниками писателя «Принцу и нищему» и роману о Геке. Так, один исследователь пишет, что «среди образованных классов, которые так полюбили «Принца и нищего», «Гекльберри Финн» вызвал разочарование». Обитатели Хартфорда ощутили в демократизме босоногого американца Гека Финна нечто новое по сравнению с демократизмом Тома Кенти, нечто вызывающее и даже опасное.

Недоверчивое отношение к «Приключениям Гекльберри Финна» отнюдь не исчезло в США и по сей день. Л. Фейхтвангер засвидетельствовал, что многие американские читатели воспринимают этот роман как произведение только для детей. Они «не замечают, — говорит он, — той проникнутой глубокой горечью любви к родине, какой полна эта книга. Немецкий или русский читатель гораздо сильнее чувствует всю глубину, горечь и мировое значение юмора Марка Твена».

Многие буржуазные литературоведы вот уже более трех четвертей века изображают автора «Приключений Гекльберри Финна» писателем, который стремился только забавлять свою аудиторию и приукрашивать действительность. Сегодня иные критики в США стремятся интерпретировать реалистические произведения Твена в еще более нелепом духе. Для них Гек, например, покорный слуга «бога реки». Делаются попытки принизить значение творчества писателя с помощью всякого рода измышлений психопатологического толка. Но широкие слои читателей в разных странах с каждым годом все лучше понимают, что автор «Приключений Гекльберри Финна» был великим реалистом.

Критическое направление, которое, по мысли Чернышевского, в русскую художественную литературу прочно ввел Гоголь, в американской литературе XIX века связано прежде всего с именем Твена.

«Ничто не может меня сделать более гордым, чем признание моей подлинности, — писал Твен еще на заре своей литературной деятельности. — Я стремился к этому так долго и добился этого наконец. Мне безразлично, буду ли я писать с юмором, или поэтически, или

красноречиво, или что-либо в этом роде, моя конечная мечта и желание — быть «подлинным», считаться «подлинным».

Автор романа о Геке имел все основания считать себя «подлинным».

Твен говорил, что американский писатель может начать писать по-настоящему лишь после того, как будет впитывать в себя действительность по меньшей мере четверть века.

«Приключения Гекльберри Финна» — произведение художника слова, умудренного огромным жизненным опытом. В романе сказались серьезные перемены в родной Твену стране и в нем самом.

Создатель сказок «дядюшки Римуса» Джоэл Гаррис в письме к Твену, относящемся к 1885 году, проникательно заметил, что роман о Геке «представляет собой самый оригинальный вклад в американскую литературу, который сделан до сих пор».

Высоко оценивают это выдающееся произведение американского реализма и другие крупные деятели культуры США. Э. Хемингуэй в своей книге «Зеленые холмы Африки» говорит: «Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, из его «Гекльберри Финна»... лучшей книги у нас нет».

«Письмо ангела» Эндрию Лэнгдону

Почти пять лет прошло после опубликования «Приключений Гекльберри Финна», прежде чем появилась следующая книга Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Что же делал Твен все эти годы? Может создаться впечатление, что он тогда вовсе отошел от литературы.

В 80-х годах в США появилась новая издательская фирма «Чарлз Л. Вебстер и компания». Она целиком принадлежала Твену (Вебстер был женат на племяннице писателя). Первой книгой, которую выпустило в свет издательство, был роман о приключениях Гекльберри Финна.

Фирма «Чарлз Л. Вебстер и компания» потребовала у Твена немало времени и душевных сил. Его увлекла мысль опубликовать мемуары командующего войсками Севера в Гражданской войне генерала Улисса Гранта. Правда, в течение восьми лет президентства Гранта столица страны была окутана густым и едким туманом коррупции. Твен заметил однажды: «Какой бы высокой нравственностью ни отличался человек при вселении в Белый дом, пробыв свой срок на посту президента США, он покидает его с душой, черной, как сажа». Но все же Грант был для писателя прежде всего символом борьбы против рабовладельцев.

Твен был уверен, что ему удастся издать мемуары Гранта невиданно большим тиражом. Действительно, книга вызвала огромный интерес. Сотни тысяч читателей, подобно Твену, снова увидели в Гранте соратника Линкольна, национального героя.

В конце концов тираж мемуаров Гранта достиг трехсот тысяч экземпляров. Твен ощущал гордость. Вот кто умеет по-настоящему издавать книги — фирма Вебстера! Писатели засыпали издательство предложениями.

Чарлз Вебстер по большей части ставил перед собой откровенно коммерческие цели. Да и в Твене иногда начинал говорить дух Уошо, азарт золотоискателя. Стремясь к большим тиражам, фирма Вебстера решила опубликовать «Жизнь папы Льва XIII». Были пущены в ход все ухищрения рекламы. Читателей заверили, что эта «изящная и обильно иллюстрированная» книга, изданная с благословения самого папы, поступает в продажу по необычайно дешевой цене. Вебстер с женой, племянницей Твена, специально посетили папу в Риме. Деловые соображения оказались сильнее религиозных взглядов. Протестанты

смирненно поцеловали святую печать на кольце папы.

Желая выразить свою признательность американскому издателю, Лев XIII пожаловал Вебстеру титул рыцаря. Узнав об этом, писатель ехидно заметил, что если папа сделал Вебстера рыцарем, то он должен был бы сделать его, Твена, архангелом.

Твен продолжал внимательно следить за успехами издательства. Он не отказался также принять участие — вместе с семьей Грантов — в деятельности фирмы, которая собиралась построить железную дорогу на Ближнем Востоке, и одновременно стал финансировать «величайшее изобретение века» — наборную машину Пейджа.

Строительство первого экземпляра этой необычайно сложной машины, которая должна была во много раз ускорить и облегчить труд наборщика, требовало все больше денег. Твен морщился, кряхтел, ругал Пейджа, но прилагал все усилия, чтобы предоставить ему необходимые средства.

Твен надеялся, что издательство, машина Пейджа и разные другие капиталовложения принесут ему огромный, может быть, миллионный доход. Тогда он полностью избавится от заботы о содержании семьи, привыкшей жить в роскоши, и целиком посвятит себя литературе.

Получилось, однако, совсем не так. По злой иронии судьбы предпринимательская деятельность Твена привела к тому, что материальные заботы стали одолевать его куда более прежнего. Жизнь не прощала писателю даже временной измены творчеству ради погони за богатством.

В середине 80-х годов Твену приходилось выплачивать Пейджу по три тысячи долларов в месяц. Работа по усовершенствованию наборной машины затянулась, и изобретение никаких доходов не приносило. Дела издательства тоже не всегда складывались блестяще.

Мучительнее всего было сознавать, что месяцы, если не годы, растрачиваются впустую. И в этот период жизни писатель не раз впрягался в ярмо «лекционной» работы.

Нелегко далось Твену большое «лекционное» турне, которое он предпринял совместно с Джорджем Кейблом, автором романов из жизни южных штатов. Кейбл был религиозен и во многом тяготел к консерватизму, но в некоторых его произведениях правдиво изображен быт южан, показано, как рабовладельческие устои подавляют в людях человечность.

Поездка оказалась очень утомительной. Сердила необходимость выступать с грубыми шутками, без конца повторяться.

Когда Твену, тосковавшему по родным, удалось ненадолго приехать домой, дети порадовали его инсценировкой «Принца и нищего». А потом снова поездки, гостиницы, читки. Что и говорить, в таких условиях много не напишешь...

По воскресеньям богобоязненный и педантичный Кейбл доводил Твена до бешенства тем, что неизменно отпраивался в церкви и воскресные школы тех городов, где их заставлял день отдыха. Раздражало желание Кейбла читать библию вслух. Но больше всего мучила сама профессия «лектора».

Однажды, когда Твен и Кейбл возвращались в гостиницу после очередной «лекции», Твен сказал своему партнеру:

— О Кейбл, я унижаюсь. Я позволяю себе быть просто шутом. Это ужасно! Я не могу этого больше выносить.

Жизнь писателя складывалась теперь так, что он не только был окружен людьми, принадлежавшими к средним и верхним слоям буржуазии, но как бы в определенной степени разделял их интересы. Впрочем, от этого его презрение к миру буржуазных отношений не исчезало. Он слишком хорошо знал богатых обитателей Хартфорда, Элмайры, Буффало, Сан-Франциско и Нью-Йорка, чтобы относиться к этому миру иначе.

Только очень немногие близкие друзья Твена догадывались, какая тяжесть лежит у него на сердце. Понять писателя посторонним людям было тем более трудно, что уже в то время он создавал произведения, которые не надеялся увидеть в печати и почти никому не показывал.

Однажды Твен прогуливался со своей дочерью Сузи, даровитым и умным ребенком. Девочку беспокоило, что ее отец забросил литературную работу. В своей детской «биографии» Твена она писала: «...с тех пор как папа издал книги генерала Гранта, он как будто совершенно позабыл свои собственные книги и сочинения...» В ответ на замечание Сузи писатель сказал, по ее свидетельству, что он все равно собирается написать еще «только одну книгу» и что произведение, которое ему особенно дорого, «заперто внизу, в сейфе, и еще не напечатано».

Речь шла о «Путешествии в рай» капитана Уэйкмана, переименованного в капитана Стормфилда. Ранний вариант этого рассказа был написан, возможно, вскоре после окончания Гражданской войны. Племянница Твена вспоминала, что он читал рассказ в семейном кругу в 70-х годах. Но даже десяток лет спустя писатель не верил в возможность его опубликования.

Между тем Твен исподволь трудился над книгой о Янки.

Порою работа шла хорошо, иногда приходилось надолго откладывать рукопись в сторону.

По-видимому, во второй половине 80-х годов была создана одна из самых блестящих сатир Твена, его «Письмо ангела-хранителя». Завершив свое произведение, писатель запер его в том же сейфе — «внизу».

«Письмо ангела-хранителя» было впервые напечатано только в 1946 году, через тридцать шесть лет после смерти Твена и почти через шестьдесят лет после того, как оно было написано.

Этот гневный рассказ-памфлет позволяет нам судить о том, что творилось в душе Твена в годы, когда он, казалось, был погружен в коммерческие дела.

Ангел из «подотдела прошений» «управления ангела-хранителя» пишет письмо Эндрью Лэнгдону, углепромышленнику из города Буффало штата Нью-Йорк.

Углепромышленник Лэнгдон... Да ведь девичья фамилия Оливии Клеменс — Лэнгдон, а среди ее родных было немало углепромышленников.

Герой произведения действительно родственник Твена со стороны жены. В этом заключается одна из причин, почему рассказ не был опубликован. Одна из причин, но не единственная. Ведь Твену легко было изменить фамилию Лэнгдон на какую-нибудь иную и внести некоторые другие поправки, которые лишили бы реального Эндрью Лэнгдона возможности заподозрить, что речь идет о нем.

Твен не мог напечатать «Письмо ангела-хранителя» главным образом потому, что слишком ясен был антикапиталистический смысл этого произведения, слишком очевиден был социальный адрес, в который направлены сатирические стрелы Твена. Суть дела не меняется от того, что писатель, вероятно, даже и не пытался продвинуть «Письмо ангела-хранителя» в печать.

В своем рассказе писатель с еще невиданной у него конкретностью раскрывает моральный облик типичного американского предпринимателя. Речь идет, надо подчеркнуть, не о южном рабовладельце, не об аристократе, даже не о профессиональном политикане из Вашингтона, а о рядовом капиталисте, занятом обычного рода промышленной и коммерческой деятельностью — добычей и торговлей углем.

Они весьма «респектабельны», эти лэнгдоны, аккуратно посещают церковь, подают милостыню бедным и выражают публично самые высокие чувства.

Но вот оказывается, что все их претензии на благородство, богобоязненность, милосердие, заботу о ближнем фальшивы, что на самом

деле это алчные скряги, лжецы, лицемеры, готовые во имя наживы мучить людей голодом и холодом, уничтожать всех и вся.

Этот рассказ-памфлет написан в традициях Свифта и насквозь пропитан сарказмом. По силе иронии и широте обобщений он может быть поставлен рядом с лучшими памфлетами великого английского сатирика, в которых заклеены стяжатели и лицемеры.

С годами Твен все больше дорожил сатирой Свифта. О том, насколько глубоко он ощущал мощь свифтовской иронии, говорят, в частности, его заметки на полях известной работы о Свифте Теккеря, автора «Ярмарки тщеславия».

Повествуя о своем пребывании среди благородных лошадей — гуингнмов, герой «Путешествий Гулливера» говорит о своем хозяине: «Я собирался пасть ниц, чтобы поцеловать его копыто, но он оказал мне честь, осторожно подняв его к моим губам. Мне известны нападки, которым я подвергался за упоминание этой подробности. Моим клеветникам угодно считать невероятным, чтобы столь знатная особа снизошла до оказания подобного благоволения такому ничтожному существу, как я... Но если бы эти критики были больше знакомы с благородством и учтивостью гуингнмов, они переменили бы свое мнение».

«Только Свифт мог написать это...» — отмечает Твен на полях книги Теккеря.

Американский сатирик не все понимал и не все принимал в Свифте и некритически следовал за теми, кто видел в авторе «Путешествий Гулливера» человека с холодным сердцем. Твен называет Свифта и «айсбергом» и воплощением «чисто интеллектуального величия». Создателя образов людей большой души, таких, как Том, Джим и Гек, огорчало, что он не находил у Свифта чего-либо похожего. В своих заметках о Свифте Твен косвенно раскрывает собственные взгляды на литературу. Вполне очевидно, что он хочет сочетания обличительного начала с ясно выраженным положительным идеалом, сатиры с добродушным юмором, гротеска с раскрытием внутреннего мира хороших людей. Твен ищет в искусстве как раз того, что характерно для многих его романов и повестей.

Но примечательно, что «Письмо ангела-хранителя» выдержано в свифтовских тонах.

В рассказе нет положительных образов, нет теплого юмора, в котором нашли бы прямое отражение добрые чувства автора. Это беспощадная сатира, где, как и во многих других шедеврах обличительной литературы, единственным положительным героем является правда. И в этом рассказе

Твен исходит, конечно, из высоких гуманистических идеалов. «Письмо ангела-хранителя» было порождено любовью к простому человеку, болью за людей, находящихся во власти Эндрью Лэнгдона и ему подобных. Об этой любви и об этой боли в произведении Твена не сказано ни единого слова. Но они чувствуются в каждой его язвительной фразе.

Марк Твен до конца обнажает отвратительную душу своего героя. Весь рассказ построен на противопоставлении «гласных молений» героя, его приторно-сладких молитв в официальном христианском духе истинным желаниям, «тайным молениям» его сердца. Возникает образ американского Иудушки Головлева.

Твен высмеивает фальшивую патетику стяжателя-ханжи. Лэнгдон молится о ниспослании лучшей доли и обильной пищи «изнуренному сыну труда, чьи неутомимые и истощающие усилия обеспечивают удобства и радости жизни для более счастливых смертных, обязывают нас неустанно и деятельно оберегать его от обид и несправедливостей со стороны алчного и скаредного и дарить его благодарной любовью». Однако небо отклоняет это лицемерное «гласное моление», ибо оно противоречит, как сухо сообщает ангел в своем письме, «тайному молению» сердца Лэнгдона: «О росте безработицы с последующим снижением заработной платы на 10 %». Таким же образом отклоняются и другие «гласные моления» героя «Письма ангела-хранителя».

Бюрократический язык, которым написано письмо, цифровые выкладки, к которым питает пристрастие ангел, рассудительно-сдержанный тон рассказа — все это пародийно. И за всем этим кроется возмущение. Как и в других лучших сатирах Твена, сарказм писателя бурно нарастает.

Ангел иронически прославляет «самопожертвование» Лэнгдона. «Много лет тому назад, — восклицает он, — когда Ваше состояние не превышало еще 100000 долларов и Вы послали 2 доллара наличными Вашей бедной родственнице, вдове, обратившейся к Вам за помощью, многие здесь, в раю, просто не верили этому сообщению, другие же полагали, что ассигнации были фальшивые. Когда эти подозрения отпали, мнение о Вас сильно повысилось. Годом или двумя позже, когда, в ответ на вторую просьбу о помощи, Вы послали бедняжке 4 доллара, достоверность этого сообщения уже никем не оспаривалась, и разговоры о Вашем добродетельном поступке не смолкали в течение многих дней. Прошло еще два года, вдова снова воззвала к Вам, сообщая о смерти младшего ребенка, и Вы отправили ей 6 долларов. Это укрепило Вашу славу».

Когда Лэнгдон, наконец, послал вдове целых пятнадцать долларов, во всем раю не было никого, кто «не пролил бы слез умиления». Ангел

продолжает: «Мы пожимали друг другу руки и лобызались, воспевая хвалу Вам, и, подобный грому, раздался глас с сияющего престола, чтобы деяние Ваше было поставлено выше всех известных доселе примеров самопожертвования, как смертных, так и небожителей, и было занесено на отдельную страницу книги, ибо Вам решиться на этот поступок было тяжелее и горше, чем десяти тысячам мучеников проститься с жизнью и взойти на пылающий костер. Все твердили одно: «Чего стоит готовность благородной души, десяти тысяч благородных душ пожертвовать своей жизнью — по сравнению с даром в 15 долларов от гнуснейшей и скареднейшей гадины, которая когда-либо оскверняла землю своим присутствием!»

Так Твен сбрасывает маску панегириста и открыто бьет по задрапированному в святошескую тогу стяжательству.

Это критика, цель которой полное уничтожение противника, критика остроэмоциональная, интенсивная, страстная.

Нет, Твен не замолк после выхода в свет «Приключений Гекльберри Финна»!

«Предохранительный клапан... Перестал действовать»

С каждым годом становилось все очевидней, что родина Твена превращается в страну монополий, трестов, синдикатов, капиталистических спрутов.

Никогда еще Соединенные Штаты не были так богаты. Однако почти вся северная часть американского континента с его огромными природными ресурсами уже находилась в руках «денежных баронов». Они не хотели думать ни о прошлом, ни о будущем, прогнали индейцев с их земель и не останавливались ни перед какими, даже самыми хищническими, методами, лишь бы поскорее извлечь из недр земли ее сокровища.

Подъем промышленности, начавшийся после Гражданской войны, был задержан на несколько лет кризисом и депрессией 70-х годов, но к концу этого десятилетия получил новый размах. Морган, Рокфеллер, Вандербильт, Гарриман, Карнеги, как и большинство их соратников и конкурентов, не участвовали в сражениях с войсками рабовладельческого Юга, но зато они сумели превосходно использовать победу над плантаторами для создания железнодорожных, нефтяных, сталелитейных и финансовых концернов. Еще недавно американская металлургия отставала от английской и французской, теперь европейские компании были оставлены позади. Вскоре США завоевали первое место в мире в области промышленного производства в целом. Подавляющая часть американской индустрии находилась в руках акционерных обществ — «корпораций», гигантских концернов.

Руководители корпораций «разводняли» акции, продавая их мелким вкладчикам намного дороже истинной стоимости, присваивали миллионы за «организационную работу» и крупно «зарабатывали» на спекулятивных сделках на бирже, порою направленных против интересов своей же фирмы. Очередной кризис — «паника», как называли кризис американские газеты, — и вот уже рабочих увольняют с производства, тысячи мелких предпринимателей разоряются, фермы идут с молотка, а «короли» железных дорог, стали, мяса, нефти, меди становятся еще сильнее и богаче.

Миллионеры не стеснялись своих богатств, рады были возможности пустить пыль в глаза. У Вандербильта было семь резиденций в одном только Нью-Йорке. Его дворец в Лонг-Айленде насчитывал сто десять

комнат. В поместье Рокфеллера было семьдесят пять зданий. Карнеги купил себе огромную усадьбу в Шотландии. Роскошно жили Асторы, Гулды, Уитни, не говоря уж о Моргане. Писали, что герцог Марлборо получил два с половиной миллиона долларов, когда женился на дочери Вандербильта — Консуэло. Дочери американских миллионеров становились женами князей, графов, герцогов.

Золотой дождь не миновал, конечно, и людей у кормила правления. Недаром все новые обвинения в подкупе, темных махинациях выдвигались против министров, губернаторов, членов конгресса, даже президентов. Некий газетный юморист в связи с поездкой членов законодательной палаты одного из штатов написал, что, когда на поезд напали бандиты, законодатели, «очистив бандитов от их часов и драгоценностей, продолжали поездку с возросшим энтузиазмом».

В 1827 году американский министр финансов предсказывал, что потребуется пятьсот лет, чтобы заселить «свободные» земли. С начала столетия их площадь значительно возросла. Но в течение меньше чем полувека после издания закона о наделах почти все лучшие земли за Миссисипи перестали быть «свободными», перешли в частные руки. В 1889 году Оклахома — одно из последних больших «белых пятен» на карте США — была открыта для заселения. В назначенный час толпа белых ринулась на земли индейцев.

Через год в Оклахоме существовали города с банками и церквями, газетами и грабителями.

А спустя несколько десятков лет многие тысячи фермеров из Оклахомы оказались вынужденными бросить свои заложенные и перезаложенные фермы и превратились в бездомных бродяг. Об этом рассказал Джон Стейнбек в своем романе «Гроздь гнева».

Рабочим нельзя было надеяться, что в случае чего они легко сумеют сделаться независимыми фермерами. Рабочих рук было вдоволь. Во время кризисов выяснялось, что их непомерно много, что для людей наемного труда нет работы, что им некуда податься и никто не обязан заботиться об их существовании.

В начале 1886 года Энгельс писал, что если раньше «возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммигрантов»^[8] мешали «неизбежным следствиям капиталистической системы проявиться в Америке во всем своем блеске»^[9], то теперь эта стадия развития страны уже стала делом прошлого. «Большой предохранительный клапан, который препятствовал образованию

постоянного класса пролетариев, фактически перестал действовать. В настоящее время в Америке существует класс пожизненных и даже потомственных пролетариев... Тенденция капиталистической системы к окончательному расколу общества на два класса — горстку миллионеров, с одной стороны, и огромную массу наемных рабочих, с другой, — эта тенденция... нигде не проявляется с большей силой, чем в Америке...»^[10].

Америка не пошла по какому-то особому, исключительному пути, о котором мечтали проповедники идеи разрешения всех социальных противоречий при помощи бесплатных земельных наделов. Она оказалась страной острейшей классовой борьбы между рабочими и капиталистами. Подготовлена была почва для подъема профсоюзного движения и для роста социалистических идей среди пролетариев страны.

Вопросы социальной справедливости назрели, уйти от них было невозможно.

Твен жил не на острове Джексона. Он следил за жизнью страны не только из окон своего хартфордского дома.

Вернувшись в очередной раз к книге английского философа и публициста Томаса Карлейля о французской буржуазной революции, Твен почувствовал, что он левее. В начале 70-х годов Твен считал себя жирондистом, но «с тех пор, перечитывая эту книгу, — писал он Гоуэлсу, — я каждый раз воспринимал ее по-новому, ибо мало-помалу изменялся под влиянием жизни и среды (а также Тэна и Сен-Симона); и вот я снова закрываю эту книгу и обнаруживаю, что я — санкюлот! И не какой-нибудь бесцветный, пресный санкюлот, а Марат. Карлейль ничего подобного не проповедует; значит, изменился я сам, — изменилась моя оценка фактов».

Тайна одной речи

Все более разительным, поистине потрясающим становился контраст между внешним обликом жизни Марка Твена и внутренним ее содержанием.

Писатель жил в нарядном трехэтажном особняке, расположенном на одной из лучших улиц богатого Хартфорда — Фармингтон-авеню. В свое время, когда строительство твеновского дома еще не было вполне завершено, газета «Хартфорд дейли таймс» с восторгом писала о величине здания и его своеобразии. Это «один из самых необычных жилых домов во всем штате, если не во всей стране». Здесь и «восьмиконечная башня» и «по меньшей мере пять балконов», а некоторые комнаты отделаны черным орехом и дубом. «Новизна архитектуры здания, необычность внутреннего устройства и слава владельца — все это надолго придаст дому широкую известность», — говорилось в статье.

Из воспоминаний современников видно, что на протяжении примерно двух десятилетий резиденция Твена была центром светской жизни. Званные обеды следовали один за другим. В гости приходили знаменитости и просто добрые соседи. Семеро верных слуг выполняли свои разнообразные обязанности. Когда дети затевали очередную постановку «Принца и нищего», раскрывались двери между столовой и библиотекой и в зале можно было разместить почти сотню зрителей.

Жена Томаса Олдрича вспоминает, как весело было гостям Твена, собравшимся как-то зимою у камина «в длинной комнате с красными гардинами». В полночь решили испечь яблоки и залить их вином, но спиртного не хватило. И Твен отправился в город в меховом пальто и меховой шапке, но в бальных туфлях. «Он остался глух, совершенно глух к настоятельным призывам миссис Клеменс хотя бы облачиться в калоши в эту снежную ночь и исчез». А потом, продолжает жена Олдрича, мистер Клеменс вернулся без шапки и с мокрыми ногами, слуга был послан на поиски утерянного головного убора, а сам хозяин дома исполнил перед гостями нечто вроде негритянского танца. «Юноша, о юноша!» — взывала Ливи к своему супругу, пытаясь несколько умерить его экспансивность.

Все как будто свидетельствовало о том, что, если не принимать в расчет некоторых ласково-озорных шуток Марка Твена, Оливия Клеменс могла быть вполне довольна поведением своего мужа.

Накануне женитьбы он писал миссис Фейрбенкс: «...моя будущая

жена хочет, чтобы меня окружала хорошая моральная и религиозная атмосфера (ибо я стану членом церковной общины, как только приеду на место своего постоянного жительства), и потому ей нравится мысль о том, чтобы поселиться в Хартфорде». Что ж, ведущие жители этого города готовы были создать вокруг Твена «хорошую», по их понятию, атмосферу. И они надеялись, что он действительно станет вполне терпимо относиться к церкви, будет высоко ставить нравственные устои их круга, а в существующих общественных отношениях видеть нечто идеальное и вечное.

Если судить по тому, как вел себя писатель в свете, да и по опубликованным им к тому времени произведениям, Твен, во всяком случае, не ставил под сомнение царивший в США социальный строй. К пятидесяти годам он был очень состоятельным человеком. Его произведения расходились на редкость большими тиражами и приносили много денег. Он все еще мечтал о большем — издательское дело и различные изобретения, финансируемые Твеном, казалось, должны были в конце концов сделать его миллионером.

Но кто мог сказать, о чем думал и что писал этот мистер Клеменс в тиши своего кабинета?

Отметим попутно, что в Хартфорде кабинетом Твену служила бильярдная. Он пробовал работать и в других комнатах своего обширного дома, но бильярдная нравилась ему больше всего. Ведь здесь он не отвлекался, как в кабинете, где хорошо было видно, что творится за окном. Здесь нельзя было уютно устроиться, как в кабинете, на большом и удобном диване, где так приятно было просто полеживать и курить.

Бильярдная была расположена на третьем этаже. Там стоял бильярдный стол с черными позолоченными ножками. Конечно, и из окна бильярдной открывался прекрасный вид — на верхушки близких деревьев и далекие холмы. Но письменный стол в этой комнате был предусмотрительно поставлен в одном из углов таким образом, чтобы, сидя за ним, Твен мог видеть только стену да книжные полки. По свидетельству служанки Кейти Лири, «мистер Клеменс всегда и все писал наверху, в бильярдной».

Именно в этой комнате, надо думать, Марк Твен и создал в начале 1886 года текст речи под названием «Рыцари труда» — новая династия» (по другим данным, речь называлась просто «Новая династия»).

Среди многочисленных тайн творчества Твена тайна произведения, озаглавленного «Рыцари труда» — новая династия», — одна из самых важных и недостаточно исследованных.

О существовании этой речи почти ничего не было известно до конца прошлого десятилетия. Правда, душеприказчик Твена Альберт Пейн в своей трехтомной биографии писателя, изданной вскоре после его смерти, привел небольшой отрывок из некоего сочинения, в котором рабочий, член профсоюза, был назван величайшим явлением величайшей эпохи. Однако даже обстоятельства, при которых это произведение было создано, оставались тайной за семью печатями.

Текст «Новой династии» был воспроизведен только в 1957 году и притом в малораспространенном американском журнале «Нью-ингленд квортерли». Вспомним, что такова же была судьба пяти глав из «Автобиографии», опубликованных в 1963 году. Разве не примечательно, разве не грустно, что неизвестные раньше и имеющие крупнейшее значение творения такого популярнейшего автора, как Твен, увидели свет в США нашего времени в изданиях, почти недоступных рядовому американцу?

Итак, речь была скрыта от читателей на протяжении семидесяти с лишним лет. Что же сказал в ней Марк Твен?

Необычность и ценность этого литературного документа определяется уже тем, что «Рыцари труда» — новая династия» — первое и, по существу, единственное произведение Твена, специально посвященное знаменательной теме — жизни, страданиям, судьбам рабочего класса.

Толчком для создания «Новой династии» послужило следующее обстоятельство. В январе 1886 года Твену случилось присутствовать на заседании комиссии сената США, обсуждавшей проблемы международного авторского права. Среди выступавших был руководитель одного из профсоюзов типографов в Филадельфии Джеймс Уэлш. В своей речи Уэлш заметил мимоходом, что американское профсоюзное объединение «Орден рыцарей труда» имеет от четырех до пяти миллионов членов.

Цифра эта не соответствовала действительности — максимальная численность «Ордена рыцарей труда» за всю историю существования этой организации составляла три четверти миллиона. Однако значение «Ордена» не определялось только количеством его членов. По словам Энгельса, «Рыцари труда» были первой национальной организацией, созданной «американским рабочим классом в целом»^[11]. Профсоюзное объединение под таким поэтическим названием было основано вскоре же после окончания Гражданской войны и вначале было тайным и крайне малочисленным. Но подъем боевых настроений среди американских рабочих, начавшийся в конце 70-х годов, привел к тому, что всего за несколько лет численный состав «Ордена» увеличился в десятки раз.

О подъеме рабочего движения в Америке Твен, конечно, знал не только из речи Уэлша. Ведь к середине 80-х годов забастовки и даже кровавые схватки рабочих с войсками и полицией стали на родине писателя повседневным явлением. В одном только 1885 году под руководством «Ордена рыцарей труда» было проведено около двухсот стачек.

В «Новой династии» Твен сочувственно упоминает «Манифест Жалоб и Требований «Рыцарей труда», созданный еще в 1878 году. По всей вероятности, он познакомился с «Манифестом» задолго до встречи с Уэлшем.

Но то, что «мастер из типографии в скромном сером костюме», как охарактеризовал Джеймса Уэлша писатель, спокойно, гордо, хотя и «без малейшей... развязности», предстал перед видными членами законодательного органа страны в качестве официального представителя рабочих, произвело на Твена огромное впечатление. Чутьем демократа, человека из недр народа, он в какой-то степени уловил исторический смысл выхода на общественную арену нового класса — наемных рабочих.

О выступлении не очень-то крупного в конечном счете профсоюзного деятеля по не очень-то важному вопросу в одной из многочисленных комиссий сената Марк Твен говорит, как о событии поистине величайшего мирового значения. Вот как охарактеризовано в «Новой династии» значение речи типографа (напоминаем, эта речь была посвящена всего лишь вопросам авторского права):

«Это был, пожалуй, первый случай в истории, когда заговорила нация — заговорила не через посредство других, а сама, своим собственным голосом! И по милости судьбы мне довелось это видеть и слышать. Я почувствовал, как перед лицом этого зрелища поблекла вся мишура и все спектакли исторического прошлого. Их позолота, и глянец, и перья выглядели убогими в сравнении с этим царственным величием во плоти. И я подумал тогда — и продолжаю так думать, — что наша страна, так расточительно богатая сокровищами, которыми она по праву может гордиться, обрела новое сокровище, превосходящее все, что она имела до сих пор. Сама нация в лице этого человека держала речь...»

Марк Твен впал в невероятное преувеличение? Явно предался фантазии? Да, так мог бы подумать любой человек, решивший подойти к словам писателя только с позиций конкретных фактов. Но в членах комиссии сената Твен увидел правителей своей родины. А за спиной Уэлша он разглядел рабочие массы США. И в «Рыцарях труда» — новой династии» писатель выразил не только свои впечатления от речи рабочего, но и общие мысли о людях труда, родившиеся у него самого на основе

большого жизненного опыта. Это были мысли о нынешнем соотношении классовых сил в США и о том, что несет стране, да и всему миру в целом, социальное будущее.

В высшей степени примечательно, что речь, написанная Твенom в начале 1886 года, коренным образом отличалась даже по форме от обычных его речей. Опытный и популярный оратор, он часто выступал в разных клубах и на званых обедах с речами-шутками, в которых своеобразно сочетались смешное и серьезное, балагурство и сатирический выпад, прихотливая игра словами и моральное поучение. В «Рыцарях труда» — новой династии» не найти веселой прибаутки, вставного анекдота. Вся эта речь — гневный рассказ о трагической судьбе трудового народа. Это также торжественный гимн во славу нового владыки мира — рабочего.

Писатель начинает с замечаний о том, что всюду, где человек обладает властью, он пользуется ею для порабощения себе подобных. Твен ссылается на пример современной африканской деспотии, упоминает о русском императоре, который одним мановением руки отправляет в Сибирь «несчетное множество молодых мужчин, матерей с младенцами на руках, седовласых старцев и юных девушек», а также называет многих монархов прошлого, известных своей жестокостью.

Дальше говорится об угнетении, источником которого является церковь. О церковниках Твен рассуждает, пожалуй, с особенной горечью. Дайте церкви власть, восклицает писатель, и «она примется безжалостно убивать, терзать, пытать, сжигать на кострах; причем ни сама она, ни ее приспешники не усомнятся, что она трудится не покладая рук на благо человека и во славу божью».

Наконец оратор переходит к угнетению, жертвами которого являются современные наемные рабочие. Твен отталкивается от частного факта. Хозяева конно-железных дорог заставляют своих служащих работать восемнадцать часов в сутки в холод и жару, моря их голодом. Но тут же писатель переходит к обобщению. Ведь то, что творят владельцы конки, чрезвычайно типично, ведь «тысячи других корпораций, компаний и промышленных предприятий» угнетают рабочих столь же беспощадно. В малом виден отсвет большого, между тираном императором и компанией, которая ведает конкой, есть много общего.

Твен суммирует. Угнетателей, говорит он, «немного: король, капиталист и горстка других — надсмотрщиков и подручных. Кто угнетенные? Их множество. Это народы мира: лучшие представители человечества, рабочие люди — те, кто своим трудом добывает хлеб для праздных белоручек».

Почему же сохраняется на земле такой несправедливый порядок вещей? Следует важнейший вывод, что в «политических обществах» сила определяет, что должно называться справедливостью. Сила создает законы и конституции. Так было в прошлом, на протяжении веков, в условиях господства королей. Такое положение существует и ныне.

Примечательно, что, говоря об угнетении людей, Твен теперь, по сути дела, ставит знак равенства между монархиями Европы и буржуазной Америкой. Факт этот исполнен огромного смысла. Автор «Новой династии» еще не изжил иллюзий насчет буржуазной демократии, и все же он видит теперь в США не царство равенства и свободы, а страну, где простые люди обречены на нищету и голод. Идеи, лежащие в основе «Позолоченного века», «Приключений Гекльберри Финна» и других лучших произведений писателя, получают дальнейшее развитие.

Однако значение ставшего нам известным столь недавно удивительного произведения Марка Твена этим не исчерпывается. Оратор не только жалеет угнетенных, не только осуждает поработителей. Он ясно и отчетливо говорит о необходимости перехода власти в руки трудового народа.

Мотив преодоления царящей в мире несправедливости возникал, конечно, у Твена и раньше. Создатель целой галереи светлых народных образов, он не раз выражал в своих сочинениях мечту о победе народа над силами зла и эксплуатации. Но в «Принце и нищем» человек из низов обретает власть сказочным путем. Гек же решает вопросы справедливости в пределах, доступных подростку. Принципиально новое в этой речи Твена заключается в том, что он теперь ставит вопрос о завоевании господства трудовыми людьми и в первую очередь всеми рабочими.

До сих пор, говорит писатель, «с незапамятных времен король и ничтожное меньшинство угнетали народы... им принадлежала власть решать, что справедливо, а что нет. Какой была эта власть, реальной или воображаемой? — спрашивает Твен и отвечает: — До сих пор она была реальной».

Но отныне открывается возможность превратить эту власть в ничто, в «тлен и прах». Ибо поднимается колосс — трудовой народ, который сильнее всех королей на свете, поднимается великая сила. «...И вы, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, уже можете различить вдали сияние ее знамен и поступь ее воинства... она взойдет с господней помощью на свой трон и поднимет свой скипетр — и голодные насытятся, и нагие оденутся, и надежда блеснет в глазах, не знавших надежды. И фальшивая знать уберется прочь, а законный владелец вступит во владение

своим домом».

Марк Твен верит, что основой для перехода власти из рук меньшинства в руки большинства послужат буржуазно-демократические устои. По его убеждению, достаточно американским избирателям-трудящимся, то есть большинству народа, заявить меньшинству, что «существующая система прав и законов» должна быть вывернута наизнанку, и сразу же эта система «перестанет существовать», причем все это произойдет абсолютно легальным путем. Но примечательно, что он представляет себе победивший народ прежде всего как рабочий класс.

Писатель вкладывает в уста Уэлша слова, напоминающие стихи Уитмена с их гордым утверждением величия людей труда, их мощной риторикой и яркими параллелизмами. Типограф говорит: «Я присутствую здесь не как рабочий-печатник, и не как каменщик или плотник, и вообще не представляю какой-нибудь одной профессии. Я выступаю от имени рабочих всех профессий, всех отраслей промышленности, всех моих собратьев, которые каждодневно зарабатывают собственными руками хлеб насущный на огромном пространстве от Атлантического океана до Тихого, от Мэна до Мексиканского залива, чтобы прокормить себя, своих жен и детей. Мой голос — это голос пяти миллионов человек».

Мы сказали: писатель вкладывает слова в уста Уэлша... И это действительно так. Есть данные, что типограф Уэлш ничего подобного не говорил, что Твен заимствовал у него только цифру численности «Ордена рыцарей труда».

Твен верит, что трудящиеся обладают достаточной мощью, чтобы взять всю власть в свои руки. Простые труженики всегда обладали неизмеримой силой. Но беда в том, что они ни о чем подобном даже не догадывались. О трагическом противоречии между потенциальным могуществом людей труда и их жалким, подчиненным положением писатель говорит с жестокой иронией, с огромной болью. Над трудящимися насмехались, и насмехались не без основания, ибо создатели всех ценностей не знали, на что они способны. Народ, с горечью продолжает оратор, был объектом издевки и тогда, когда, поднявшись на борьбу, он через некоторое время отступал под ударами недругов.

Вся беда в том, что среди рабочих нет нужной солидарности. Для того чтобы превратить в реальность безграничную силу, заложенную в людях труда, они должны объединиться. «...Когда все каменщики, и все переплетчики, и все повара, и все парикмахеры, и все слесари, и все рудокопы, и кузнецы, и печатники, и подносчики кирпича, и портовые грузчики, и маляры, и стрелочники, и машинисты, и кондукторы, и все

фабричные, и извозчики, и продавщицы, и белошвейки, и телеграфисты — словом, все миллионы трудящихся людей, в которых дремлет эта великая сила, именуемая Властью (подлинная власть, а не обветшавшая и обманчивая тень ее!), — когда они восстанут... — это будет восстание *Нации*».

Марк Твен — и в этом нет, конечно, ничего неожиданного — был очень далек от научного представления об исторической роли пролетариата в деле переустройства вселенной на иных, более высоких основах. Нужно напомнить об относительной неразвитости американского рабочего движения того времени. Как раз в 1886 году, когда была создана «Новая династия», Энгельс писал Зорге, что «движение в Америке находится сейчас на той ступени, на какой оно было у нас до 1848 г.», что «американцы, по вполне понятным историческим причинам, страшно отстали во всех теоретических вопросах»^[12].

Ни в речи 1886 года, ни в других своих произведениях Твен не выдвигает сколько-нибудь осознанного социалистического идеала.

В «Рыцарях труда» — новой династии» можно найти немало свидетельств близости автору этого произведения ошибочных взглядов на политику, которые были присущи миллионам его соотечественников. Писателю кажется, например, что нигде в мире рабочий класс так не силен, как в США, этой, по его наивному выражению, «единственной в мире земле, поистине предназначенной для свободы». Особенно бросается в глаза, что Твен крайне скептически относился к создаваемым рабочими самостоятельным политическим партиям. Его программа, если можно ее так назвать, была программой демократа, а не социалиста. Не понимая социалистических теорий и не доверяя им, Твен даже назвал нового «короля» — рабочего «надежной защитой против социалистов, коммунистов, анархистов».

И все-таки это не должно помешать нам оценить в должной мере тот замечательный факт, что в современной Америке создатель «Рыцарей труда» — новой династии» искал носителей справедливости именно в среде пролетариев.

Вся заключительная часть речи Твена — апофеоз рабочего класса. На смену монархам и капиталистам приходит «новая династия», династия рабочих. И она приходит не автоматически, не так, как на смену зиме приходит весна. Рабочий должен осознать свои возможности и утвердить их в борьбе. До сих пор трудящиеся, говорит Твен, были всего лишь рабочими лошадьми, покорно подчинявшимися воле хозяев. Наступило время, когда следует пустить в ход копыта.

Как использует рабочий свою власть, когда он ее завоеует? На этот

вопрос писатель дает как будто неожиданный ответ: «Сначала — для угнетения. Ибо он не более добродетелен, чем те, кто властвовал до него, и не хочет вводить никого в заблуждение. Разница лишь в том, что он будет угнетать меньшинство, а те угнетали большинство; он будет угнетать тысячи, а те угнетали миллионы»;

И это не все — король-рабочий «не будет заставлять своих подданных работать по восемнадцать часов в день и не будет морить голодом их семьи. Он позаботится о том, чтобы все было справедливо — справедливый рабочий день, справедливая заработная плата». Да и свою суровость в отношении противостоящих ему сил рабочий класс будет проявлять лишь до поры до времени. «Какое-то время, пока не соберется в его цитадели весь гарнизон и не укрепится его престол, он будет требователен, тверд, порою жесток — по необходимости. На это время наберемся терпения», — заключает Твен.

Победа рабочего, с глубоким волнением восклицает писатель, близка, ее ждать недолго. Воинство «строится, готовое выступить в поход».

Итак, рабочий, организованный в профсоюзы, — «величайшее явление величайшей эпохи из всех, которые переживало человечество. Не пытайтесь над ним издеваться — это время прошло. Перед ним стоит самая благородная задача, какая только выпадала на долю человека, и он выполнит ее. Да, он пришел. И теперь не задашь вопрос, который задавали тысячелетиями: как же нам поступить с ним? Впервые в истории человечества нас никто не приглашает в руководители. На этот раз перед нами не брешь в плотине — перед нами разлившийся поток!»

Повторяем, Твен так и не воспринял социалистических идей, хотя в ту пору они начали привлекать даже его ближайшего друга Гоуэлса или, скажем, Уолта Уитмена. Но верная любовь Твена к низам общества, к трудовому человеку и нарастающая его враждебность ко всем эксплуататорам помогли ему с такою силою выразить веру в будущее рабочего класса, что многое в его речи 1886 года перекликается с самой животрепещущей современностью.

Речь «Рыцари труда» — новая династия» — смелое пророчество о переходе власти из рук династий королей и капиталистов в руки трудового народа — родилась в самом начале этого знаменательного года. Можно, пожалуй, сказать, что в роскошном особняке на Фармингтон-авеню был создан тогда своего рода динамитный заряд, не обещавший ничего хорошего верхам Хартфорда, верхам всей Америки. В тиши бильярдной на третьем этаже дома слышался погребальный звон правящему классу страны.

Вандербильты, гуллы, морганы, рокфеллеры были тогда богаты и сильны, как никогда. Процесс исторического развития США обещал капиталистам еще много, очень много десятилетий укрепления их власти. И сегодня миллионеры и мультимиллионеры правят родиной писателя. Но Твен угадал, что им в конце концов не устоять, что не всегда будет «ничтожное меньшинство» угнетать народ, что «фальшивая знать уберется прочь, а законный владелец вступит во владение своим домом». И этот «законный владелец» — «миллионы трудящихся людей».

Какова же судьба бомбоподобной речи Марка Твена?

Достоверно известно, что он прочитал ее 22 марта 1886 года на заседании хартфордского клуба «В понедельник вечером». Но этим наши познания о том, что тогда произошло, и ограничиваются. До настоящего времени не выяснено с какой-нибудь степенью точности, как встретили речь члены клуба и какие конкретные обстоятельства привели к тому, что «Новая династия» сразу же превратилась в «запретное» произведение.

Ни Твен, ни члены клуба «В понедельник вечером», насколько известно, не оставили письменных свидетельств о том, что произошло 22 марта 1886 года. Впрочем, есть основания предполагать, что речь Твена не пришлась по вкусу его слушателям. Ведь в Хартфорде задавали тон люди с капиталами, консервативно настроенные. Как раз тогда американская печать вела бешеную кампанию против «Рыцарей труда», которых обвиняли во всевозможных грехах и злодеяниях.

Прогрессивный американский историк Ф. Фонер высказал предположение, что Гоуэлс, которому речь Твена чрезвычайно понравилась, сделал попытку ее напечатать. Как бы то ни было, она так и не появилась ни в газетах, ни в журналах. Ведь, по словам того же Гоуэлса, американские газеты не хотят «считаться с фактами... обманывают читателей».

Между тем предсказанный Твенем — косвенным образом — подъем борьбы рабочего класса против поработителей не заставил себя ждать. Правда, социальные столкновения приняли не совсем такой характер, как предполагал писатель. Ведь правители США отнюдь не собирались мирно уступить власть «новой династии».

Даже самые скромные требования трудящихся вызывали у американских капиталистов неудержимую ярость — они требовали от правительства репрессий против рабочих и легко добивались желаемого. Классовосознательных пролетариев расстреливали, заточали в тюрьмы, казнили.

Всего через месяц с небольшим после выступления Твена в США развернулась знаменитая в истории мирового рабочего движения

первомайская забастовка. В ней приняло участие много тысяч трудящихся, требовавших установления восьмичасового рабочего дня. Через два дня после этой забастовки полиция подвергла обстрелу массовый митинг в Чикаго — было убито шесть рабочих. 4 мая того же 1886 года на митинге протеста провокатором была брошена бомба, что дало реакционерам повод для ареста вожakov стачечного движения. Прошел еще какой-то срок, и суд, покорный голосу капиталистов, санкционировал легализованное убийство ни в чем не повинных людей. Казнь осужденных представителей рабочего класса состоялась в 1887 году и вызвала в американском народе бурю возмущения.

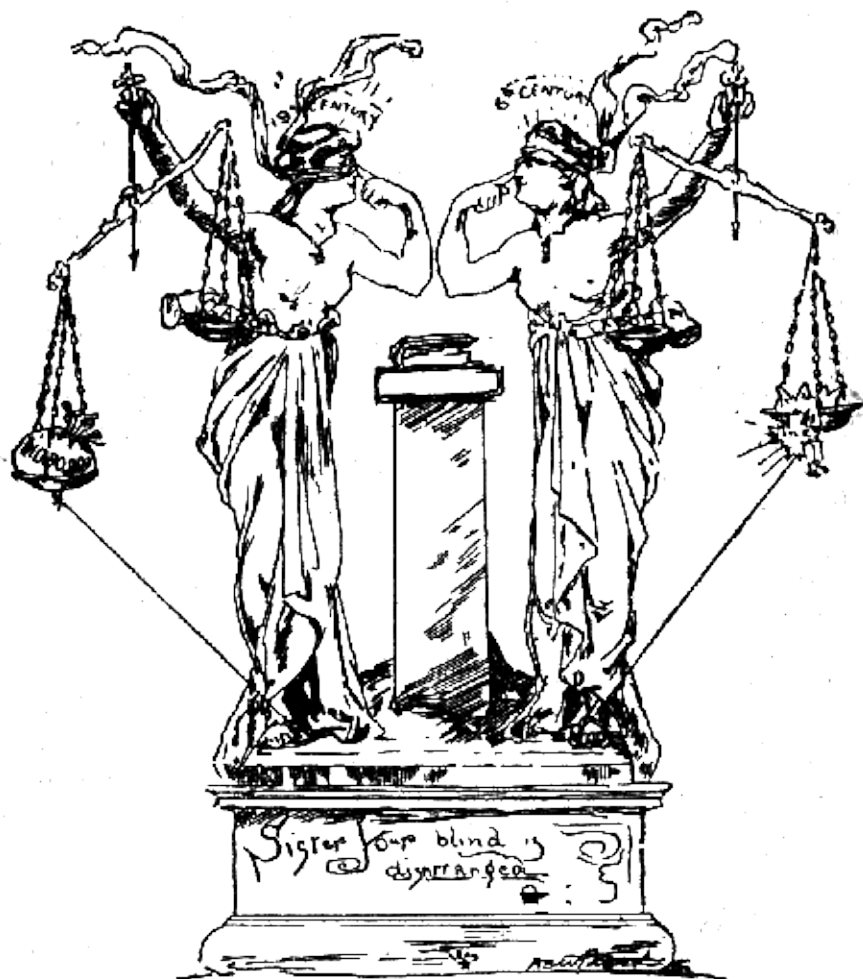
Публикация «Рыцарей труда» — новой династии» восстанавливает оставшееся неизвестным до недавних пор важнейшее звено в биографии Твена, в истории его идейного и творческого развития. О существовании такого звена можно было с большей или меньшей степенью уверенности догадываться, но вполне ясное представление об отношении автора «Приключений Гекльберри Финна» к рабочему классу мы получили только теперь.

В заключение нашего рассказа о тайне одной речи нужно сказать еще что-то. Нет сомнений, что к середине 80-х годов в сердце Твена стало глубоко проникать чувство горечи, вызванное тем, что ему было мучительно тяжело скрывать от читателей самые заветные, самые пронзительные свои мысли. И тогда же, надо думать, в душе сатирика появилось ощущение вины — вины за то, что он в какой-то степени мирился с нетерпимым этим положением.

Пройдет много лет, и Твен напишет другу: «Честен ли я? Даю вам слово, что нет (но это между нами)». Пожалуй, подобные мысли начали возникать у него еще в середине 80-х годов.

Автор «Приключений Гекльберри Финна» обладал такой же болезненно чувствительной совестью, как и его благородный герой. И Твену становилось все труднее жить на свете еще и потому, что появлялись новые поводы укорять самого себя.

Янки из Коннектикута

Современная иллюстрация к книге «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Художник показывает, что не только в далеком прошлом, но и ныне власть имущие сильнее людей труда. В VI веке побеждали титулы, в XIX столетии — деньги.

Растущее в душе Твена чувство беспокойства и недовольства современностью нашло ярчайшее отражение в его романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», который был опубликован в 1889 году.

Рядовой житель Хартфорда, мастер одного из многочисленных заводов, расположенных в штате Коннектикут, человек, вооруженный всеми атрибутами цивилизации конца XIX века, подлинный янки, во сне

попадает в мифическое средневековое государство короля Артура. Он обнаруживает там много скверного и пытается уничтожить феодальные порядки, но терпит поражение. Такова сюжетная основа фантастического романа Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Почему же Твен совершает новую вылазку в далекое прошлое? Почему писатель, которого так волнует то, что происходит вокруг него, который ясно видит низость души американских предпринимателей лэнгдонов и сочувственно воспринимает попытки рабочих объединиться для борьбы за свои права, во второй половине 80-х годов бросается в бой против средневековья, воюет против феодальных устоев, королевской власти?

Иногда «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» рассматривают как роман, в котором писатель лишь стремится показать превосходство современной буржуазной цивилизации над средневековьем. Эта позиция ошибочна.

С другой стороны, неверно было бы считать автора этой книги и вполне последовательным противником капитализма.

В романе сталкиваются между собой не только воинственные рыцари, но и разные идейные тенденции.

И тогда, и раньше, и до самых последних дней своей жизни Твен был полон непримиримой враждебности и самого откровенного презрения к монархии, государственной церкви, феодальным устоям. Он воспринял эти позиции у передовых идеологов американской буржуазной демократии, он разделял их с миллионами трудящихся в США. Его антифеодальные настроения были тем более свежи и остры, что и в конце XIX века элементы феодально-абсолютистских порядков в той или иной мере сохранялись в большинстве стран Европы и Азии, а также и на американском континенте. Апологеты церковного мракобесия и крепостнических нравов откровенно и самым активным образом пропагандировали свои взгляды. К тому же иные литераторы и в Англии и в США противопоставляли буржуазным идеалам приукрашенный облик средневековья.

В свои записные книжки Твен вносил все новые и новые негодующие высказывания о злодействах самодержцев, представителей знати, католических попов. «Королевский трон не может рассчитывать на уважение, — писал он. — С самого начала он был захвачен силой, как захватывает имущество разбойник на большой дороге, и остался обиталищем преступления. Ничем, кроме как символом преступления, он и быть не может. С тем же успехом можно требовать уважения к пиратскому

флагу... если скрестить короля со шлюхой, ублюдок будет полностью соответствовать английскому представлению об аристократичности».

А в письме Твена 1889 года одному его корреспонденту говорилось: «Если бы я мог прожить еще пятьдесят лет, то, несомненно, увидел бы, как все троны европейских монархов продаются с аукциона на слом. Я твердо верю, что в таком случае мне наверняка удалось бы увидеть конец самого нелепого обмана из всех, изобретенных человечеством, — конец монархий».

В романе о Янки писатель решительно отвергает романтику феодализма, средневекового рыцарства, религиозного экстаза, которая была столь дорога и английскому поэту Теннисону, и писателям, а также художникам «прерафаэлитам», и американскому поборнику средневековья Генри Адамсу, и другим его современникам.

Твен с гордостью подчеркивает технические успехи Соединенных Штатов Америки, превосходство цивилизации XIX века над отсталым средневековьем. Подумать только, при дворе короля Артура не было известно такое замечательное изобретение, как телефон! В средние века не знали «ни газа, ни свечей... ни книг, ни перьев, ни бумаги, ни чернил, ни стекол». Отсутствовали сахар, кофе, чай и табак.

Издевка над убожеством материальной культуры прошлого служит, однако, лишь отправным пунктом для твеновской сатиры.

Писатель обрушивает мощь своего сарказма на аристократию, королевскую власть, государственную церковь. Феодальные нравы ненавистны ему, как демократу, как человеку, который сочувствует мукам людей, подавляемых и унижаемых знатью и попами.

Объектом насмешек писателя становятся рыцари. Он беспощадно вышучивает этих бездельников в железных бочонках «с прорезями». Их одежда чертовски неудобна, неуклюжа, лишена смысла. Для того чтобы влезть на коня, рыцарям надо было бы применять подъемные краны, издевательски отмечает Янки.

К тому же рыцари ввали, аморальные и грубые существа, законченные невежды. Они дерутся с кем угодно и решительно без всякой причины. Сделавшись влиятельным лицом при дворе короля Артура, Янки заставляет рыцарей стать коммивояжерами, торгующими галантереей. Тайная цель его героя, прямо говорит Твен, заключалась в том, чтобы «ослабить рыцарство, сделав его смешным и нелепым».

Сатирический замысел писателя продолжает углубляться, приобретая все более ясно выраженный классовый характер.

Представители знати, восклицает Янки, лишь «человекоподобные

вороны, рядящиеся в павлиньи перья наследственных достоинств и незаслуженных титулов». Они годны «только на то, чтобы над ними посмеяться».

Вообще короли и дворянство — люди «ленивые, бесполезные, умеющие только разрушать и не представляющие никакой ценности для разумно устроенного общества». Уж если нужны людям монархи, лукаво говорит Твен, то следует возвести на трон котов — «знать они будут столько же, у них будут те же добродетели, те же пороки... а стоять они будут очень недорого».

Ничем не лучше аристократов церковники. «...Господствующая церковь — это господствующее преступление». Твен рисует католических монахов грязными бездельниками, развратниками и пьяницами. Он подсчитывает, сколько энергии уходит зря у отшельника, отбивающего поклоны, и ехидно предлагает заставить его попутно «вертеть колесо швейной машины».

Перед лицом мрачного прошлого, которое для столь многих народов являлось и их настоящим, автор «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» порою как будто начинает проникаться новыми надеждами на буржуазную демократию. Может быть, еще не все потеряно?.. Может быть, кажется ему иногда, преимущества американских порядков по сравнению со средневековыми — залог их исправимости.

В романе есть ряд мест, где Твен характеризует современную Америку весьма положительно. Называя римско-католическую церковь страшной, Твен кое-где противопоставляет ей церковь протестантскую, разделенную на «сорок независимых враждующих сект, как... в Соединенных Штатах». У писателя даже возникает мысль, что то «добро», которое делает церковь, «она делала бы еще лучше, если бы была разделена на много сект», то есть не была государственной церковью, подобной той, которая существовала в средние века.

Однако, вчитываясь в роман, мы начинаем ощущать, что автор его враждебен не только государственной католической церкви «артуровских» времен. Пусть в книге идет речь о средневековье — по существу, Твен то и дело атакует церковь вообще. Обычно «церковную власть, — говорит он, — прибирают к рукам корыстные люди, и она постепенно убивает человеческую свободу и парализует человеческую мысль». Писатель осуждает церковь за то, что «она проповедовала (простонародью) смирение, послушание начальству, прелесть самопожертвования; она проповедовала, — продолжает он, — (простонародью) непротивление злу; проповедовала (простонародью, одному только простонародью) терпение,

нищету духа, покорность угнетателям...»

Разве только средневековая католическая церковь проповедовала (и проповедует) народу смирение и покорность угнетателям?! Живая логика жизненной правды заставила Твена сказать больше, чем он, возможно, собирался.

Та же тенденция расширять круг критикуемых явлений и от осуждения феодальных форм зла переходить к обличению порядков, характерных для буржуазной современности, сказывается и в других частях книги. Она особенно заметна там, где Твен говорит о низах государства короля Артура, о тех, кто своим трудом и кровью создавал богатства страны.

Сперва перед нами жертвы специфически феодальных устоев жизни. «Большая часть британского народа при короле Артуре, — пишет Твен, — состояла из рабов, самых настоящих; они так рабами и назывались и в знак рабства носили железные ошейники; остальные тоже, в сущности, были рабы, хотя не назывались рабами, — они воображали себя свободными людьми, и их именовали: «свободные люди». По правде говоря, вся нация в целом существовала только для того, чтобы пресмыкаться перед королем, церковью и знатью, чтобы рабски служить им, чтобы проливать за них кровь, чтобы, умирая с голоду, кормить их...»

Вот гонят толпу рабов: «...все эти люди... шли, понутив головы, и на лицах их лежала печать безнадежности». С колкой иронией Твен описывает, как Янки «дрессирует» короля, чтобы сделать его похожим на простолюдина. Король не должен забывать, что «низкороденный человек вечно согбен под бременем горьких забот», что он унижен, уныл, обезчеловечен, что он — покорный раб.

Твен пишет о крепостных феодальных времен. Нет, конечно, ничего удивительного в том, что он порою перебрасывает мостик от средневековья к рабовладельческому Югу США середины XIX века. В романе проводится параллель между положением крестьян в Артуровом государстве и жизнью негров-невольников в родной стране писателя.

Но беспокойное сердце Твена заставляет его идти дальше. В романе неожиданно возникают ссылки на жизнь людей наемного труда в Соединенных Штатах конца XIX столетия, и читатель обнаруживает нечто общее в судьбах подданных короля Артура и современных американских рабочих.

В сцене, где Янки учит короля, как ему сделаться похожим на обыкновенного простолюдина, герой романа дает совет Артуру думать о... всяких бедах. «Вообразите себе, — говорит он, — что вы опутаны долгами, что вас мучают беспощадные кредиторы; вы безработный — ну, скажем, вы

— кузнец, и вас выгнали со службы; ваша жена больна, а дети ваши плачут, потому что им хочется есть...»

Безработные в стране короля Артура?! Нет, Твен вспоминает здесь, конечно, о муках рабочих в его собственной стране.

В другом месте Янки вдруг принимается обсуждать проблему «заработной платы». «Человек неопытный и не любящий размышлять, — декларирует он, — обычно склонен измерять благосостояние или нужду того или иного народа размером средней заработной платы... А между тем... важна не та сумма, которую вы получаете, а то, что вы можете на нее приобрести, и только этим определяется, высока или низка ваша заработная плата в действительности».

И здесь у Твена идет речь об Америке.

Передовые люди США сразу это поняли. Художник Дэн Бирд, сочувствовавший социалистическим идеям, в своих иллюстрациях для книги дал почувствовать, что объектом сатиры являются не только аристократы VI века, но и современные захватчики земель, грабители и эксплуататоры. Ф. Фонер установил, что рабочая пресса конца прошлого века перепечатывала большие куски из «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Особенной популярностью среди американских пролетариев пользовалась глава «Политическая экономия шестого века», связь которой с современностью была вполне очевидной.

Свое отрицательное отношение к церкви, даже к религии вообще, писатель во многом унаследовал от мыслителей прошлого, в частности от лучших деятелей эпохи Просвещения в Америке. Но для того чтобы увидеть черты общности в положении низов при феодализме и в буржуазной Америке, Твен должен был многому научиться у современности.

Дыхание американской жизни конца века, развертывавшейся тогда классовой борьбы дает себя чувствовать как в отдельных эпизодах романа, так и в общей его идейной направленности.

Нет сомнений в том, что автору «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» были близки позиции просветителей XVIII века не только в вопросах религии. Твен, подобно просветителям, не задумывался над тем, какие реальные условия жизни сделали возможным и даже необходимым — на определенном историческом этапе — существование феодализма. Для него, как и для представителей литературы Просвещения, средневековье — это прежде всего символ человеческой неразумности, глупости, темноты. Королевство Артура — это королевство взрослых

детей. Рыцари собираются вокруг прославленного Круглого стола, и Твен отмечает, что «мозгов в этой огромной детской не хватило бы и на то, чтоб насадить их на рыболовный крючок для приманки; но мозги в подобном обществе и не нужны, — напротив, они... пожалуй, сделали бы невозможным самое его существование».

Иногда в романе возникает мысль, что для изменения жизни на новый лад необходимы главным образом просвещение и технический прогресс. Введите чистоплотность, образование и «свободу», думает Янки, и церковь начнет «разваливаться на куски»; а когда к тому же получит развитие современная техника, исчезнут последние преграды на пути создания хорошей жизни для народа.

Однако писатель, говоривший о необходимости «Восстания» (с большой буквы) против церкви и государства, не может удовлетвориться таким представлением о путях перехода от старых порядков к новым. На многих страницах романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Твен признает необходимость насильственного свержения негодных устоев жизни.

История отношения Твена к революционной борьбе масс в определенной степени служит зеркалом эволюции его мировоззрения. С детства будущий писатель был воспитан в духе преклонения перед революционным подвигом основателей американской республики. Позднее он осознал, хотя и далеко не сразу, прогрессивность позиции Севера в войне против рабовладельческого Юга. И все же, достигнув творческой зрелости уже в условиях победы в США капиталистического уклада, Твен, как и многие его буржуазные соотечественники, на протяжении долгого времени склонен был скептически относиться к революционной борьбе трудящихся.

События периода Парижской коммуны внесли в душу Твена долго не выветривавшийся страх перед революционными действиями народа. Особенно ясно это сказалось в книге «Пешком по Европе», в которой Твен с издевкой изображает французов, поднявшихся против Людовика XVI.

Прошло шесть-семь лет. В «Рыцарях труда» — новой династии» писатель снова вспоминает французских революционеров. В речи уже не чувствуется столь отрицательное отношение к революционному народу Франции, как в книге «Пешком по Европе», — Твен признает, что массы были взбешены «тысячелетним разгулом невообразимого деспотизма». Но все же он ссылается на французскую революцию прежде всего для того, чтобы показать, что и народ, получивший власть, использует ее для подавления противостоящих ему сил.

Проходит еще два-три года. Это были именно те годы, когда в США развернулись в невиданных масштабах классовые бои, полиция расстреливала рабочих, были казнены некоторые руководители стачечного движения.

И вот в книге о Янки Твен не только не позволяет себе скептических замечаний о революционных массах, но прямо выступает сторонником революционной борьбы против угнетателей. Он славит «навечно памятную и благословенную» французскую революцию, которая «одной кровавой волной» смыла тысячелетие мерзостей «и взыскала древний долг — полкапли крови за каждую бочку ее, выжатую медленными пытками из народа в течение тысячелетия неправды, позора и мук, каких не сыскать и в аду».

В конце концов гимн во славу революционной борьбы становится идейным стержнем романа.

Подобно его собрату по американской литературе — Уолту Уитмену, Твен вступает в прямую полемику с буржуазными идеологами в США, которые, позабыв об опыте американской войны за независимость, лицемерно осуждают революционеров Франции за пролитие крови.

«Нужно помнить и не забывать, — говорится в книге о Янки, — что было два «царства террора»; во время одного — убийства совершались в горячке страстей, во время другого — хладнокровно и обдуманно; одно длилось несколько месяцев, другое — тысячу лет; одно стоило жизни десятку тысяч человек, другое — сотне миллионов. Но нас почему-то ужасает первый, наименьший, так сказать, минутный террор, а между тем что такое ужас мгновенной смерти под топором по сравнению с медленным умиранием в течение всей жизни от голода, холода, оскорблений, жестокости и сердечной муки? Что такое мгновенная смерть от молнии по сравнению с медленной смертью на костре? Все жертвы того красного террора, по поводу которых нас так усердно учили проливать слезы и ужасаться, могли бы поместиться на одном городском кладбище; но вся Франция не могла бы вместить жертв того древнего и подлинного террора, несказанно более горького и страшного; однако никто никогда не учил нас понимать весь ужас его и трепетать от жалости к его жертвам».

Твен настойчиво утверждает, что «еще ни один народ не купил себе свободы приятными рассуждениями и моральными доводами». Он ссылается при этом на «исторический закон».

И снова чувствуется, что писатель имеет в виду не только борьбу за свободу, развернувшуюся в стране короля Артура. Недаром он воспринял с радостью одобрительное отношение Гоуэлса к тому, что писал о

французской революции. В письме Гоуэлсу от 22 сентября 1889 года есть такое многозначительное добавление:

«Думаю, с вами согласятся очень немногие. Как ни странно, даже и в наши дни американцы все еще смотрят на это бессмертное и благословенное событие (французскую революцию. — М. М.) глазами англичан и других монархических наций, и все, что они думают о нем, заимствовано из вторых рук.

Если не считать Четвертого июля и того, что за ним последовало, это было самым замечательным и самым великим событием за всю историю Земли. И его благотворные последствия далеко не исчерпаны и будут сказываться еще очень и очень долго».

Иногда автор романа о Янки прямо переносит своего героя из VI века в атмосферу жгучей классовой борьбы XIX столетия. Он говорит о профсоюзах, которые возникнут «через тринадцать веков», и, изображая столкновения рабочих с богачами, не оставляет никаких сомнений насчет того, на чьей стороне его собственные симпатии. Герой романа и Твен вместе с ним осуждают «меньшинство», которое, «не работая, определяет, сколько платить большинству, которое работает за всех». Янки насмешливо говорит, что богачи организовали своего рода «профессиональный союз», чтобы «принудить своих меньших братьев получать столько, сколько им сочли нужным дать». А вот когда, продолжает он с растущим сарказмом, объединятся сами труженики, «богачи станут скрежетать зубами, возмущаясь тиранией профессиональных союзов!».

Но как бы ни относились к этому богачи, современный трудящийся, говорит Твен устами Янки, «начнет сам устанавливать размеры своего заработка. Да, большой счет предъявит он за все те издевательства и унижения, которых он натерпелся».

Так все чаще и чаще — то сознательно, то неосознанно — откликается Твен в своем романе о средневековье на жизнь американцев его собственной эпохи.

Очень волнуют страницы книги, где Твен укоряет трудящихся за недостаточную решительность в борьбе за свои права и даже за измену своим классовым интересам. Опять-таки писатель сближает при этом средневековую Англию с Америкой XIX столетия.

Вспомним, какую важную роль играла в «Приключениях Гекльберри Финна» тема преодоления простым человеком ложных убеждений, распространяемых правящим классом. Та же тема всплывает и в новом романе. Писателя мучили воспоминания о том, что «белые бедняки» на юге США «малодушно поддерживали рабовладельцев во всех политических

движениях, стремившихся сохранить и продлить рабство, и, наконец, даже взяли ружья и проливали кровь свою за то, чтобы не погибло то самое учреждение, которое их принижало». Но автор книги о Янки живет не одними лишь воспоминаниями о довоенном прошлом. Можно утверждать, что, изображая с болью, как верхи артуровских времен используют людей из низов против них же самих, Твен не забывал и о современной ему Америке. Ведь как раз в середине 80-х годов миллионер Гулд нагло заявил: «Я могу нанять одну половину рабочего класса и заставить ее убивать другую половину».

В «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» описан угольщик, который «помогал вешать своих соседей, и помогал усердно, хотя отлично знал, что против этих людей нет никаких улик, а одни только смутные подозрения; и ни он, ни его жена не видели в том ничего ужасного». Угнетенные считали, обобщает Твен, что «в ссоре человека, принадлежащего к их собственному классу, с их лордом им естественнее и выгоднее стать на сторону своего господина и сражаться за него, даже не вникая в то, кто прав и кто виноват».

Безответная покорность угнетенных вызывает у Твена бешенство. Тот, кто идет против своего класса, против бедняков, — «негодяй». Мотив приниженности рядового человека, который не решается бросить вызов угнетателям, звучит в романе о Янки даже громче, чем в «Приключениях Гекльберри Финна». Здесь еще больше негодующего смеха.

И все же писатель не теряет веры в простых людей. Вот с лица угольщика сошло «выражение страха и подавленности», в его глазах «блеснула отвага». «Человек всегда остается человеком! — восклицает Твен. — Века притеснений и гнета не могут вытравить в нем человека. Тот, кто полагает, что это ошибка, сам ошибается».

Писатель-демократ славит народ, преклоняется перед его мощью. Твен показал величие народа и в «Принце и нищем» и в романе о Геке. Но никогда еще он не говорил так настойчиво о праве народных масс определять свою собственную судьбу. Благородному пафосу народовластия, который слышится в романе о Янки, особую силу придали, конечно, твеновские раздумья последних лет.

«Лучшие умы всех народов во все века, — торжественно провозглашает писатель, — выходили из народа, из народной толщи, а вовсе не из привилегированных классов; следовательно, независимо от того, высок ли, или низок общий уровень данного народа, дарования его таятся среди безвестных бедняков, — а их так много, что не будет такого дня, когда в недрах народных не найдется людей, способных помочь ему

руководить собой».

Твен понимает, что только народ может решить, как ему строить свою жизнь. Он мечтает о более справедливом социальном строе. Однако характер этого строя автор романа о Янки представляет себе очень смутно.

И теперь Твен исходит из абстрактных суждений о демократии. Коллективистское начало, которое так мощно звучит во многих произведениях Уитмена и порою заставляло великого американского поэта прямо высказываться за социализм, дает себя чувствовать в «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» несравненно более глухо. Известная ограниченность Твена вполне очевидна. Но он был искренним и горячим демократом, живо ощущал душу простого народа и горячо сопереживал с ним.

Роман создан писателем, перед которым еще не раскрылась до конца правда социальной действительности. В «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» ощущается присущее Твену тех лет смятение чувств. Но писатель верит в народ.

В книге отразился сложный, противоречивый процесс идейного созревания широких слоев американского народа в канун империализма.

Роман, столь богатый содержанием, роман, в котором порою звучат трагические ноты, — одно из самых веселых произведений Твена. В нем больше гротеска, эксцентриады, нежели в книгах о Томе и Геке.

Немало комического есть в столкновении феодальных рыцарских претензий и духа буржуазного делячества. Гордые рыцари увешаны рекламными плакатами.

Ситуации, вызывающие смех самой своей нелепостью, служат целям выявления нелепостей социальных. Твен говорит о дворянстве, рыцарях, служителях церкви, мракобесах в весьма неуважительном тоне.

Герой романа бросает бомбу в скопище рыцарей и затем видит «славное зрелище, славное и приятное». Целых четверть часа, говорит Янки, «на нас сыпался дождь из микроскопических частиц рыцарей, металла и конины».

В «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» мы находим интересную характеристику сатирического метода Твена. Автор пишет: «Когда я решаю нанести удар, то вовсе не собираюсь ограничиться ласковым щелчком, — нет, я не таков: уж если я бью, так бью на совесть. И я не насккиваю вдруг, рискуя сорваться на полдороге, нет, я отхожу в сторону и осторожно веду подготовку, так что противнику моему никогда и в голову не придет, что я собираюсь ударить его; потом — мгновение, и он уже лежит на обеих лопатках, сам не зная, как это с ним случилось».

Действительно, писатель широко пользуется затаенной насмешкой. Прибегая к тонкой иронии, он отчасти скрывает свои намерения, накапливает силы, а уж затем бьет «на совесть».

В книге о Янки много пародий. По сути дела, вся она пародийна. И потому так органически сливаются в романе обличение и самые эксцентричные шутки, смешные неожиданности. Твен рассказывает, например, о гнусности палача, который не только мучил заключенных, но также «беспричинно бил и всячески обижал жену узника». Палач, продолжает Янки, «заслужил наказание, и я, сняв его с должности палача, назначил его на должность капельмейстера во вновь организуемый оркестр. Он умолял меня о пощаде, он уверял, что не умеет играть, — отговорка вообще уважительная, но в данном случае ничего не значащая: во всей стране не было музыканта, который умел бы играть».

Порою может показаться, что каламбуры и остроты в простонародном духе (Твен, например, мимоходом говорит о продаже «пирожков и камней, чтоб разбивать их») отвлекают читателя от главного в романе.

По мнению многих современных буржуазных критиков, произведение вообще «не получилось». Совсем недавно, в начале 60-х годов, один американский историк литературы писал: «...критический анализ приводит к выводу, что книга в целом, пожалуй, является неудачной».

Нет, это не так. Роман о Янки — одно из наиболее сильных, цельных и художественно значительных произведений писателя. На фоне заразительного юмора трагизм жизни бесправного народа выступает даже с большей рельефностью. Сколько радостного смеха было бы на свете, если бы на пути людей не становились злодеи мерлины, — вот что говорит Твен некоторыми уморительно-веселыми сценами романа.

В последних главах комическое, однако, почти сходит на нет. Гибнут десятки тысяч живых существ. Противник Янки — коварный волшебник Мерлин — берет верх над силами прогресса. «Заключительный постскрипtum автора», в котором рассказывается о смерти Янки, вернувшегося в современный мир, пронизан ощущением трагизма. Янки разлучен со своей Сэнди. Между героем романа и любимой женщиной — «пропасть». Пропасть, говорит Янки, также «между мной и моим домом, моими друзьями! Между мной и всем, что дорого мне, всем, ради чего стоит жить! Ужасно... Ужаснее, чем ты можешь себе представить, Сэнди. Ах, посиди со мной, Сэнди, не оставляй меня ни на минуту, не давай мне опять потерять рассудок. Смерть — вздор, пусть она приходит, лишь бы не было только тех снов... те сны для меня пытка... Я не в силах их больше терпеть... Сэнди!» Так юмор и сатира трансформируются в трагический

пафос.

Но ведь пропасть, о которой говорит Янки, носит совершенно фантастический характер — это пропасть между XIX веком и временем короля Артура. Вспомним к тому же, что герою книги не очень-то уж было по себе в Артуровом королевстве. Почему же такая тоска звучит в заключительных строках романа?

Невольно думается, что и в предсмертных жалобах Янки нашли косвенное отражение чувства самого Твена, мрачные чувства, порожденные современной американской действительностью. Ведь Янки из Коннектикута побывал не только при дворе короля Артура, он заглянул и в кое-какие уголки Коннектикута...

Среди чужих

Книга «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» не вызвала симпатий в кругах буржуазных читателей. Им было не по себе. В Англии ведущие критики встретили роман с неприкрытой враждебностью. Но Твен уже начинал привыкать к тому, что он живет среди чужих, не очень-то дружелюбно расположенных к нему людей.

И он все чаще выражал свое несогласие с ними.

Когда издательство предложило Твену изъять кое-какие разделы из специального выпуска романа о Янки, предназначавшегося для Англии, он категорически запротестовал. Ему не хотелось, чтобы от английских читателей были скрыты какие-либо насмешливые замечания о королях и знати.

Впрочем, автор книги «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» считал необходимым внушать антимонархические чувства не только обитателям Англии и других стран, где существовал монархический режим, но и своим соотечественникам. В записных книжках Твена говорится: «Не подлежит сомнению, что больше всех пресмыкаются перед монархами и аристократами и больше всех извлекают из этого удовольствия именно американцы. Не все американцы, но если уж американец берется за это — он вне конкуренции».

В связи с отрицательными рецензиями на книгу о Янки Твен заметил в письме к одному критику, что не удивлен неблагоприятным отношением «образованного класса» к его творчеству, ведь он пишет не для подобных читателей. «Я никогда не пытался служить дальнейшему образованию образованного класса, — говорит Твен. — У меня нет для этого ни таланта, ни подготовки. Да я никогда к этому и не стремился, меня с самого начала влекла куда более крупная дичь — народные массы».

А все-таки Твен по-прежнему жил в кругу людей богатых и знатных. Он называл церковь в Хартфорде, настоятелем которой был его друг Твичел, «церковью святых спекулянтов», но многие годы являлся прихожанином этого фешенебельного «молитвенного дома». Когда Гоуэлс как-то спросил Твена: ходит ли он и церковь, писатель со стоном ответил: «Да, хожу. Меня это убивает, но я хожу».

С тяжелым чувством Марк Твен продолжал заниматься машиной Пейджа и издательством. Наборная машина все еще не работала как следует. Пришлось спешно искать компаньонов: собственных средств не

хватало. Писатель выбивался из сил, безуспешно пытаясь доказать денежным людям, что если они вложат капиталы в это изобретение, то оно принесет им миллионы долларов прибыли.

Известный марксист — историк и критик Франц Меринг сказал как-то о Диккенсе, что по отношению к нему лично «буржуазное общество меньше всего выказало себя мачехой. Все, что оно могло ему дать, оно, после нескольких лет неумолимого труда, предоставило ему в изобилии». Жизнь Твена сложилась не так удачно в этом плане, как жизнь Диккенса. Временами он испытывал материальные затруднения. И все же на протяжении четырех десятилетий Твен, как и Диккенс, получал немалые доходы. С ним не могли сравниться не только нищий поэт Уитмен, но и гораздо более удачливые американские писатели.

Меринг подчеркивал, что Диккенс «был почетным гостем министров и находился в тесной дружбе со всеми знаменитостями Англии». Марк Твен тоже стал почетным гостем министров, президентов и коронованных особ. Буржуазное общество не жалело усилий для того, чтобы сделать писателя выразителем своих идеалов.

Тем не менее все то, что говорил Меринг о симпатиях, которые Диккенс сохранил к бедным, несчастным, к пасынкам общества, в полной мере должно быть отнесено и к Твену.

«Никто не мог так глубоко, как он, вчувствоваться в жизнь пасынков природы, слепых, немых и глухих, и так же глубоко — что, несомненно, важнее — в жизнь пасынков общества», — писал Меринг о Диккенсе. Это верно и в отношении Твена. Диккенс не стал блюдолизом капитализма, продолжает Меринг, «его доброе сердце и здравый человеческий рассудок заботились о том, чтобы у него были раскрыты глаза на язвы этого общества...». Это может быть сказано и о Марке Твене.

В 1891 году писатель понял, что содержать большой дом в Хартфорде и вообще поддерживать тот уровень жизни, который был установлен почти два десятка лет тому назад, когда он переселился в этот город, больше невозможно. Решено было, что дешевле жить за границей. Дом в Хартфорде был заколочен, некоторых из слуг отпустили.

В Берлине Твен встретился за обеденным столом с кайзером Вильгельмом. Через несколько месяцев состоялось свидание с принцем Уэльским, будущим Эдуардом VII. Американский юморист понравился принцу.

Но как раз в ту пору, находясь в кругу аристократов, Твен обратил внимание собравшихся на висевшую в зале картину суда над Карлом I. Указав на одного из судей, писатель сказал: «Это мой предок».

Посетив Бейрут, Нюрнберг, Гейдельберг, Швейцарию, Клеменсы обосновались на некоторое время во Франции. Твен совершил путешествие в лодке по реке Роне. Он чувствовал себя превосходно вдали от Америки и связанных с нею забот. Но даже на тихой Роне душа писателя-демократа порою вспыхивала пламенем ненависти. После осмотра старинных замков, построенных христианами, он начал вспоминать преступления, освященные христианской религией. Теперь, писал Твен жене, эти «берега... заставляют презирать человечество».

Знатные и состоятельные знакомые Твена считали себя, конечно, добропорядочными христианами. Но писателя томило желание резче выразить свое истинное отношение к христианской церкви. Однажды он сочинил весьма неуважительный к религии рассказ о том, как вместе с архиепископом и евангелистом отправился в поезде на тот свет и как незаметно поменялся с архиепископом билетами. Оливия Клеменс, конечно, категорически запретила печатать это сочинение. Твен перевел рассказ на немецкий язык — он напечатает его по-немецки, и Ливи об этом не узнает. В последнюю минуту, однако, решимость оставила Твена, и он признался жене в задуманном «преступлении» — рассказ так и не был опубликован.

Клеменсам все еще не сиделось на месте. Из Берлина они снова отправились во Францию, оттуда в Рим, Флоренцию. Затем Швейцария, снова Германия. Казалось, это путешествие беззаботных американских туристов. Но всюду, куда ни ехали Клеменсы, их настигали известия об ухудшающемся положении издательства.

Жизнь продолжала мстить писателю за увлечение чуждыми ему делами.

Английский лорд в Америке

В 1892 году была опубликована повесть Твена «Американский претендент».

Сын английского лорда Трейси приезжает в США. Его влечет к демократии, и он уверен, что за океаном, где нет монархии и наследственного дворянства с его претензиями и обветшалыми нравами, он найдет более человеческие порядки.

Твен, которого так любили приглашать к себе в гости короли, герцоги и князья, рад был отвести душу — он снова отпустил немало колкостей в адрес всякой знати. Если в книге о Янки речь шла как будто об аристократии далекого прошлого, то в «Американском претенденте» рассказывается о современных лордах. Сцены английской жизни в повести заведомо пародийны, карикатурны.

Трейси нравится кое-что в американской республике. По его убеждению, в США царят более здоровые понятия, нежели в монархических странах Европы.

Апологетам старых, реакционных идеалов писатель спуска не дает. Он готов защищать буржуазную демократию от их нападков самым энергичным образом. Но действительно ли хороша эта демократия? В «Американском претенденте» Твен ведет спор с самим собой, он мечется, тоскует и в конце концов приходит к печальным выводам.

Трейси поселяется в обыкновенном пансионе, где он может наблюдать американские нравы. И вскоре герой повести обнаруживает, что среди обитателей пансиона нет истинного равенства, которого он так жадно искал за океаном. Писатель заставляет юного лорда осознать, что и в американской республике существует своего рода высшее сословие, к которому принадлежат люди, обладающие властью и капиталом.

В «Американском претенденте» Твен пародирует современный мещанский роман с его искусственными сюжетными хитросплетениями и идиллическими концовками. Одновременно он показывает — и показывает весьма настоятельно — ограниченность буржуазной демократии. Взвешивая и достоинства американской демократии (в сравнении с феодальными устоями) и ее пороки, писатель кое-где отдает дань буржуазным иллюзиям. Порой он устами одного из своих героев уравнивает мир людей с миром животных. Но главный его вывод сводится к тому, что даже в «демократической» Америке одни люди господствуют

над другими и что источником этого господства служат деньги.

Примечательно, что в «Американском претенденте» Твен касается жизни в США наемных рабочих, — мы редко встречались с этим в его более ранних беллетристических произведениях. Хотя убеждение в необходимости социальных преобразований не выражено в повести столь ясно, как в речи о «новой династии», все же вполне очевидно, что от былой веры Твена в извечную «благодетельность» американской демократии осталось очень мало.

Повесть насыщена фарсовыми ситуациями. Вернувшись к одному из главных персонажей «Позолоченного века» — Селлерсу, этому предпринимателю-неудачнику, Твен заставляет его выступать с самыми нелепыми «деляческими» проектами. Во всем этом довольно ясно проступает насмешка автора над духом спекуляций. По существу, образ Селлерса в «Американском претенденте» — это пародия на бизнесмена. Его фантастические выдумки зачастую даже в самой непосредственной форме служат целям высмеивания современной американской действительности.

К примеру, Селлерс собирается вызывать к жизни покойников, превращать их в полисменов и класть в карман получаемое ими жалованье. На вопрос, будет ли толк от полисменов-мертвецов, Селлерс отвечает, что ведь до сих пор был. Углубляя сарказм, Твен вкладывает в уста Селлерса рассуждения на тему о том, что от нынешних полисменов не только еще меньше пользы, чем от покойников, но что они к тому же покровительствуют — за взятки — игорным домам, а также пьянствуют. «Материализированные» мертвецы ничего этого делать не станут. Дальше выясняется, что и члены конгресса США не сообразительнее покойников и могут быть заменены ими.

Собака не укусит...

Твен занес как-то в свою записную книжку следующие слова: «Мир, счастье, братство людей — вот что нужно нам на этом свете!» Но контраст между мечтой писателя и действительностью с каждым годом становился все более осязаемым и все более гнетущим. Автор «Приключений Тома Сойера» рад был бы создавать новые книги, полные задушевного юмора, но часто получалось так, что он вносил в темы, обещавшие много веселья, нечто совсем иное...

В 1891 году в Америке произвели сенсацию новые «сиамские близнецы» — итальянцы Джованни и Джакомо Точчи. Твен, вероятно, был знаком с описанием этих удивительных людей, которое появилось в журнале «Сайентифик америкен». Автор статьи сообщал, что один из этих сросшихся телами близнецов поглощает много пива, а другой любит минеральную воду; в то время как один из них бодрствует, другой преспокойно спит.

Твен решил создать повесть об «итальянских близнецах». Эта тема, казалось ему, обладает неограниченными возможностями. Читатели будут покатываться со смеху. Предположим, что один из близнецов не пьет спиртного, а другой — пьяница, один — буйный, другой — скромник, один влюблен, другой...

Книга «Эти удивительные близнецы» уже была, по сути дела, завершена, но писатель не чувствовал удовлетворения. Он исподволь продолжал работать над рукописью — и вот под его пером вдруг начало возникать совсем иное произведение.

С самого начала писатель поселил своих близнецов в городишке Пристань Доусона, одном из тех превосходно знакомых ему маленьких городков, с которыми были связаны его молодые годы. Не мудрено, что в повести появились портреты рядовых обитателей Пристани Доусона.

Мало-помалу они стали вытеснять экзотических близнецов.

Родился образ благородного чудака Вильсона, юриста-неудачника. Вильсон полюбился Твену, и вскоре он уже был главным персонажем повести. А место буффонады в какой-то мере заняли реальные и отнюдь не радостные картины жизни. Так, помимо «Этих удивительных близнецов», была создана повесть «Простофиля Вильсон».

Вильсон — мыслящий человек, вольнодумец. Он полон желания быть полезным своим согражданам. Но жители Пристани Доусона встречают его

с тупым недоверием и даже враждебностью. Идиотичность жизни обывателей, о которой рассказывалось и в «Приключениях Гекльберри Финна», теперь акцентирована даже более резко.

Вильсон оказывается в одиночестве. Ему следовало бы уехать, но из гордости он остается жить в городке, приемля свою судьбу. Вильсон видит, какое жалкое существование влачат пошлые обитатели Пристани Доусона. И он предается мрачным мыслям. В середине XVIII века американский просветитель В. Франклин создавал оптимистические афоризмы, которые вкладывал в уста своего «Простака Ричарда». Твен противопоставляет им беспросветно-мрачные сентенции Вильсона, Простофили Вильсона, как его называют деревенские дуралии.

За годы жизни Вильсона в Пристани Доусона там происходит много необычайных событий.

«Белая негритянка» Роксана — Рокси — родила белого ребенка, но остается, как и ее сын, рабой. Она нянчит родившегося в тот же день отпрыска одной из самых аристократических семей города. Желая вырвать своего сына из рабства, Рокси меняет одежду детей. Теперь негр считается сыном и наследником белого богача и «аристократа», а белый — его рабом. Сына Рокси, Тома, балуют, портят. Он трус, вор, бессердечный человек. Твен подчеркивает, что Том не был негодяем от природы; именно положение «хозяина» делает его моральным чудовищем.

Случайно в городок приезжают итальянские близнецы (в новом варианте повести они перестали быть «сиамскими близнецами»). Сюжет повести все больше осложняется. Произошло убийство. Обвиняют в нем близнецов, но истинный преступник — Том. И разоблачает его Простофиля. Он же раскрывает тайну происхождения «белого негра». Вильсон уже много лет втайне коллекционирует отпечатки пальцев обитателей городка. Именно это позволяет ему установить, кто держал в своих руках нож, которым было совершено убийство. Отпечатки пальцев рассказали и о подмене, которую совершила Рокси.

В книге повествуется о рабовладельцах Юга, которые приживают детей со своими рабынями-негритянками и затем обращаются с ними, как с рабами. Невольничество показано с ненавистью. Твену враждебен весь затхлый духовный мир обитателей южного городка. В этом царстве глупости, себялюбия и расизма плохо живется не только Вильсону, но и Роксане.

Изображенный Твеном городок, как понимает читатель, не является исключением в Америке. Есть нечто характерное для всей страны и в претензиях его богатых жителей на превосходство над простыми

тружениками, и в их равнодушии к судьбам народа, и в лицемерии этих аморальных людей, и в убожестве суждений рядовых обывателей, во враждебности мещан всему чистому, хорошему.

Афоризмы Вильсона, помещенные в качестве эпиграфов к разным главам книги, перекликаются с тоскливыми суждениями, разбросанными в записных книжках Твена. «Тот, кто прожил достаточно долго на свете и познал жизнь, понимает, как глубоко мы обязаны Адаму — первому великому благодетелю рода людского. Он принес в мир смерть».

Горького сарказма полны слова Простофили: «Если подобрать издыхающего с голоду пса и накормить его досыта, он не укусит вас. В этом принципиальная разница между собакой и человеком».

Повесть «Простофиля Вильсон» частично построена на сенсационном материале, имеются в ней элементы мелодрамы, но есть также немало реалистических страниц, написанных с большим подъемом. В своей новой книге Твен продолжает развивать ту традицию критического изображения жизни в Америке, которая нашла столь блестящее воплощение в «Приключениях Гекльберри Финна». Пристань Доусона. — это, можно сказать, мрачный «гекфинновский» городок.

О людях высокого самопожертвования

На выставке в Чикаго, организованной в ознаменование 400-летия со дня открытия Америки, президент США торжественно провозгласил: «На глазах Старого Света новые народы творят подвиги труда». Твен, однако, уже не склонен был так горячо, как прежде, радоваться успехам отечественной индустрии. Его одолевали тяжкие мысли об американцах, а также о человеке вообще.

Дочь Твена Сузи рассказывает о том, как много занят был ее отец серьезнейшими проблемами жизни, как упорно пытался он философски осмыслить действительность. В своей «биографии» Твена Сузи пишет: «Он известен читателям как юморист, но в нем гораздо больше серьезного, чем юмористического... Когда мы дома одни, он в девяти случаях из десяти говорит о чем-нибудь очень серьезном... Он скорее философ, чем что-либо другое...»

Раздраженные суждения о людях, о природе человека встречались у Твена с давних пор.

Так, в середине 80-х годов, возмущенный лицемерным отношением американской печати и немалого числа его знакомых по Хартфорду к одному из политических деятелей того времени, Твен назвал человека «постыдным существом». «Человек, — в бешенстве писал он Гоуэлсу, — годится только для того, чтоб его поставили, подобно тумбе, на углу улицы для удобства собак».

Тогда же Твен, бросая вызов состоятельным хартфордцам, выступил против кандидата от республиканской партии Блейна, откровенного защитника капиталистической олигархии и автора законопроектов, направленных против китайских эмигрантов. По стопам Твена последовал его друг Твичел. Когда состоятельные прихожане церкви, в которой служил Твичел, подняли против священника целую кампанию, угрожая его прогнать, Твен с еще большей резкостью обрушился на «человеческую породу».

Буржуазные историки литературы в США нередко пытаются создать впечатление, будто твеновские злые высказывания о людях были порождены лишь семейной трагедией — смертью дочерей и жены писателя, банкротством издательства, которое он основал.

В середине 80-х годов все члены семьи Клеменсов еще были живы и здоровы. Его издательское дело процветало. Тем не менее уже в ту пору

Твен клеймил «природу» человека. Совершенно очевидно, что поводом для таких выступлений служили не личные невзгоды, а явления социальной действительности. Твен видел в своих буржуазных современниках людей дурных, лицемерных, алчных. С горьким чувством взирал писатель и на поведение многих рядовых американцев, которые не осмеливались постоять за себя и даже воспринимали некоторые из пороков своих угнетателей.

В 90-х годах писатель стал куда чаще прежнего хулить человека. Он не раз говорил о моральном превосходстве животных над людьми. Много нелестных для человека афоризмов создал Твен за последние десятилетия своей жизни. «Человек, — писал он, — это единственное животное, которое способно краснеть. Вернее, *должно* краснеть».

Значит ли это, что Твен заостенел в ипохондрии и повернулся спиной к человечеству? Нет, он настойчиво ищет людей, которых можно было бы полюбить всей душой — смелых, гордых, ясноглазых, с открытым сердцем. Но в Соединенных Штатах кануна империализма писатель видит жадность, хищничество, злодеяния. И вся Америка кажется ему погруженной в болото эгоизма и своекорыстия.

В своих поисках светлого начала в жизни Твен начинает обращаться к другим странам — то к далекой России, то к средневековой Франции.

Во время работы над «Американским претендентом» писателю довелось познакомиться с книгой русского революционера С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Степняк-Кравчинский приехал тогда в США с намерением создать за океаном Общество друзей русской свободы и преподнес свою книгу американскому писателю. Твена потрясло повествование о русском революционном движении, о великом подвиге, который совершали борцы против самодержавия. Он ответил автору «Подпольной России» письмом, в котором говорится: «Я прочитал «Подпольную Россию» от начала до конца с глубоким, жгучим интересом. Какое величие души! Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и в конце концов на смерть только ради блага других — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России». Разумеется, Твену известно, что «история изобилует мучениками», но он говорит: «Во всех других случаях, которые я могу припомнить, есть намек на сделку».

Письмо американского писателя Степняку-Кравчинскому оставалось неопубликованным на протяжении шестидесяти с лишним лет. И только теперь, когда оно стало известным, нам ясно, почему в «Американском претенденте», который вышел в свет через год после того, как было

написано послание Твена русскому революционеру, вдруг возникла тема русской освободительной борьбы. О революционерах далекой России говорит в повести Селлерс.

Это прежде всего комический персонаж. Но Твен не только смеется над своим героем. Он также любит его богатой фантазией, неумной энергией. И устами Селлерса писатель неожиданно выражает свое восхищение мужеством русских революционеров. Селлерс видит в них «людей мужественных, смелых, исполненных подлинного героизма, бескорыстия, преданности высоким и благородным идеалам, любви к свободе, образованных и умных». В сибирских «рудниках и тюрьмах собраны самые благородные, самые лучшие, самые наиспособнейшие представители рода человеческого, каких когда-либо создавал бог».

Вернемся, однако, к письму Твена Степняку-Кравчинскому. Оно интересно и важно не только потому, конечно, что раскрывает истоки русской темы в «Американском претенденте». Письмо говорит о том, как глубоко ощущал Твен моральное величие русского революционного движения, величие людей, которые идут к своей цели, выражаясь его словами, «сквозь адское пламя, не трепеща, не бледнея, не малодушествуя».

В письме находит косвенное отражение жажда всенародной борьбы за возвышенную идею, которая жила в душе писателя. Оно, наконец, снова подтверждает, с какой тоской глядел Твен на то, что происходило в родной стране.

Разумеется, и Америка являла тогда немало примеров истинного человеческого благородства, самоотверженности в борьбе за высокие цели, подвижничества. Письмо Твена было написано всего через несколько лет после казни жертв провокации 1886 года. В стране поднималась новая волна стачечного движения.

Социалистические идеи завоевывали все новых сторонников в рядах пролетариата. Создавались партии, представлявшие интересы разоряемых фермеров.

В последнем слове вожака рабочих Парсонса, произнесенном в суде перед вынесением ему смертного приговора, раскрывается облик человека высокой души, подлинного героя освободительной борьбы в США. Парсонс сказал: «Я социалист. Я один из тех, кто, будучи наемным рабом, считает, что было бы злом по отношению к самому себе и к своему соседу, а также несправедливостью к своим согражданам избежать участи наемного раба, став самому хозяином и владельцем рабов... я отверг этот путь и теперь стою на эшафоте. Таково мое преступление...»

Обращаясь к судье, другой американский революционер, Спайс, воскликнул: «Знайте, что вы затопчете только искру, что повсюду — позади и впереди вас — разгорается пламя! Это пламя рождается в недрах масс, и вы бессильны погасить его...»

Парсонс, Спайс и их товарищи были повешены. Но в 90-х годах американские рабочие не раз проявляли чудеса героизма во время забастовочной борьбы. В 1894 году, например, под руководством Дебса развернулась знаменитая в истории рабочего движения в США стачка железнодорожников. Солдатами и полицией были убиты десятки забастовщиков, а Дебс и другие руководители Американского союза железнодорожников попали в тюрьму. Там-то Дебс и познакомился с марксизмом. Несколько лет спустя он написал: «Я стою за социализм, потому что я стою за человечество. Мы слишком долго жили под проклятой властью золота. Деньги не могут быть надлежащей основой цивилизации. Настало время возродить общество — мы находимся накануне всеобщих перемен».

При всем своем дружественном отношении к трудящимся, к профсоюзам Твен не увидел рождения нового героя в американской жизни — пролетария, борца за социализм. Он недостаточно хорошо понимал роль рабочих в деле переустройства общества на новой, справедливой основе. Перед его духовным взором вставала тогда прежде всего Америка хищников и угнетенных людей, которые, как угольщик из романа о Янки, готовы были истязать себе подобных. Вот почему Твен искал признаков эгоизма и расчетливости даже в поступках подвижников. Вот что определило нарастание мизантропических настроений писателя. В полной мере эти настроения проявили себя позднее, в условиях империализма.

Снова Том и Гек

Клеменсы переехали на жительство во Флоренцию. Писатель восторгался древним городом, ему понравилась старинная вилла, в которой он поселился вместе со своей семьей. Твен охотно описывает стены и башни замков, виднеющуюся вдалеке Флоренцию, собор, похожий на спустившийся воздушный шар, закаты, заливавшие город золотыми потоками.

Твен много работал. И в эти годы, когда в его письмах и записных книжках так часто встречались яростные выпады против «человеческой породы», он жаждал создавать произведения о хороших, привлекательных людях, стремился в самой непосредственной форме выразить свою любовь к человеку, простому труженику, рядовому американцу.

Этот колкий сатирик всю жизнь искал положительного героя. Он создал целую галерею образов душевных и смысленных детей. Это прежде всего, конечно, Том Кенти и Том Сойер.

Есть у Твена немало положительных героев-взрослых. В числе их Янки и Вильсон, Джим и Рокси. Да и Гек изображен в книге, названной его именем, мальчиком, в котором ощущается совсем недетское понимание жизни, переставшей быть гармоничной и радостной.

Так трудно стало Твену находить в современной Америке образцы высокого жизнеутверждения, моральной чистоты и человечности, что он сделал несколько попыток вернуться к дорогим ему образам Тома и Гека. В середине 90-х годов он пишет повести «Том Сойер за границей» и «Том Сойер — сыщик». Том и Гек оказываются центральными персонажами и других неопубликованных и по большей части незаконченных произведений Твена.

В «Томе Сойере за границей» рассказывается история путешествия Тома, Гека и Джима на воздушном шаре в пустыню Сахара.

Том Сойер теперь просто милый любитель приключений. Твен акцентирует его изобретательность, остроумие, здравый смысл. Конечно, это у Тома родилась мысль набрать песку в корзину воздушного шара, чтобы затем разбогатеть, продавая песок из Сахары по столько-то центов баночка. Устами Гека и негра Джима, компаньонов Тома по путешествию, часто говорит народная мудрость. Своими простецкими замечаниями походя они разрушают предрассудки, привычную ложь.

Стремясь повторить подвиги романтических героев прошлого, Том

предлагает устроить «крестовый поход». Гек не знает, что это такое. Наш долг, объясняет ему Том словами, почерпнутыми из книжек, захватить «Святую Землю». Но Гек и Джим этого не могут понять. Языком простого, неученого фермера Гек говорит: «Знаешь, Том Сойер, уж этого я понять не могу. Если у меня есть ферма и она моя, а другой человек хочет ее отобрать, то разве справедливо будет, если он...»

Все попытки Тома разъяснить, что этот вопрос ничего общего с фермами не имеет, что это вопрос религии, нечто совсем другое, не могут поколебать уверенности Гека и Джима.

В уста негра Джима Твен вкладывает обращенные к Тому слова, раскрывающие истинную — кровавую — сущность «крестового похода», о котором он мечтает. С глубоким сарказмом Джим говорит: «Я... вот как понимаю. Ничего у нас не выйдет. Мы не сможем убивать этих несчастных чужеземцев, которые ничего худого нам не делают, до тех пор, пока мы не поупражняемся... Но если мы возьмем парочку топоров — вы, и я, и Гек — и переправимся через реку нынче ночью, когда луна скроется, и вырежем ту больную семью, что живет возле Снай, и подожжем их дом, и...» Разумеется, герои Твена не станут «упражняться» в убийствах...

В мире, где было так много захватчиков чужого достояния, чужой земли, Гек и Джим становились Твену все ближе и ближе.

Повесть «Том Сойер — сыщик» — одна из многочисленных пародий Твена на модные детективные романы и рассказы. Еще в «Похищении белого слона», опубликованном в начале 80-х годов, писатель использовал эту форму сатиры для того, чтобы высмеять тупых сыщиков, идиотических полисменов, не упускающих, впрочем, возможности создать себе рекламу или даже урвать какой-нибудь куш. Комизм контраста между громкими словами и нелепейшими действиями, высокими претензиями и низкими поступками воплощен в этом рассказе с очаровательной непринужденностью.

Кое-где и в «Томе Сойере — сыщике» можно обнаружить элементы насмешки над американским «правосудием». К сожалению, в повести нет легкости и блеска «Похищения белого слона». К тому же образы Тома и особенно Гека крайне обеднены. Гек лишь ведет летопись походов своего друга и с трудом поспевает за развитием его гибкой мысли.

Душа, свободная от эгоизма

Недолго довелось Твену радоваться спокойной жизни во Флоренции.

Вообще литературную работу то и дело приходилось прерывать. Мучили деловые заботы, связанные с издательством и все с той же машиной Пейджа. Может быть, с тревогой думал Твен, у этой машины нет будущего и другие предприниматели вытеснят изобретение, с которым он связывал столько ожиданий.

Для урегулирования дел пришлось срочно выехать в Америку. Так уж получилось, что он, бывший лоцман с Миссисипи, старатель и журналист, американец до мозга костей, чувствовал себя счастливым только тогда, когда находился вдали от родины, во Флоренции.

В Америке начался новый экономический кризис. Фабрики закрывались, рабочих выгоняли на улицу. Твен вернулся в Европу в подавленном настроении. Дела его шли все хуже. Банк потребовал, чтобы фирма Вебстера немедленно оплатила долги. Над Твеном нависла угроза банкротства. Бессонные ночи. Он ходит из угла в угол. Оливия Клеменс в письме к сестре признается, что иногда не знает, откуда взять денег на расходы.

Кризис углубляется.

Писатель не может вынести неизвестности — он снова едет в США.

В отчаянии Твен обратился за советом к своему новому знакомому — Роджерсу, одному из крупных деятелей рокфеллеровской монополии.

Владельцы нефтяного треста «Стандард ойл» были широко известны своими темными махинациями. В журналы начали проникать статьи, разоблачающие грабительские методы Рокфеллера. На долю Роджерса выпала обязанность установить дружеские связи с литераторами и журналистами, чтобы помешать углублению разоблачительной, кампании против «Стандард ойл». И Роджерс согласился помочь Твену.

Вообще богачи в США стали охотно играть роль покровителей искусств. Даже самые крупные писатели не отклоняли приглашений на званые обеды к миллионерам. Х. Гарленд, выходец из среды небогатых фермеров, вспоминая подобные обеды у заводчика Карнеги, писал: «Меня больше всего тревожило убеждение, что миллионер может приказывать таланту и талант подчиняется».

Твену предложили выпустить книгу, разоблачающую махинации «мерзавцев» из «Стандард ойл». Но Твен от нее отказался. Ведь Роджерс,

один из столпов этого треста, наивно говорил писатель, «единственный человек, который, не жалея ни сил, ни труда, старается спасти меня и моих близких от нищеты и позора». «Если вы меня знаете, — сказано в одном письме Твена, — вы, поймете, нужна мне эта книга или нет». Слова эти грустно и больно читать.

Банк еще настойчивее потребовал уплаты долга. Речь шла об относительно небольшой сумме, но денег у писателя уже совсем не осталось. В письме жене, относящемся к осени 1893 года, Твен говорит, что за всю свою жизнь он не испытывал ничего подобного тому, что ему пришлось пережить за одну последнюю неделю. И дальше идет рассказ о мучительных попытках раздобыть денег для уплаты долгов. «Я срочно отправился в Хартфорд и вернулся обратно — денег не достал», — пишет он. Затем Твен обратился с просьбой о деньгах к одной родственнице. «...Я сказал ей, что потерял стыд, ибо мой корабль идет ко дну...»

«Когда я упал на кровать в восемь часов вечера, — продолжает писатель, — разорение казалось неизбежным, но я был так утомлен физически, что... заснул мгновенно».

Прошло еще несколько месяцев, и Роджерс дал совет — объявить банкротство. На следующий же день фирма «Чарлз Л. Вебстер и компания» была закрыта.

Одно радовало Твена: наконец-то покончено с предпринимательством, с тем, что мучило его на протяжении многих лет жизни.

Некоторое время спустя Роджерс уведомил писателя, что нужно отказаться от всяких надежд на машину Пейджа. Это сообщение, пишет Роджерсу Твен, «поразило меня, точно громом. Оно вышибло весь разум у меня из головы, и я начал бегать взад и вперед, не зная, что делаю».

Твен был разорен.

Именно в эти месяцы бесконечных тревог и волнений писатель активнее всего работал над новой книгой о Жанне д'Арк. Он давно задумал написать роман о великой героине французского народа. Это должна была быть книга о подлинном мужестве, о великой личности.

Писатель забывался над рукописью. Он знал, что пишет совсем не такую книгу, какой ждали от юмориста. Под его пером возникал роман о героической борьбе и великой трагедии. Твен обратился к образу Жанны д'Арк, ибо она в его представлении была совершенно свободна от эгоизма и тщеславия.

Жанна д'Арк совершила ряд беспримерных подвигов, на которые не был способен ни один полководец ее страны. В чем же причина ее успехов? «...Она была крестьянкой, — пишет Твен. — Этим все сказано. Она вышла

из народа и знала народ. Те, другие, вращаясь в более высоких сферах, знали о нем немного. Мы не привыкли считаться с бесформенной, загадочной и косной массой, которую зовем «народом», придавая этому слову оттенок презрения. Это странно, потому что в душе мы отлично знаем: прочна лишь та власть, которую поддерживает народ; стоит убрать эту опору — ничто в мире не спасет трон от падения».

Мысль о том, что источником силы Жанны д'Арк был сам народ, Твен повторяет многократно.

С безошибочным чувством писателя, которому близок народ, Твен создал облик великой девушки, вдохновленной на легендарные подвиги силой любви к своей поруганной родине.

Высок был замысел Твена. Но не все в романе достаточно убедительно. Характеры не всегда раскрыты с должной психологической глубиной. Детство Жанны д'Арк дано в несколько идиллических тонах. Как правильно почувствовал друг Твена Гоуэлс, сцены битв и старинных обычаев искусственно романтизированы.

Лучше всего удались писателю те картины, где показана борьба героини романа против предателей-церковников, которые довели лицемерие до уровня тончайшего искусства, научились ловко прикрывать гнусные деяния святошескими словами. Жанна д'Арк, трогательно слабая телом и могучая духом, заставляет полюбить себя еще сильнее, а враг ее — Кошон — делается как бы личным врагом читателя.

Даже в этом романе о средневековой Франции встречаются образы, напоминающие о том, что его автор вырос на реке Миссисипи. Есть что-то весьма характерное для Твена, например, в образе Паладина, этого рассказчика-вралю. «Он не сознавал, что врет; он верил в то, о чем рассказывал», — шутливо говорит Твен о своем герое. Так, когда Паладин передавал подробности приема у короля, на котором вовсе не присутствовал, то в его рассказе, в полном соответствии с традициями «западного» фольклора, «четыре серебряные трубы превратились в двенадцать, затем в тридцать шесть и, наконец, в девяносто шесть».

От работы над «Жанной д'Арк» Твену приходилось много раз отрываться — жизнь современной Америки требовала своего. Писатель принял предложение, которое должно было разрешить вопрос об оплате долгов, оставшихся в результате банкротства, — он совершит «лекционное» турне вокруг света.

Тяжко было Твену согласиться на это. Несколько раньше он написал жене: «Иногда я начинаю бояться, что мне снова придется прибегнуть к этим ужасным публичным чтениям. Что же, раз надо, то надо, но я пойду

на это, только если меня к тому принудит абсолютная необходимость».

В Хартфорд Клеменсы не вернулись, их дом по-прежнему оставался необитаемым. Писатель чувствовал себя плохо. Появились мучительные нарывы на теле. У Твена, опытного мастера эстрады, возникло чувство неуверенности в себе, он стал бояться провала.

Да, надежды не оправдались. На старости лет, думал Твен, когда полагается пожинать результаты трудов своей жизни, он оказался бедняком, таким же неудачником, каким был в Неваде.

Начались утомительные поездки из одного города в другой. На северо-западе, еще недавно совсем пустынном, Твен порадовался зрелищу «хлебного моря». Есть в этом зрелище «покой океана и глубокое удовлетворение, небесное чувство простора, где не должно быть мелочности, маленьких мыслишек и раздражений». Писатель жадно смотрел на летние домики вдоль берегов Великих озер, искал веселых людей, счастливых картин семейной жизни.

В семье Клеменсов не было радости. В турне отправлялись Твен, Оливия и одна из дочерей — Клара. Сузи хворала. Решено было оставить ее вместе с младшей дочерью. Твен всегда был добрейшим отцом, и разлука с детьми была для него очень тяжела. Сузи казалась писателю самой многообещающей из его дочерей: у нее подлинный литературный вкус.

На западном побережье Канады окончилась американская часть турне. Предстояла поездка через океан. Твен выступил с заявлением для газет. Он сказал, что оплатит свои долги полностью, хотя закон от него этого и не требовал.

Твену было уже почти шестьдесят лет.

По экватору

Из Канады Клеменсы отправились в Австралию, из Австралии в Новую Зеландию, оттуда на остров Цейлон, затем Индия, снова Цейлон и Южная Африка. Твен по большей части чувствовал себя нездоровым. Состояние его улучшалось только во время длительных морских путешествий. В океане — лицом к лицу с могучей, величественной природой — он чувствовал себя почти счастливым.

Всюду Твена встречали хорошо — залы были полны. Он читал отрывки из своих опубликованных книг, рассказывал анекдоты. В программу иногда включалась знакомая с детства негритянская страшная история о пропавшей «золотой руке». Нужно было умело выдержать паузу в конце рассказа и, уставившись в какую-нибудь робкую девушку, вдруг вскрикнуть: «У тебя моя рука!» Слушатели вздрагивали от испуга. Популярностью пользовался рассказ про арбуз, который Сэм в детстве стащил на чужом баштане. Оказалось, что арбуз незрелый, и Сэм вернул его хозяину. В награду за «честность» он получил другой, спелый арбуз.

Когда, наконец, пришел долгожданный момент и турне было окончено, Клеменсы вернулись в Лондон. Сюда должны были приехать и оставшиеся в Америке дочери. Но пришло несколько телеграмм, глухо сообщавших о болезни Сузи. Жена и дочь Клара спешно выехали в Америку. Через три дня пришло известие, что Сузи умерла.

Эта смерть нанесла Твену удар, от которого он не скоро оправился. Вся семья погрузилась в глубокий траур. Казалось, Клеменсы сами наложили на себя наказание за неизвестную вину. На протяжении нескольких лет в семье не праздновались ни рождество, ни дни рождения других детей.

В записных книжках Твена появляется много заметок, о Сузи. Он с болью вспоминает разные факты из жизни дочери, и даже малозначительное приобретает теперь волнующий смысл.

«Сузи была очень близорука. Как-то, когда она была маленькой, я поднимался с ней по лестнице и, обернувшись на полдороге, увидел через стеклянную дверь столовой кошку-трехцветку, свернувшуюся клубком на ярко-красной скатерти на круглом обеденном столе. Поразительное зрелище. Я сказал Сузи: «Взгляни!» — и был очень удивлен, что она не видит». В другой раз Твен записал: «В те дни в Париже, когда она так быстро развивалась, ее речь была подобна пущенной ракете; мне казалось иногда, что я вижу, как огненная полоса взлетает выше и выше и

взрывается в зените, разлетаясь цветными искрами. И мне хотелось сказать: «Чудесная моя девочка». Но я молчал, и мне горько теперь вспоминать об этом... Она так интересовалась моей работой, — продолжает писатель, — и мне так не хватает ее, и нет охоты что-либо делать».

Какая-то газета пустила слух, что престарелый юморист Твен брошен своей семьей и остался без средств. В записных книжках писателя мы читаем: «Твичел прислал мне большую газетную вырезку с заголовком на пять столбцов: «Конец Блестящей Карьеры». Там сообщается, что я живу в Лондоне в нищете и что семья бросила меня. Если бы это исходило от собаки, коровы, слона или другого высшего животного, я преисполнился бы ярости и отвращения, но это дело рук человеческих, и нужно быть снисходительным».

Крупная нью-йоркская газета «Геральд» начала сбор денег в пользу писателя. Нет, он пока в пожертвованиях не нуждается, сообщил Твен печати, и семья его не бросила. Правда, он очень устал от долгов...

Надо было работать. Твен принялся за книгу о своем кругосветном путешествии. Это снова должны были быть путевые заметки с юмористическим уклоном. Но на душе было очень нехорошо.

Во время своего кругосветного путешествия Твен побывал во многих колониальных странах. Естественно, что судьба туземцев Индии и Южной Африки привлекла его внимание. В записной книжке Твен называет Индию печальной страной, страной невообразимой бедности и страданий.

Тяжкая жизнь индусов, с которыми белые обращались, точно с рабами, заставила писателя снова вспомнить судьбу невольников-негров в Америке. Он описал, как его отец избил негра. Оливии Клеменс это не понравилось, и писатель сделал пометку: «Выкинул, и отец мой обелен».

О том, что Твен хорошо осознавал, как относились белые к туземцам в Южной Африке, говорят следующие слова в его записной книжке:

«В Йоганнесбурге управляющий крупной шахтой сказал: «Мы не называем наших негров рабами, но это слово определяет их положение и, поскольку от нас зависит, будет определять и в дальнейшем».

Находясь в Южной Африке, писатель был свидетелем нарастания противоречий между англичанами и выходцами из Голландии — бурами, создавшими там свое государство. И Твен сумел понять, что англичане не правы, что они ведут себя как захватчики. Он осудил Сесиля Родса. Это был тот самый главный виновник англо-бурской войны (по характеристике Ленина), который еще в 1895 году демагогически говорил: «...чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной

гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»^[13].

Сразу видно, с каким трудом создавались путевые заметки Твена. В книгу «По экватору» вошли некоторые материалы, плохо связанные один с другим. И все-таки это произведение, несмотря на его разбросанность и противоречивость, займет видное место в творческом наследии писателя.

Кое-где в этой книге ясно сказывалась тревога, все сильнее охватывавшая Твена по мере приближения эпохи империализма. Отношение же Твена к империалисту Родсу нашло самое полное и яркое выражение в саркастических его словах: «Откровенно признаюсь, я восхищаюсь им; и когда пробьет его час, я непременно куплю на память о нем кусок веревки, на которой его повесят».

В новейшем, капиталистическом, наемном рабстве...

«Итак, XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала»^[14], — писал Ленин в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма».

К этому времени Соединенные Штаты перегнали по численности населения все европейские страны, кроме России. Национальное богатство страны уже превышало национальное богатство Англии, хотя всего полвека назад оно составляло только треть английского.

Морган, Рокфеллер и другие мультимиллионеры стали заправилами американской экономики. Имя Моргана, человека, в руках которого, по словам ораторов из оппозиционных партий, президент Соединенных Штатов был только глиной, высоко поднялось над американским горизонтом. Заводы и фабрики находились в руках богатейших корпораций, создававших совместно с банками грозную концентрацию капитала. Число трестов в США составляло около двухсот.

Капитализм все глубже проникал и на ферму. К концу столетия невиданно большая часть фермеров в США работала на арендованной земле. Издольщина распространялась все шире. Многие из тех, кто еще владел фермой, закладывали и перезакладывали свое имущество. Капиталистический характер земледелия в США выразился также в росте применения наемного труда и машин, в вытеснении мелкого земледелия крупным, в расширении удельного веса высококапиталистических хозяйств с очень интенсивным производством. Ленин отмечал, что в начале нового столетия больше половины всего земледельческого производства страны было сосредоточено в руках около одной шестой доли капиталистических хозяйств. На фермах жили по большей части не обеспеченные землевладельцы, а люди, изнывающие под тяжестью растущих долгов, от которых никак не освободиться. На головы капиталистов и их слуг в конгрессе Соединенных Штатов и в Белом доме сыпались проклятия. Все реакционные силы страны были призваны на защиту крупного капитала.

Ленин указывает, что международная политика, соответствующая финансовому капиталу, «сводится, к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира»^[15].

В апреле 1898 года Америка вступила во всей мощи своих ресурсов в войну с Испанией, одним из самых слабых государств Европы. Короли желтой прессы подняли вопль в своих газетах о необходимости помочь угнетаемым Испанией несчастным жителям острова Куба. Твену, как и миллионам других читателей газет, казалось, что действительно началась война за освобождение угнетенного народа. Он писал Твичелу: «Я никогда не получал от войны такого удовлетворения... как от этой, потому что это самая стоящая война, которая когда-либо происходила».

Пока многие рядовые американцы наивно восторгались «благородными» целями войны с Испанией, а президент США Мак-Кинли декларировал, что «насильственная аннексия... была бы преступной агрессией», такие государственные деятели, как Теодор Рузвельт (тогда заместитель министра по военно-морским делам) и виднейший руководитель республиканской партии Лодж, в частных письмах указывали на необходимость уделить основное внимание принадлежащим Испании Филиппинским островам на Тихом океане. С Кубой торопиться нечего, главные силы должны быть посланы именно на Филиппины, говорили они.

Через несколько недель после начала военных действий американский флот разбил испанскую эскадру на Тихом океане; в августе была взята Манила — столица Филиппинских островов. Еще до этого был захвачен Пуэрто-Рико.

Лодж сказал в письме к Рузвельту: «Если только я не заблуждаюсь самым глубоким образом, правительство уже полностью поддерживает большую политику, которой мы оба желаем». Он писал также: «Они, во всяком случае, будут держать в руках Манилу, которая является большим приобретением и именно потому, что передаст в наши руки торговлю на востоке».

Прошло несколько недель. После очередной молитвы Мак-Кинли получил, наконец, «божье указание». «Нам ничего не остается, — заявил он, — как взять их всех и воспитать филиппинцев, и поднять их, и цивилизовать, и превратить в христиан...» При этом, конечно, он учитывал и «коммерческие возможности, к которым американские государственные люди не могут быть безразличны».

Примерно в это же время были окончательно присоединены к США Гавайские острова. Уже давно подавляющая часть плантаций, промышленности и торговли на островах была захвачена американцами. Вскоре на Филиппинских островах началась вооруженная борьба между обманутыми повстанческими войсками, дравшимися против испанцев в надежде добиться независимости своей страны, и американскими

оккупационными силами. Борьба приняла затяжной характер.

«Американский народ, — писал Ленин в своем «Письме к американским рабочим», — давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их...»^[16]

События, которые произошли на Филиппинах после завершения войны с Испанией, заставили Твена в конце концов в корне изменить свое отношение к войне 1898 года.

Зловредные человечки в военной форме

В эти годы Твен продолжал жить в Европе. Его отношения с окружающим миром все больше разлаживались. Он рад был бы скрыться от людей, от лживых газет. Весь мир обошла фраза Твена, сказанная, когда распространился слух, что он умер: «Слух о моей смерти сильно преувеличен».

В записной книжке Твена мы читаем: «Меня посетил мистер Уайт, здешний корреспондент «Нью-Йорк джорнел», и показал две телеграммы из своей редакции.

Первая: «Если Марк Твен умирает в Лондоне в нищете, шлите 500 слов».

Вторая (более поздняя): «Если Марк Твен умер в нищете, шлите 1 000 слов».

Я объяснил ему, в чем дело, и продиктовал ответную телеграмму примерно такого содержания: «Джеймс Росс Клеменс, мой родственник, был серьезно болен две недели тому назад; сейчас он поправился... слух о моей смерти сильно преувеличен. Я здоров. Марк Твен».

Когда в Швейцарию, где проживал одно время писатель, приехал негритянский хор «Юбилейные певцы», исполнявший народные песни, знакомые ему с детства, он был потрясен. «Я считаю, что «Юбилейные певцы» и их песни — это выросший в Америке цветок, совершеннее которого мир не знал уже много столетий; но я жалею, что они не иностранные артисты: тогда Америка поклонялась бы им, осыпала бы их золотом, сходила бы по ним с ума, как они того заслуживают», — писал Твен Твичелу. В Америку его пока не тянуло.

Умер мечтатель Орион, так ничего и не добившийся в жизни.

По-прежнему на поклон к Твену приходили известные люди, по-прежнему его приглашали к себе короли и принцы. Писатель был любезен, остроумен, мил. Но в письмах к Гоуэлсу иногда давал себе волю. «Я только что кончил читать утреннюю газету, — говорится в одном письме Твена. — Я читаю ее каждое утро, хотя и знаю, что найду в ней лишь отражение тех пороков, низости, лицемерия и жестокости, которые составляют нашу цивилизацию и побуждают меня весь остальной день взывать к господу о покаянии всего рода человеческого».

Все хуже становились издавна испорченные «отношения» Твена с богом. Прочитав как-то книгу об опытах над поведением муравьев, Твен с

лукаво-простодушным видом записал «для себя» результаты «экспериментов», имевших целью установить взгляды муравьев на... религию. Если сделать миниатюрные храмы, по одному для каждой религии, и затем положить в один храм немного дегтя, в другой — скипидару, в третий — замазки, а в христианский храм — кусочек сахара, то все муравьи немедленно проследуют в христианский храм. Это доказывает, саркастически заметил Твен, что муравьи «если им предоставить выбор, отдают предпочтение христианской религии перед всякой другой».

Писатель часто выражает ненависть к миссионерам, создающим вокруг себя обстановку неискренности и лицемерия. Он протестует против неполноты отделения церкви от государства в Америке и с удовольствием повторяет антирелигиозные анекдоты: например, о пресвитерианском святом, который решил совершить экскурсионную поездку из рая в ад и купил удешевленный билет в оба конца, и вот ему никак не удавалось сбыть с рук обратный билет.

В записных книжках Твена есть такой набросок для антирелигиозного рассказа о путешествии капитана Стормфилда в рай: «Стормфилд узнает, что ад устроили, идя навстречу пожеланиям первых христиан. В настоящее время райские чертоги отапливаются радиаторами, соединенными с адом. Эта идея... — издевательски объясняет Твен, — нашла полное одобрение у столпов пуританизма, так как страдания грешников усугубляются от сознания, что огонь, пожирающий их, одновременно обеспечивает комфорт праведникам».

Никогда еще, пожалуй, Твен так много не писал, как в эти годы, никогда еще он не трудился с такой лихорадочной интенсивностью, и никогда не была столь велика диспропорция между количеством созданных и количеством опубликованных им произведений. В августе 1898 года он сообщил Гоуэлсу: «Прошлым летом я начал не так шестнадцать произведений — три книги и тринадцать журнальных статей — и сумел успешно завершить только две крохотные вещицы на 1 500 слов, вместе взятые; только это из бесчисленных стоп и кип весьма пухлых рукописей...»

Как и раньше, жена продолжала пропускать работы старого писателя через свою цензуру. «Я кончил книгу вчера, и мадам изъяла из нее эту часть...» — написал однажды Твен своему другу. В другой раз — это уже было в начале XX века — он ядовито заметил в письме к Твичелу: «Написал еще одну статью; поторопитесь и помогите Ливи оставить от нее мокрое место». Когда жене не понравилось несколько смелых выражений

Твена, он укоризненно заметил: «Ты постепенно лишаешь силы английский язык, Ливи».

И все же Твен не молчал.

В год испано-американской войны он опубликовал рассказ «Из «Лондонской таймс» за 1904 год», в котором смело присоединился к Золя и другим защитникам французского офицера-еврея Дрейфуса от нападков французской и мировой реакции.

Как оценивал Твен решение суда по делу Дрейфуса и деятельность Золя, можно судить по заметке в его записных книжках: «Духовных и военных судей из трусов, лицемеров и карьеристов можно фабриковать по миллиону в год, и еще останется неиспользованный материал. Нужны пять веков, чтобы создать Жанну д'Арк или Золя».

В рассказе есть элемент научной фантастики — Твен предвещает появление телевидения. Но главное в этом произведении — издевка над реакционерами. Твен едко обыгрывает нелепость позиции судей, приговоривших ни в чем не повинного Дрейфуса к каторге.

Один из героев рассказа обвинен в убийстве изобретателя Зепаника. Но Зепаник оказывается живым и невредимым. Тогда председатель верховного суда заявляет: «Решением французского суда по делу Дрейфуса твердо установлено, что приговоры судов окончательны и пересмотру не подлежат. Мы обязаны отнестись с уважением к этому прецеденту и следовать ему. Ведь именно на прецедентах зиждется вся система правосудия. Подсудимый был справедливо приговорен к смертной казни за убийство Зепаника, и я считаю, что мы можем вынести лишь одно решение — повесить его».

На возражение, что обвиняемый был помилован по этому делу, председатель верховного суда отвечает еще более абсурдной декларацией: «Это помилование недействительно, признать его мы не можем, ибо подсудимый был помилован в связи с убийством человека, которого он не убивал. Нельзя помиловать человека, если он не совершил преступления: это был бы абсурд».

Твен заканчивает рассказ словами ярости, направленными против врагов справедливости не только во Франции: «Вся Америка открыто негодует против «правосудия по-французски» и против зловредных человечков в военной форме, которые выдумали его и навязали другим христианским государствам».

Писатель как будто предчувствует, что ему вскоре придется иметь дело со «зловредными человечками в военной форме» и американского происхождения.

Америка «запятнала флаг»

В 1899 году Твен опубликовал большой рассказ «Человек, который совратил Гедлиберг». В нем подведены своеобразные итоги столетия. Чего добилась Америка за целый век поступательного движения на путях буржуазного прогресса? — как бы спрашивает себя писатель. И отвечает: вместо честности воцарилась ложь, вместо благородства — неумная жадность.

Снова перед нами маленький американский городок. Но теперь Твен не возвращает читателя к временам рабства на юге США. Он вполне осознанно и даже подчеркнуто рисует современную Америку.

Гедлиберг — это не просто один из тысяч городков страны. Это воплощение всей Америки. И судьба его — судьба родины писателя в целом. Рассказ порою превращается в притчу. «Это случилось много лет назад. Гедлиберг, — начинает Твен, — считался самым честным и самым безупречным городом во всей близлежащей округе. Он сохранял за собой беспорочное имя уже три поколения и гордился им как самым ценным своим достоянием».

Три поколения — это и есть примерно столетие. Что же случилось с «неподкупным» Гедлибергом за эти годы?

С неистощимой изобретательностью Твен создает остроумную фабулу, позволяющую сделать тайное явным, раскрыть правду жизни, сорвать маски с обманщиков и лицемеров.

Вот они, самые состоятельные и уважаемые граждане Гедлиберга, эти столпы всяческой «чистоты». Когда перед ними открылась возможность прибрать к рукам много денег ценою лжи, обмана, ни один не сохранил своей «непогрешимости». Ведь на самом деле любой из этих людей — вор и мошенник. Их богатства приобретаются ценою морального падения.

В «Позолоченном веке» бесчестным предпринимателям были противопоставлены хорошие. Теперь все богатые люди до единого показаны чернейшими красками. Оказывается, что сама борьба за деньги делает человека низким, ничтожным.

Твен заставляет богатейших граждан Гедлиберга одного за другим морально высечь себя. Он показывает их внутреннее ничтожество, казнит богачей смехом.

В начале эпохи империализма творчество писателя вступило в четвертый период своего развития. И примечательно, что у самого порога

его стоит произведение необычайно ясное и сильное по мысли, на редкость цельное и законченное по форме.

В произведениях последнего периода творческой деятельности Твена нашли выражение многие мысли и чувства американских трудящихся, порожденные господством монополий, империалистов.

В эти заключительные годы своей жизни писатель создает десятки рассказов, юморесок, анекдотов, но важнейшее место в его творчестве принадлежит теперь остросатирическим памфлетам, направленным против американских поработителей колониальных народов, монополистов, линчевателей.

В рассказе «Человек, который совратил Гедлиберг» Твен выступает не против человека вообще. Плоха не «человеческая порода», говорит он этим произведением, плохи представители верхов. Именно в их среде все — видимость, все — позолота, а не драгоценный металл.

Правда, и простые люди, показанные в рассказе, скромные и милые старики Ричардсы, не устояли перед соблазном, который помог выявить истинную сущность «неподкупных» богачей, и протянули руку к заведомо нечистым деньгам. Но писатель не уравнивает «беднягу Ричардса» и богатых гедлибержцев. Он снова с грустью констатирует, что в Америке, где царит культ доллара, и бедняки заболевают жаждой богатства. Он видит деградацию людей в условиях капитализма. Но вместе с тем писатель страстно выражает свою симпатию к простому человеку и веру в него. Ему глубоко жаль Ричардсов.

Твен написал однажды: «Дождь, как известно, не разбирается: он поливает с одинаковой силой и праведных и грешников. Вот бы мне поручили распоряжаться дождем, я тогда стал бы праведных кропить легонько и ласково, а если настиг бы на улице грешника, то залил бы его с головой».

В этих словах отражены, пожалуй, некоторые характерные особенности творческого метода Твена — создателя «Человека, который совратил Гедлиберг». Богачей он делает мишенью ядовитейших насмешек — так сказать, заливает их «с головой». А вот «грешников» — людей труда — изображает с жалостью, кропит «легонько и ласково».

Примечательная особенность рассказа — отчетливое противопоставление богачам народа. Собрание, на котором происходит окончательное разоблачение наиболее состоятельных жителей Гедлиберга, носит характер всенародного осмеяния низости верхов. Простые люди (Твен называет, например, язвительного скорняка) ликуют, наблюдая, как гибнут фальшивые репутации «отцов города».

Когда председатель вынимал одну за другой разоблачительные записки, все, говорит Твен, «получали огромное удовольствие от этой процедуры».

Маркс писал: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество *весело* расставалось со своим прошлым»^[17].

На рубеже веков издевательский смех Твена, автора «Человека, который совратил Гедлиберг», прозвучал над всем миром. В этом смехе нашло отражение присущее народу чувство превосходства над морально несостоятельным и безобразным миром лжи и угнетения, который обречен на неминуемую гибель, каким бы могуществом и возможностями творить зло он ни обладал. Недаром рассказ о Гедлиберге принадлежит к числу тех произведений Твена, которые в буржуазных кругах Америки вызывают особенно недружелюбные чувства.

Империалистические державы совершали один акт агрессии за другим.

Еще до возвращения в США у Твена все настойчивее возникала мысль, что американские войска творят беззакония на Филиппинских островах и что другие «христианские державы» тоже поступают бесчестно в Китае и Южной Африке.

Поняв, что Соединенные Штаты не отдадут туземцам их владений, писатель воскликнул, что Америка «запятнала флаг». А когда в 1899 году началась война англичан с бурами, Твен снова заклеил Родса, и заклеил его куда резче, чем в книге «По экватору». «...Это убийство, — сказал он, — и Англия совершила его руками Чемберлена^[18] и кабинета лакеев, Сесилия Родса и его сорока воров, южноафриканской компании».

В письме к Твичелу, написанном в самом начале 1900 года, Твен гневно говорит: «По-видимому, мы не собираемся освобождать филиппинцев и возвращать им их остров. И, по-видимому, мы не собираемся вешать патеров и конфисковать их собственность». В этом же письме писатель декларирует, что «цивилизация буров» выше «нашей». «Наша цивилизация представляется мне чем-то очень жалким, полным жестокости, суетности, надменности, подлости и лицемерия. Я ненавижу

слово «цивилизация», потому что оно лживо».

Мысленно Твен сочинял, как он признался в письме к Гоуэлсу, резкие статьи против преступной, постыдной войны, которую англичане затеяли против буров. Однажды писатель даже изложил свои взгляды на бумаге — он решил было послать анонимную статью в лондонскую газету «Таймс», но в последнюю минуту все же передумал.

Мощное оружие — смех

Твен оставался противоречивым писателем. Осуждая верхи Америки и Англии за бесчестность и захватнические действия, он продолжал мучить себя мыслями о ничтожестве людей вообще,

В самом конце XIX столетия во время пребывания в Австрии писатель усиленно работал над двумя небольшими книгами, в которых хотел воплотить свою философию жизни. Первую из них Твен даже называл своей «библией» — в ней он собирался дать оценку «извечной» природы человека. Это произведение так и называется — «Что такое человек?».

Писателя всегда бесили елейные разглагольствования на тему о свободе воли и «чистом самопожертвовании». В книге «Что такое человек?» он показывает реальную подоплеку «трогательных» поступков, которые прославлялись в ханжеских романах и приторных стихах.

Однако, по существу, получалось так, что Твен отрицал и все возвышенное в человеке, готовность людей проявлять искреннюю и бескорыстную заботу об интересах других, их способность бороться за передовые идеи.

«Что такое человек?» — спрашивает Твен и отвечает: человек, как и крыса, например, — это просто машина, более тонкая и сложная, чем какой-либо станок, но все же подчиненная «закону всех машин», который гласит, что машину может пустить в действие только внешняя сила. Ни один человек не может ничего породить. Все его мысли, его импульсы приходят со стороны. Мозг человека «работает автоматически... Он не может собой управлять, его владелец не может им управлять». Из этого следует, что человек — дурно он поступает или хорошо — никак не может быть за это ответственным. Ведь любой добрый поступок, по существу, эгоистичен, человек совершает его из себялюбивых побуждений. Если человек оставляет семью и идет в бой, рассуждает Твен, то это лишь потому, что он больше любит одобрение соседей, нежели спокойную жизнь.

В книге «Что такое человек?» возникает образ умиротворенного старика, который даже не опечален господством в мире всеобщего эгоизма. Ведь все равно дурное и хорошее настроение зависит ни от чего иного, как от темперамента...

Сам писатель не мог, однако, придерживаться выводов подобной философской системы. Он-то не знал чувства умиротворения. В его книге

звучит вопль боли и отчаяния.

Твен писал Гоуэлсу: «С тех пор как я написал в прошлом году свою библию, — миссис Клеменс питает к ней величайшее отвращение, содрогается при одном упоминании о ней, отказалась выслушать вторую ее половину и не разрешает мне опубликовать ни одной главы, — так вот, с тех пор Человек больше не представляется мне существом, достойным уважения, и я перестал им гордиться и не могу больше писать о нем весело или с похвалой. Не могу — и не собираюсь. Я не брошу литературную работу, потому что она — мое лучшее развлечение, но печататься почти не буду (ибо у меня не больше желания быть оскальпированным, чем у всякого другого)».

Книгу «Что такое человек?» писатель решил опубликовать лишь в 1906 году. Другое свое философское произведение — «Таинственный незнакомец» — он так и не увидел в печати.

«Таинственный незнакомец» — это повесть о Сатане. Место действия — средневековая Австрия. Сатана, появившийся в маленькой деревушке, показывает, как гнусна действительность в целом и как бесчеловечны люди. Снова перед читателями истязания, пытки и тюрьма, грязь, голод, предательство друзей, рабское отношение к власти имущим — все то, против чего Твен боролся в своих более ранних книгах.

Но теперь мы ясно видим, что, говоря о средневековье, писатель на самом деле все время вполне осознанно имеет в виду современность. Любопытно следующее. Одновременно с «Таинственным незнакомцем» писатель создал повесть «Таинственный незнакомец в Ганнибале», в которой рассказывается о том, как Сатана посетил Соединенные Штаты. Эта повесть до сих пор не напечатана. Но можно предположить, что Твен вообще-то собирался написать произведение о современной Америке. По каким-то причинам (в частности, вероятно, маскировки ради) он перенес действие в далекое прошлое чужой страны.

Твену всегда была присуща тенденция объяснять беды буржуазной Америки влиянием феодальных нравов и обычаев; то скверное, что писатель видел в США, он то и дело по искреннему заблуждению называл «феодальным». В «Таинственном незнакомце» понятие «средневековье» заведомо используется как символ всяческих, в том числе и буржуазных, форм угнетения.

Эта повесть — наиболее пессимистическое из всех крупных произведений писателя. Черты пессимизма ощущались в ряде его высказываний еще в 80-х годах. Но в «Таинственном незнакомце» мизантропия Твена достигает наивысшей точки.

Читая «Таинственного незнакомца», невольно вспоминаешь «Приключения Тома Сойера». В «Таинственном незнакомце в Ганнибале» писатель прямо говорит о городке, где он вырос, городке, отдельные черты которого были, как известно, воплощены в повести о Томе Сойере. В «Таинственном незнакомце» речь идет об Австрии, но чувствуется, что и в этой повести изображены родные Твену края.

К тому же не только в книге о Томе Сойере, но и в произведениях о Сатане много внимания уделено детям, пытливым деревенским мальчуганам.

Все это позволяет с особенной силой ощутить, как не похожа жизнь, изображаемая Твеном в повести о Сатане, на ту, которая была нарисована в «Приключениях Тома Сойера». Повествование о юных жителях крохотного городка теперь приобретает поистине зловещий смысл.

В главном герое «Приключений Тома Сойера» было много комического, но смех помогал Твену выявлять в его любимце прекрасные человеческие черты. Рисуя Санкт-Петербург, писатель тоже по большей части заставлял нас видеть в его обитателях хорошее, смеяться добрым смехом.

В «Таинственном незнакомце» Твен изображает ужасную жизнь. Эта повесть не дает повода для веселого смеха. И, пожалуй, самое страшное заключается в том, что даже жизнь детей окрашена в мрачайшие тона.

Во всемогущем Сатане, этом властелине людей, нет гуманизма. Он ничего не собирается исправлять в жизни, переделывать на новый лад. Он не верит в будущее.

В конце повести Сатана декларирует: «Все, что я тебе говорю сейчас, — это правда! Нет бога, нет вселенной, нет человеческого рода, нет жизни, нет рая, нет ада. Все это только сон, замысловатый, дурацкий сон».

В условиях империализма писатель еще острее, чем в прошлом, почувствовал, что окружающая действительность поистине чудовищна. Буржуазная демократия окончательно обманула его надежды. Высокие гуманистические идеалы Твена, воплощенные и в образах хороших, славных людей и в образах сатирических, позволили ему это осознать. Но не сумев воспринять идеи социализма, Твен не увидел достаточно ясно реальных сил, которые могли бы построить жизнь иначе, быть источником радости, укрепить в людях чувство достоинства, по-иному объяснить мироздание. Социалистического общества, чуждого буржуазных пороков, писатель представить себе не мог. И это усугубило духовный кризис, который он переживал. Разочаровавшись в буржуазном обществе, писатель перенес свое разочарование на весь «род человеческий».

Австрийская деревушка, описанная в «Таинственном незнакомце», — это действительно, по мысли Твена, все человечество, вся жизнь, прошлое и настоящее. Выхода нет. Человеку свойственны, провозглашает писатель, глубокие внутренние пороки, он лицемерен и морально нечистоплотен. Таким он был и таким останется навеки.

Отсутствие ясного понимания исторического процесса неизбежно вносило застой в твеновскую философию жизни. Определенное воздействие на писателя оказали и реакционные идеи, которые получили широкое распространение во многих странах в конце века.

К счастью, однако, народное начало в мировоззрении художника и в эти годы не позволило ему погрузиться с головой в омут мизантропии.

Да и в самой повести «Таинственный незнакомец» легко обнаружить не только пессимизм.

Скажем прежде всего, что не все выпады писателя против человека нужно понимать буквально. Многие следует отнести за счет тенденции, столь характерной для творческой манеры Твена, широко пользоваться гиперболами, крайними преувеличениями, за счет его склонности придавать высказываниям своих героев гротескный оттенок.

Важнее, однако, другое. Твен часто вкладывает в свои инвективы двойной смысл. Он как будто осуждает человечество в целом, но тут же дает понять, что основной мишенью для его сатирических стрел является лишь головка буржуазного общества. В его выступлениях против «человеческой породы» как таковой ощущается пафос протеста против эксплуататоров, против империализма. Общефилософские сентенции то и дело становятся формой обличения правителей «христианских держав» — инициаторов разбойничьих войн.

В повести «Таинственный незнакомец» встречается вполне конкретная критика империализма. Вот как начинаются бесчестные войны (нет сомнений, что Твен исходил из опыта империалистической войны, которую вела его собственная страна): «Горстка крикунов требует войны. Церковь для начала возражает, воровато озираясь по сторонам. Народ, неповоротливая, медленно соображающая громадина, протрет заспанные глаза и опросит: «К чему эта война?», а потом скажет, от души негодуя: «Не нужно этой несправедливой и бесчестной войны». Горстка крикунов удвоит свои усилия. Несколько порядочных людей станут с трибуны и с пером в руках приводить доводы против войны. Сперва их будут слушать, им будут рукоплескать. Но это продлится недолго. Противники перекричат их, они потеряют свою популярность, ряды их приверженцев будут редеть. Затем мы увидим любопытное зрелище: ораторы под градом камней сойдут с

трибуны, орды озверелых людей, которые в глубине души по-прежнему против войны, но уже не смеют в этом сознаться, удушат свободу слова. И вот вся страна, поддерживаемая церковью, поднимает боевой клич, кричит до хрипоты и линчует честного человека, который осмелится поднять голос протеста. Вот уже стихли и эти голоса. Теперь бесчестные государственные мужи измышляют лживые доводы, чтобы возложить ответственность за начавшуюся войну на страну, подвергшуюся нападению, и каждый, радуясь в душе, что ему дают возможность чувствовать себя порядочным человеком, прилежно изучает эти доводы и затыкает уши при малейшем слове критики. Мало-помалу он уверится, что его страна ведет справедливую войну, и, надув таким образом самого себя, вознесет благодарственную молитву всевышнему и обретет, наконец, спокойный сон».

В конце концов оказывается, что автор «Таинственного незнакомца» превосходно помнит о необходимости преодоления общественного зла. Ведь существует же в мире оружие для борьбы с несправедливостью. «При всей своей нищете люди владеют одним бесспорно могучим оружием. Это — смех. Сила, деньги, доводы, мольбы, настойчивость — все это может оказаться бесполезным в борьбе с властвующей над вами гигантской ложью. На протяжении столетий вам, быть может, удастся чуть-чуть расшатать, чуть-чуть ослабить ее. Однако подорвать ее до самых корней, разнести в прах вы сможете лишь при помощи смеха. Перед смехом ничто не устоит. Вы постоянно пытаетесь бороться то тем, то другим способом, почему же не прибегаете вы к этому оружию? Зачем вы даете ему ржаветь? Способны ли вы воспользоваться этим оружием по-настоящему — не поодиночке, а сразу, все вместе? Нет. У вас не хватит на это ни здравого смысла, ни отваги».

Человечество, конечно, обладало тогда и разумом и смелостью, необходимыми для борьбы с общественным злом. Борьба эта в условиях империализма ширилась и углублялась. Об этом свидетельствовало, в частности, собственное творчество писателя-демократа.

«Я — антиимпериалист»

Как же применял в эти годы Твен свое мощное оружие, оружие смеха?

Не только повесть «Таинственный незнакомец», но и некоторые иные твеновские произведения тех лет остались неопубликованными до конца дней писателя. Но как раз на рубеже двадцатого столетия Твен начал выступать перед народом Америки в новом облики — как трибун, как активный противник империализма. Писатель, который так часто весьма критически отзывался о природных качествах человека и утверждал, что американцам совершенно чужда борьба за высокие цели, сам смело бросается в бой с темными силами в родной стране.

Знаменательно, что в своих антиимпериалистических речах, афоризмах и памфлетах Твен громит не человека вообще, не «род людской», а конкретных недругов народа. Он ясно видит уязвимость злодеев и не дает им спуска. Его антиимпериалистические произведения были созданы не во имя ненависти и презрения к человеку, а во имя любви к нему.

Когда после длительного пребывания в Европе Твен осенью 1900 года вернулся в США, он заявил репортерам, что в свое время уехал из Америки «убежденным империалистом», но с тех пор «многое продумал... И вот я — антиимпериалист». Писатель находился под сильным впечатлением новых злодеяний империалистических держав. Как раз накануне его приезда в Америку карательная армия, состоявшая из войск нескольких «христианских» государств, подошла к Пекину, чтобы отомстить китайцам за антиимпериалистическое народное восстание, которое печать обычно называла «боксерским восстанием».

В ноябре 1900 года Твен произнес публичную речь, в которой объявил о своей солидарности с «боксерами» — китайскими борцами против иностранных захватчиков. «Боксер» — патриот, — сказал Твен, — он единственный патриот в Китае, и я желаю ему успеха».

Это была речь в защиту справедливости, элементарной справедливости, как ее понимает рядовой фермер, как ее понимает Гекльберри Финн.

Последовал ряд новых выступлений. Твен бичевал действия американских захватчиков за рубежами страны и одновременно начал кампанию против растленных политических заправил Нью-Йорка. Американские газеты почувствовали, что с Твеном «что-то произошло»,

что он изменился.

Выражаясь словами одной провинциальной газеты, «добродушный юморист недавнего прошлого превратился в энергичного поборника реформ, странствующего рыцаря».

Есть десятки и сотни высказываний Твена, относящихся к разным периодам его творческой деятельности, в которых достаточно ясно выражено резко критическое отношение писателя к американским буржуазным политикам, к печати, богачам. Он писал, например: «...в нашей стране имеются законодательные органы, для подкупа которых установлена самая высокая в мире такса». Для него конгресс США — сборище «невежд и мошенников». «Год назад я был добродетельным человеком, — лукаво заметил писатель, — а теперь, когда я столкнулся с нью-йоркскими нравами, у меня осталось не больше совести, чем у миллионера».

В начале XX столетия Твен уже не просто высмеивает стяжателей и политиканов. Он предаёт анафеме империалистическую политику, политику порабощения народов, политику ограбления целых стран, уничтожения множества людей.

В канун нового, 1901 года в одной нью-йоркской газете появилось твеновское «Приветствие от XIX века XX веку». «Я приношу тебе, — говорит писатель, обращаясь к новому столетию, — семью христианских держав, которая возвращается испачканной, замаранной и обесчещенной из своих пиратских налетов на Кьяо-Чао, Маньчжурию, Южную Африку и Филиппины. Ее душа полна подлости, карманы полны наживы, рот полон святошеских лицемерных слов. Дай ей мыло и полотенце, но спрячь зеркало».

Это «приветствие» было перепечатано на специальных карточках Антиимпериалистической лигой Новой Англии.

Узнав, что американские миссионеры в Китае проявляют не меньше жестокости и жадности, нежели захватчики в военной форме, Твен в начале 1901 года написал памфлет «Человеку, Ходящему во Тьме» — одно из величайших произведений американской социальной сатиры.

Писателя бесят декларации миссионеров о том, что они приносят колониальным народам, людям, «Ходящим во Тьме», «Дары Цивилизации»: любовь, справедливость, христианские чувства, свободу, милосердие, просвещение. Он срывает маски с проводников империалистической политики в колониях и полуколониях, угнетателей туземцев, кровавых лицемеров и противопоставляет видимости «подлинную суть».

Что такое на самом деле «Дары Цивилизации»? — вопрошает

писатель-демократ. Его ответ на этот вопрос содержится в словах, едкая двусмысленность которых порождает поистине блестящий сатирический эффект. «Будем ли мы, — говорит Твен, — по-прежнему осчастливливать нашей Цивилизацией народы, Ходящие во Тьме, или дадим этим несчастным передохнуть? Будем мы и в новом веке оглушать мир нашей привычной святошеской трескотней или отрезвимся и сперва поразмыслим? Не благоразумнее ли собрать все орудия нашей Цивилизации и выяснить, сколько осталось на руках товаров в виде Стекланных Бус и Богословия, Пулеметов и Молитвенников, Виски и Факелов Прогресса и Просвещения (патентованных, автоматических, годных при случае для поджога деревень), а затем подвести баланс и подсчитать прибыли и убытки, чтобы решить уже с толком, продолжать ли эту коммерцию, или лучше распродать имущество и на выручку от продажи затеять новое дело под маркой Цивилизации?»

Стремясь с наибольшей силой заклеить зверства империалистов, писатель со свирепым сарказмом предлагает создать памятник в честь «подвигов» христиан в Китае, безжалостно уничтожающих коренных жителей страны, — этот памятник должен быть украшен орнаментом из человеческих голов, «расположенных в приятном, ласкающем глаз сочетании».

Твен то пародирует «святошескую трескотню», то в самой прямой форме изобличает империалистических убийц. Он пишет о том, что творят англичане в Южной Африке, где буров истребляют при помощи «длинной ложки» — штыка. Он рассказывает о злодеяниях в Китае французов, немцев и т. д.

Как истинного патриота, Твена больше всего бесят действия отечественных империалистов. Главной мишенью его сатирических атак оказываются в конце концов вашингтонские правители. Обращаясь к событиям на Филиппинских островах, писатель вкладывает в уста империалистов ханжеские и саморазоблачительные тирады. «Да, мы лгали... — восклицают они. — Но лишь для того, чтобы из кажущегося зла родилось подлинное добро! Да, мы разгромили обманутый доверчивый народ; да, мы предали слабых, беззащитных людей, которые искали в нас опору... мы вонзили нож в спину союзнику... мы силой отняли землю и свободу у верившего нам друга... мы запятнали честь Америки, и теперь весь мир смотрит на нас с презрением, — но все это было к лучшему».

Твен приходит к выводам самого широкого характера. Трест «Дары Цивилизации», то есть империализм, — это явление всемирного масштаба.

Хотя писатель порою и называет империалистические действия

«европейской игрой», «европейским планом», он чужд стремления (столь характерного для современных апологетов американского империализма) возлагать всю вину за захватническую политику на европейские государства, чтобы обелить Америку как «страну демократии». Напротив, Твен подчеркивает принадлежность к тресту «Дары Цивилизации» не только правящих кругов всей страны в целом, но и законодателей каждого из штатов. Он пишет: «Ведь руководители всех государств в христианском мире, равно как и девяносто процентов членов всех законодательных учреждений в христианских государствах, включая конгресс США и законодательные собрания всех пятидесяти наших штатов, являются не только верующими христианами, но также и акционерами треста «Дары Цивилизации».

Эти «акционеры» просто пираты. И Твен дерзко предлагает Америке завести соответствующий флаг. Он должен быть черного, пиратского цвета, а вместо звезд на нем будут изображены «череп и кости».

Памфлет «Человеку, Ходящему во Тьме» был опубликован в журнале «Североамериканское обозрение» в феврале 1901 года. Вслед за тем Антиимпериалистическая лига Нью-Йорка издала его в виде брошюры. Миссионеры и те, кто с ними солидаризировался, немедленно выступили с целой серией «опровержений». Твен ответил своим «миссионерам-критикам» развернутой статьей, которая появилась в «Североамериканском обозрении» в апреле того же 1901 года.

Несколько месяцев спустя Твен и его друг Гоуэлс совместно написали антиимпериалистический памфлет, который опубликовала всеамериканская Антиимпериалистическая лига.

Что и говорить, объявив себя антиимпериалистом, Твен не собирался сидеть сложа руки. Оружие смеха не станет у него ржаветь без дела...

Гнев нарастает...

Ленин писал: «Политическая реакция по всей линии — свойство империализма»^[19].

Удивительно быстро и тонко уловил Марк Твен усиление реакционных тенденций, характерное для Америки эпохи империализма.

В начале XX века он написал памфлет «Соединенные Линчующие Штаты», который направлен против того страшного, что открылось перед писателем во внутренней жизни США, и против деятельности американских миссионеров — пособников империализма в Китае. Произведение это было опубликовано полностью лишь в 1923 году.

Автора «Соединенных Линчующих Штатов» ужаснула поднявшаяся в США волна линчевания негров. И он увидел в этом не что-то случайное и преходящее. «Суд Линча, — с болью говорит Твен, — уже добрался до Колорадо, до Калифорнии, до Индианы и теперь — до Миссури! Вполне возможно, что я доживу до того дня, когда посреди Юнион-сквера в Нью-Йорке, на глазах у пятидесятитысячной толпы, будут сжигать негра...»

Писатель не может с этим мириться, как не может мириться и с тем, что цивилизацию страны, где царит дух Линча, империалисты хотят насадить в Китае.

В «Соединенных Линчующих Штатах» возникают мотивы, близкие тем, которые слышались в сценах встречи Янки с угольщиком, а также в афоризмах Простофили Вильсона. Почему, вопрошает — можно даже сказать, вопиет — Твен, американцы «стоят и смотрят на линчевание, всячески показывая, что это зрелище доставляет им безмерное удовольствие, хотя на сердце у них печально и тяжело? Почему никто из этой толпы пальцем не двинет, ни единого слова не скажет в знак протеста? Думается мне, — продолжает писатель, — только потому, что такой человек оказался бы в меньшинстве: каждый опасается вызвать неодобрение своего соседа — для рядового человека это хуже ранения или смерти». В другом месте Твен саркастически говорит: «Моральный Критерий подсказывает нам, что есть добро... и как уклониться от добрых деяний, если они непопулярны».

Мы обнаружим в памфлете и исполненные печали слова: «Нет у нас материала, из которого выковываются люди с отважной душой, в этом отношении мы нищие».

В горьких суждениях Твена находят отклик мрачные факты

общественной жизни в США, факты, повседневно привлекавшие к себе его взволнованное внимание.

Буржуазный мир делал очень многое для того, чтобы замутить зрение Твена или хотя бы установить негласную цензуру над его творчеством.

Он, однако, не позволил надеть на себя шоры.

В книге о своем отце Клара Клеменс сообщает любопытный факт. Оказывается, что Твен не только бичевал в газетах коррупцию муниципальных органов, но также участвовал в демонстрации против политических заправил Нью-Йорка и произнес речь на улице.

В памфлете «В защиту генерала Фанстона» писатель осмелился сказать в печати правду о подлости, совершенной одним из крупнейших американских генералов. Это произведение появилось в 1902 году в журнале «Североамериканское обозрение» и вызвало бурю негодования в рядах реакции. С тех пор прошло более полувека. И поныне в американские собрания сочинений Марка Твена памфлет не включен.

Поводом для создания «В защиту генерала Фанстона» был дальнейший ход событий на Филиппинах. После захвата американцами островов там развернулась широкая партизанская война. Войска США свирепо уничтожали филиппинских крестьян, которые, освободившись от испанского господства, не желали примириться с положением колониальных рабов Америки. В руководителе филиппинцев Агвинальдо, которого американцы в свое время привезли на Филиппины, чтобы он возглавил войну против испанцев, теперь они видели своего врага. Желая подорвать партизанское движение, американский генерал Фанстон разработал вероломный план и обманом захватил Агвинальдо.

Весь памфлет пропитан ненавистью к Фанстону. И весь он полон сарказма. Твен иронически «защищает» Фанстона, «защищает» последовательно и «логично». В основе аргументации писателя лежит хорошо знакомая мысль о том, что человек не отвечает за свои деяния, что во всем повинна его неизменная «натура» и, следовательно, любые моральные оценки лишены смысла. Твен пишет:

«...Переходим к вопросу, виноват ли Фанстон? Я считаю, что нет... Ведь не сам же Фанстон создал свою натуру. Он с ней родился! Она, то есть натура, подбирала ему идеалы, он тут ни при чем. Она подбирала ему общество и товарищей по своему вкусу и заставляла его водить компанию только с ними, а всех остальных отвергать. Противиться этому Фанстон не мог... Она всему виной, а вовсе не Фанстон. Его натуру всегда тянуло к моральному шлаку, как натуру Вашингтона — к моральному золоту, но и здесь тоже была виновата она, а не Фанстон! Если она и обладала

нравственным оком, то это око не отличало черное от белого; но при чем здесь Фанстон, можно ли винить его за последствия? Она имела врожденную склонность к гнусному поведению, но было бы в высшей степени несправедливо порицать за это Фанстона, как неправильно ставить генералу в вину, что его совесть испарилась сквозь поры его тела, когда он был еще маленьким, — удержать ее он не мог, да все равно совесть у него не выросла бы!»

Такова твеновская «защита» Фанстона. Но ведь все это с начала до конца почти незамаскированная издевка. На самом деле Твен предает Фанстона поруганию. Примечательно, что он не оставляет при этом камня на камне и от тех теорий, которые сам развивал в книге «Что такое человек?». Слишком близок был Твен к народу и слишком велика была его тревога о судьбе простых людей в условиях империализма, чтобы он мог позволить чувству недоверия к человеку целиком завладеть собой.

Фанстон лишен совести. Но он не обычный человек, а монстр, чудовище, говорит Твен своим произведением. И надо уберечь простых людей от влияния «фанстонизма». Человечество обязано «вывернуть преступную славу Фанстона с позолоченной стороны наизнанку и раскрыть истинную черную суть ее».

Примечательно, что в сатире о генерале Фанстоне, как и во многих своих памфлетах, Твен начинает с частного, но приходит к критике целого. На первый взгляд памфлет отражает лишь возмущение писателя тем, что генерал проник в лагерь повстанцев обманным путем и не постеснялся выпросить у них продовольствие для отряда, которому было дано задание захватить в плен Агвинальдо.

Но Твен идет гораздо дальше. Он нагнетает иронию, придавая ей все более острый характер. Взрывчатая энергия твеновского смеха направлена не только против Фанстона, но и против отвратительной сущности «фанстонизма» в целом, как он называет в данном случае империализм. В комическом и вместе с тем ужасающем образе Фанстона сконцентрировано все зло империализма.

Ленин дает яркую характеристику взглядов американских «антиимпериалистов», которые осуждали действия США на Филиппинах. «В Соединенных Штатах, — писал Ленин, — империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикиан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а

потом высадили американские войска и аннексировали Филиппины), — цитировали слова Линкольна: «когда белый человек сам управляет собой, это — самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это — деспотизм». Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием»^[20].

Твен, разумеется, не имел ясного представления о связях империализма с трестами, он, безусловно, не понимал, какими путями может пойти и пойдет реальная борьба против империалистов. Но его гнев против американских поработителей чужих народов нарастал, накалялся. Интуиция художника-демократа и реалиста помогала ему угадывать очень многое.

Если апологеты капитализма видели в деяниях захватчиков в Азии и Африке доказательство «полнокровности», мощи буржуазного общества, то для Твена наступление эпохи империализма означало не расцвет, а упадок. Оно являлось неопровержимым свидетельством не здоровья, а болезни, не красоты, а уродства, не силы, а слабости. Победы поработителей колониальных народов писатель встречал не возгласами восторга, а сардоническим смехом.

В лучших своих памфлетах Твен начисто отрицает империализм, хочет испепелить его огнем своей сатиры.

Еще на заре эпохи империализма Твен так страстно осудил жадность, жестокость, лицемерие и вероломство американских и иных империалистов, что произведения, созданные им шестьдесят и более лет тому назад, не потеряли своей художественной ценности, своего обличительного значения.

По силе воздействия на чувства и мысли читателя антиимпериалистические произведения Твена не уступают величайшим шедеврам памфлетного искусства, созданным Свифтом.

«Грандиозная международная процессия»

Лишь в начале 60-х годов на родине Твена появились сборники, содержащие его антиимпериалистические произведения, которые раньше оставались в США только журнальными публикациями.

Наконец-то американский читатель получил возможность прочитать «В защиту генерала Фанстона» и познакомиться с созданным Твеном многозначительным образом типичного американского милитариста (и сегодня многие генералы из Пентагона видят в Фанстоне своего идейного вдохновителя).

Любопытно, что в предисловиях к собраниям новой «твенианы» затрагивается вопрос о советских изданиях произведений Твена. Составители этих книг не могут отрицать, что в СССР широкие круги читателей гораздо лучше, чем американцы, знакомы с произведениями Твена, в которых он выступает как убежденный и горячий антиимпериалист, грозный обличитель корыстолюбцев, борец против религиозного мракобесия. Да и как можно оспаривать это, если тот же памфлет «В защиту генерала Фанстона» вошел у нас еще в начале прошлого десятилетия в двухтомник Твена, изданный в количестве семидесяти пяти тысяч экземпляров, а на рубеже 50-х и 60-х годов был перепечатан вчетверо большим тиражом.

И все же некоторые американские буржуазные критики делают попытки оспорить убеждение, широко распространенное среди советских (и не только советских) историков литературы, что в США существовала своеобразная скрытая, негласная цензура, мешавшая соотечественникам Твена получить достаточно ясное представление о величайших его сатирических сочинениях. Например, Джанет Смит — составительница книги «Марк Твен о проклятой человеческой породе» (под этим несколько зашифрованным названием в 1962 году в США были изданы некоторые из антиимпериалистических произведений сатирика) подчеркивает, что Твен-де критиковал империализм в самый разгар захватнических действий США на Филиппинских островах и «не смог бы, конечно, делать это, если бы пресса подвергалась цензуре».

Дж. Смит забывает о том, что антиимпериалистические произведения Твена, написанные тогда (и в том числе памфлет о Фанстоне), многие десятилетия оставались в США погребенными в пожелтевших от времени старых журналах. С ними можно было познакомиться, лишь проделав

немалую исследовательскую работу в крупнейших библиотеках страны. Факт таков, что ни одна сколько-нибудь значительная сатира Твена, непосредственно направленная против империализма, не вошла при жизни писателя в какую-либо из его книг, не говоря уже о собраниях сочинений.

Дж. Смит упускает из виду и то, что далеко не все сатиры Твена воспроизведены даже в тех сборниках, которые появились в США в самое последнее время. Ни «Исправленный катехизис», ни «Рыцари труда» — новая династия» до сих пор в американских сборниках «твенианы» не напечатаны.

Нужно напомнить наконец, что иные из произведений, в которых Твен гневно откликнулся на преступления империалистов, до сих пор не известны нам во всей полноте.

Приведем один пример. Вероятно, в 1901 году Твен создал антиимпериалистический памфлет под названием «Грандиозная международная процессия» (или просто «Грандиозная процессия»). Объем этого сочинения, по данным Пейна, около авторского листа. После смерти Твена Пейн опубликовал из «Грандиозной международной процессии» отрывок размером примерно в одну машинописную страницу. Полстолетия спустя Фонеру удалось добиться разрешения напечатать еще несколько фрагментов из памфлета. Остальная его часть хранится в секрете и сегодня.

Между тем известные нам выдержки говорят о том, что «Грандиозная международная процессия» — произведение незаурядной художественной силы и большого общественного значения.

Твен пользуется старинной, но сохранившей свое значение художественной формой. Перед нами аллегорическое шествие — маскарад. Темные силы выступают в обличье, наглядно выражающем их сущность, их вредоносный характер.

Объектом своей сатиры писатель делает империалистов всех стран — США, Англии, России, Германии, Франции. Международная политика этих «христианских держав» воплощена в образе «Христианства» — величественной особы «в развевающемся одеянии, пропитанном кровью». «Голова ее, — говорит Твен, — увенчана золотой короной с шипами, на которые насажены окровавленные головы патриотов, отдавших жизнь за родину, — буров, «боксеров», филиппинцев. В одной руке у нее праща, в другой — евангелие, раскрытое на тексте: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними».

Сущность «христианских» действий империалистов выражена также в том, что на шее «величественной особы» — «ожерелье из наручников и воровских отмычек», а держат ее под руку «Резня» и «Лицемерие».

Блестяще охарактеризован Твеном низменный «девиз» империалистов: «Возлюби имущество ближнего своего, как самого себя!» А флаг «Христианства», конечно, «черный пиратский».

И вот перед нами участницы шествия — империалистические страны. Первой выступает Англия. И, как символ ее злодеяний, появляются «две изувеченные фигуры, закованные в цепи, с ярлыками: «Трансваальская республика», «Свободное государство Оранжевое».

Ничем не лучше выглядит царская Россия. В процессии сосланные Николаем II «женщины, дети, студенты, государственные деятели, патриоты». Нескрываемая издевка звучит в замечании писателя о том, что появляется стяг с надписью: «Во имя господ».

Сурово судит автор об империалистической Франции. В процессии — «изувеченная фигура с надписью: «Дрейфус» и «отряд французских солдат, несущий отрубленные головы китайцев и награбленную добычу. Символ — черный пиратский флаг. Стяг с девизом: «Франция — светоч человечества!»

Германия представлена фигурой «в железном шлеме» и с «бронированным кулаком». Над головой она держит библию, а «почетная стража — колонна немецких миссионеров, несущих собранную дань».

Резче всего Твен осуждает империалистов США. Вот в каком виде появляется Америка в процессии:

«Почтенная матрона в греческом одеянии, с непокрытой головой, в наручниках. Она плачет. У ног ее валяется фригийский колпак.

Приверженцы: слева — Алчность, справа — Предательство.

За ними следуют:

Изувеченная фигура в цепях: «Независимая Филиппинская республика» и аллегорическая фигура правительства, ласкающая ее одной рукой, а другой вонзающая нож ей в спину.

Стяг с девизом: «Помогите нам взять Манилу, и мы вам дадим свободу, согнув вас в бараний рог».

Твен делает множество язвительных замечаний. Американский флаг, пишет он, развевается над платформой, «доверху заваленной награбленным имуществом».

С болью рисует писатель раздавленную Филиппинскую республику. Сколько гнева заключено в надписи на американском флаге: «До какого позора я докатился!» Пиратский флаг отвечает на эти слова следующим образом: «Ничего, брат, привыкнешь! У меня самого были сперва сентиментальные принципы!»

В привычные для всех американцев высокие сентенции из

«Декларации независимости», гимнов и т. д. Твен саркастически вводит слово «белые», чтобы выразить мысль, что империалисты США рассматривают «цветные» народы не как равноправные, а как объект насилия и угнетения. Так, вместо слов «Все люди созданы свободными и равными» он пишет: «Все *белые* люди созданы свободными и равными».

Горько звучат слова Твена о факеле статуи Свободы, который «погас и перевернут вниз», и об американском флаге, свернутом и перевитом черным траурным крепом.

Вот что говорит Твен — борец против угнетения людей в известных нам отрывках из «Грандиозной международной процессии».

Легко понять, почему полный текст этой мощной сатиры все еще спрятан подальше от глаз читателей.

Как же можно после этого утверждать, что творчество Твена не подвергалось скрытой цензуре?

Жестокость и цинизм — «дух нашего времени»

Удивительно складывалась судьба Твена в начале XX века.

Он был знаменит. Университеты считали честью для себя наградить его почетным дипломом.

Твен охотно принял ученую степень, которую присудил ему Оксфордский университет. Писателю очень понравилась пышная мантия, в которой он шествовал во время торжественной церемонии. Но особенно хорошо запомнились Твену аплодисменты, которыми встретили его портовые грузчики, когда он прибыл в Англию для получения степени. Ведь его приветствовали, с гордостью говорил писатель, люди из его собственного класса, сыны труда.

Продолжался выпуск многотомного собрания сочинений Твена. Он полностью расплатился с долгами. Материальные невзгоды, мучившие его много лет, остались позади.

Когда Марк Твен предпринял новую поездку в родные места, всюду ему устраивали торжественные приемы. В Сент-Луисе именем Марка Твена был назван большой пароход. Редакторы выпрашивали у него новые рассказы. Как оратор на званых обедах он по-прежнему не имел в Америке равных. Репортеры чуть ли не каждый день появлялись у дверей его дома на Пятой авеню в Нью-Йорке. А между тем Твен продолжал бороться с миром хищничества и кровавых войн. В свою очередь, господствующие в США круги делали все возможное, чтобы нейтрализовать силу антиимпериалистического и антибуржуазного пафоса сатирика. Некоторые из самых колющих его обличительных произведений, как и раньше, появлялись в изданиях, не очень-то доступных рядовому читателю. В собрания сочинений писателя им дороги не было.

Вероятно, в начале XX века было написано не опубликованное до сих пор произведение Твена «Деревенские жители, 1840—43». Судя по известным нам отрывкам, в «Деревенских жителях» писатель хотел осмыслить прошлое с позиций современности и выявить корни морального упадка в США.

Автор «Деревенских жителей» пытается обнаружить источник изменений к худшему в одном каком-нибудь событии из истории страны. Он утверждает, что открытие золота в Калифорнии было национальным бедствием, что именно «калифорнийская погоня за богатством 1849 года была причиной перемен, породила ту жажду денег, которая стала сегодня

привычной, ту жестокость, тот цинизм, которые представляют собой дух нашего времени».

В эти годы Твен много пишет о смерти. Такие мысли были навеяны не только старостью, болезнями, уходом из жизни родных и близких. Умерли также надежды и ожидания, связанные с буржуазным общественным строем, который утвердился в США.

В записных книжках Твена еще в 1891 году появились слова, богатые подспудным смыслом: «Из скитаний по свету возвращается шестидесятилетний Том, находит Гека. Вспоминают старое время. Оба разбиты, отчаялись, жизнь не удалась. Все, что они любили, все, что считали прекрасным, ничего этого уже нет. Умирают».

«умный и острый блеск серых глаз...»

Летом 1904 года после долгой болезни скончалась в Европе жена Твена. Тяжело переживал писатель эту утрату...

Тело Оливии Клеменс было отправлено на родину.

«Отплыл вчера вечером в десять. Сейчас прогудел рожок к завтраку. Я узнал его и был потрясен. Когда я в последний раз слышал этот звук, Ливи тоже слышала его. Теперь он для нее не существует», — писал Твен на борту парохода.

И дальше следуют потрясающие строки:

«Я видел июнь шестьдесят восемь раз. Как бесцветны и тусклы были все они по сравнению с ослепляющей чернотой этого».

Чувство горя все сильнее охватывало писателя. В своих записных книжках он обращается к покойной жене: «За эти тридцать четыре года мы много ездили с тобой по свету, дорогая Ливи, и вот наше последнее путешествие. Ты там, внизу, одинокая, я наверху, с людьми, одинокий».

Приближался 1905 год. Перед рождественскими праздниками в газетах появилось сообщение о еврейском погроме в России. Твен написал коротенькую, «праздничную» заметку, в которой сравнил императора российского с Сатаной.

Америка роджерсов и лэнгдонов не собиралась ссориться с русским царем. Но была и другая Америка. О том, что «существуют две Америки», Твен знал уже давно. Он писал об этом, например, в памфлете «Человеку, Ходящему во Тьме».

К людям «второй Америки», к трудящимся, горячо сочувствовавшим русской революции, в 1906 году приехал из России Максим Горький. Твен познакомился с Горьким и представил его группе культурных деятелей США.

GORKY AND MARK TWAIN PLEAD FOR REVOLUTION

**Committee Formed to Raise
Funds for Russian Freedom.**

TO ARM REVOLUTIONISTS

Однако внезапно, по наущению царского посольства, газеты подняли против Горького гнусную травлю. Формальным поводом для нее было то обстоятельство, что Горький приехал в Америку со своей гражданской женой, с которой он не был обвенчан. Твен чувствовал себя, по свидетельству Гоуэлса, точно на вулкане. Теперь ему, конечно, представлялась прекрасная возможность высмеять лицемеров, выступить едко, свирепо, так, как он это умел делать. Но «обычаи — это обычаи, они делаются из твердой бронзы, котельного железа, гранита», — сказал Твен. Против «обычаев» он не пошел.

И все же нельзя пройти мимо того примечательного обстоятельства, что в разгар кампании, поднятой против Горького американской буржуазной печатью, он выступил в газетах с декларацией, в которой были такие слова: «...Я — революционер по рождению, литературным вкусам и своим принципам. Я всегда стою на стороне революционеров...»

В этой книге воспроизведена фотография, изображающая Горького и Твена среди группы американских литераторов. Горькому хорошо запомнилась эта встреча. В небольшом очерке он запечатлел облик американского писателя и его выступление перед кружком «молодых литераторов и журналистов». «У него на круглом черепе — великолепные волосы, — какие-то буйные языки белого, холодного огня, — пишет Горький о Твене. — Из-под тяжелых, всегда полупущенных век редко виден умный и острый блеск серых глаз, но, когда они взглянут прямо в твое лицо, чувствуешь, что все морщины на нем измерены и останутся навсегда в памяти этого человека. Его сухие складные кости двигаются

осторожно, каждая из них чувствует свою старость.

— Джентльмены! — говорит он, стоя и держась руками за спинку стула. — Я слишком стар, чтоб быть сентиментальным, но до сего дня был, очевидно, молод, чтоб понимать страну чудес и преступлений, мучеников и палачей, как мы ее знаем. Она удивляла меня и вас терпением своего народа — мы не однажды, как помню, усмехались, слушая подвиги терпения, — американец упрям, но он плохо знаком с терпением, как я, Твен, — с игрой в покер на Марсе,

Речь слушает кружок молодых литераторов и журналистов, они любят старого писателя и знают, когда надо смеяться.

— Потом мы стали кое-что понимать — баррикады в Москве, это понятно нам, хотя их строят, вообще, не ради долларов, — так я сказал?

Конечно, он сказал верно, это доказывается десятком одобрительных восклицаний, улыбками. Он кажется очень старым, однако ясно, что он играет роль старика, ибо часто его движения и жесты так сильны, ловки и так грациозны, что на минуту забываешь его седую голову».

В этом коротеньком очерке все дышит душевной симпатией к Твену. И эту симпатию разделяют миллионы советских читателей.

Линкольн американской литературы

«Мы стали кое-что понимать...» — сказал Твен в речи, которую приводит Горький. Американцы стали понимать, по его мысли, революционную Россию, поднимающуюся на борьбу с палачами народа. И тут же мимоходом Твен бросает замечание, что «баррикады в Москве... строят, вообще, не ради долларов».

На первый взгляд американский юморист просто шутит. Но какие знакомые и серьезные интонации слышатся в этом противопоставлении «баррикад» и «долларов». Приходит на память написанное в начале 90-х годов письмо Твена Степняку-Кравчинскому, в котором герои революционной борьбы противопоставлены людям, вносящим во всё элементы «сделки».

В твеновской шутке нашла отражение, хотя и мимолетное, мысль, давно уже не дававшая покоя писателю, — мысль о духовной деградации людей под влиянием долларов.

В условиях империализма Твен все более решительно и убежденно говорит о неудовлетворительности моральных итогов буржуазного прогресса. Он предаёт анафеме всю современную цивилизацию, в основе которой — доллары, деньги, стяжательство.

Это вызывало у Твичела нескрываемую тревогу. Он умолял Твена отводить душу только в письмах, адресованных ему, Твичелу, и ни в коем случае не раскрывать своих взглядов перед Гоуэлсом или Роджерсом и уж, во всяком случае, не делать эти взгляды достоянием печати.

В дни своей молодости священник Твичел был веселым здоровяком, не отличался особым ханжеством и даже проявлял порою известный либерализм в политике. К началу нового века, однако, он успел поправеть и не воспринял антиимпериалистических воззрений Твена.

В одном письме Твену Твичел говорит, что его друг должен «стать на колени и просить прощения за крайний пессимизм, проявляемый в начале XX столетия». Ведь, декларирует священник, «царство божие» и «справедливость» берут верх над злом в современном мире. Налицо, по его словам, «постоянный прогресс» в этом отношении. «Выберись из своей дыры, Марк, — убеждает Твена Твичел, — ...перестань проклинать и лучше кричи «Слава!»...Говорю тебе, что победа останется на стороне священников».

Однако Твен не хочет «стать на колени». Между ним и Твичелом

разверзлась настоящая пропасть. Писатель признает наличие прогресса, громадного прогресса в области создания материальных ценностей. «Но достигли ли мы большей праведности? Можно ли тут обнаружить хоть малый прогресс? По-моему, невозможно». Ведь ныне «деньги — вот высший идеал, все остальное для огромного большинства людей и в Европе и в Америке стоит где-то на десятом месте. Алчность и корысть существовали во все времена, но никогда за всю историю человечества они не доходили до такого дикого безумия, как в наши дни. Это безумие разлагает людей и в Европе и в Америке, делает их жестокими, подлыми, бессердечными, бесчестными угнетателями».

В одном письме 70-х годов Твен в шутку назвал Америку будущего, Америку 1935 года, монархической страной. Вернувшись к этому письму через треть века, он отметил: «Теперь кажется странным, что я мог думать о *будущей* монархии, не подозревая о том, что монархия уже существует в *настоящем*, а республика стала делом прошлого. Но именно так оно и было. Республика оставалась только по названию, а фактически республики давно уже не было». Твен даже стал догадываться, где именно нужно искать причины того, что Америка перестала быть «республикой». Он пишет о том, что «огромная власть и богатство порождают коррупцию в деловой жизни и в политике и внушают любимцам публики опасное честолюбие».

Примечательно, что, критикуя капиталистический прогресс так резко, как никогда, Марк Твен все же не переходил на позиции поборников реакционного утопизма. Как и Уолт Уитмен, он не склонен был строить свой идеал на основе каких-либо отсталых форм жизни и отнюдь не отказывался от завоеваний человеческого разума, науки и техники.

В начале XX века Твен написал блестящий памфлет «Невероятное открытие доктора Лёба», в котором прославил успехи науки в деле познания и изменения мира. Он с гордостью говорит о телеграфе, телефоне, геологии, палеонтологии, об открытиях Пастера и высматривает тех, кто пытается помешать развитию научных знаний.

Консерваторы от науки, выступающие в роли «экспертов», ретрограды, которые цепляются за старое, привычное, косное и мешают продвижению новых идей, вызывают у него гнев.

И в старости Твен боролся смехом за поступательное движение человечества по пути научного прогресса.

В своих произведениях он то и дело касался разных достижений технической мысли. До конца своих дней писатель живо интересовался изобретениями. Он хотел, чтобы на его родине наука и техника двигались

вперед. Твена, однако, ужасала мысль, что Америка, делая успехи в развитии материальной культуры, становится при этом страной «убогих идеалов» и «вульгарных устремлений», порождаемых жаждой денег.

Борясь словом против гнили современного общества, против «диктатуры финансистов», которая, как он чувствовал, утверждается в Америке, Твен, естественно, искал вокруг себя товарищей по оружию.

В свое время он высоко оценил некоторые стороны творчества американских писателей Гарта и Гоуэлса, приветствовал реалистическое дарование Хоу.

О том, как страстно жаждал Твен развития в США реалистической литературы, которая сказала бы всю правду даже о самых темных сторонах жизни американцев, говорит одна его статья на литературные темы, напечатанная впервые в 1962 году.

Статья эта посвящена роману Эмиля Золя «Земля». Сначала кажется, говорит Твен, что эта книга — «оглушающий буйный бред... выдумка непристойно распущенного воображения». Но потом появляется уверенность, что «писатель пишет правду... точную до мелочей». Ведь и в Америке есть «деревни, которые напоминают кое в чем, а может быть, и во многом деревню, описанную у Золя». Ведь жизнь «может дать писателю материал для американской «Земли» — несколько иной, чем у Золя, но не менее ужасной».

Точно призыв к писателям отбросить всякое жеманство и украшательство, призыв без страха рисовать американскую жизнь такой, какова она на самом деле, звучат слова Твена: «Мы скажем: да, во всей книге Золя нет ни одного мельчайшего эпизода, нет ни единого диалога, которые не отражали бы и нашу американскую жизнь. А потом мы пойдем дальше и вспомним еще другие факты американской жизни, столь гнусные и омерзительные, что с ними не сравнится ни один из ужасов Золя».

Великий американский реалист завершает свою статью (которую так долго не решались печатать владельцы его рукописей) следующими ироническими словами: «...Мы досадуем на Золя. За то, что он разоблачил этих ужасных французов? Нет, за то, что он разоблачил нас в наших собственных глазах. Мы сладко спали, мы позабыли об очень многом, а он нас разбудил. Мы досадуем на Золя. И мы не простим ему этого».

Твена, конечно, не могли радовать романы, которые числились в Америке XX столетия «бестселлерами», то есть расходились наибольшими тиражами. К сожалению, он был, по-видимому, плохо знаком с теми книгами крупных представителей американского критического реализма, которые появились в первом десятилетии нового века. Вспомним, впрочем,

что Теодор Драйзер был тогда автором только одного опубликованного романа — «Сестра Керри», причем само издательство, напечатавшее эту книгу в 1900 году, сочло ее «безнравственной» и фактически не пустило в продажу. Фрэнк Норрис умер совсем молодым, в начале своего многообещающего творческого пути. Роман Джека Лондона «Мартин Идеи» был издан всего за год до смерти Твена.

Оглядываясь на путь, пройденный литературой США с начала столетия, мы видим сегодня, что родина Твена выдвинула ряд писателей, которым суждено было сделать новые большие шаги в развитии американского реалистического романа и новеллы по сравнению с творчеством создателя «Приключений Гекльберри Финна». Норрис, Драйзер и Синклер Льюис, Джек Лондон, Эптон Синклер и Шервуд Андерсон, а позднее Скотт Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй, Томас Вулф, Уильям Фолкнер, Ленгстон Хьюз, Эрскин Колдуэлл, Альберт Мальц, Джон Стейнбек, Джером Сэлинджер, Уильям Стайрон, Джеймс Джонс поведали много правдивого и горького об Америке эпохи империализма.

И все они обязаны вдохновляющему примеру Твена теми или иными сторонами своего мастерства, все они в той или иной мере являлись продолжателями традиций критического реализма, крупнейшим основоположником которых был Марк Твен. Не случайно Драйзер назвал Твена вдохновенным гением, оригинальным мыслителем.

Разумеется, литературные традиции, на которые опираются наиболее значительные писатели США XX века, воплощены не только в произведениях Твена. Исключительно велико значение идейно-художественных традиций, связанных с именем Уолта Уитмена — революционного демократа, певца борьбы против невольничества и идеалов бескорыстного, братского сотрудничества всех трудящихся. Большой вклад в литературу страны сделали и такие крупные американские писатели XIX столетия, как Купер, Бичер-Стоу, Готорн, Мелвилл, Торо. Многие дали литераторам Америки опыт реалистов европейских стран, прежде всего России, Франции, Англии.

Но твеновская традиция в литературе США — широкая и богатая традиция. Она живет и приносит новые плоды.

В «Спруте» Норриса, «Американской трагедии» Драйзера, «Мартине Идене» Лондона, «Бэббите» и «У нас это невозможно» Льюиса, «Гроздьях гнева» Стейнбека, произведениях Хемингуэя, «Деревушке» Фолкнера, «Домой возврата нет» Вулфа, «Глубинном источнике» Мальца и других крупнейших произведениях американской литературы нашего столетия убедительно показано, что те отрицательные тенденции, которые так

проницательно подметил Твен, успели в Америке XX века расцвести пышным цветом и породить ядовитые плоды.

О том же говорят и посвященные Америке творения мастеров кино и живописи. Вспомним хотя бы картину Чарли Чаплина «Новые времена», изображающую, как капитализм обесчеловечивает людей, превращает их в рабов. Кстати, при всем своеобразии и специфичности дарования Чаплина-сценариста и актера и он многими нитями связан с Твеном — мастером сатирического гротеска и лирического юмора.

Современная американская литература и искусство немалым обязаны Твену также как создателю ярчайших положительных образов, образов простых людей с прекрасным сердцем, людей, которые не хотят мириться с несправедливостью, порабощением.

Известные американские публицисты Элен и Скотт Ниринги в своей книге «США сегодня», изданной в США в середине XX столетия, так охарактеризовали Америку наших дней:

«Мы очутились в стране, которая стала жертвой разбойников, грабителей и сводников. Повсюду господствуют дельцы, призывая и убеждая людей все больше и больше покупать, приобретать, накапливать, а затем зарабатывать еще больше, чтобы еще больше покупать... Мы увидели страну, где люди беспокойны, теряют почву под ногами, ищут безвестности, прячутся от соседей и от самих себя. Беспокойство охватывает всех — от подростков, стремящихся сделать карьеру и создать семью, до квалифицированных и неквалифицированных рабочих, до преуспевающих лиц свободных профессий и коммерсантов, до государственных служащих и ушедших на покой мужчин и женщин, постоянно о чем-нибудь тревожащихся. Всех терзает общее чувство неуверенности... Мы оказались в стране, которая кишит тайными агентами, соглядатаями, сплетниками, осведомителями, шпионами... Итак, нашим взорам предстала странная страна — США 50-х годов XX века. Мы чувствовали себя гостями издалека, хотя приехали всего лишь с уединенной фермы Новой Англии. Чем дальше мы ехали, тем все более чуждым казалось нам все. Поистине это была страна, которой мы никогда не знали».

Итак, Ниринги утверждают, что современная Америка — страна, которой они «никогда не знали».

Что и говорить, в США середины века есть немало нового и, в частности, такого «нового», которое не может не удручать. Но тот, кто внимательно перечитает произведения Твена, сможет увидеть корни целого ряда явлений, которые пугают и мучают честных американцев сегодня.

Надо добавить, что за океаном действительно есть немало честных людей, немало американцев, которые не хотят мириться с засильем милитаризма, с расизмом и ведут борьбу с поджигателями войны, мракобесами, с «ультра».

И хочется, чтоб ныне в США было больше художников слова, обладающих талантом, умом и мужеством, необходимыми для того, чтобы продолжать дело Твена — дело реалистического изображения Америки империализма.

Реакционное литературоведение делает все возможное, чтобы удержать писателей от следования по стопам американского реалиста. Нельзя, конечно, отказать заокеанским историкам литературы во внимании к творчеству Твена. В США продолжают появляться богатые материалом исследования жизни и творчества писателя. Но характерно, что влиятельные буржуазные литературоведы и сегодня отрицают идейное значение его творчества (в недавно опубликованном в США обширном исследовании сказано буквально следующее: «Марк Твен как мыслитель был слишком непоследователен и слишком поверхностен, чтобы иметь существенное значение...»). Иногда великого критика капиталистической Америки называют просто «невротиком» или хуже того. Так, буржуазный исследователь Генри Кенби видит в творчестве Твена последних двух десятилетий его жизни выражение крайней деградации и объясняет все это... психическим недугом, якобы овладевшим писателем. Автор «Таинственного незнакомца», по Кенби, был «болен», и это-де в гораздо большей степени определяло характер его творчества, «нежели что-либо в современной истории. Он (то есть Твен. — М. М.) вообще никогда особенно много не интересовался современной историей», — декларирует критик, совершенно не считаясь с общеизвестными фактами. Твен, продолжает Кенби, «родился невротиком» и «в конце концов невротизм уничтожил его как художника».

Стремление литературоведов рассматривать творчество Твена последних лет его жизни в свете явлений американской социальной действительности вызывает у буржуазных историков литературы в США нескрываемое раздражение. Г. Кларк, автор статьи о Твене, помещенной в справочном критико-библиографическом издании «Восемь американских писателей» (1956), полностью отказывает советским историкам литературы в праве усматривать «в пессимизме позднего Твена» отражение его неудовлетворенности «характером американской цивилизации».

Есть и еще одна форма «критики» творчества Марка Твена, которой пользуются реакционеры. Через сорок лет после смерти писателя его роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» был изъят управлением

по делам образования в Нью-Йорке из списка книг для чтения в школах. Позднее такая же судьба постигла «Приключения Гекльберри Финна».

Твен без реализма, Твен без антирабовладельческой борьбы, Твен далекий от протеста против капиталистических порядков — только таким согласны принять его многие идеологи американской буржуазии.

Но Твен иной.

Прислушаемся к суждению о нем Уильяма Гоуэлса. Еще полвека тому назад Гоуэлс выразительно и справедливо назвал своего друга Линкольном отечественной литературы.

Прислушаемся также к словам Бернарда Шоу, который писал Твену: «Я убежден, что для будущего историка Америки Ваши произведения будут столь же незаменимы, как политические трактаты Вольтера — для историков Франции».

Выражая взгляды советских людей, А. А. Фадеев сравнил значение Твена для литературы США со значением Бальзака и Диккенса для литературы французской и английской.

Как писать автобиографию...

Есть такие критики — их немало, которые видят в пессимистических идеях «Таинственного незнакомца» наиболее полное и верное выражение философских позиций Твена в конце его жизни. Так, Генри Смит, являющийся ныне хранителем рукописей писателя, заканчивает свою книгу, изданную в США в 1962 году, мрачайшей цитатой из «Таинственного незнакомца», а затем говорит: «Этим словами завершается его (Твена. — М. М.) деятельность как писателя, ибо ему нечего было больше сказать».

На самом деле в заключительные годы жизни Марк Твен сказал еще очень, очень много нового, чрезвычайно важного и звучащего совсем по-другому, нежели бесприсветно мрачные сентенции из «Таинственного незнакомца».

На самой заре XX столетия, когда за каких-нибудь два-три года Твен создал целую серию великолепных антиимпериалистических произведений, он предстал перед миром вовсе не брюзгливым мизантропом, а беззаветным борцом против империализма во имя свободной жизни поработанных людей.

Новый взлет твеновской сатиры пришелся на середину первого десятилетия нашего века.

Годы 1905-й, 1906-й...

Писателю уже семьдесят лет.

Отвечая на юбилейные приветствия, Твен сказал в конце 1905 года, что теперь он уже может считать себя «в запасе». Но сатирик вовсе не собирался уходить в запас. Он видел дальше и глубже, чем когда-либо в прошлом, а темперамент его оставался таким же, как в молодые годы. Когда перед взором писателя возникали картины несправедливости, угнетения, бесчеловечности, он бурно возмущался, негодовал, кипел.

Еще в конце XIX столетия Твен начал заносить на бумагу воспоминания о прожитом и пережитом. Но только за несколько лет до смерти он принялся работать над своей автобиографией изо дня в день.

Эти воспоминания первоначально не предназначались для печати. Им были предпосланы такие слова: «Когда я пишу эту «Автобиографию», я ни на минуту не забываю, что держу речь из могилы. Это в самом деле так: меня не будет в живых, когда книга выйдет в свет». И дальше: «Я предпочитаю разговаривать после смерти, а не при жизни, по весьма

серьезной причине: держа речь из могилы, я могу быть откровенен».

Свои воспоминания Твен обычно диктовал. Мысль о создании автобиографии методом диктовки родилась на обеде в честь писателя, данном в Плэйерс-клубе в начале января 1906 года. А уже в середине того же года Твен с гордостью сообщил Гоуэлсу, что «надиктовал (с 9 января) много «наследства» — 210 тысяч слов, и прибавляется еще 50 тысяч. «Наследство» — это вещи, — поясняет писатель, — залежавшиеся у меня в столе с давних пор, потому что либо я сам, либо издатели не решались их печатать».

Впрочем, сатирик не только передиктовывал «наследство». Легко установить, что в эти же месяцы в «Автобиографию» вошло большое количество совершенно нового материала, отражавшего мысли и чувства Твена, порожденные современностью, текущими событиями.

В общей сложности только за первую половину 1906 года Твен «надиктовал» столько страниц рукописей, что из них можно было бы составить почти два тома. Однако при жизни писателя «Автобиография» в его собрание сочинений включена не была. И сегодня она опубликована не полностью.

Как представлял себе Твен «Автобиографию»?

Об этом говорит такая его запись: «Во Флоренции в 1904 году я, наконец, открыл истинный метод, как писать автобиографию. Не выбирай, чтобы начать ее, какое-либо определенное время своей жизни; броди по жизни как вздумается; веди рассказ только о том, что интересует тебя в данную минуту; немедленно прерывай рассказ, как только интерес к нему начинает слабеть, и берись за новую, более интересную тему, которая пришла тебе только что в голову.

И еще: пусть этот рассказ будет одновременно дневником и автобиографией. Тогда ты сумеешь столкнуть животрепещущую современность с воспоминаниями о чем-то, что было сходно с нею, но случилось в далеком прошлом; в этих контрастах скрыто неповторимое очарование».

Таким заветам и следовал Твен в своей работе над «Автобиографией».

Вот, например, 8 февраля 1906 года он вспоминает ранние годы жизни в Хартфорде и своих любимых дочек — тогда еще девочек. Сколько теплоты и ласки в его рассказе о том, как «девочки приносили мне картинку и требовали, чтобы я сочинил к ней рассказ». Четыре дня спустя Твен обращается к совсем далеким годам, когда он и его брат Генри были не старше Тома и Сида Сойеров.

Проходит еще четыре дня, и автор включает в «Автобиографию»

грозную филиппику против миллионера Джея Гулда, который «научил всю страну обожествлять деньги и владельца денег, невзирая на то, каким путем эти деньги добыты».

Девятого марта все того же 1906 года писатель повествует «о том, что было шестьдесят лет назад и еще раньше».

А три дня спустя он переходит к фактам самого последнего времени, к новым преступлениям американской военщины на многострадальных Филиппинах.

Нет, не таким человеком был тогда Марк Твен, чтобы прятаться от трагедий современности в светлом мире детства и юности! «Оставим пока моих товарищей, — восклицает он, — с которыми я учился шестьдесят лет назад, мы вернемся к ним позднее. Они меня очень интересуют, и я не собираюсь расставаться с ними навсегда. Однако даже этот интерес уступает место впечатлению от происшедшего на днях события».

И дальше идет пространный и полный ярости рассказ о том, как войска США безжалостно уничтожили целое племя моро. Официально избиение этих людей называлось битвой, но Твен срывает маски с тех, кто совершил страшный акт варварства, показывает, что они поступили как подлинные злодеи.

«Официальное сообщение, — говорится в «Автобиографии», — надлежащим образом превозносит и приукрашивает «героизм» и «доблесть» нашей армии...» Но о какой доблести может идти речь, если американские солдаты, вооруженные артиллерией и винтовками с точным прицелом, истребляли почти безоружных людей. «У противника, — с возмущением говорит писатель, и слово «противник» звучит саркастически, — было шестьсот человек, включая женщин и детей, и мы уничтожили их всех до одного, не оставив в живых даже младенца, чтобы оплакивать погибшую мать».

Твен продолжает: «Нагие дикари были так далеко внизу, на дне кратера-западни, что наши солдаты не могли отличить женскую грудь от маленьких мужских сосков; они были так далеко, что солдаты не могли отличить еле ковыляющего двухлетнего карапуза от темнокожего великана. Это, несомненно, — заключает он, задыхаясь от негодования, — наименее опасная битва, в которой когда-либо принимали участие солдаты-христиане любой национальности».

В «Автобиографии» Твена есть десятки и сотни прекрасных поэтических страниц, говорящих о неизменной его тяге к жизни, о вдохновлявшей писателя жажде света и добра. Было бы чудовищной несправедливостью ставить знак равенства между Сатаной из

«Таинственного незнакомца» и автором воспоминаний, влюбленным в людей и природу. И Марк Твен был верен своим человеколюбивым идеалам не только тогда, когда живописал девственные просторы Миссисипи, тепло рассказывал о детских годах Сузи и рисовал «негритянский» балаган прошлого столетия. Вера в человека, страстное желание помочь народу сделать жизнь более счастливой с не меньшей силой оказались и в тех сардонических портретах виднейших капиталистов и политиканов, которые тоже вошли в «Автобиографию».

Твен то бичует президента Теодора Рузвельта, приобретшего «свою президентскую должность за деньги» и поздравившего с «блестящей военной операцией» убийц в мундирах, то высмеивает известного мультимиллионера Эндрью Карнеги, который «купил себе славу и заплатил за нее наличными». В «Автобиографии» говорится, что в США «люди без стеснения лезут в помойную яму и открыто поклоняются долларам и владельцам долларов», что бесчестные сенаторы и их дружки разлагают страну «сверху донизу», что в верхах США всюду обман, коррупция...

Марк Твен громил американских милитаристов и раньше. Но теперь он стал понимать куда лучше, чем в прошлом, что ядовитой идеологией империализма заражены не только отдельные американские генералы или вашингтонские политики, но и господствующие круги страны в целом.

В «Автобиографию» Твена вошел исполненный зловещего смысла рассказ о том, что произошло в 1906 году в клубе «Дальние Концы Земли». Во время одного банкета, устроенного в этом клубе, говорит писатель, «председательствующий, отставной военный в высоком чине, провозгласил громким голосом и с большим воодушевлением: «Мы — англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет». Заявление председателя, — продолжает писатель, — вызвало бурные аплодисменты».

Смысл происшедшего Твен раскрывает в следующих словах:

«Если перевести эту выдающуюся декларацию (и чувства, в ней выраженные) на простой человеческий язык, она будет звучать примерно так: «Мы, англичане и американцы, — воры, разбойники и пираты, чем и гордимся»... Это было зрелище, достойное внимания, — этот по-детски непосредственный, искренний, самозабвенный восторг по поводу зловонной сентенции пророка в офицерском мундире. Это пахло саморазоблачением...» Ведь на собрании, проницательно подмечает сатирик, «были представлены наиболее влиятельные группы нашего общества... адвокаты, банкиры, торговцы, фабриканты, журналисты, политики, офицеры армии, офицеры флота. Все они были здесь. Это были Соединенные Штаты, созданные на банкет и полноправно высказывавшие

от лица нации свой сокровенный кодекс морали».

Сердце человека, написавшего это, было полно горечи и муки. Но Твен не утратил надежд на лучшее будущее, не лишился своего гуманизма (у главного героя «Таинственного незнакомца» гуманизма нет). Именно потому, что в душе старого писателя полыхало, как всегда, пламя любви к народу, он и сумел с такой обоснованной и прекрасной яростью заклеить американских империалистов, которые, находясь среди «своих», позволили себе отказаться от всяких приличий и открыто поддержали «зловонную сентенцию».

Все в том же 1906 году, на редкость богатом творческими достижениями (хотя почитатели Твена тогда об этом не догадывались), писатель создал и ужаснувшие его дочь Клару главы «Автобиографии», которые появились в печати лишь в конце 1963 года. В этих главах, продиктованных 19, 20, 22, 23 и 25 июня, Твен выразил свое мнение о христианской религии и о боге в таких, например, словах, не нуждающихся в комментариях:

«Считаю ли я, что христианская религия будет существовать вечно? У меня нет никаких оснований так думать. До ее возникновения мир знал тысячи религий. Все они мертвы. Прежде чем был придуман наш бог, мир знал миллионы богов. Мириады их умерли и давным-давно забыты. Наш бог — вне всякого сравнения наихудший бог, какого только могло породить большое человеческое воображение: неужели же Он и Его христианство ухитрятся сохранить бессмертие вопреки вероятности, опирающейся на бесчисленные примеры, которые мы находим в теологической истории прошлого? Нет, я считаю, что христианство, и его бог не будут исключениями из общего правила...»

Совсем не случайно дня за два до того, как он приступил к работе над этими главами, Твен написал Гоуэлсу: «Завтра собираюсь продиктовать главу, за которую моих наследников и правопреемников сожгут живьем, если они осмелятся предать ее гласности раньше 2006 года, — но, полагаю, они этого не сделают. Если я протяну еще года три-четыре, таких глав будет целая куча. Когда выйдет в свет издание 2006 года, будет большой переполох. Я со всеми покойными друзьями буду где-нибудь поблизости и с интересом на это погляжу. Приглашаю вас тоже».

Жажда захватов сделала свое черное дело

Не только об антирелигиозных главах «Автобиографии» Твен мог бы сказать, что его наследники не скоро осмелятся предать их гласности. Факт таков, что рассказ-памфлет Твена «Военная молитва» увидел свет лишь в 1923 году. Полный же текст публикации с пространным названием: «Два фрагмента из запрещенной книги, озаглавленной «Взгляд на историю», или «Общий очерк истории», стал известен только в 1962 году. Иные произведения писателя, как мы уже знаем, хранятся под замком и поныне.

Обдумывая все, что ему довелось узнать в начале века о развернувшихся в мире захватнических войнах, войнах, чуждых народу, но осуществляемых ценою его крови, Марк Твен создал в 1905 году сардонический «гимн» войне. «Военная молитва» целиком строится на иронии. Как и в «Приключениях Гекльберри Финна», где устами Гека автор «прославляет» чуждое ему рабство, чтобы в дальнейшем тем резче его осудить, так и в «Военной молитве» Твен «воспевает» империалистическую войну, чтобы в полной мере выявить ее антинародность.

«То было время величайшего волнения и подъема, — так начинается рассказ-памфлет. — Вся страна рвалась в бой — шла война, в груди всех и каждого горел священный огонь патриотизма... каждый день юные добровольцы, веселые и такие красивые в своих новых мундирах, маршировали по широкому проспекту... каждый вечер густые толпы народа затаив дыхание внимали какому-нибудь патриоту-оратору... в то время как слезы текли у них по щекам; в церквах священники убеждали народ верой и правдой служить отечеству и так пылко и красноречиво молили бога войны ниспослать нам помощь в правом деле, что среди слушателей нельзя было найти ни одного, который не был бы растроган до слез. Это было поистине славное, удивительное время...»

Не сразу вполне ясно, что писатель иронизирует. Впрочем, читателя заставляют насторожиться некоторые непомерно возвышенные характеристики. О речи оратора-патриота Твен говорит, что она «задевала самые сокровенные струны... души». Дальше указывается, что «отцы, матери, сестры и невесты» приветствовали солдат «срывающимися от счастья голосами». И вот, наконец, писатель упоминает о тех, кто отваживался «неодобрительно отозваться о войне и усомниться в ее справедливости». Эти люди, читаем мы, «тотчас получали столь суровую и

гневную отповедь, что ради собственной безопасности почитали за благо убраться с глаз долой и помалкивать». Тут уж возникает ощущение, что и сам автор сомневается в справедливости дела, ради которого идут на смерть добровольцы, жаждущие «ратных подвигов».

Ярче всего обличительный смысл произведения раскрывается в его заключительной части. В церкви, где прихожане возносят молитву, в которой просят, чтобы «всеблагий и милосердный отец» помог солдатам «сокрушить врага, даровал им, их оружие и стране вечный почет и славу», появился пожилой незнакомец. И он делает очевидным истинный смысл того, чего молящиеся ждут от бога, того, о чем они молча «в глубине сердца» его просят.

Вот подлинная сущность «проникновенной» и «красивой» молитвы: «Господи боже наш, помоги нам... усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов... помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны, в лохмотьях, мучимые жаждой и голодом... ради нас, кто поклоняется тебе, о господи, развеи в прах их надежды, сгуби их жизнь...»

Было бы неверно видеть в Твене просто пацифиста, выступающего против всякой войны, против любого насилия. Он сумел понять в конце концов, что в Гражданской войне Север защищал правое дело. В «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» утверждается право народа на революционную борьбу против поработителей. А в «Военной молитве» осуждены прежде всего войны, подобные тем, которые начиная с 1898 года разворачивались — одна за другой — на глазах писателя: война США против Испании из-за Кубы, война американцев против филиппинского народа, англо-бурская война, военные действия империалистических держав в Китае и т. д.

Не прошло и десяти лет после создания «Военной молитвы», как началась первая мировая война. Это была империалистическая схватка еще невиданных масштабов, и в ней гибли за неправо дело миллионы людей с обеих сторон.

Твена тогда уже не было в живых, а его «Военная молитва» хранилась под замком. Но справедливость того, о чем он писал на семидесятом году своей жизни, получила даже более наглядное и поистине ужасающее подтверждение.

И по сей день мы не знаем достаточно ясно, что представляет собою в целом «запрещенная» книга «Взгляд на историю» или «Общий очерк

истории». Имеются ли среди неопубликованных рукописей Твена другие фрагменты этого сочинения? Собирался ли писатель продолжать работу над ним? Каков был его общий замысел?

Ответы на эти вопросы еще не даны. Все, что сегодня имеется в нашем распоряжении, — это три-четыре печатные страницы текста. Но в них заключено большое содержание.

По данным Фонера, известные нам два фрагмента из «запрещенной» книги были созданы в 1906–1907 годах. И сразу же бросается в глаза близость мыслей, высказанных Твеном в первом фрагменте, к тем, которые выражены в «Военной молитве».

Снова перед нами человек, предупреждающий своих сограждан о недопустимости участия в захватнических войнах. «Вопреки всем нашим традициям, — говорит он, — мы затеваем теперь несправедливую и подлую войну, войну против беспомощного народа, войну, чья цель — гнусный грабеж. Вначале наши сограждане, сохраняя верность тем принципам, в которых они были воспитаны, выступали против нее. Но теперь они отступились от них и требуют совсем иного».

И дальше Твен в очередной раз обличает демагогов, которые, прячась под маской патриотизма, требуют от рядовых граждан, чтобы они поддерживали заведомо неправо дело. Лозунг «Наша страна и в правом и в неправом», брошенный американскими политиками, — это, по словам писателя, только «пустая фраза, глупая фраза». Более того, она «оскорбительна для всей нации». Американская нация, настаивает Твен, «продала свою честь за звонкую фразу».

Второй фрагмент еще богаче содержанием. Автор характеризует нравственный облик страны, поддавшейся жажде захватов, в выражениях, исполненных сильнейшего гнева. «Великая республика», как он называет страну, о которой идет речь, — несомненно, имея в виду Соединенные Штаты Америки, — «прогнила до самой сердцевины».

И совершенно очевидно, что главная причина этого — империализм.

Никогда еще, пожалуй, Марк Твен не делал столь широких обобщений и не приходил к таким поистине убийственным выводам в отношении американской капиталистической цивилизации.

«Жажда захватов, — пишет он, — давным-давно сделала свое черное дело; топча беспомощных чужеземцев, республика, естественно, научилась с вялым равнодушием смотреть на попрание прав своих собственных граждан; толпы, рукоплескавшие подавлению чужих свобод, дожили до дня, когда им самим пришлось расплачиваться за эту ошибку. Правительство окончательно попало в руки сверхбогачей и их

прихлебателей; избирательное право превратилось в простую машину, и они вертели им как хотели. Торгашеский дух заменил мораль, каждый стал лишь патриотом своего кармана».

Впрочем, писатель не ограничивается этой прозорливой констатацией. «Запрещенная» книга содержит предупреждение, что если страна пойдет дальше по наметившемуся пути, если сверхбогачи, плутократы, менялы станут еще более могущественными, то она, по сути дела, перестанет быть республикой.

В опубликованных фрагментах возникает образ правителя со склонностями, которые, выражаясь современным языком, можно охарактеризовать как фашистские. Некий хитрый и коварный человек из низов, сапожник, «муж рока», собирает армию и одерживает одну победу за другой над всеми, кто пытается помешать ему захватить власть. «Порядочные люди», истинные патриоты оказываются совершенно беспомощными. Вначале, надо полагать, сапожник выдает себя за противника менял, но затем «под шумок» сговаривается с ними. И вот сапожник наделяет менял «пышными титулами», а сам всходит «на трон Республики».

I am writing
from the grave.
On these terms
only can a man
be approximately
frank. He cannot
be strictly & un-
qualifiedly frank
either in the grave
or out of it.

Заметка Марка Твена, по-видимому предназначавшаяся для «Автобиографии»: «Я держу речь из могилы. Только в подобных условиях можно быть более или менее откровенным. Полная, безоговорочная откровенность невозможна ни в могиле, ни вне ее».

Именно к середине первого десятилетия XX века относятся и другие чрезвычайно резкие высказывания Твена об общем характере собственнического общества. Они запечатлены, в частности, в письмах священнику Твичелу.

И теперь Твен временами весьма дурно отзываясь о всем «роде людском». Так, в одном письме тому же Твичелу — от конца 1904 года — он говорит: «Пора бы мне усвоить и запомнить, что нечестно и несправедливо винить род людской в каких бы то ни было его действиях и

поступках. Ведь человек не сам себя создал, не он сотворил себя таким, каков он есть, он — просто механизм, орудие, действующее под влиянием внешних сил...» Что же это за силы? Продолжая развивать подобные воззрения, писатель сказал, например, о ненавидимом им Теодоре Рузвельте следующее: «...никакие его мысли, слова и поступки не заслуживают ни хвалы, ни осуждения, ибо он лишь беспомощная и безответственная кофейная мельница, приводимая в движение рукою господ бога».

На первый взгляд Твен в какой-то мере оправдывает матерого империалиста. Совершенно очевидно, однако, что он «защищает» Рузвельта точно так же, как раньше «защищал» Фанстона. Сарказм Твена проступает достаточно ясно. Возлагая вину за все и вся на «господа бога» (и это в письме священнику Твичелу), безбожник Твен, по сути дела, лишь выражает убеждение, что червоточиной охвачено общество в целом, а не только отдельные его представители.

Требовалось огромное мужество...

Письма Твена Твичелу появились в печати лишь через много лет после его смерти. Мы помним, что и «Военная молитва» и «запрещенная» книга при жизни их автора тоже не были напечатаны. Твен отдавал себе отчет в причинах этого. В свою записную книжку он занес страшные слова:

«Только мертвым позволено говорить правду».

«В Америке, как и повсюду, свобода слова — для мертвых».

Вместе с тем чувство вины, которое уже давно стало мучить писателя, все усиливалось. Одна из самых трагических записок в его записных книжках гласит: «Меня бесконечно поражает, что весь мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую смехотворную канитель. Странно, ведь каждый год миллионы умирают с этим чувством в душе. Почему я не пишу такую книгу? Потому что я должен содержать семью. Это единственная причина. Может быть, так рассуждали и другие?..»

Это было сказано в 1895 году. А двенадцать лет спустя Твен, в сердцах назвав всех людей трусами, добавил, что сам он возглавляет процессию трусов.

Писатель действительно не раз поддавался влиянию родных и друзей, рекомендовавших проявлять осторожность в критике религии и американских политических устоев, в споре с видными представителями правящего класса.

Среди буржуазных литераторов в последнее время появилась более чем сомнительная тенденция объяснять критическое отношение Твена к американской действительности, к людям только его «презрением» к... самому себе. Так, англо-американский поэт Томас Элиот, человек, ретроградные взгляды которого общеизвестны, не только выпячивает субъективную основу твеновского пессимизма, но и вообще бросает тень на моральный облик писателя. В предисловии к «Приключениям Гекльберри Финна» Элиот пишет: «Пессимизм, которому Твен дал волю в «Человеке, который совратил Гедлиберг» и в «Что такое человек?», не столько был порожден его наблюдениями над жизнью общества, сколько его ненавистью к самому себе за то, что он позволил обществу соблазнить и развратить себя...»

Элиот и его единомышленники решительно не правы. Нет, Твен не

позволил обществу развратить себя.

Писатель далеко не всегда мирился с фактическим запретом, наложенным крупнейшими книжными издательствами США на самые острые его антиимпериалистические и антибуржуазные произведения. Он отдавал себе отчет в том, что упорное стремление сказать правду об империализме, о миссионерах и т. д. вызовет сокращение его доходов. И все же Твен жаждал «высказаться». Советы Твичела быть осмотрительным и скрывать свои взгляды вызывали у него протест. В одном письме Твена его другу Твичелу есть такие негодующие и благородные слова: «Вы — наставник и учитель людей, Джо, и на вас лежит великая ответственность перед молодыми и старыми; если вы учите свою паству, как учите меня, — из страха, что высказанное вслух мнение может нанести ущерб ей или какому-нибудь издателю, молчать и скрывать свои мысли, когда флаг родины покрывается бесчестием и позором, — как ответите вы за это перед собственной совестью? Вы сожалеете обо мне; в порядке взаимности я готов немного пожалеть вас».

От писателя требовалось огромное гражданское мужество, чтобы выступить в печати с такими произведениями, как «Человек, который совратил Гедлиберг», «Человеку, Ходящему во Тьме», «В защиту генерала Фанстона».

И Марк Твен этим мужеством обладал.

О том, какой боевой дух жил в его сердце, говорит, в частности, история издания сильнейшего антиимпериалистического памфлета «Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго».

Еще в конце прошлого века Конго начало вызывать ужас у честных людей из разных стран. Несмотря на все препоны, оттуда просачивались известия о беспрецедентной эксплуатации туземцев колонизаторами, о бесчеловечных расправах, которые чинили надсмотрщики над рабами (в том, что негры в Конго были обречены на рабский труд, сомневаться не приходилось). Называли страшные цифры: десять миллионов убитых и умерших от голода туземцев. Возможно, что погибло даже пятнадцать миллионов. В одном районе из сорока тысяч жителей осталась в живых только одна пятая. Колонизаторы уничтожали детей, заковывали женщин на каучуковых плантациях в железные воротники, отрубали руки, ноги, головы...

Владыкой Конго был бельгийский король Леопольд, этот, по словам одного современника, «страшный король, этот безжалостный король-кровопийца, ненасытный в своей безумной алчности... убийца в целях наживы, каких не было даже среди его касты — ни в древности, ни в наши

дни». Другой современник охарактеризовал Леопольда Бельгийского, как «одного из самых хитрых, безжалостных и бессовестных правителей, какие когда-либо занимали престол», как человека аморального и в личной жизни.

Вину за злодеяния, совершавшиеся в Конго, в какой-то мере разделяли с бельгийским монархом правители США. Известно было, что в 1884 году правительство США официально выразило «сочувствие и одобрение» планам захвата Конго, увидев в них нечто гуманное и благодетельное.

Когда сторонники реформ в Конго призвали Твена включиться в борьбу против преступлений Леопольда и его соратников, сатирик с радостью дал свое согласие. В начале 1905 года была готова многостраничная сатира Твена, представляющая собою саморазоблачительный «монолог» бельгийского короля.

Примечательная особенность памфлета — широта позиций его автора. Он бичует не только злодея монарха, не только бельгийцев, но и собственных своих соотечественников, помогавших придавать варварским действиям Леопольда «респектабельный» вид.

В конце второго же абзаца «Монолог» говорится о том, что президент Соединенных Штатов был первым, кто признал и приветствовал пиратский, по сути дела, флаг, водруженный в Конго. «Ладно, пусть меня чернят по-всякому, — заявляет твеновский Леопольд, — я удовлетворен хотя бы тем, что сумел перехитрить нацию, возомнившую себя самой хитрой. Нечего говорить, обвел этих янки вокруг пальца! Пиратский флаг? Ну и что, не отрицаю. Как бы то ни было, но янки сами же первыми его признали!»

Именно тем, что в памфлете осуждены и американцы, во многом объясняется решительный отказ всех журналов в США, которым Твен предложил свой «Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго», напечатать это выдающееся произведение. Многозначительный факт: в прессу уже начали проникать тогда сообщения, что крупнейшие американские капиталисты не прочь были бы принять участие в ограблении Конго в качестве открытых или тайных партнеров Леопольда.

Казалось, сатиру ждет судьба многих других острообличительных сочинений писателя. Но Твен отказался запрягать «Монолог короля Леопольда» в свой сейф с неопубликованными рукописями. Он пошел на смелый шаг — опубликовал памфлет в виде отдельной брошюры, отказавшись при этом от всякого гонорара.

Брошюра издавалась несколько раз. Но снова приходится добавить, что в сборники произведений Твена, не говоря уж о многотомных

собраниях его сочинений, «Монолог короля Леопольда в защиту его владычества в Конго» ни при жизни писателя, ни на протяжении пятидесяти лет после его смерти ни разу в США не включался. Впервые это произведение было напечатано на родине писателя в сборниках его произведений лишь в начале 60-х годов. Произошло это уже после того, как «Монолог короля Леопольда» вошел в советское Собрание сочинений Марка Твена и был выпущен отдельным изданием в Германской Демократической Республике.

В своем справедливом гневе против бельгийского короля Леопольда писатель-гуманист не знает удержу. Он беспощаден. Убийца, занимающий королевский трон, изображен существом, внушающим не только ужас, но и отвращение. Жалуясь на «клевету», Леопольд «выкрикивает нецензурные слова» и «покаянно бормочет молитвы». Ведь разоблачители сделали известными миру некоторые из его преступлений. Они «выболтали», скулит Леопольд, «что я захватил и крепко держу это государство (Конго. — М. М.), словно свою собственность, а огромные доходы от него кладу себе в карман; что я обратил многомиллионное население в своих слуг и рабов, присваиваю плоды их труда, зачастую даже не оплаченного, забираю себе — с помощью плети и пули, голода и пожаров, увечий и виселицы — каучук, слоновую кость и прочие богатства, которые добывают туземцы, мужчины, женщины и малые дети».

Памфлет содержит огромный документальный материал, рисующий злодеяния поработителей негров в Конго. Мы читаем о том, что ребенку «вспороли... ножом живот», «оставили пойманных детей умирать в лесу», женщин и детей обрекли «на голодную смерть в тюрьме», распяли женщин...

Подводя итоги преступлениям короля, Твен создает гротескный и устрашающий проект «памятника» Леопольду. Памятник-мавзолей должен состоять из пятнадцати миллионов черепов и скелетов погубленных Леопольдом конголезцев, причем «от пирамиды будут отходить радиально 40 широких подъездных аллей, каждая длиной в 35 миль, обсаженных обезглавленными скелетами на расстоянии полутора ярдов друг от друга».

Есть нечто свифтовское в этом мощном взлете сатирической фантазии.

Марк Твен обрушивает удары не только на бельгийского короля и других конкретных виновников преступлений, творимых в Конго. Он не упускает случая высмеять монархический образ правления в целом, а заодно и господ бога.

Одно из самых сильных мест в памфлете — насыщенный скрытой авторской иронией выпад Леопольда против всех тех, кто его обличает.

«Ведь они разоблачают короля, — говорит герой «Монолога», — а это личность священная и неприкосновенная, поскольку она избрана и посажена на престол самим господом богом, — короля, критиковать которого — кощунство: ведь господь наблюдал мою деятельность с самого начала и не проявил немилости, не помешал мне, не остановил меня! Естественно, что я это воспринял как его одобрение, полное и безоговорочное». Итак, соратником Леопольда оказывается сам бог. Какой нужно было обладать смелостью, чтобы выступить в печати США в 1905 году с такими «кощунственными» словами!

«Мои симпатии... На стороне русской революции»

Есть основания думать, что дальнейшее углубление критики современного общества Марком Твенем в середине первого десятилетия нашего века в определенной степени было связано с тем, что как раз тогда прозвучали на весь мир исторические события первой русской революции. Некоторых других американских писателей (прежде всего Джека Лондона) революционная борьба в России тоже заставила пристальнее приглядеться к тому, что происходит на их собственной родине.

С растущим вниманием следил Марк Твен за выступлениями русского народа против царизма.

В мартовском номере журнала «Североамериканское обозрение» за 1905 год (того самого журнала, где тремя годами раньше появился памфлет «В защиту генерала Фанстона») была опубликована сатира Твена «Монолог царя».

Писатель не питает ни малейшего уважения к всемогущему монарху. Он ничтожен, этот повелитель миллионов. Снимите с царя его мундир — и вот перед вами человек «тощий, худосочный, кривоногий, карикатура на образ и подобие божие». Твен рисует царя голым. Он разглядывает себя в трюмо и говорит: «Посмотрите, голова, как у восковой куклы, выражения на лице не больше, чем у дыни, уши торчат, костлявые локти, впалая грудь, ноги словно щепки, а ступни — точь-в-точь рентгеновский снимок: суставы, да шишки, да веточки костей! Ничего царственного, величественного, внушительного, ничего, что могло бы возбуждать восторг и преклонение».

Автор «Монолог царя» блестяще развивает мысль, уже не раз встречавшуюся в мировой литературе, — только платье и титулы придают монарху видимость величия. «Да, великая сила заложена в императорской одежде и в титулах!»

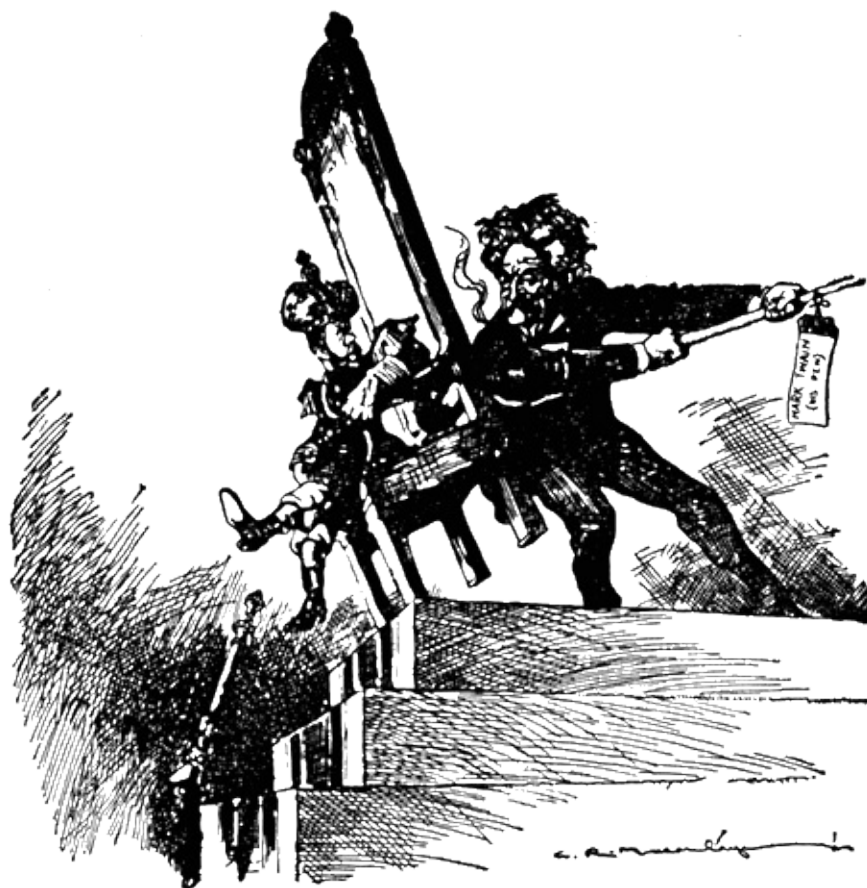
Все симпатии Твена на стороне русского народа, на стороне тех, кого цари всегда держали в рабстве, грабили, оскорбляли. В уста царя он вкладывает признание: «Мы делаем, что хотим. Веками делали, что хотели. Преступление для нас привычное ремесло, убийство — привычное занятие, кровь, кровь народа, — привычный напиток. Миллионы убийств лежат на нашей совести».

Твен всем сердцем за борьбу против царизма, за насильственное уничтожение власти деспотов. Он по-прежнему верен идеям, высказанным

в книге о Янки. «Без насилия никогда не была свергнута ни одна тирания, и все троны воздвигнуты путем насилия; путем насилия мои предки (вспомним, это говорит сам царь. — М. М.) укрепились на троне; с помощью убийств, предательства, клятвопреступлений, пыток, тюрем и каторги они охраняли этот трон в продолжение четырех столетий, и такими же средствами я сам удерживаю его сегодня».

Признавая за русским народом право на революционную борьбу, Твен не понимает, какие реальные формы может и должна принять борьба против царизма. Порой он сбивается на защиту идеи индивидуального террора. Но главное в памфлете не это, а утверждение высоких принципов истинного патриотизма. Единственно разумный, современный, истинный патриотизм, восклицает писатель-демократ, — это «верность народу неизменно и верность правительству, если, — добавляет Твен, — оно того заслуживает».

Через год после опубликования «Монолога царя» в США приехал Горький, и, выступая вместе с ним на одном собрании, Марк Твен прямо сказал: «Я всей душой сочувствую развернувшемуся в России движению за освобождение страны. Я уверен, что оно увенчается успехом, и оно заслуживает этого».

Твен сбрасывает Николая II с трона. (Американская карикатура начала XX века.)

В том же 1906 году в Нью-Йорке состоялся большой митинг солидарности с русским революционным движением. На этом митинге было прочтено письмо Твена, в котором говорилось: «Мои симпатии безусловно на стороне русской революции. Это само собой разумеется... Россия уже слишком долго терпела управление, строящееся на лживых обещаниях, обманах, предательстве и топоре мясника... И надо надеяться, что пробудившийся народ, поднимающийся во всей своей силе, вскоре положит конец этому режиму и установит вместо него республику. Быть может, многие из нас — даже и старики — еще доживут до того благословенного дня, когда цари и великие князья станут на земле такой же редкостью, какой, я полагаю, они всегда были на небесах».

Памфлет «Монолог царя» и выступления Твена на собраниях в честь русской революции тогда же стали достоянием американской печати (нельзя, впрочем, пройти мимо того несколько неожиданного обстоятельства, что даже «Монолог царя» на протяжении полувека с лишним оставался в США только журнальной публикацией и в

американские собрания сочинений писателя не входит до сих пор). Но вот мысли, возникшие у Твена в связи с одной беседой о России, состоявшейся в 1906 году, он доверил только своей «Автобиографии».

Под датой «Пятница 30 марта 1906 года» в «Автобиографию» вошел интереснейший рассказ об этой беседе.

В ней привлекают внимание не столько соображения Твена о слабо знакомом ему русском революционном движении, сколько грустные раздумья писателя об Америке.

С человеком, который приехал в США, «предполагая зажечь огонь благородного сочувствия» к русской революции в сердцах американцев — этой «нации счастливых поклонников свободы», Марк Твен поделился поразительными мыслями. «Я сказал ему, — читаем мы в «Автобиографии», — то, что считаю истиной: что наше христианство, которым мы издавна гордимся — если не сказать кичимся, — давно уже превратилось в мертвую оболочку, в притворство, в лицемерие; что мы утратили прежнее сочувствие к угнетенным народам, борющимся за свою жизнь и свободу; что мы либо холодно-равнодушны к подобным вещам, либо презрительно над ними смеемся, и что этот смех — единственный отклик, который они вызывают у нашей прессы и всей нации...»

Как измерить тоску, заставившую Твена, верного американского патриота, любившего свою родину незатухающей сыновней любовью, дополнить эти мрачные слова еще более горькими суждениями о своих соотечественниках?! На митинги сторонников русской революции, заметил писатель, «не придут люди, имеющие право называть себя представителями американцев или даже просто американцами... аудитория будет состоять из иностранцев, которые сами страдали еще так недавно, что не успели американизироваться и сердца их еще не превратились в камень».

Так говорил Твен об американцах в один из самых тяжелых дней своей жизни. А таких тяжелых дней у него становилось все больше и больше...

А все же вера в рядовых людей Америки не покидала писателя. И об этом засвидетельствовал еще один светлый образ, созданный Твеном, — образ капитана Стормфилда.

Путешествие в рай

Первый набросок «Путешествия капитана Стормфилда в рай», вероятно, возник еще в ту пору, когда писались «Простак за границей». И Твен не расставался ни с антирелигиозными идеями этого рассказа, ни с образом его главного героя — веселого, доброго и умного американца — на протяжении последующих четырех десятилетий своей жизни.

Иные буржуазные американцы, которым в молодости были близки антицерковные традиции просветителей XVIII века, чувствуя приближение смерти, делали попытки найти утешение в религии, готовили себе «на всякий случай» уютное местечко на «том свете».

Но Твен оставался верен своим безбожным взглядам.

Когда в одной из своих лекций Бернард Шоу заметил, что «никакой здравомыслящий человек не согласится теперь принять какие-либо верования без оговорок», то Твен комментировал эти слова следующим образом: «Конечно, нет, только оговорка заключается в том, что он будет круглым идиотом, если вообще примет эти верования».

Писатель часто сочинял «для себя» диалоги на религиозные темы. Вот маленькая девочка Бесси, простой ребенок с ясным умом, доказывает своей религиозной матери, что бог несправедлив.

Бесси хочет знать: для чего бог заставил мальчика Билли заболеть тифом.

«— Как для чего? Чтобы наставить его на путь истинный, чтобы сделать его хорошим мальчиком.

— Но он же умер от тифа, мама. Он не может стать хорошим мальчиком!

— Ах да! Ну, значит, у бога была другая цель. Во всяком случае, это была мудрая цель.

— Что же это была за цель, мама?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Быть может, бог хотел послать испытание родителям Билли.

— Но это нечестно, мама?! Если бог хотел послать испытание родителям Билли, зачем же он убил Билли?»

На восьмом десятке жизни Твен начинал чувствовать себя все хуже. У него болела грудь. Говорили, что это болит сердце, и врачи советовали не переутомляться. Но писатель продолжал заниматься литературным трудом.

В 1907 году Твен решил, наконец, напечатать свой рассказ

«Путешествие капитана Стормфилда в рай». Этот рассказ — издевка над обычными представлениями о небесах, о рае.

Христиане верят в рай, устроенный только для жителей Земли. Но большинство людей на небесах, выясняет капитан Стормфилд, даже не подозревает о существовании Земли с ее самоуверенными обитателями. Когда Стормфилд, наконец, попадает в отдаленный «земной» отдел рая, его там встречают возгласом, звучащим комически, а отнюдь не «божественно»: «Арфу и псалтырь, пару крыльев и нимб тринадцатый номер для капитана Эли Стормфилда из Сан-Франциско! Выпишите ему пропуск, и пусть войдет».

На небе порядки во многом схожи с земными. Выясняется, что на арфе никто не играет, крылья никому не нужны, а нимб — просто помеха.

Дальше капитан узнает, что в раю имеются привилегированные особы, там даже существует своя аристократия, притом порою довольно низкого пошиба.

Как и на грешной земле, наибольшей популярностью пользуются убийцы и кабатчики.

Преподанные церковью представления о рае просто чепуха.

Впрочем, небеса для Твена это также мир фантастики, где порою осуществляются человеческие мечты. В раю есть немало разумного и справедливого. Люди там должны трудиться, чтобы заработать право на отдых, ибо без труда нет счастья. Небеса — это такое место, где человек может заниматься трудом, который любит. В раю ценят людей не по тому, что они сделали, а по тем потенциям, которые в них заложены и которые порою остаются нереализованными не по их вине.

В «Путешествии капитана Стормфилда в рай» в гротескном преломлении показаны некоторые стороны реальной жизни. В рассказе есть много меткого и мудрого. Разящая сатира Твена бьет по укоренившимся предрассудкам.

Вместе с тем это произведение напоено заразительным весельем.

Горький тонко подметил душевную молодость семидесятилетнего Твена. Писатель мучительно страдал от личных невзгод и от невзгод социальных, но сердце его как будто не старело.

Твен создает целую пирамиду комических ситуаций.

Попав на небеса, капитан долгое время развлекался тем, что обгонял кометы, точно пароходы. Сначала победы давались ему легко — ведь обычную «комету, — говорит он, — можно сравнить с товарным поездом, а меня — с телеграммой». Но затем, выбравшись «за пределы нашей астрономической системы, — рассказывает капитан, — я начал наткаться

и на кометы иного рода, в некоторой мере мне под стать. У нас таких нет и в помине!»

Обыденным языком «морского волка» (впрочем, в герое рассказа есть кое-что и от лоцмана на Миссисипи) повествует Стормфилд о своем соревновании с кометами. И низведение космического до уровня повседневного вызывает неудержимый смех. Неувядаемая свежесть юмора Твена вытекает из его близости к реальной жизни.

«...Разве на земле мы знаем толк в кометах?! — восклицает капитан. — Если хочешь увидеть комету, достойную внимания, надо выбраться за пределы нашей солнечной системы, туда, где они могут развернуться, понимаешь? Я, друг мой, повидал там такие экземпляры, которые не могли бы даже влезть в орбиту наших самых известных комет — хвосты у них обязательно свисали бы наружу.

Ну, я пронесся еще сто пятьдесят миллионов миль и, наконец, поравнялся с плечом кометы, если позволительно так выразиться. Я был собою весьма доволен, право слово, пока вдруг не заметил, что к борту кометы подходит вахтенный офицер и наставляет подзорную трубку в мою сторону. И сразу же раздается его команда:

— Эй, там, внизу! Наддать жару, наддать жару! Подбросить еще сто миллионов миллиардов тонн серы!

— Есть, сэр!

— Свисти вахту со штирборта! Всех наверх!

— Есть, сэр!

— Послать двести тысяч миллионов человек, чтобы подняли бомбрасели и трюмсели!

— Есть, сэр!

— Поднять лисели! Поднять все паруса до последней тряпки! Затянуть парусами от носа до кормы!

— Есть, сэр!»

Комизм нарастает. «Не прошло и десяти секунд, как комета превратилась в сплошную тучу огненно-красной парусины; она уходила в невидимую высь, она точно раздулась и заполнила все пространство; серный дым валом повалил из топок — нельзя описать, что это было, а уж про запах и говорить нечего. И как понеслась эта махина! И что за гвалт на ней поднялся! Свистали тысячи боцманских дудок, и команда, которой хватило бы, чтобы населить сто тысяч таких миров, как наш, ругалась хором. Ничего похожего я в своей жизни не слышал».

Письма сатаны

Прошло свыше сорока лет после появления «Путешествия капитана Стормфилда в рай» отдельной книжкой, прежде чем выяснилось, что и это столь дорогое ему произведение Твен опубликовал не полностью. Первые две главы «Путешествия» стали достоянием читателей лишь в середине XX столетия.

Из текста рассказа, изданного в 1907 году, следует, что капитан мчался по небу, как метеор, в одиночку. Главы, которые впервые увидели свет в 1952 году, показывают, что Стормфилд начал свое путешествие в рай в компании с попутчиками. Среди них был негр Сэм — «симпатичный малый, добродушный и жизнерадостный», «славный человек — ну, как все негры». Другой попутчик Стормфилда — еврей Соломон Голдстейн. Твен создал трогательный образ человека, потерявшего любимого ребенка и не способного хоть на мгновение позабыть о своем горе.

Стормфилд говорит о Голдстейне: «Он потерял свою дочку — навсегда. Теперь это слово приобрело новый смысл. Я был ошеломлен, подавлен. Всю жизнь мы верим, что встретимся снова со своими умершими друзьями, ни на минуту в том не сомневаемся, нам кажется, что мы это знаем. И это дает нам силы жить... И вот рядом со мной отец, потерявший эту надежду... Слезы все еще струились по его щекам, из груди рвались стоны, губы вздрагивали, и он шептал:

— Бедная крошка Минни, и я бедный, несчастный!

...Я этого не забыл, это застряло как заноза у меня в сердце».

В ранней молодости Твену не было чуждо предвзятое отношение не только к неграм, но и к выходцам из Европы. Сохранились письма восемнадцатилетнего Сэма Клеменса, в которых говорится об «отвратительных иностранцах», толпившихся в Нью-Йорке и Филадельфии.

Прошло не так уж много лет, и от типично южных антинегритянских предрассудков Марка Твена не осталось ни малейшего следа. В конце концов ушли в прошлое и насмешливые, а иногда и просто издевательские высказывания о европейских и азиатских национальностях, а также и об индейцах (хотя процесс изжития ложных воззрений в данном случае оказался более длительным).

В десятках произведений Твена выражены горячие симпатии к представителям разных угнетенных наций и рас — неграм, китайцам,

индусам, филиппинцам. В главах «Путешествия капитана Стормфилда в рай», которые так долго не печатались, перед нами Твен, выступающий за справедливое, доброе отношение к евреям. Когда Стормфилд впервые заговаривает с Соломоном Голдстейном, в нем еще живет «предубеждение против евреев». Но писатель превосходно показывает, как живое сочувствие страданиям этого несчастного человека уничтожает всякие предубеждения.

Да, боевые антирелигиозные мотивы рассказа о капитане Стормфилде вызревали долгие десятилетия. А в начале XX века Твен начал писать новую «безбожную» сатиру — «Письма с Земли», в которой некоторые идеи «Путешествия» получают дальнейшее развитие. Марк Твен не только продолжал до конца дней отстаивать свои взгляды на бога и церковь, — его война против религии с годами приобретала даже более решительный характер. Все резче осуждал сатирик освященные церковью представления о земле, о рае и аде, о библии, о человеческом счастье.

Автор высказывается с предельной откровенностью и прямоотой, не таясь, ничего не смягчая. Он знает, что тайну «Писем с Земли» унесет с собой в могилу.

Бывало так, что, хотя Твен сочинял, как он думал, то или иное произведение не для печати, а только «для самого себя», в конце концов он все же публиковал его — полностью или частично.

О прижизненной публикации «Писем с Земли» у Твена не возникало и мысли. В одном письме сатирика, посланном всего за полгода до смерти, говорится: «...я пишу «Письма с Земли», и если вы к нам приедете — как по-вашему, что я сделаю? Вручу вам рукопись, отметив места, которые следует пропустить не читая? Отнюдь. Нет у меня к вам такого доверия. Я сам прочту вам свои послания. Эта книга никогда не будет напечатана, да это и невозможно, — было бы уголовным преступлением осквернить почту ее пересылкой, ибо в ней содержится много выдержек из священного писания, причем таких, которые неприлично читать вслух, разве только с церковной кафедры или на семейной молитве».

После смерти Твена «Письма с Земли» хранились в тайне дольше, чем «Таинственный незнакомец», «Письмо ангела-хранителя» и даже «Рыцари труда» — новая династия».

Шли десятилетия за десятилетиями, а «Письма с Земли» оставались посмертным секретом автора. Даже те немногие литературоведы, которые имели доступ к неизданным рукописям писателя, почти не упоминали о «Письмах». Только в 1962 году одиннадцать писем Сатаны, отправившегося на Землю, чтобы «посмотреть, как подвигается

эксперимент с Человечеством», а также и вступление к ним, дошли до читателя.

С волнением перелистываешь страницы этого нового для нас творения Твена. В «Письмах с Земли» писатель рассекает скальпелем разума вековые наслоения религиозных легенд, суеверий и предрассудков. Снова он помогает солнечному свету и свежему воздуху проникнуть в заплесневелые церковные катакомбы.

Твен начинает с картины мироздания, какой представляет ее себе верующий. На престоле сидит Творец и размышляет. Предстоит рождение вселенной. Позади Творца «простиралась безграничная твердь небес, купавшаяся в великолепии света и красок, перед Ним стеной вставала черная ночь Пространства». Вот Творец «кончил размышлять... поднял руку, и из нее вырвалась ослепительная огненная струя — миллион колоссальных солнц, которые пронизали мрак и, рассекая Пространство, понеслись к самым отдаленным его пределам, становясь все меньше, все тусклее, пока не уподобились алмазным шляпкам гвоздей, мерцающим под безмерным сводом вселенной».

Казалось бы, возникает картина величественная, внушающая преклонение перед мощью бога. Но Твен снижает небесное, божественное до уровня повседневного, даже обывательского. Архангелам, пишет он, «хотелось обсудить великое событие, но нельзя же было высказывать свое мнение, не узнав предварительно точку зрения остальных! И вот начался бесцельный вялый разговор о пустяках!»

Автор «Писем с Земли» настраивает читателя на насмешливый лад, он внушает ему недоверие к истинности сцен, изображенных по библейскому образцу. И дальше, следуя высоким традициям богоборческой литературы разных стран, писатель предоставляет слово Сатане, как воплощению критической мысли, здорового скепсиса, трезвого человеческого разума.

Сатана задает Творцу множество вопросов, вскрывая внутреннюю противоречивость и совершенно очевидную ложность важнейших положений религии. «Сатана, — пишет в одном месте Твен, — бурно восхищался некоторыми блестящими выдумками Творца, но в этих похвалах нетрудно было заметить иронию». Такая ирония, разрушительная для всякой фальши, и живет в произведении Твена.

Отправившись на Землю, Сатана сообщает об увиденном в письмах «архангелам Михаилу и Гавриилу».

Перед Твеном и Сатаной — на этот раз его «вторым я» — весь современный мир. В письмах встает Земля, то есть прежде всего империалистическая Америка, страна страданий и жестокости, страна, где

небезопасно отвергать даже самые нелепые религиозные догмы.

Люди кажутся Сатане сумасшедшими, ибо они живут, нарушая веления гуманности и разума. И в самом деле, на Земле «все нации недолюбливают все остальные нации», белые не допускают «черномазых» «в свои школы и церкви», белые нации угнетают «все остальные нации любого оттенка кожи... когда только могут». Здесь царит страшная несправедливость. Богачи не только пользуются материальными благами, недоступными беднякам, но и защищены от болезней, которые «портят жизнь» неимущим. Ведь «девять десятых... болезней предназначались для бедняков — и все они доходят по адресу. Людям богатым, — саркастически говорит Сатана, — достаются только жалкие крохи».

К тому же люди принимают на веру нелепейшие представления о боге, рае и т. д. На Земле «платные учителя», то есть священники по собственному усмотрению определяют нормы поведения людей, решая, что есть зло и что есть добро. Разве не бессмысленно то, что человек, этот «искреннейший поклонник разума», сочинил «религию и рай, которые не почитают разума... не ставят его ни в грош»?!

В очередной раз противопоставляя наивные представления о сотворении мира, содержащиеся в библии, с новейшими данными астрономии, Твен не оставляет камня на камне от религиозных воззрений. Если верить Ветхому завету, все звезды были созданы богом всего за несколько дней. «Вот уже триста лет, — продолжает писатель, — как астрономы-христиане знают, что их божество не сотворило звезды за эти примечательные шесть дней, но астроном-христианин предпочитает об этом помалкивать. Так же, как и христианские священники».

С особенной настойчивостью доказывает Сатана ошибочность представлений, будто бога по заслугам «называют Всесправедливейшим, Всеправеднейшим, Всеблагим, Всемилосерднейшим, Всепрощающим, Всемиловейшим, Вселюбящим, Источником всех нравственных законов». Эти «комплименты» двусмысленны. Ведь на самом деле бог — «мелкая душа», он злобен, он наказывает людей «со зверской жестокостью» за проступки, в которых они неповинны, бог обладает свойствами, «из которых слагается Дьявол».

Каков на самом деле этот Отец Небесный, Твен показывает в острой образной форме и с нескрываемой злостью. «Я расскажу вам, — саркастически говорит он, — очень милую и, пожалуй, даже трогательную историю. На некоего человека снизошла благодать, и он спросил священника, как ему надлежит жить, чтобы не посрамить своей веры. Священник сказал: «Подражай нашему Отцу Небесному, учись быть таким,

как он». Этот человек досконально изучил библию, а затем, помолившись, чтобы бог наставил его, принялся ему подражать. Он устроил так, чтобы его жена упала с лестницы, сломала спину и до конца жизни не могла больше пошевелить ни рукой, ни ногой; он предал своего брата в руки афериста, который ограбил его и довел до богадельни; одного своего сына он заразил анкилостомами, другого — сонной болезнью, а третьего — гонореей, одну дочку он облагодетельствовал скарлатиной, и она с малых лет осталась слепоглухонемой; а потом помог какому-то проходимцу соблазнить вторую свою дочь и выгнал ее из дому, так что она умерла в борделе, проклиная его. Затем он поведал обо всем этом священнику, который сказал, что так Отцу Небесному не подражают. Когда же благочестивый труженик спросил, в чем его ошибка, священник переменял тему и поинтересовался, какова погода на их улице».

Твен предает бога проклятию уже потому, что именем Творца на протяжении веков церковь прикрывала множество злодеяний. Ведь церковь «пролила со времени установления своего господства больше невинной крови, чем ее было пролито во всех политических войнах, вместе взятых». Ведь священники лицемерят и насильничают, ведь бог, как о том свидетельствует хотя бы та же библия, «начисто лишен милосердия... Он убивает, убивает, убивает! Всех мужчин, весь скот, всех мальчиков, всех младенцев, а также всех женщин и девушек...» Ведь Иисус Христос «изобрел ад и объявил о нем миру», ведь он обладал «поистине божественной жестокостью и бессердечием».

Но дело не только в том дурном, что совершает церковь от имени бога и Христа. Для Твена бог — это также воплощение и символ царящих в современном ему обществе порядков. А эти социальные порядки он не может признать ни разумными, ни справедливыми, ни человеческими.

Осуждая бога, писатель обличает и порабощение одних наций другими, и империалистические захваты, и общественное неравенство, и нищету масс, и духовную отсталость миллионов людей, и ложь, распространяемую газетами, и милитаризм, и фальшивые представления о патриотизме, и многое, многое другое в жизни своих соотечественников.

В этом смысле «Письма с Земли» как бы подводят итог всей той очистительной работе, которую проводил сатирик на протяжении полувека своей литературной жизни.

Пятнадцать тысяч страниц...

Едва ли существовал когда-либо на свете плодовитый и требовательный к себе писатель, который, закончив свой жизненный путь, не оставил бы известного количества незавершенных работ или таких сочинений, которые, хотя и были закончены, но почему-либо не удовлетворяли автора и поэтому при его жизни не издавались. Неопубликованные произведения обнаруживаются в архивах всех (или почтой всех) крупных художников слова. В этом нет ничего необычного, ничего неестественного.

Однако судьбу большей части литературного наследия Марка Твена вполне обычной и естественной не назовешь.

Когда полвека с лишком тому назад — в 1910 году — Твен ушел в могилу, он оставил *многие тысячи страниц* неизданных рукописей.

Здесь нет преувеличения. В 1940 году хранитель твеновских архивов Б. де Вото написал: «В течение ряда лет он (Марк Твен. — М. М.) работал как одержимый — и терпел одно поражение за другим... Это была длительная агония. Работа над одной рукописью за другой кончалась ничем. Он возвращался ко многим из них, к иным по несколько раз... Его заброшенные произведения достигают в общей сложности поразительного, душераздирающего объема — пожалуй, пятнадцати тысяч страниц».

Но ведь, кроме «заброшенных» работ, были у Твена и такие, которые он довольно быстро приводил к «благополучному» завершению, а все же не печатал. Примерами могут служить «Рыцари труда» — новая династия» и «Письмо ангела-хранителя».

Цифра пятнадцать тысяч страниц дает известное представление лишь о *масштабах* той части литературного наследия Твена, которая не была опубликована при его жизни. Речь идет примерно о двухстах авторских листах. А это составило бы двенадцать-четырнадцать томов такого размера, как те, из которых состоит выпущенное в США в начале века двадцатипяти томное собрание сочинений Твена.

Некоторые из «заброшенных» своих произведений Твен, как мы знаем, все-таки напечатал в конце своей жизни. Часть его неизданного творческого наследия увидела свет во время первой мировой войны и в первое послевоенное десятилетие. Еще одна часть стала достоянием читателей в 1940 году. Некоторые произведения Твена были впервые напечатаны в конце 50-х и в начале 60-х годов. И все же сотни и сотни

страниц твеновских рукописей еще не побывали в стенах типографий.

О некоторых из этих работ почти ничего не известно. О других можно составить известное представление на основе опубликованных фрагментов.

О содержании «Деревенских жителей, 1840-43» мы знаем главным образом по книге Д. Вектера, сменившего де Вото на посту хранителя твеновских рукописей. Де Вото назвал это произведение «сорокастраничным каталогом» жителей Ганнибала. Но Вектер приводит отрывки из «Деревенских жителей», показывающие, что сей «каталог» является ценным художественным произведением.

«Деревенские жители» интересны прежде всего тонкими психологическими портретами близких Твену людей. Отец писателя, выступающий под именем судьи Карпентера, показан теперь не с той непримиримой враждебностью, которая была характерна для отношения к нему Твена в прошлом. Есть в этом произведении яркие зарисовки жителей Ганнибала — предпринимателей, в частности работоторговцев. «Деревенские жители» привлекают наше внимание также острыми авторскими суждениями — прямыми и косвенными — о капиталистической Америке конца XIX века.

О «Саймоне Уилере» известно из письма Твена Гоуэлсу, написанного в конце прошлого века. «В 1876 году — а может быть, в 1875, — говорится в этом письме, — я написал повесть в 40 000 слов, озаглавленную «Саймон Уилер», развязка которой строилась на том, что казнь была предотвращена благодаря показаниям, полученным из другого полушария с помощью телепатии».

Повесть все еще не напечатана. Впрочем, близкий мотив возникает в рассказе Твена «Из «Лондонской таймс» за 1904 год».

Имеются сведения, что двадцать шесть гранок повести Твена «Гекльберри Финн и Том Сойер среди индейцев» были набраны в конце 80-х годов на наборной машине Пейджа. Книга осталась незаконченной и не была издана.

Мы уже знаем, что неопубликованный памфлет «Грандиозная процессия» содержит довольно полный свод преступлений империалистов. Это остроумное, едкое, полное образности художественное произведение.

Не полностью напечатана и «Автобиография» Твена. Де Вото пишет, что его предшественник А. Пейн использовал в составленной им двухтомной «Автобиографии» Твена «несколько меньше половины напечатанного на пишущей машинке текста, в который вошло все, что Марк Твен хотел дать в своих мемуарах». В однотомник, составленный в 1940 году самим де Вото, включено, по его словам, «около половины

остатка».

Впервые после 1940 года большие новые куски из «Автобиографии» Твена появились в 1959 году, когда вышло в свет новое издание этой книги. В этот текст «Автобиографии» включено было столько нового материала, что на наш счет получится ориентировочно четыре-пять авторских листов.

Несколько авторских листов было опубликовано в 1962–1963 годах. Арифметический подсчет показывает, что какая-то часть «Автобиографии» не издана до сих пор.

Среди произведений Твена, которые и сегодня известны нам только частично, упомянем также следующие: очерки «Хелфайр Хочкис», статьи Твена о войне в Южной Африке, рассказ «Международный грозовой трест», самостоятельный вариант «Таинственного незнакомца», озаглавленный «Таинственный незнакомец в Ганнибале», и пародию на «Шехерезаду».

Красавец старик

И в последние годы жизни Твена его палитра не потускнела. Он по-прежнему пользовался самыми различными красками. Сегодня он выступал со злой сатирой, а завтра с произведением, проникнутым душевным юмором, лиризмом, теплом.

Как всегда, Твен любил движение, крепкие словечки, спорил до крика. Газеты сообщали, что он носит круглый год белые костюмы. Внимание людей не смущало писателя. Он нарочно избирал для прогулок самые многолюдные улицы.

Американский прогрессивный литератор Майкл Голд вспоминает, что в детстве ему довелось видеть Твена, когда писатель приехал «на спектакль «Принц и нищий» в благотворительное «Общество просвещения». Мы, нищие ребятишки, — продолжает Голд, — толпой осаждали двери бесплатного театра. В это время подкатил экипаж, из него вышел красавец старик с белоснежной шевелюрой и усами пирата. На нем был белый костюм, и он курил большую сигару. Мы громко приветствовали его, в ответ он улыбался и, проходя, гладил нас по головам».

Во всем, что делал и писал Твен, по-прежнему жили молодость, душевная красота. Сколько тепла есть в его шутиливом замечании: «Люди были бы несравненно счастливее, если бы они могли рождаться на свет восьмидесятилетними и, постепенно молодея, достигать восемнадцати лет».

Не меньше человечности заключено и в гневных словах писателя, произнесенных в самом конце жизни: «Нет теперь мирных наций... В некоторых странах бедняков обложили налогами до такой степени, что они обречены на голод, и все ради огромных вооружений, которые христианские государства создают, чтоб защитить себя от остальной части христианского братства и мимоходом захватить любой кусок недвижимого, который оставлен без присмотра более слабым владельцем».

А за полгода до смерти Твен выразил тревогу по поводу «возможности, что Америка пойдет по стопам Рима». Впрочем, он еще надеялся, что американский народ, участвуя в выборах, отсрочит «на долгое время» самое худшее.

В конце 1909 года внезапно умерла во время припадка эпилепсии еще одна дочь Твена — Джин. В этот вечер Твен написал: «Вчера мне было семьдесят четыре года. Кто скажет, сколько мне лет сегодня?»

Жизнь писателя шла к концу. Боль в сердце усиливалась. Твена увезли в Бермуду. Там было тепло и тихо. Твен подружился с маленькой дочерью хозяйки, баловал ее, шутил. В его шутках все еще чувствовался привкус «западного» юмора. Он делал вид, что ревнует свою маленькую приятельницу к ее столь же маленькому товарищу, «кровавому бандиту» Артуру. Он послал ей книжку с запиской: «Пусть Артур прочтет эту книгу. В ней есть отравленная страница».

Твену становилось все хуже. На обратном пути из Бермуды сердечные припадки следовали один за другим.

Твен набросал шуточные наставления, как вести себя у небесных врат. «Оставьте свою собаку за воротами. На небесах нужна протекция. Если бы там ценили по заслугам, то впустили бы не вас, а собаку». На небесах, как и на земле, царят строгие респектабельные порядки. Не вздумайте поить грешников водой, «вас поймают, и после этого никто на небесах не станет вас уважать».

Он, конечно, уже давно понимал, что смерть близка. «Я умираю, я сейчас умру», — с трудом выговорил Твен во время одного из припадков. В другой раз он сказал своему другу: «Мне вас жаль... но я ничего не могу поделать, я никак не могу ускорить это дело умирания».

Он сохранял юмор до конца. Он встретил смерть без страха.

Твен скончался 21 апреля 1910 года.

Сила гнева...

Все твеновское — и его солнечный, удивительно человеческий юмор, и его грозная, испепеляющая сатира — входит в круг прекраснейших достояний мировой литературы.

Каскады искристого и живительного веселья, которыми радует нас американский юморист, зародились в душе народа. В заразительном смехе Твена живет непобедимая вера в людей труда. Вместе с тем во многих произведениях писателя его родина изображена с таким накалом обличения, с такой беспощадностью, какие не часто встречались даже у лучших современных ему сатириков Англии или Франции.

Кипя негодованием против мерзостей эксплуататорского общества, Марк Твен не боялся проявить «односторонность» и предвзятость. По какому-то поводу он сказал: «Могут подумать, что я предубежден. Не спорю. Мне было бы стыдно за себя, если бы я не был предубежден». В этих словах сказалась та постоянная готовность стать на сторону низов общества в их споре с верхами, которая была столь характерна для писателя. Он создал сатиру-плеть, сатиру, способную разить насмерть.

Советские люди чтят Твена как одного из самых блестящих мастеров комического, когда-либо живших на земле, как великого реалиста, свирепо ненавидевшего обман, позу, лживые претензии, угнетение человека человеком. Автор книг о Томе, Геке или Янки и произведений, громящих империализм, не ушел от нас в холодную полутьму пантеонов. Миллионы и миллионы экземпляров его книг — на наших книжных полках и перед нашими глазами.

Прогрессивный американский публицист Джозеф Норт писал недавно в газете «Уоркер», что в СССР «ежегодно печатается больше экземпляров книг Марка Твена, нежели на родине Сэмюэла Ленгхорна Клеменса». А Дж. Смит с изумлением упоминает о широкой популярности Марка Твена «в коммунистических странах».

«Без «гнева» писать о вредном — значит, скучно писать»^[21], — заметил однажды Ленин.

Нет, Марк Твен не писал скучно!

По мере того как становятся известными новые и новые произведения писателя, мы все лучше понимаем, как грозен его гнев против мещанства и духа стяжательства, против милитаризма, против всего мешающего людям жить счастливо.

Глубина этого гнева, сила его еще до конца не изведаны.

Сэмюел Клеменс — типографский рабочий
в возрасте 15 лет. На пряжке пояса зна-
чится «Сэм».

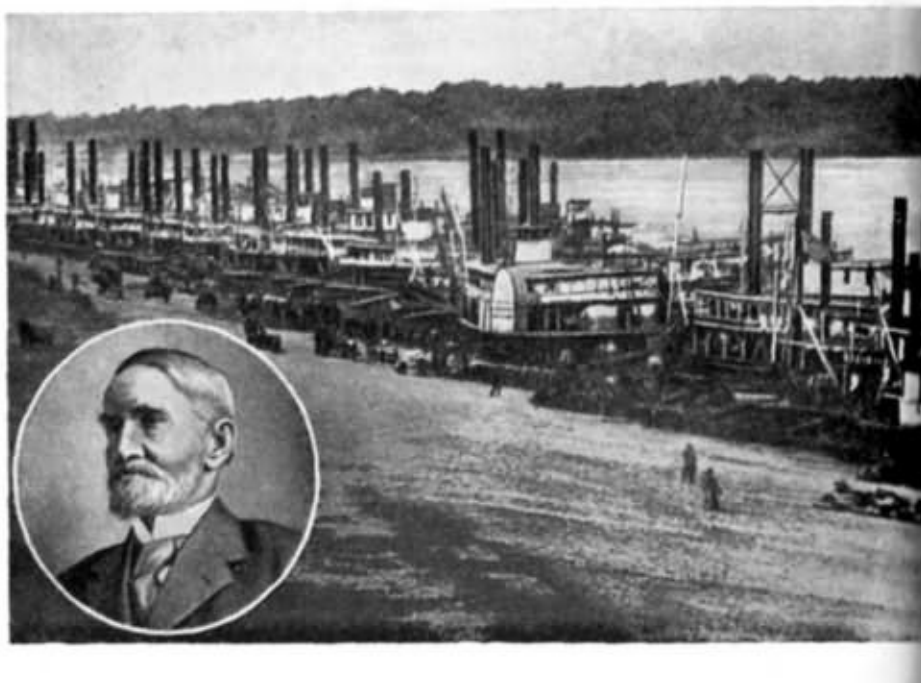
Дом в деревушке Флорида (штат Миссури),
в котором родился Марк Твен.

Сэмюел Клеменс —
лоцман на Миссисипи.

Вид на реку Миссисипи в
городе Сент-Луисе. В овал-
е — лодчман Биксби.

Брат Твена —
Генри Клеменс.

На переднем плане—
дом в Ганнибале, где жил
Том Бланкеншип.

Артемус Уорд
Дэн де Квинл.
Марк Твен.

Брет Гарт.

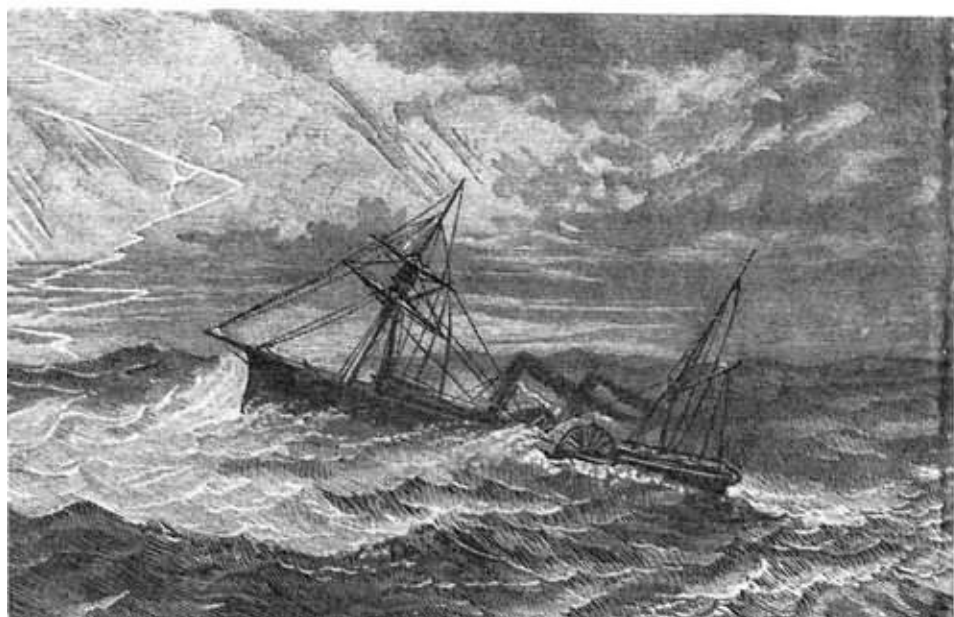
Хижина в Неваде, в которой жил старатель
Сэмюел Клеменс.

Зимний пейзаж в Неваде.

Артемус Уорд.

Этот рисунок, изображающий
пароход «Квакер-Сити», был
опубликован в первом изда-
нии «Простаков за границей».

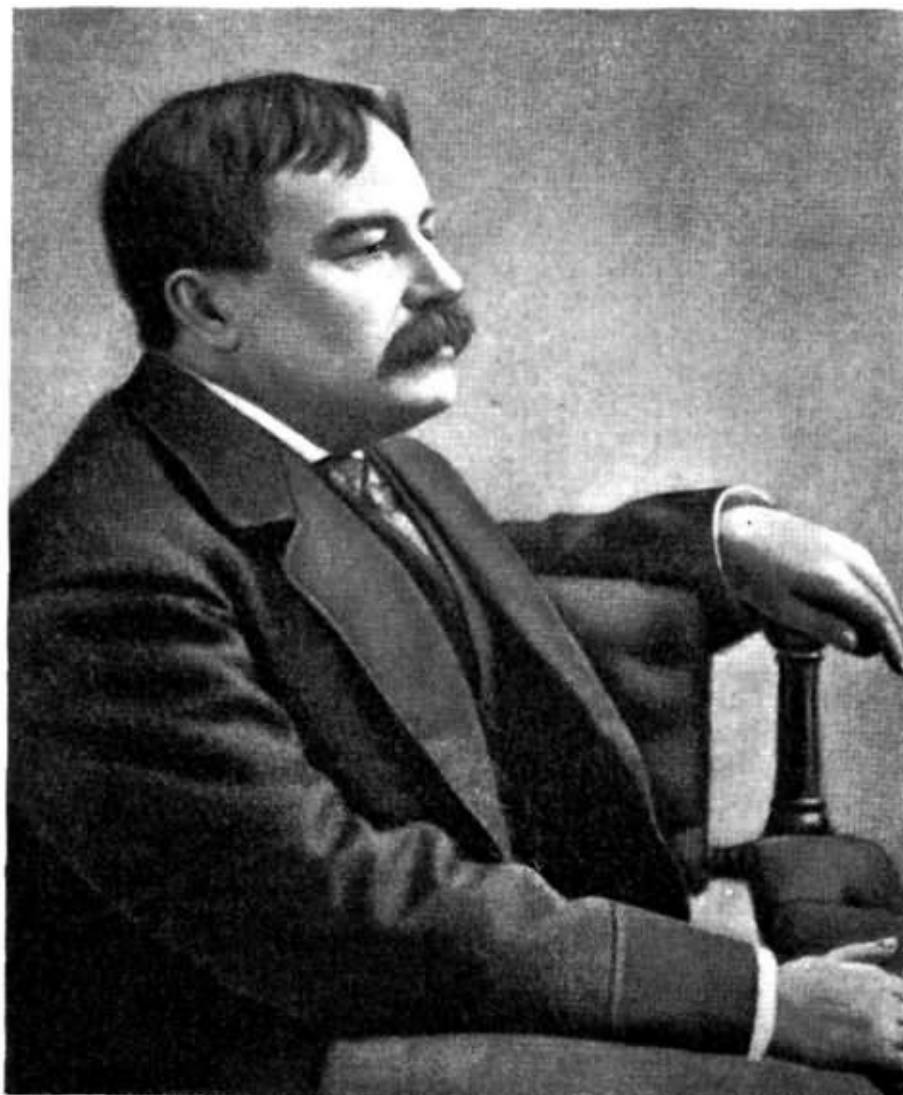

Оливия Лэнгдон-Клеменс.

Марк Твен в молодости.

Уильям Дин Гоуэлс (фотография 70-х годов)

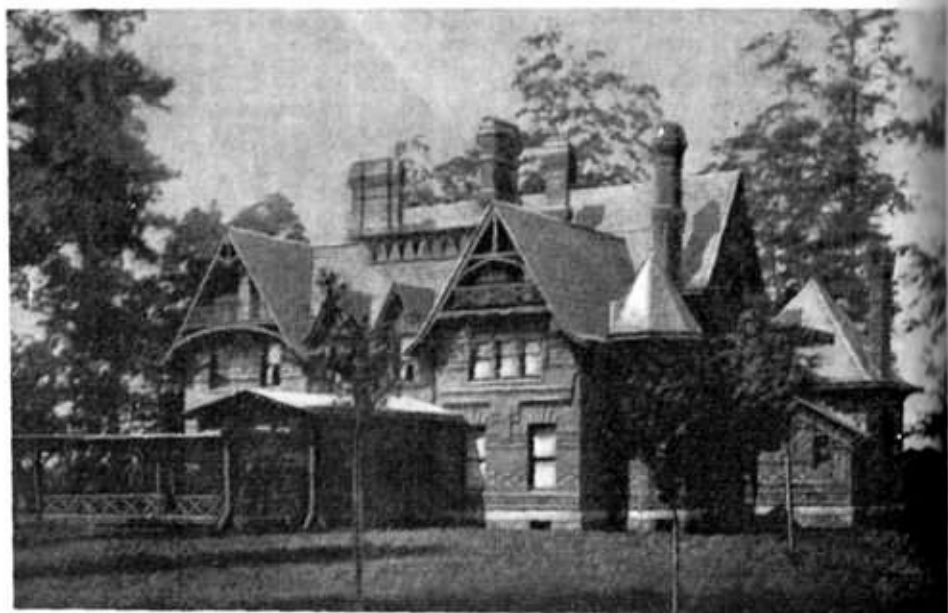
Популярные американские лекторы последней трети XIX века. Марк Твен изображен в костюме шута.

Гарриет Бичер-Стоу.

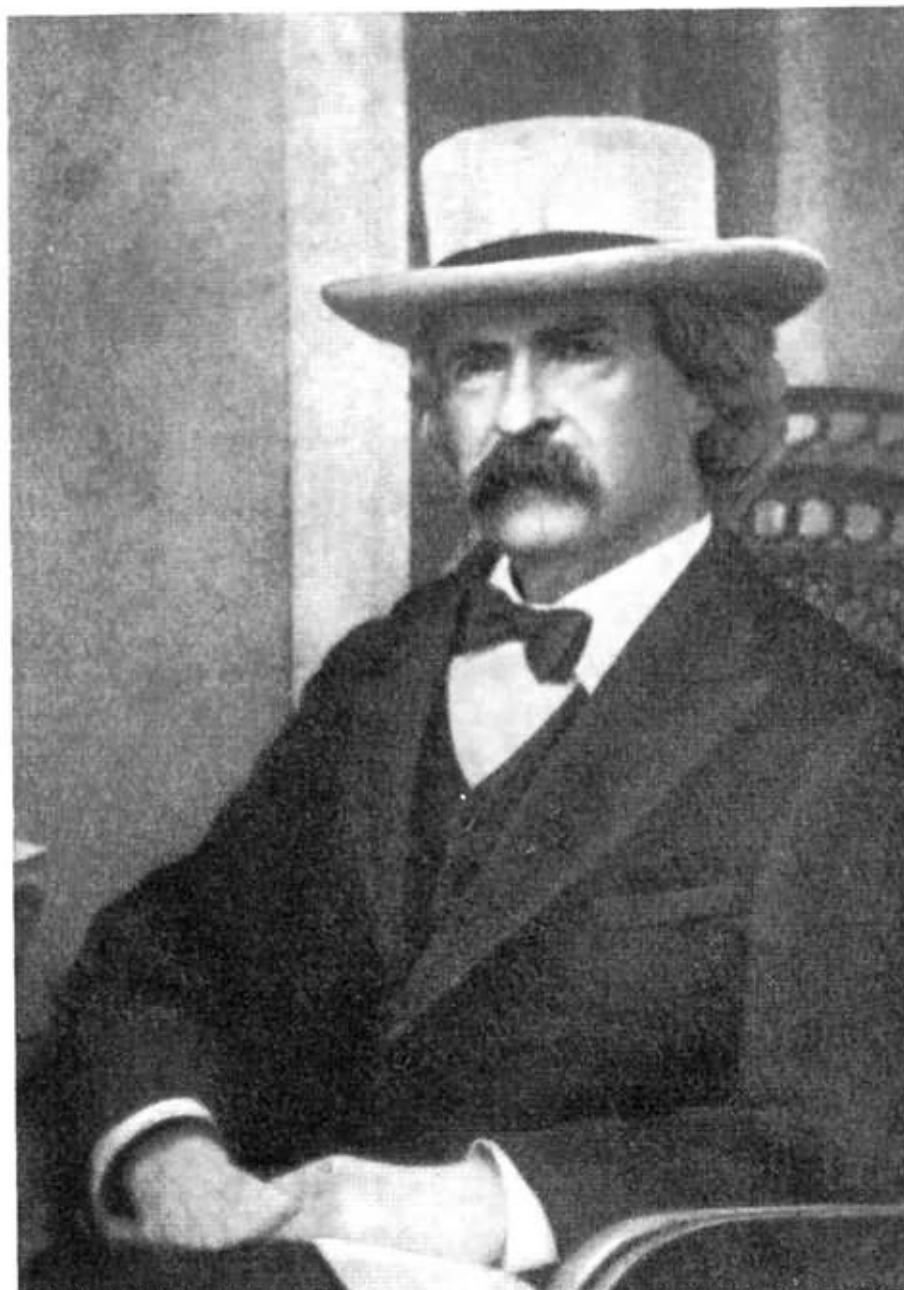
Марк Твен за работой
в беседке.

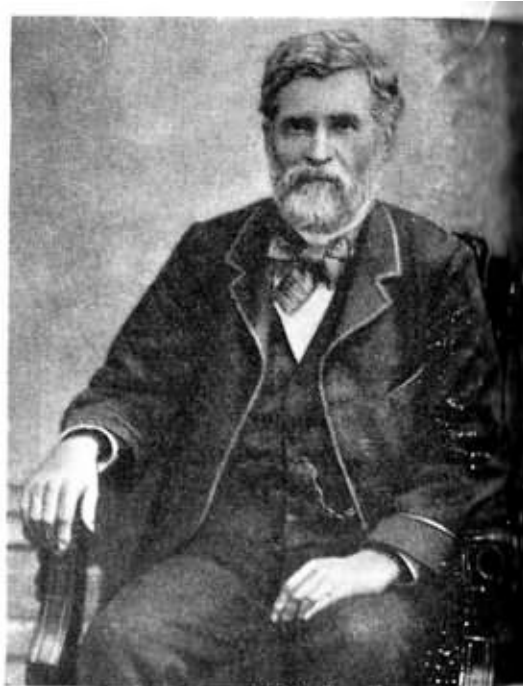

Дом Марка Твена в Хартфорде (штат Коннектикут)

Марк Твен.

Орион Клеменс.

Дочери Твена: Клара,
Джин и Сузи.

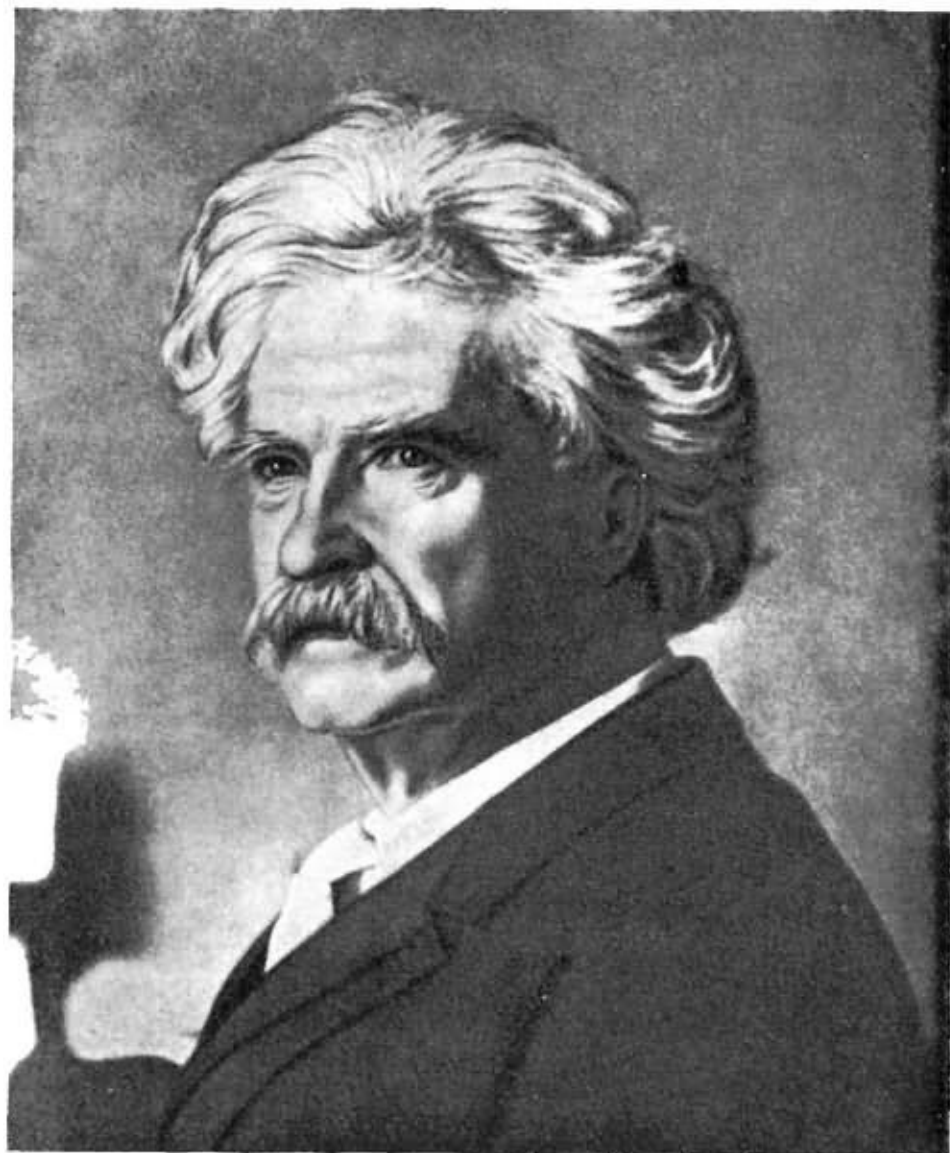
Марк Твен в беседке.

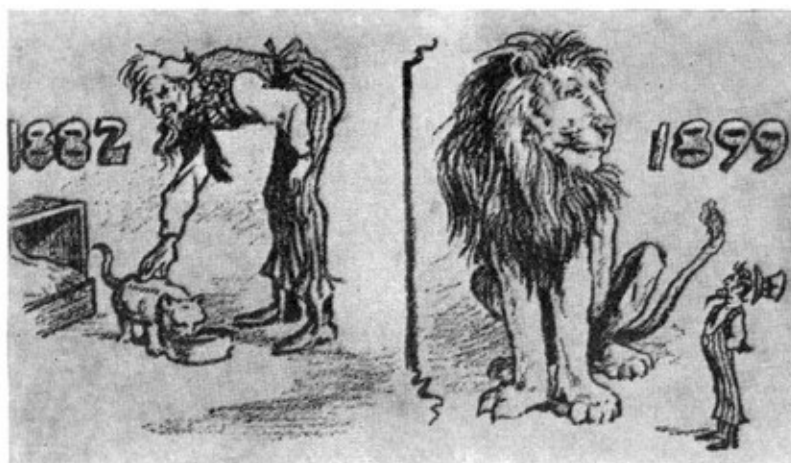
Мать писателя.

Борец за свободу негров
Фредерик Дуглас.

Телл в 1896 году.

Рост трестов в США в конце XIX столетия
(современная карикатура).

Пароход «Марк Твен» на Миссисипи.

Твен в Ганнибале в 1902 году.

Дом на Пятой авеню в Нью-Йорке, где Марк Твен жил с 1904 по 1908 год. Попытки создать музей в этом здании оказались безуспешными. Здание было разрушено в 1954 году, на его месте построен большой жилой дом.

Марк Твен в период работы над «Автобиографией».

Твен и негр Дэниел.

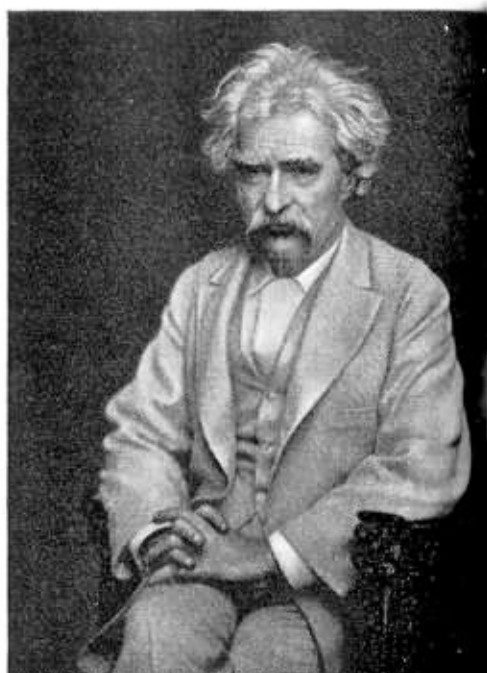

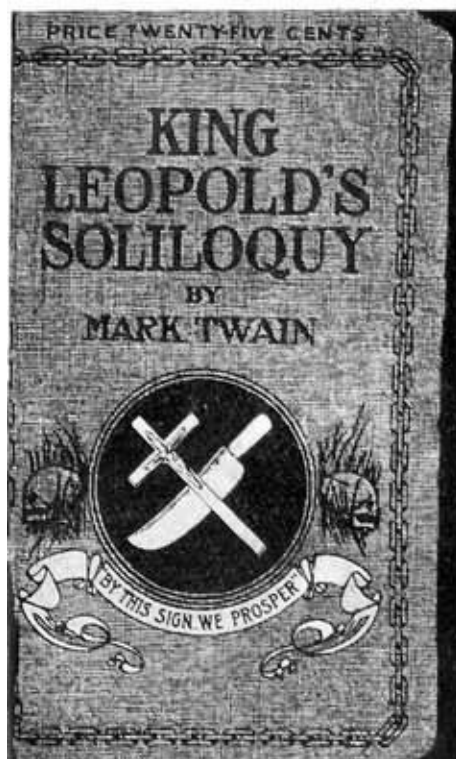
М. Твен и М. Горький с группой американских писателей и журналистов в Нью-Йорке (1906).

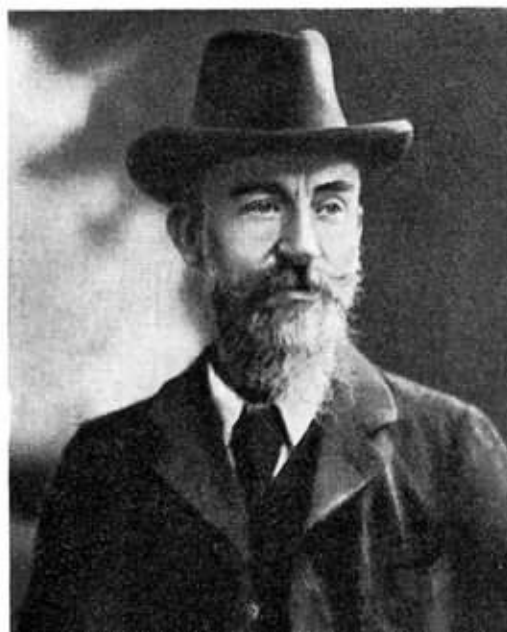
А. М. Горький и М. Ф. Андре-
ева в Нью-Йорке (1906).

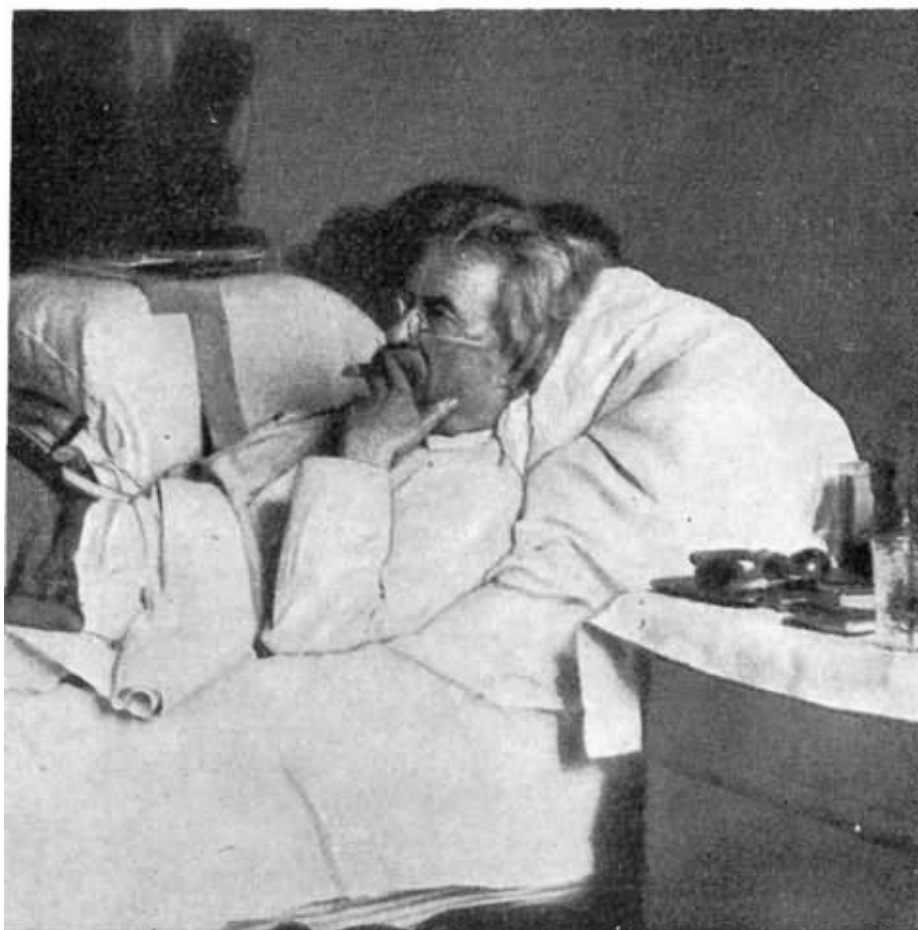
Марк Твен в старости.

Обложка брошюры Твена
«Монолог короля Леопольда».

Бернард Шоу в 1907 году.

Марк Твен.

Основные даты жизни и творчества Марка Твена (Сэмюела Клеменса)

1835 (30 ноября) — Сэмюел Клеменс родился в деревушке Флорида, штат Миссури.

1839 — Переезд семьи Клеменсов в город Ганнибал того же штата.

1847 — Смерть отца Твена — Джона Маршалла Клеменса. Несколько позднее Сэм Клеменс поступает учеником в типографию.

1850–1856 — В различных изданиях появляются первые заметки наборщика Сэмюела Клеменса.

1857–1861 — Сэмюел Клеменс работает лоцманом на Миссисипи.

1861 — Начало Гражданской войны. Сэмюел Клеменс — лейтенант армии южан. Переезд в Неваду.

1862 — Сэмюел Клеменс — старатель в Неваде. Начинает работать в газете «Территориал энтерпрайз» (город Вирджиния-Сити).

1863 — Впервые в печати появляется псевдоним «Марк Твен».

1864 — Переезд в Сан-Франциско.

1865 — «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса».

1866 — Поездка на Гавайские острова.

1867 — Переезд в Нью-Йорк. Путешествие на пароходе «Квакер-Сити».

1869 — Опубликована книга «Простаки за границей». «Журналистика в Теннесси».

1870 — Женитьба Твена на Оливии Лэнгдон.

«Как я редактировал сельскохозяйственную газету».

«Как меня выбирали в губернаторы».

«Друг Гольдсмита снова на чужбине».

1871 — Переезд в город Хартфорд, штат Коннектикут.

1872 — Опубликована книга «Налегке».

1874 — Первый роман Твена «Позолоченный век» (в соавторстве с Ч. Уорнером).

1875 — Очерки «Старые времена на Миссисипи» (первая часть «Жизни на Миссисипи»). «Удивительная республика Гондур».

1876 — «Приключения Тома Сойера».

1879 — «Великая революция в Питкерне».

1880 — «Пешком по Европе».

- 1881 — «Плимутский камень и отцы-пилигримы».
1882 — «Принц и нищий».
1883 — «Жизнь на Миссисипи».
1884–1885 — «Приключения Гекльберри Финна».
1886 — Речь о «новой династии».
1889 — «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».
1892 — «Американский претендент».
1894 — «Том Сойер за границей».
«Простофиля Вильсон». Банкротство Твена.
1895 — «Лекционное» турне вокруг света.
1896 — «Жанна д'Арк».
«Том Сойер — сыщик».
Смерть дочери Сузи.
1897 — «По экватору».
1898 — Работа над повестью «Таинственный незнакомец».
1899 — «Человек, который совратил Гедлиберг».
1900 — Первые открытые антиимпериалистические выступления Твена.
1901 — «Человеку, Ходящему во Тьме».
1902 — «В защиту генерала Фанстона».
1904 — Смерть Оливии Клеменс.
1905 — «Монолог царя».
«Монолог короля Леопольда».
1906 — Встреча Твена с Горьким.
Работа над «Автобиографией».
1907 — «Путешествие капитана Стормфилда в рай».
1909 — Смерть дочери Джин.
1910 (21 апреля) — Смерть Марка Твена.

Цитаты из произведений и записных книжек Твена даны в переводах М. Абкиной, З. Александровой, М. Беккер, Н. Волжиной, Н. Галь, Р. Гальпериной, И. Гуровой, Н. Дарузес, Т. Кудрявцевой, В. Лимановской, Т. Литвиновой, М. Лорие, Р. Облонской, Р. Райт, А. Старцева, В. Топер, Л. Хвостенко, К. Чуковского, Н. Чуковского и других, а также автора этой книги.

Основная литература о Марке Твене

М. Боброва, Марк Твен. Критико-биографический очерк. Гослитиздат, 1952.

М. Боброва, Марк Твен. Очерк творчества. Гослитиздат, 1962.

М Мендельсон, Марк Твен. Изд-во «Молодая гвардия», 1939, 1958.

М. Мендельсон, Вступительная статья к Собранию сочинений Марка Твена в 12 томах. Том первый. Гослитиздат, 1959.

М. Мендельсон, Марк Твен (1835–1910). «Знание», 1960.

А. Ромм, Марк Твен и его книги о детях. Гос. изд-во детской литературы, 1958.

А. Старцев, Марк Твен и Америка. В книге «Марк Твен, Избранные произведения». Гослитиздат, 1937.

А. Старцев, Марк Твен и Америка. Изд-во «Советский писатель», 1963.

Ф. Фонер, Марк Твен — социальный критик. Перевод с английского. Изд-во иностранной литературы, 1961.

K. R. Andrews, Nook Farm: Mark Twain's Hartford Circle, 1950.

L. Beebe, Comstock Commotion: The Story of the Territorial Enterprise, 1954.

G. C. Bellamy, Mark Twain As a Literary Artist, 1950.

I. Benson, Mark Twain's Western Years, 1938.

W. Blair, Native American Humor, 1937.

W. Blair, Horse Sense in American Humor, 1942.

W. Blair, Mark Twain and Huck Finn, 1960.

E. M. Branch, The Literary Apprenticeship of Mark Twain, 1950.

V. W. Brooks, The Ordeal of Mark Twain, 1920–1933.

L. J. Budd, Mark Twain: Social Philosopher, 1962.

C. Clemens, My Father: Mark Twain, 1931.

B. De Voto, Mark Twain's America, 1932.

B. De Voto, Mark Twain at Work, 1942.

De L. Ferguson, Mark Twain: Man and Legend, 1943.

W. F. Frear, Mark Twain and Hawaii, 1947.

W. D. Howells, My Mark Twain: Reminiscences and Criticisms, 1910.

M. Johnson, A Bibliography of the Works of Mark Twain, 1935.

E. H. Long, Mark Twain Handbook, 1957.

E. M. Mack, Mark Twain in Nevada, 1947.
E. L. Masters, Mark Twain: A Portrait, 1938.
A. B. Paine, Mark Twain: A Biography, 1912.
C. Rourke, American Humour: A Study of the National Character, 1931.
H. N. Smith, Mark Twain of the “Enterprise”, 1957.
H. N. Smith, Mark Twain. The Development of a Writer, 1962.
E. Wagenknecht, Mark Twain: The Man and His Work. New and Rev.
Edition, 1961.
S. C. Webster, Mark Twain, Business Man, 1946.
D. Wecter, Sam Clemens of Hannibal, 1952.

notes

Примечания

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 48.

2

Ярд — $\frac{9}{10}$ метра.

3

Акр — $\frac{2}{5}$ гектара.

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 192.

Там же.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 487.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 140.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 263.

Там же.

Там же, стр. 264.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 350.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 397.

Цитируется по книге В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 376).

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 343.

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 383.

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 49.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 418.

Джозеф Чемберлен — один из крупнейших представителей английского империализма.

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 164.

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 409.

В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 23.